

Архивы раскрывают тайны...

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ВОПРОСЫ:
СОБЫТИЯ
И ЛЮДИ

Лицо
и маски
Карла
Радека

О тех, кто
сражался
против
смерти

Визит
Н. С. Хрущева
в Пекин

Как это
начиналось
в Афганистане

Архивы раскрывают тайны...

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ВОПРОСЫ:
СОБЫТИЯ
И ЛЮДИ

Москва
Издательство
политической
литературы
1991

ББК 63.3(2)7-6

A87

A87 **Архивы раскрывают тайны...: Междунар. вопросы: со-
бытия и люди / Сост. Н. В. Попов.— М.: Политиздат,
1991.— 383 с.: ил.**

ISBN 5—250—01215—9

В 1989 г. Политиздат выпустил сборник «Открывая новые страницы...», в котором получили освещение неизвестные и малоизвестные события истории внешней политики СССР. В новом сборнике, составленном из наиболее интересных публикаций советской печати, продолжается раскрытие «белых пятен» истории.

Часть статей подготовлена специально для этого издания.
Книга рассчитана на широкий круг читателей.

А 050 0010000 -120
0 20 91 102—91

ББК 63.3(2)7-6 + 66.61(0)6

ISBN 5 250 01215 9

© Составление Н. В. Попов, 1991

© Политиздат, 1991

Викентий Матвеев

От противостояния к взаимодействию

В первый день 1990 года советское телевидение показало американский мультипликационный фильм «Бутербродная война». Два мифических общества вступают в схватку не на жизнь, а на смерть из-за того, как класть масло на хлеб — сверху или снизу? Распри продолжаются до тех пор, пока каждая сторона не изготавливает бомбу страшной силы, пустить которую в ход невозможно без собственного уничтожения...

Авторы фильма довели до абсурда не вымышленное, а реальное столкновение различающихся между собой мировоззрений, идеологий, от чего человечество испытало массу страданий, бедствий.

Кульминацией безрассудства на государственном уровне были две мировые войны, развязанные в Европе и обошедшие человечеству столь тяжелой ценой. Но XX век не является в этом отношении исключительным. Вооруженные конфликты общеевропейского масштаба бушевали и раньше — один в XVII веке, другой — в XIX. Первый такой конфликт — Тридцатилетняя война 1618—1648 годов, второй — наполеоновские войны. Несмотря на большую отдаленность от нас Тридцатилетней войны, она весьма поучительна для всей последующей истории.

В драме Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети», описывающей эту войну, героиня-маркитантка изрекает:

Война удачей переменной
Сто лет продержится вполне,
Хоть человек обыкновенный
Не видит радости в войне...

Весь континент оказался вовлеченным тогда в ожесточенные схватки на религиозной почве. Католицизм в лице габсбургской монархии и ее союзников бился с коалицией держав, опиравшихся

Викентий Александрович Матвеев — политический обозреватель газеты «Известия».

ся на протестантских князей в Германии, на антигабсбургские движения в Чехии, Трансильвании, Италии.

Все началось весной 1618 года с восстания против гнета Габсбургов в Чехии. 23 мая того года разгневанная толпа выбросила из окон Пражского града папских наместников Я. Мартина и В. Славету. Это явилось сигналом к битвам, охватившим континент от Франции до России.

Воспламенившись на горячем материале религиозной розни, в которой католицизм выступал как притеснитель национальных прав народов, конфликт быстро распространился на другие области.

Давняя история, но у нее есть общее со многим, что лихорадило, потрясало мир в дальнейшем и что привело человечество к грани самоуничтожения в условиях, когда появившееся в арсеналах государств самое разрушительное оружие рассматривалось некоторыми его приверженцами в качестве абсолютного средства противоборства капитализма и социализма.

Не различие, а хуже — взаимоотрицание

Мировые войны возникли в чреве капиталистической системы с ее оплотами в Европе. Британский деятель Эдуард Грэй отзывался о конфликте 1914—1918 годов как о «случайности». С ним солидаризировалось немало других западных аналитиков.

Действительно, казалось по меньшей мере непонятным, как государства, идеологически близкие друг другу, даже связанные общими династическими узами, не отгораживавшиеся какими-либо политическими барьерами, могли вступить в такое свирепое единоборство. Тайны не было. Соперничество на почве ожесточенной борьбы за рынки, источники сырья — прежде всего в колониях — явилось главной причиной нараставших противоречий, разрешить которые могло только оружие.

В 1939 году вспыхнул еще более кровопролитный конфликт. О нем уже никто не мог говорить как о «случайности». Устой системы, созданной державами-победительницами в Версале, стали расшатываться в обстановке, когда к отнюдь не утихомирным межгосударственным противоречиям прибавился еще новый фактор — идеологическая борьба. От мирного урегулирования не только была отеснена Советская Россия, а и само оно во многом диктовалось помыслами противостояния обществу, отличающемуся от западного прежде всего по характеру экономической базы. В одном случае — господство частного предпринимательства, в другом — обобществление средств производства, государственная собственность.

Военные силы недавнего врага Антанты — Германии с поощрения Лондона и Парижа участвовали в подавлении революций в странах Прибалтики. В Восточной Европе был создан «санитарный кордон» — цепь государств от Балтики до Черного моря, призванных служить «заслоном от большевистской заразы», военными форпостами Запада на границах с Советским Союзом. На «Майн кампф» с ее крикливыми угрозами по адресу СССР и Франции можно было не обращать серьезного внимания, пока автор еще не дорвался до рычагов власти. Но как реагировали западные демократии на 30 января 1933 года — день, когда Гитлер был назначен рейхсканцлером? Весьма своеобразно. 3 июля того же года они вместе с фашистской Италией подписали с нацистской Германией так называемый «пакт четырех» о сотрудничестве. Он не был ратифицирован из-за возникших между его участниками разногласий. Они не касались главного, что составляло суть соглашения. Именно с гитлеровской Германией влиятельные круги политиков на Западе стали связывать расчеты на — как минимум — подрыв позиций Советского Союза.

Снова активно заработал синдром воинственного неприятия другой общественной системы, давший знать о себе сразу после победы революции 1917 года в своей крайней форме — вооруженной интервенции против Советской России.

Ход, логика такого развития событий освещаются, разбираются досконально в нашей литературе. В тени, однако, остаётся такая существенная сторона картины.

Обратимся для начала к такой авторитетной на Западе публикации, как Британская энциклопедия. В чем она усматривает корни ненормального состояния отношений между западными державами и Советской Россией? «Союзники, — указывается в энциклопедии, — допустили просчет в оценке большевистской угрозы, вытекавшей из слияния коммунистической идеологии и государственной власти» (том VIII, с. 871).

Суждение, характерное для взгляда многих политологов на Западе, если иметь в виду определение ими характера того вызова, какой бросила социалистическая революция в России Западу. Речь идет об установке творцов революции на всемерное форсирование таких же процессов в мировом масштабе, о лозунге мировой революции.

Возьмем другую публикацию на Западе — обстоятельный труд Л. Фишера «Жизнь Ленина», изданный в США в 1964 году. Автор замечает, что многое в поведении большевистских лидеров не способствовало уменьшению тревоги правительств на Западе относительно «коммунистической угрозы». Л. Фишер ссылается на обмен письмами в апреле 1918 года между

американцем — представителем Красного Креста Р. Робинсоном и В. И. Лениным. Тот в своем ответе на письмо Робинсона выражал уверенность, что «новая демократия, то есть пролетарская демократия, установится во всех странах и сокрушит все препятствия и империалистско-капиталистическую систему в Новом и Старом свете» (цитируется по тексту письма В. И. Ленина в Ленинском сборнике, том XXXVI, с. 41).

В сборнике нет текста письма Робинсона. Его приводит в своей книге Л. Фишер. Американец выражал надежду на то, что новая власть в России «разовьется в постоянную Демократическую власть».

Пожелание такого элементарного свойства вызвало, как видно, резкий отпор. Л. Фишер ссылается и на ряд других аналогичных высказываний В. И. Ленина, на решения VIII съезда РКП(б) в 1919 году. В принятой им резолюции по военному вопросу говорилось, что создаваемая регулярная армия должна быть не только «орудием обороны социалистического общества», то есть нового строя, но и оказывать решающую поддержку пролетариату других стран в его «борьбе с империализмом».

В 1920 году имела место попытка подкрепить данную установку на практике (об этом будет подробнее сказано дальше), в остальном же она повисла в воздухе, поскольку все силы Советской республики приходилось отдавать борьбе на фронтах гражданской войны и с иностранной интервенцией. Дело ограничивалось посылкой, обычно конспиративной, представителей РКП(б) на Запад с вполне определенной миссией — «оказывать помощь революциям». Громкую огласку получила поездка Карла Радека в Германию, где он был задержан властями и брошен в тюрьму.

Британский ученый Дж. П. Неттл в книге «Достижение Советов» писал: «Западный взгляд на Большеви́зм как на международный заговор имел по меньшей мере одно обоснование, заключавшееся в конспиративном, по необходимости, характере деятельности коммунистических агентов. Легальные массовые коммунистические движения находились на ранней стадии, и чрезвычайные обстоятельства поездок коммунистов из Москвы и в Москву придавали им характер операций плаща и кинжала, значимость чего весьма преувеличивалась».

К 1921 году девиз мировой революции уже не фигурировал в качестве ключевого в политике РКП(б). Революции в Венгрии, Германии, Эстонии, Латвии, Литве, Финляндии были подавлены. Рабочий класс крупных стран Запада хотя и продемонстрировал свою оппозицию интервенции, тем не менее не перешел к ожидавшимся решительным выступлениям на классовых фронтах.

В двух выступлениях в ноябре 1920 года В. И. Ленин указывал, что свою революцию большевики начали исключительно в расчете на мировую революцию, а вышло, что «ни победы, ни поражения ни та, ни другая сторона, ни Советская Российская республика, ни весь остальной капиталистический мир для себя не получили...». Тем не менее, как отметил В. И. Ленин, «мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоено» (ПСС. Т. 42. С. 1, 20—22).

Советские представители участвовали в первой для них международной конференции в Генуе в 1922 году. Тогда же был подписан первый для Советской России договор с крупной страной Запада — Рапалльский с Германией. Оживлялись внешне-торговые операции, началась полоса «признаний СССР».

Существенно было и то, что образ мировой буржуазии уже не рисовался сплошь черной краской. В инструкциях советской делегации, направлявшейся в Геную, В. И. Ленин обращал внимание на существование в рядах буржуазии пацифистского крыла, с которым надлежало контактировать и даже сотрудничать.

Все это являлось новым словом для образа мышления людей, делавших революцию. Как вспоминал Н. И. Бухарин, на первых порах спор шел даже о том, может ли революционное правительство вступать в какие-либо переговоры с капиталистическими державами. Такая перспектива «возмутила нашу интернациональную совесть до глубины», признавал Бухарин.

И то же самое можно было сказать о чувствах ряда политиков на Западе, повертывавшихся под давлением обстоятельств в сторону умеренного, реалистического отношения к советскому строю. Им тоже было нелегко это делать. Играли роль не только идеологические соображения, а и затронутые материальные интересы групп буржуазии на Западе, когда были аннулированы внешние долги царского режима. В лагере буржуазии наметился раздел на сторонников и противников налаживания связей, контактов с Советским Союзом. Умной, взвешенной политикой наша страна могла бы влиять на усиление позиций первого крыла, вести дело не только к мирному существованию двух систем, а и к их определенному сотрудничеству. Конкретные основания для этого имелись, прежде всего в деловой сфере.

Смерть В. И. Ленина и начавшееся возвышение Сталина с его авторитарными устремлениями стало оказывать все более негативное влияние на климат отношений Запада и Востока. Сталин формально не отвергал линию мирного сосуществования социализма и капитализма, но на практике сводил ее к самому минимальному — отсутствию между СССР и капитализмом военной конфликтности. Во всем остальном сталинский курс играл на

руку кругам буржуазии, видевшим в СССР «незаконнорожденный режим».

Острым источником трений, стычек, особенно для правящих кругов Англии, в отношениях с Москвой была антиколониальная пропаганда Коминтерна. Нервозно реагировала британская буржуазия на то, что считалось вмешательством Кремля во внутренние дела Англии. Ответом на создание весной 1925 года Англо-русского профсоюзного комитета было решение лондонской Торговой палаты об аннулировании торгового соглашения с Советским Союзом. Материальная помощь советских профсоюзов участникам всеобщей забастовки в Англии в 1926 году не предотвратила ее поражение, однако восстановила еще больше официальный Лондон против «московских заговорщиков». В 1927 году дело дошло до разрыва дипломатических отношений Англии с СССР — все по тем же мотивам. Для этого была использована версия о «письме Зиновьева», будто бы инспирировавшего британских коммунистов о действиях для свержения существующего в стране строя. «Письмо», как было впоследствии доказано, являлось фальшивкой.

В последние годы жизни В. И. Ленина Коминтерн взял курс на участие коммунистов в буржуазных парламентах, на сотрудничество коммунистов с социал-демократией, то есть на единение демократических сил. Это имело мало общего с курсом на подталкивание революций извне.

К концу 20-х годов Сталин повел против этой ленинской линии, нашедшей своего умного защитника в лице Н. И. Бухарина, атаку. Ареной острой борьбы стал VI Всемирный конгресс Коминтерна, открывшийся в июле 1928 года и работавший шесть недель. Разрыв англо-советских отношений, подготовка во Франции к аналогичному шагу и другие события заметно усилили военную угрозу. Тактика Сталина, как писал в книге «Бухарин» американский ученый Стивен Коэн, состояла в том, чтобы использовать военную угрозу для создания «погромной атмосферы» и для запуска на полный ход «сухой гильотины» внутри страны, а также в коммунистическом движении. К тому времени от бывшего дуумвирата Сталина и Бухарина уже ничего не оставалось. Сведя счеты при помощи Бухарина с «левой оппозицией» и Троцким, Сталин принялся и за Бухарина как одного из самых популярных деятелей в стране. К тому же то, за что выступал Бухарин и что пользовалось немалой поддержкой внутри СССР, а также в Коминтерне, шло вразрез с планами, расчетами Сталина, направленными на укрепление своей единоличной власти, расправу со всеми, в ком он видел себе помеху.

Борьба на VI конгрессе Коминтерна по вопросам международной политики развернулась вокруг противоречивых оценок

состояния «здоровья» капитализма, перспектив революций. Бухарин и его сторонники указывали на то, что в основе стабилизации капитализма лежит не конъюнктура, а глубокие внутренние изменения в его структуре, включая возникновение более сложных, комбинированных форм собственности. Это хотя и не устраняло полностью анархической природы капитализма, но придавало ему элементы устойчивости. Бухарин отмечал, что капитализм «вновь раскрывает поразительные чудеса технического прогресса». Важным аспектом этих взглядов была установка на сохранение политики единого фронта коммунистов с социал-демократией, с профсоюзами. В дипломатической сфере Бухарин указывал на значение стабильных отношений СССР с Англией.

Сталин и те, на кого он опирался, заняли позицию, исходившую из неизбежности усиления противостояния СССР и капиталистического мира. Еще в 1924 году Сталин бросил фразу о том, что «социал-демократия есть объективно-умеренное крыло фашизма... Это не антиподы, а близнецы» (Соч. Т. 6. С. 202).

Соответственно Коминтерну предлагалось отказаться от сотрудничества с социал-демократией как главным врагом рабочего движения, перейти к очищению рядов компартий от инакомыслящих.

Развертывалось фронтальное сталинское наступление под знаком борьбы с «врагом внутренним и внешним». Начались судебные процессы над иностранными специалистами в СССР, обвинявшимися во вредительстве. Шумный резонанс в Англии вызвал весной 1933 года процесс над группой работавших у нас британских специалистов. Обвинение их во «вредительстве» поддерживал Вышинский. Приговоры были не очень суровые, но все же приговоры. Лондон ответил торговым эмбарго, после чего осужденные были освобождены и возвращены домой. Результатом стало никому не нужное осложнение отношений с Англией.

А в Германии тем временем расправил крылья нацизм. К середине 30-х годов с согласия Сталина был возрожден лозунг единого фронта, СССР вступил в Лигу Наций, были подписаны договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией. Значение этих шагов сводилось на нет нагнетанием Сталиным и его репрессивным аппаратом погромной атмосферы в стране. Навязывавшийся народу образ «внутреннего врага» должен был сливаться с образом «врага внешнего». Под ним понималось общее капиталистическое окружение — без особой дифференциации западных демократий и фашистских держав. От многих жертв сталинского террора требовалось, чтобы они признали свои связи с большими и малыми капиталистическими странами.

Уинстон Черчилль весной 1938 года выпытывал у советского полпреда в Лондоне И. М. Майского, не окажут ли московские

процессы своего отрицательного эффекта на шансы отпора фашистской агрессии. Это был законный вопрос.

В обстановке, когда Советский Союз являл собой картину страны, поглощенной, как это представлялось многим на Западе, кровавым сведением счетов, Черчиллю и другим буржуазным политикам, не находившимся у руля власти и выступавшим против соглашательского курса деятелей типа Чемберлена, было нелегко убеждать своих коллег в рядах господствующего класса, что единственно разумным курсом является тесное сотрудничество с Москвой. Только когда речь зашла уже о физическом выживании и нашей страны, и еще не подпавших под фашистское господство Англии и США, стало возможным поставить на первое место реальные, объективные факторы, образовать антигитлеровскую коалицию. Различие общественных систем, идеологий было без колебаний, споров отодвинуто на задний план, и это явилось одним из решающих факторов действенности коалиции, успешного завершения борьбы против фашистских хищников.

Истоки новой конфронтации

Казалось, что разгром агрессоров, торжество дела свободы открывают перед Европой, перед всем миром новые горизонты, что положение не вернется к старым временам. На Тегеранской конференции в ноябре 1943 года Сталин в беседе с Рузвельтом не заикался о какой-то меже между двумя системами, а говорил, что Россия после войны будет представлять большой рынок для США и что, если американцы будут поставлять нам оборудование, СССР сможет поставлять США сырье.

На деле мир после 1945 года оказался не менее, а даже более расколотым, чем прежде.

Война в Европе вспыхнула в сентябре 1939 года с нападения гитлеровской Германии на Польшу. В завершающие месяцы и недели второй мировой войны именно из-за «польской проблемы» в значительной мере начали ухудшаться отношения между СССР, с одной стороны, и США, Англией — с другой. Какое правительство должно было занять место в Варшаве после изгнания из Польши фашистских захватчиков? Вокруг этого разгорались споры, трения. В Лондоне сидело эмигрантское правительство, представлявшее в значительной степени довоенный режим. В нем были люди не обязательно реакционные, но для Сталина и его окружения оно олицетворяло такое прошлое, какого в Москве не желали восстанавливать.

У «польской проблемы» были свои исторические корни. Ни

в Москве, ни в столицах Запада не забывали о событиях лета 1920 года¹.

В 1945 году — в отличие от 1920-го — у советских руководителей уже имелись силы, опираясь на которые можно было добиваться желанных политических, социальных перемен в странах, куда вступили в качестве освободителей советские войска. Благородный характер этой миссии Советской Армии бесспорен. Именно как избавителей от фашистского ига встречали ее миллионы чехов, югославов, болгар, поляков, венгров, румын.

Иной вопрос — как следовало вести дело в условиях завершения такой освободительной миссии. Декларация об освобожденной Европе, принятая на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, предусматривала соблюдение демократических норм, принципов в странах, вызволенных из-под фашистского гнета. Но еще до ее одобрения Сталиным, Рузвельтом, Черчиллем налицо были усиливавшиеся разногласия между СССР и его партнерами по антигитлеровской коалиции из-за состава, характера администрации, которой предстояло взять на себя бразды правления в освобожденной Польше.

В Вашингтоне, Лондоне вряд ли запомнили, как летом 1920 года с вступлением в Белосток частей Красной Армии там обосновались члены новой польской администрации, коим предстояло переместиться с теми же частями в Варшаву и образовать ядро правительства «освобожденной Польши».

В условиях 1945 года, которые существенно отличались от того, что было в 1920 году, правительства США и Англии усматривали в позиции Советского правительства по «польской проблеме» знакомые черты.

Кончина Ф. Рузвельта в апреле 1945 года, приход в Белый дом Г. Трумэна с его советниками, считавшими готовившееся к испытанию в США атомное оружие неотразимым рычагом для американской дипломатии, предопределили первое, но далеко не последнее столкновение нового президента США со Сталиным — по вопросу о Польше.

Окраска будущего правительства в Польше, как и в целом характер государственных режимов в странах Восточной и Центральной Европы, — этот вопрос для Трумэна и его советников тесно переплелся с оценками возможной мощи атомного оружия как инструмента дипломатии.

«К концу апреля 1945 года ухудшение отношений между СССР и США достигло кризисной точки», — писал американский историк Мартин Шервин в книге «Разрушенный мир», посвящен-

¹ См. статью В. Г. Сироткина «От «военного коммунизма» к изпу. Международная обстановка» в настоящем сборнике.

ной анализу влияния атомного оружия на формирование послевоенного курса внешней политики США.

Что произошло в то время? Резкое столкновение между Молотовым и Трумэн. Советский нарком прибыл в США для участия в Сан-Францисской конференции. В Вашингтоне он встретился с Трумэном, настроенным на решительное объяснение по поводу Польши. Впоследствии Молотов заявил, что с ним еще никто не разговаривал таким тоном, как Трумэн. Телеграмма Трумэна Сталину от 23 апреля, представлявшая повторение того, что было сказано им во время беседы Молотову, дает представление о тактике хозяина Белого дома. В ней указывалось, что отказ СССР пойти навстречу США и Великобритании по польской проблеме «серьезно подорвет веру в единство трех Правительств и в их решимость продолжать сотрудничество в будущем, как они это делали в прошлом».

Ответ Сталина был быстрый и решительный. «Вы, — говорилось в телеграмме Трумэну от 24 апреля, — видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу Правительство, и что Советское Правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему Правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита на полях Польши во имя освобождения Польши».

Нельзя сказать, что президент Трумэн к тому времени уже бесповоротно бросил жребий в пользу жесткого курса. Бывший посол США в СССР Дж. Дэвис в своих мемуарах свидетельствовал, что во время встреч с президентом весной 1945 года Трумэн положительно реагировал на призывы Дэвиса считаться с законными интересами СССР, содействовать СССР в восстановлении разрушенного войной хозяйства. В беседе с президентом 30 апреля Дэвис заявил, что следующие несколько месяцев будут решающими в определении направления внешней политики СССР. По его словам, именно от американской дипломатии будет зависеть, удастся или нет СССР побудить относиться с доверием к США.

Трумэн как будто бы не возражал против такой постановки вопроса. Повернуть сразу руль политики на 180 градусов было невозможно. В Вашингтоне не могли не знать, как чувствительно относится советское руководство к проблеме безопасности своей страны.

На Тегеранской и Ялтинской конференциях Сталин не скрывал решимости оградить интересы безопасности СССР на его западных границах. Руководящие деятели США и Великобритании принимали такие заявления к сведению. Государственный

секретарь США К. Хэлл говорил: «Я в полной мере сочувствую стремлению Сталина защитить свои границы от будущего нападения. Но я считаю, что безопасность России может быть наилучшим образом обеспечена через сильную послевоенную организацию для поддержания мира».

Действительно, в высших эшелонах власти в Вашингтоне в конце войны исходили из признания законности интересов СССР в том, чтобы страны Восточной Европы не служили плацдармом недружественной к СССР политики, но обладали реальной свободой от внешнего контроля. По свидетельству видного историка Артура Шлезингера, «до Ялты государственный департамент придерживался мнения, что общие настроения в Европе имели левую направленность и определенно складывались в пользу создания левых режимов... Правительства стран Восточной Европы могли быть достаточно левыми, чтобы развеять советские подозрения, но в то же время в достаточной мере представлять центристские и мелкобуржуазные элементы».

Антигитлеровская коалиция выдержала успешно многие испытания, стрессы, в том числе и такие, как невыполнение правительствами США и Великобритании их обещаний о своевременном открытии «второго фронта». Его сроки несколько раз переносились. У советских людей не могли не возникнуть подозрения, что союзники не видят ничего плохого в том, чтобы советско-германский фронт перемалывал основные силы агрессора.

Сталин внешне спокойно реагировал на сделанное ему как бы вскользь сообщение Трумэна на Потсдамской конференции о взрыве в пустыне Нью-Мексико атомной бомбы, но то, что СССР был поставлен в известность о новом оружии постфактум, пролило советскому руководству далеко не благоприятный свет на весь период совместного сотрудничества, представило правительства США и Великобритании не очень лояльными союзниками, партнерами. Уже из этого факта даже отнюдь не склонный к чрезмерной подозрительности государственный деятель сделал бы для себя неутешительные выводы на будущее. Сталин, как известно, таким деятелем не был.

Не случайно, чем дальше продвигался «Манхэттенский проект», тем большее внимание Рузвельт и Черчилль уделяли различным аспектам его влияния на отношения с Советским Союзом. Не раз обсуждалось, надо или нет информировать СССР о проекте. Черчилль был категорически против. Рузвельт колебался и в конце концов согласился с ним.

В окружении Трумэна брали верх деятели, настроенные решительно. Сдавал позиции и такой влиятельный член кабинета, как

Стимсон. В своем дневнике он сделал 14 мая такую запись: «Они [в СССР] не смогут обойтись без нашей помощи и индустрии, а у нас к тому же имеется в резерве и уникальное оружие».

Накануне взрыва бомбы в Хиросиме Трумэн и Стимсон сходились во мнениях о ней как «орудии решения польской, румынской, югославской и маньчжурской проблем». Считалось, что СССР пойдет на желанные для США уступки в Восточной Европе в обмен на то, чтобы получить от Вашингтона гарантии «нейтрализации атомного оружия». Что сие могло означать, вряд ли знали сами авторы таких схем. Да и не это было для них главным. Политическая переоценка атомной бомбы все более обуревала официальную верхушку США. Трумэн недаром стремился приурочить Потсдамскую конференцию к моменту испытания атомной бомбы.

Присутствовавшие на ней лица в среде делегации США, по свидетельствам очевидцев, продемонстрировали на следующий день после взрыва бомбы разительную перемену в поведении. Их тон стал резким, лица — суровыми.

О реакции Сталина на то, что ему сообщил Трумэн о взрыве бомбы, уже говорилось. Вполне возможно, невозмутимость советского руководителя объяснялась и тем, что для него данного секрета не существовало. Дискуссии Рузвельта и Черчилля насчет информирования Советского Союза об атомных работах в США шли, когда советская разведка о них уже знала.

Все, что происходило в этой связи, подтверждало худшие опасения советского руководства. Это, разумеется, относилось и к атомной бомбежке Хиросимы и Нагасаки. Трудно было не сделать вывода о том, что одним концом такие действия были направлены против Японии, а другим — против СССР.

То, что предъявлялось СССР, выходило за рамки забот о соблюдении ялтинской Декларации об освобожденной Европе, поскольку связывалось с монополией на атомную бомбу.

«Именно в Польше начиналась холодная война...» Эта оценка президента Буша во время его пребывания в Польше уже в июле 1989 года имеет под собой основание.

Менее всего был склонен идти на какие-либо уступки Западу Сталин по вопросу о составе польского правительства. Что касается остальной Восточной Европы, то здесь политика сталинского руководства первоначально допускала немалую свободу маневра. И даже больше: в Москве, например, с неудовольствием относились к чересчур вызывающей, по мнению Сталина, позиции маршала Тито в Югославии по отношению к Западу.

В вышедшей в 1965 году в Лондоне работе Г. Ионеску о Восточной Европе автор писал: «В 1945 году интересы Сталина

в Восточной Европе все еще были в основном стратегическими и экономическими. Идеологические соображения играли тогда незначительную роль, и конфликты Сталина с Тито в то время вызывались тем, что Сталина раздражало «левацкое» решение Тито сформировать правительство, состоящее из одних коммунистов, и немедленно провозгласить Югославию коммунистическим государством».

Между тем переустройство социальных порядков в странах Восточной Европы на основе выдвинутой Тито формулы «народных демократий» допускало существование коалиционных правительств, где коммунисты не обязательно бы главенствовали. Регион открывал далеко не единообразную картину. В Венгрии, например, на выборах после окончания войны коммунисты не добились для себя большинства. В Чехословакии, наоборот, они набрали больше всего голосов. Президент Эдуард Бенеш 6 мая 1947 года заявил, что Чехословакия является и подлинно демократическим, и социалистическим государством, не следующим ни русской системе, ни либеральной американской. В начале того же года Владислав Гомулка на страницах польского теоретического журнала «Нови дроги» писал: «Наша демократия не похожа на советскую демократию, так же как строй нашего общества отличается от советского строя». В конце 1945 года в советской зоне в Германии была опубликована статья видного коммуниста Антона Аккермана. Рассматривая перспективы развития социализма на германской земле, он высказывался в пользу собственного пути, указывал на различие условий в Германии и России. «Это различие, — отмечалось в статье, — может привести к тому, что наши [то есть немецкие] усилия будут гораздо меньшими по сравнению с жертвами, которые пришлось принести русскому народу для построения социализма, и нарастание социалистического благосостояния может при этих обстоятельствах проходить скорее».

Однако для правительств западных держав новые порядки в странах Восточной Европы в любом их виде, в любых вариантах — пусть и не скопированные с советских — были неприемлемыми. В Вашингтоне, где формировался в такой степени курс Запада в отношении СССР, не собирались заниматься изысканиями относительно специфики социалистических путей разных стран — там в любом подобном пути видели свидетельство «экспансионистских замыслов СССР». Под таким углом зрения творцы политики в США рассматривали затянувшееся пребывание советских войск в Северном Иране, поддержку Москвой коммунистов в Греции во время гражданской войны там, требования СССР о выделении ему зоны оккупации в Японии и многое другое, что вызывало за океаном опасения влиятельных кругов.

Все же именно события в Восточной Европе считались в столицах Запада наиболее тревожными. Немало историков там считают взятый Сталиным курс в Восточной Европе ошибочным, стоившим Советскому Союзу больше издержек, потерь, чем выигрыша. Американский дипломат Чарльз Йост писал в книге «Верное и неверное поведение во внешней области»: «Воодушевляющий отпор СССР нацистскому вторжению по праву назван Великой Отечественной войной. Преследование немцев до Берлина и дальше, объясняемое стремлением добиться безоговорочной капитуляции, дало возможность Сталину создать широкий оборонительный барьер против будущих атак и одновременно навязать коммунистические режимы в Восточной Европе. Поддавшись такому искушению, Сталин вызвал к СССР широкую враждебность тех, кто мог бы оставаться настроенным если не активно, то пассивно дружественным к СССР».

«Надежды Америки на послевоенный мир и сотрудничество трех великих держав рухнули, когда СССР утвердился в Восточной и Центральной Европе», — отмечал Джон Спенсер в книге «Американская внешняя политика после войны».

Такое мнение, игнорирующее силу позиций компартий не только в Восточной, но и в Западной Европе после окончания войны, не является даже в среде не сочувствующих СССР, коммунизму авторов на Западе преобладающим.

Так, например, А. Шлезингер в статье «Происхождение холодной войны», опубликованной в 1967 году в журнале «Форин афферс», высказывался на сей счет менее категорично. По его мнению, «холодная война была не продуктом того или иного решения, а следствием дилеммы. Каждая из сторон считала себя вынужденной принять политический курс, который другая могла истолковать лишь как угрозу принципам мира. И каждая из них поэтому считала нужным принять оборонительные меры. Так, русские не видели иного выбора, кроме укрепления своей безопасности в Восточной Европе. Американцы же, считая Восточную Европу первым шагом на пути к Европе Западной, в ответ приступили к утверждению своих интересов в зоне, которую русские считали совершенно необходимой для обеспечения своей безопасности. Русские пришли к выводу, что Запад вернулся к старому курсу капиталистического окружения...»

Британский ученый Бертран Рассел на страницах журнала «Нью-стейтсмен» (15 марта 1968 года) писал, что «доктрина Трумэна» 1947 года и создание НАТО в 1949 году «ускорили сталинизацию Восточной Европы. Удаление коммунистов из состава правительств Франции и Италии предшествовало появлению однопартийных систем в Восточной Европе».

Весна — лето 1947 года были переломным периодом. Обе стороны перешли окончательно на позиции жесточайшего противостояния. Мартовская «доктрина Трумэна» с ее упором на военные средства противодействия советской политике вызвала осенью того же года выдвижение Ждановым в докладе на Информационном совещании компартий в Польше тезиса о существовании в Европе, в мире двух противоположных лагерей. Социализм и капитализм приравнивались к военным формированиям.

Советская дипломатия оказалась в прокрустовом ложе такой установки, обрекавшей дело послевоенного урегулирования на глухие тупики. Это не расстраивало деятелей на Западе, мысливших категориями глобальной конфликтности социализма и капитализма. Американский дипломат Беделл Смит расценивал, например, «как очень полезную неудачу» провал сессии Совета министров иностранных дел СССР, Англии, Франции и США весной 1947 года. Это, как он отмечал, позволило «согласовать политику западных держав, что иначе было бы невозможно».

Кто сильнее раскачает подку?

В 1946—1947 годах в Вашингтоне продемонстрировали готовность применить силу в ответ на то, что там посчитали «угрожающими шагами СССР» в Иране, где в районах на севере страны затягивалось пребывание советских войск, а также в Турции, к которой были предъявлены требования об изменении границы в пользу СССР. В Москве были предприняты меры для того, чтобы разрядить обстановку. Без кризисной ситуации обошлось, когда советские войска были выведены в апреле 1946 года — вскоре после ухода советских войск из Ирана — с датского острова Борнхольм. Высадка там этих войск перед капитуляцией нацистской Германии представлялась Черчиллю операцией, лишившей его сна.

Той же весной последние советские войска покинули районы северо-восточного Китая, куда были введены в связи с военными действиями против Японии. Наши силы были выведены из Югославии, Чехословакии, Норвегии, Северной Кореи.

Весной 1946 года А. Гарриман был отозван в Вашингтон и послом США в Москве стал генерал Уолтер Беделл Смит. Гарриман, не симпатизируя коммунизму, тем не менее обладал рядом ценных качеств, среди которых было умение поддерживать контакт с советскими руководителями. Беделл Смит подобными качествами не располагал, а то, что при встречах со Сталиным он слышал от него, не могло настроить его на позитивный лад.

В своих мемуарах Б. Смит поделился впечатлениями от первой беседы со Сталиным накануне вывода советских войск из Ирана. В ответ на замечание посла, отрицавшего, что Иран может представлять какую-либо опасность для Советского Союза, Сталин заявил: «Вы не понимаете нашего положения в отношении нефти и Ирана; нефтеносные районы Баку... расположены близко от иранской границы и очень уязвимы. Берия и другие говорили мне, что саботажники и даже просто человек с коробкой спичек в руках могли бы причинить нам серьезные убытки».

Подозрительность, граничившая с паранойей!

Как же такой руководитель должен был реагировать на фултонскую речь Черчилля, прозвучавшую призывом к объединению сил Запада против СССР? В ходе той же беседы с Б. Смитом Сталин сказал ему: «Черчилль пытался разжечь войну против России и убедил Соединенные Штаты присоединиться к нему, чтобы предпринять вооруженную оккупацию части нашей территории в 1919 году». Немыслимо, возразил посол, чтобы его страна и Англия вступили в союз для удушения России, и прибавил: «Я не хочу защищать фултонскую речь, но я должен признать, что она отражает некоторые опасения, которые, видимо, испытывают и Соединенные Штаты, и Великобритания».

Контакты между советским руководством и представителями стран Запада начали с окончанием войны свертываться, а о более или менее развернутом диалоге на высшем уровне и думать не приходилось. Вот что писал на сей счет в упомянутой статье А. Шлезингер: «Связь и обмен информацией между Америкой и Россией были налажены крайне плохо, подававшиеся сигналы истолковывались неправильно, и со временем возникла тенденция приписывать другой стороне самые злобные намерения. Так, например, трудно отрицать, что американская послевоенная политика породила для русских подлинные трудности, а в некоторых аспектах даже представляла для них угрозу».

В такой обстановке было особенно важно не поддаваться на ответную неумеренную риторику, не раздувать пламя «психологической войны», а противопоставлять милитаристской пропаганде линию, диктуемую рассудком, готовностью к рассмотрению всех вопросов, вызывавших разногласия.

Можно ли было добиться подобного поворота в сложившейся ситуации? Или сторонники крайних мер на Западе были настолько сильны, что урезонить их было невозможно? Вопросы такого рода всегда страдают оттого, что являются по характеру гипотезами. Но действительным фактом было нежелание широкой публики на Западе, в том числе и в США, включаться в идеологический и тем более военный поход против СССР. Имелся и другой фактор, путавший карты сторонников крайнего курса.

Между правительствами стран Запада не было единогласия, какую политику проводить. Даже в Великобритании — ближайшем партнере США — внутри правящей лейбористской партии не сдавало позиций ядро деятелей, возглавлявшихся Гарольдом Вильсоном и Эньюрином Бивеном, отказывавшихся санкционировать проамериканский курс премьера Эттли. Его сдвигу в сторону США помогла начавшаяся уже летом 1945 года кампания советской печати против лейбористов.

Смена правительства в Великобритании в июле 1945 года и приход к власти лейбористской партии, чьи рядовые члены, да и многие влиятельные деятели с большой теплотой относились к нашей стране, не внесло корректив в курс, диктовавшийся Сталиным в отношении этой страны — ближайшего партнера США. Не проводилась на деле разница между правыми и левыми лейбористами. Меры, шаги лейбористского правительства, в том числе внутренние социальные реформы в интересах масс населения, резко критиковались в нашей печати и с официальных трибун. Такой узкодогматический курс, направленный под флагом «наступательной идеологии», вел к отчуждению от СССР значительных слоев британского народа. Мы теряли ценнейший моральный капитал во внешней области, столь нужный нам в условиях, когда администрация Трумэна стремилась восстановить общественное мнение на Западе против СССР.

Стрелка барометра на Западе склонялась в сторону отчуждения от Советского Союза, возобладала недоверия, страха, тревог. Объяснять это одной пропагандистской обработкой неправомерно. Часть ответственности за ухудшение обстановки несла линия сталинского руководства. Она подбрасывала поленья в топку инициаторов жесткого курса. В таких условиях вряд ли можно было думать о том, чтобы нейтрализовать наиболее крайние аспекты курса США и их партнеров, нормализовать обстановку.

Если бы в то время советское руководство выступило за значительное сокращение военного присутствия СССР и США в других странах, правящим кругам Вашингтона было бы трудно этому противиться. Незадолго до смерти Рузвельт говорил, что американские войска останутся в Европе после войны не более двух лет. Между тем начиная с 1948 года силы США в Европе начали даже расти. Чем дальше, тем в большей степени они рассматривались в столицах Западной Европы в качестве противовеса советским силам.

Центром противостояния стала немецкая территория, а точнее, зоны оккупации США, Великобритании, Франции, с одной стороны, и советская зона — с другой. Развитие дел в трех западных зонах и в советской шло по-разному.

Серьезный вызов решениям Потсдама советское руководство с озабоченностью увидело в решениях Лондонской конференции, заседавшей с февраля по июнь 1948 года. Три западные державы уполномочили западногерманскую Конституционную ассамблею приступить к разработке структуры центральной администрации, чья власть простиралась бы на три западные зоны. В июне в западных секторах Берлина была введена денежная единица дойч-марк, ранее сепаратно принятая в трех западных зонах оккупации.

Возникла кризисная ситуация. С февраля — марта 1948 года советское командование начало вводить в действие меры ограничения на доступ в западные секторы Берлина для США, Великобритании и Франции. Они представляли собой реакцию на сепаратные шаги западных держав. 5 марта того же года командующий войсками США в американской зоне генерал Л. Клей послал телеграмму в Вашингтон о возможности «неожиданного военного конфликта» из-за принятых советским командованием мер. ЦРУ в своих оценках доложило о такой возможности в течение предстоящих двух месяцев. Пентагону было поручено изучить вопрос о вероятности применения атомного оружия против СССР. Дальше такого задания дело не пошло. Но ситуация сложилась крайне накаленная, когда в двадцатых числах июня была установлена полная блокада Западного Берлина на сухопутных и речных коммуникациях, ведущих к нему.

Американский историк Дж. Спеньер писал, что Сталин действовал, исходя из двух предпосылок: во-первых, что превосходящие силы Красной Армии смогут помешать союзникам прорваться к Берлину по суше и, во-вторых, что США и Англии не удастся обеспечить потребности Западного Берлина с помощью воздушного моста. «Первая предпосылка оказалась правильной, вторая — ошибочной», — отмечал автор.

Сперва 25 самолетов участвовали в транспортировке угля, продовольствия, других материалов в Западный Берлин. Вскоре их число возросло до четырех сотен. Мост поддерживался до 20 часов в сутки. Самолеты приземлялись на аэродроме Темпельгоф каждые три-четыре минуты. Тем не менее зима 1948—1949 года была для жителей западных секторов города суровой. Общественный транспорт прекращал работу в шесть вечера. Были случаи смерти жителей из-за холодов. 78 человек погибло во время катастроф самолетов в воздухе и на земле, в том числе около тридцати американцев. Но удушения Западного Берлина не получилось. 12 мая 1949 года блокада была прекращена.

Английский журналист Джон Мендер в книге «Берлин — заложник Запада», изданной в 1962 году, писал: «Давление ком-

мунистов в Берлине не раскололо союзников, как надеялись русские, а, наоборот, привело к сглаживанию противоречий в подходе к решению немецкой проблемы между англичанами и американцами и особенно между англосаксами и французами».

Именно в период блокады Западного Берлина началось постоянное присутствие на Британских островах бомбардировочной авиации США. Лондон запросил Вашингтон о присылке авиации с атомными бомбами на борту в разгар кризиса.

Прекращение блокады последовало за подписанием в начале апреля 1949 года Североатлантического пакта. Было это случайным или нет — неважно: в Вашингтоне и Лондоне могли указывать на эффект блокирования. По сути, Сталину с Запада указывали на черту, которую он не должен был преступать.

Раскол Европы в результате появления НАТО предопределил присоединение к этому блоку Федеративной Республики Германия. Это означало фиксирование Европы в том социально-политическом облике, который сохранился в последующие десятилетия. Достигнуто это было, как видим, на путях конфронтации, доходившей до острейших кризисов. Именно на стыке 40-х и 50-х годов напряженность достигла особой степени.

Мир на грани

В 1948—1949 годах мир имел возможность убедиться в том, что Сталин считает «советскую модель» единственно приемлемой для вставших на путь социалистических преобразований стран Восточной Европы. Первоначально, сразу после войны, у стран народной демократии действительно была концепция особого (отличного от СССР) пути к социализму. Ее придерживались Гомулка в Польше, Георгиу-Деж в Румынии. Однако им и другим видным деятелям коммунистических, рабочих партий пришлось от таких взглядов отказаться в пользу следования за курсом Сталина. Когда он увидел, что Тито в Югославии не желает поступать подобным образом, возник острый конфликт. Югославия была «отлучена».

В этой обстановке США увидели золотой шанс для себя использовать нестабильность в Восточной Европе. В лице госсекретаря США Даллеса и других правящих деятелей-атлантистов сложилась группировка, выступавшая за «отбрасывание коммунизма», передвижку линии НАТО на Восток континента. Испытание в августе 1949 года атомной бомбы в СССР не охладило

умонастроения этих деятелей. Считалось, что США должны вести дело к «развязке», до того как СССР станет обладать более или менее внушительным арсеналом нового оружия. Различные варианты «превентивной войны» ложились на стол в кабинетах Белого дома. Общей их чертой были далеко идущие расчеты, связанные с использованием атомного оружия, чье производство в США не только не снижалось, а непрерывно росло, хотя у Советского Союза такого оружия еще не было и считалось, что оно не появится в течение еще ряда лет. Об этом открыто говорили представители американской администрации, и, даже когда они не сопровождали эти свои утверждения высказываниями угрожающего свойства по адресу СССР, такая постановка вопроса не могла восприниматься безразлично в Москве.

Думается, что советское руководство было в той или иной степени осведомлено и о разрабатывавшихся в Вашингтоне вариантах развязывания военных операций против СССР. Уже само число таких планов должно было так или иначе сделать их достоянием гласности в Кремле. Возможности для этого имелись.

Малоубедительно мнение, высказанное на страницах «Правды» 31 октября 1988 г. американским ученым проф. Дж. Л. Геддисом, что речь, мол, шла всего лишь о планах действий при различных вариантах обстановки, которые в обычном порядке разрабатываются в любой профессиональной военной организации. Ученый считает, что президент Трумэн в течение долгого времени после Потсдамской конференции оптимистически смотрел на перспективы заключения соглашений со Сталиным. Лишь в сентябре 1946 года, указывает проф. Геддис, надежды на сотрудничество окончательно рухнули и Трумэн распорядился засекретить доклад своего помощника по военно-морским делам Кларка Клиффорда с весьма критической оценкой того, как Советский Союз относится к своим обязательствам по соглашениям военного времени.

Но к этому времени у Трумэна находилось уже несколько разработанных в Пентагоне вариантов военных действий против СССР. Первый в виде меморандума объединенного разведывательного комитета (ОРК) Объединенного комитета начальников штабов датирован 4 сентября 1945 года, то есть на следующий день после официального завершения второй мировой войны! В меморандуме ОРК за номером 329 ставилась задача: «Отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории». И шло перечисление таких пунктов — Москва, Горький, Свердловск, Новосибирск и другие. В перечне

не было Киева, Минска, Харькова, Сталинграда: «необходимости» их бомбежки для авторов данного документа не было, поскольку эти города еще лежали в основном в руинах после фашистской оккупации.

Знал ли Трумэн об этом документе? Не мог не знать. К тому же содержащиеся в нем выкладки о числе жертв в СССР в результате атомных бомбежек (13 млн человек) подкреплялись, дополнялись новыми разработками. Таковы планы 329/1 (3 декабря 1945 г.), 423/д (14 декабря 1945 г.). В последней разработке указывалось, что у американской стороны имеется решающее преимущество, поскольку «в настоящее время СССР не располагает возможностью причинить аналогичные разрушения промышленности США».

В 1946 году был изготовлен план «Пинчер», предусматривавший в числе прочего использование Пентагоном баз в Турции, Италии, Китае, где еще оперировали гоминьдановцы, для действий против СССР.

1947 год — план «Бройлер». 1948 — уже восемь разных разработок, исходивших из расчетов на возникновение широкого военного конфликта: планы «Габбер», «Эразер», «Даблстар», «Хафмун», «Фролик», «Интермеццо», «Флитвуд», «Сиззл». 1949 — «Дропшот», «Оффтэкл».

В западной литературе бытует взгляд, что решающий толчок лихорадочной гонке вооружений дала война в Корее, возникшая в июне 1950 года. Но еще до ее начала, 7 апреля того же года, Трумэну была представлена разработанная военно-политическим «мозговым центром» правительства внешнеполитическая директива Совета национальной безопасности — СНБ-68, предусматривавшая мобилизацию и использование ресурсов США, кроме прямых военных средств, в целях достижения решающего превосходства над Советским Союзом и максимального давления на него. В Вашингтоне явно преувеличивали возможность того, что Сталин решится на вооруженное выступление против Запада.

Поддержание обороноспособности СССР на высоком уровне являлось вполне оправданным в сложившихся обстоятельствах. И хотя по указке Сталина Тито и другие югославские руководители были объявлены «давними шпионами и агентами империалистических разведок», дело до вооруженного вмешательства СССР во внутренние дела Югославии не дошло. Многие деятели на Западе считали, что Сталин пойдет на такой шаг.

Линия сталинского руководства на стыке 40-х и 50-х годов стала характеризоваться во внешней области большей осторожностью, тогда как внутри СССР и союзных нам стран «гайки закручивались» все сильнее. В 1949 году в ряде стран Восточной

Европы прошли фальсифицированные судебные процессы против видных партийных и государственных деятелей, обвинявшихся, в частности, в заговорщических связях с югославским руководством. Кампания против «космополитов» и другие шаги, направленные на дальнейшее свертывание и без того ограниченных связей, контактов советских людей, организаций с внешним миром, были частью подобного воинственно-идеологического курса.

В то же время в центрах власти в США «превентивщики» все более активизировались. Об этом свидетельствуют рассекреченные правительственные документы в США и Великобритании. Они указывают на то, что в Вашингтоне и Лондоне исходили из того, что война в Европе скорее всего возникнет в 1954 году. Соответственно разворачивалась и материальная подготовка. Вслед за форсированием атомных вооружений в Вашингтоне и Лондоне было решено приступить к производству еще более опустошительного термоядерного оружия. К тому времени Советский Союз уже был в состоянии не допустить отставания в данной области от США. Расчеты на достижение решающего превосходства над СССР оказывались перечеркнутыми. Но какой ценой? Судьбы не только европейского, а и всеобщего мира повисали на тонкой ниточке.

В 1954 году, действительно, события снова приняли кризисный оборот, но теперь центр напряженного противостояния переместился из Европы в Азию. Эйзенхауэровская администрация, принявшая бразды правления от Трумэновской, добивалась так называемой «интернационализации» колониальной войны, которую вела Франция в Индокитае. Весной — летом 1954 года Вашингтон требовал от Лондона присоединения Великобритании к совместной с США вооруженной интервенции в этой части азиатского материка, имея в виду распространение военных действий и на Китайскую Народную Республику. Влиятельная группировка в США не могла смириться с тем, что считала «потерей Китая» в 1949 году, когда была создана КНР.

В Лондоне не поддержали такой курс, но вместе с тем и не встали на четкие позиции отмежевания от наиболее опасных аспектов политики Вашингтона, хотя положение в целом к середине 50-х годов уже отличалось от того, что наблюдалось в предыдущие годы.

Упущенные возможности

Смерть Сталина в марте 1953 года наряду с другими факторами внесла в обстановку заметные изменения. Советское руководство начало пересматривать некоторые коренные

внутренние и внешнеполитические установки. Было покончено с нагнетанием напряженности внутри самой нашей страны под разного рода искусственными, а то и чудовищными предлогами. Большое внимание на Западе привлекло после смерти Сталина выступление Маленкова о переориентации курса — замене упора на тяжелую промышленность развитием потребительских отраслей. Хрущев и другие руководители, однако, настояли на сохранении прежнего курса в этой области. Речь шла о вопросе, имевшем близкое отношение к делам внешним. Влиятельные круги на Западе считали, что акцент СССР на развитие потребительского сектора откроет новые возможности для разрядки напряженности, уменьшив степень советской военной мобилизованности.

16 апреля 1953 года президент Эйзенхауэр в программной речи обратился к СССР с предложением по проблеме разоружения, включавшим пять вполне разумных по характеру пунктов. 11 мая Черчилль выступил с предложением об организации без промедления конференции лидеров ведущих держав, включая советских руководителей.

Спустя три дня Эйзенхауэр такую идею на пресс-конференции отверг, заявив, что необходимы гарантии успеха подобной встречи. Президент США дезавуировал самого себя, фактически взяв обратно то, что высказал позитивного месяцем раньше.

Было ясно, что вокруг политики в отношении послесталинского Советского Союза в правящих кругах Запада завязываются серьезные разногласия. В мемуарах Аденауэр приводит мнение, услышанное им от Черчилля во время встречи с ним 15 мая 1953 года. «Заговорив о проблеме безопасности России, — писал автор мемуаров, — мой собеседник [Черчилль] заметил, что он вполне верит в возможность изыскания компромисса между политикой Запада и стремлением русских получить гарантии своей безопасности. По его мнению, уверенность России в том, что безопасности ее ничто не грозит, возрастала бы и по мере внутренней эволюции самого русского народа». В ходе беседы британский премьер упомянул без восторга о соглашении своего предшественника Эттли с США, по которому американские атомные бомбардировщики стали базироваться на Британских островах. По его словам, это является «наиболее сильным плацдармом против России... и навлекает на Англию огромную опасность».

Весной — летом 1954 года правительство Черчилля отклонило наиболее вызывающие шаги своего американского союзника, грозившие расширением войны в Индокитае. Рассекреченные британские документы показывают, как при обсуждении сложившейся ситуации внутри кабинета Черчилля даже такой твердолобый тори, как лорд Солсбери, выступил с оценкой действий

США, как угрожающих миру — в отличие от политики СССР, которую он характеризовал положительнее.

Упущенные возможности. Вот что можно сказать о периоде середины 50-х годов, когда имелась реальная перспектива налаживания политических и деловых взаимоотношений между нашей страной и Великобританией, а также другими странами Запада, чьи правящие круги не стояли на жестких позициях идеологического противоборства.

Идея Черчилля о встрече на высшем уровне была реализована в июле 1955 года, когда в Женеве состоялось первое после Потсдамской конференции 1945 года совещание руководителей западных держав и СССР. Эйзенхауэр пошел на него неохотно. Одно это обстоятельство уже не способствовало достижению на встрече каких-либо значительных договоренностей.

А. А. Громыко в своей книге «Памятное» рассказывал, как на этом совещании было заявлено о готовности СССР вступить в Североатлантический союз. «Трудно передать словами впечатление, которое произвело на западных участников совещания заявление на этот счет... Они были настолько ошеломлены, что у них, как мы ощутили, затанцевали перед глазами причудливые фигуры фресок в зале заседаний», — отмечал А. А. Громыко.

Автор, по сути, признавал несерьезный характер подобной инициативы. Дела в НАТО к тому времени зашли достаточно далеко в закреплении военного раскола на континенте, и для его преодоления требовались не пропагандистские жесты, а смелые, новаторские начинания. Помимо Англии американское атомное оружие размещалось уже в других странах НАТО, арсенал блока усиленно наращивался.

Советское руководство с готовностью приняло приглашение кабинета, возглавлявшегося после ухода в отставку Черчилля Антони Иденом, нанести визит в Великобританию. Он был запланирован на весну 1956 года. Спустя короткое время после посылки приглашения британский кабинет, как свидетельствуют рассекреченные документы Уайтхолла, обсуждал вопрос о его аннулировании. В чем было дело? Большое недовольство в Лондоне вызвали заявления Хрущева и Булганина, сделанные во время их поездки в Индию в конце 1955 года. В них клеймился колониализм, в том числе, естественно, и британский. В Индии заявления встречали самый положительный отклик. Совсем не то наблюдалось в Лондоне. Все же приглашение было оставлено в силе.

Хрущев и Булганин прибыли в Англию не с пустыми руками. Они везли ряд предложений, направленных на существенные сдвиги вперед в двухсторонних отношениях. Примечательным было то, что И. В. Курчатов, входивший в состав официальной

делегации, был уполномочен сообщить британским ученым до этого не публиковавшиеся данные о ведущихся в СССР работах по гражданскому использованию ядерной энергии, в частности по синтезу термоядерной энергии.

Для Лондона подобные сведения имели большое значение. Акт Макмагона в США 1946 года лишил ведомства Уайтхолла информации о таких работах за океаном. Несмотря на неоднократные попытки кабинетов Эттли и Черчилля побудить США делиться с Британией этой информацией, в Вашингтоне такие просьбы упорно отклоняли.

В ходе советско-английских переговоров был рассмотрен широкий круг вопросов, включая интересующий Идена и его коллег «ближневосточный комплекс». Было сказано, что СССР не намерен наносить ущерба законным интересам и позициям Британии в этом регионе.

Вскоре, летом — осенью того же 1956 года, достигнутое англо-советское взаимопонимание подверглось серьезному испытанию.

СССР поступил в соответствии с нормами международного права и справедливости, когда выступил в поддержку решения Египта национализировать Суэцкий канал. Такая поддержка, однако, означала неизбежное противостояние с правительством Идена. Дело состояло в степени его остроты. И тут импульсивность Хрущева сыграла свою отрицательную роль.

Кабинет Идена приступил к военным приготовлениям против Египта, причем в негласной смычке с Израилем, а также с Францией. Но должно ли было дело дойти до «ракетной конфронтации» между СССР и Великобританией? Думается, что нет. В любом случае конфронтация такого рода мало чем помогла бы прямо Египту. Кроме того — и это было главным, — она сразу всполошила бы не только британскую общественность, но и США, другие державы НАТО. Так именно и случилось, когда после нападения британских, французских и израильских сил на Египет Советское правительство по инициативе Хрущева предприняло два взаимоисключающих шага: обратилось к США с призывом о совместных действиях против тройственной агрессии и направило ноту в Лондон, угрожая применением ракетного оружия против Великобритании, если она не прекратит военные действия.

Хрущев впоследствии признавал, что обращение к США было продиктовано пропагандистскими мотивами и шансов на успех не имело. Но зачем требовалось бряцать ракетным оружием? Не надо было долго раздумывать, чтобы осознать последствия подобного демарша. Эйзенхауэр немедленно уполномочил верховного главнокомандующего силами НАТО генерала Грюнтера

заявить, что в случае ракетной атаки СССР против Великобритании советские центры будут подвергнуты атомной бомбежке.

И по чисто политическим причинам угрожающая нота из Москвы была излишней, поскольку к тому времени в ООН подавляющая часть делегаций склонилась к решительному требованию о прекращении интервенции против Египта. Этого не мог не знать Хрущев.

В воцарившемся после «суэцкой операции» климате в Великобритании пришедшему к власти правительству Макмиллана было нетрудно убедить общественность принять предложение Вашингтона о размещении в стране американских ракет среднего радиуса действия «Тор».

В том же 1957 году шефы НАТО приняли решение основывать стратегию блока на использовании ядерного оружия в случае военного конфликта на Европейском континенте.

Индокитай, Ближний Восток — кризисные ситуации, возникавшие на «периферии», казалось бы, свидетельствовали о смещении центра противостояния в сторону от Европы. На деле, однако, речь шла скорее о расширении сферы такого противостояния с ее главным источником, по-прежнему находящимся на «старом континенте». НАТО обрастало новыми вооружениями. Его ядром в Западной Европе становился формировавшийся в ФРГ бундесвер. Протесты общественности не были в состоянии помешать или даже затормозить этот процесс.

Курс, взятый советским руководством на XX съезде партии на конструктивное сотрудничество с капиталистическими странами, исходивший из тезиса о возможности предотвращения мирового конфликта, натолкнулся на сопротивление наиболее непримиримо настроенного крыла буржуазии на Западе. Оно использовало к своей выгоде реальные факты или заведомые спекуляции, создававшие впечатление, что советское руководство по-настоящему не порывает с линией Сталина на создание для Запада трудностей и на продвижение позиций и интересов СССР на международной арене силовыми приемами.

На Западе имелось немало деятелей, готовых поднять на щит все, что угодно, ради восстановления общественности против советской политики. Вот что писал Аденауэр в своих мемуарах: «Тем политическим деятелям, которым мерещилась заря на горизонте после смерти Сталина, я говорил: «Возьмите лист бумаги, разделите его чертой на две части и справа напишите все, что Кремль до сих пор предпринял на деле после смерти Сталина, а слева — все, что он говорил. Тогда, как мне кажется, вы воочию убедитесь, что Кремль только поставил ряд вопросов. Но сделал ли он хоть один конструктивный шаг — вот вопрос».

Автор мемуаров упоминает, что «реакция мировой общественности на XX съезд КПСС вызвала у меня [Аденауэра] глубокую озабоченность». «Новая советская тактика произвела большой эффект... Народы Запада устали от постоянных усилений и расходов на вооружения. Они вновь стали проявлять склонность к выдвиганию на первый план своих национальных интересов, не понимая, какая опасность грозит всем».

В сентябре 1955 года Аденауэр совершил поездку в Москву. Между СССР и ФРГ были установлены дипломатические отношения. Москва пошла на значительный шаг навстречу Бонну, несмотря на то что там еще не думали о признании Германской Демократической Республики. Аденауэр вернулся в Бонн с крайне двойственными впечатлениями. Он писал в мемуарах, что «от нас не требовали выхода из западных организаций. Хрущев заявил, что заключение нами парижских соглашений — это уже существующая реальность... Он подчеркнул, что если бы они потребовали от нас выхода из НАТО, то это было бы нечто вроде предъявления ультиматума, а им такой образ действий претит».

Слышал западногерманский лидер и другое в ходе поездки. «Как и прежде, — отмечал он, — советские руководители, с которыми я встречался, твердо верили, что капитализм обречен на гибель и что русский коммунизм добьется мирового господства. В таком исходе развития событий советских руководителей нельзя было поколебать никакими аргументами. На протяжении многочасовых бесед Хрущев все снова и снова старался разъяснить мне это. «Вы обречены на гибель, — пытался он внушить мне, — а мы завоюем мир». Мне кажется, он говорил это вполне серьезно».

Большой вопрос, какой практической, рациональной цели служили подобные «разъяснения», даже если тот, кто так рассуждал, в них верил?

Что касается «ультимативности», то, хотя Хрущев отрицал целесообразность подобного подхода, в ноябре 1958 года он действовал именно таким образом, публично потребовав, чтобы германская проблема была решена путем подписания мирного договора с «двумя германскими государствами» и чтобы Западному Берлину был предоставлен статус «вольного города» с выводом оттуда всех оккупационных войск. При этом был назван шестимесячный срок для принятия западными державами этих условий. В ноте давалось понять, что по истечении этого срока — 27 мая 1959 года правительство ГДР при поддержке СССР будет оспаривать право западных союзников на пребывание в Западном Берлине и на свободный доступ в город.

День этот наступил, и ничего особенного не стряслось. Не было и нормализации положения. Кризисная лихорадка вспыхнула снова в начале июля 1961 года, когда Хрущев повторил предъявление шестимесячного срока для урегулирования статуса Западного Берлина. На этот раз грозовая обстановка стала сгущаться еще сильнее, чем в 1958 году. Президент Дж. Кеннеди заявил, что Запад будет защищать свои права, если понадобится — силой. Для подкрепления такого обязательства он запросил увеличения ассигнований Пентагону. На 125 тыс. возростала численность армии, бомбардировочная авиация приводилась в состояние боевой готовности, новые средства отпускались на гражданскую оборону. Аналогичные меры проводились в других странах Запада.

Хрущев ответил отменой ранее объявленного сокращения численности Советских Вооруженных Сил, увеличением расходов на оборону почти на столько же, сколько дополнительно запросил Кеннеди. Были проведены испытания мегатонных бомб. Пригласив британского посла в свою ложу в Большом театре, советский руководитель завел не светский разговор, а сообщил, сколько, по его мнению, потребуется ядерных бомб для уничтожения Соединенного Королевства. Этот факт приводил в своей книге британский журналист Джон Мэндер.

Как и в ряде других случаев подобного рода, удовлетворение последствиями усиления напряженности выражали деятели на Западе, добивавшиеся закручивания спирали вооружений. Главкомандующий силами НАТО генерал Норстед заявил, что новый кризис из-за Западного Берлина позволил довести число дивизий блока на центральном фронте с 21 до 25.

Были ли неизбежны опаснейшие конфронтации из-за Западного Берлина? Ответ дает заключенное 3 сентября 1971 года соглашение между СССР, США, Великобританией и Францией по Западному Берлину, урегулировавшее эту взрывоопасную проблему на основе компромисса. Для такой договоренности потребовалось учесть уроки чуть ли не четверти столетия!

Серьезный источник напряженности был устранен, но оставалось еще немало материала, грозившего новыми осложнениями, кризисными ситуациями.

Трудное отрезвление

Роберт Макнамара, министр обороны США в начале 60-х годов, свидетельствовал, что в 1961 году в связи с событиями вокруг Берлина США подошли «рискованно близко» к войне. На этот раз (в отличие от кризиса 1948—1949 годов), по

его словам, «Советы начали разбрасывать массу полосок алюминиевой фольги в воздушных коридорах к Берлину... НАТО ответила увеличением числа конвоев на наземных коридорах... Союзники были готовы силой пробить себе дорогу через посты пограничников» (Р. Макнамара. Путем ошибок — к катастрофе. М., 1988. С. 18—19).

Приводя эти факты, Р. Макнамара замечает: «Берлинский кризис начался, я полагаю, с вторжения в заливе Кочинос в апреле 1961 года» (то есть с попытки правительства Кеннеди силой покончить с новыми порядками на Кубе после свержения там диктатора Батисты).

Важное признание. Оно свидетельствует о цепи вызывающих действий и контрдействий уже в рамках не одного континента, а в глобальных масштабах, развертывавшихся под знаком непрекращавшейся конфронтации двух общественных систем.

Несомненно, самым опасным международным кризисом был возникший поздней осенью 1962 года из-за угрозы военного нападения США на Кубу. Вспыхнувшая напряженность в бассейне Карибского моря перекинулась на европейскую территорию. Части вооруженных сил США, размещенные в западноевропейских странах НАТО, были приведены в состояние боевой готовности. Аналогичные меры были приняты в Советском Союзе. Мир оказался на крайней грани конфликта.

Спустя более чем четверть столетия некоторые из занимавших тогда ответственные посты в США и СССР деятелей, имевших отношение к ходу и исходу кризиса, а также ученые двух стран встретились в Москве на симпозиуме, посвященном рассмотрению уроков случившегося. Были оглашены рассекреченные американские документы. Из них явствовало, что в Вашингтоне еще до появления на Кубе советских ракет разрабатывались планы военной операции в целях устранения правительства Фиделя Кастро.

Эти документы представляют в новом свете акцию Советского Союза по доставке на Кубу ракетного оружия. Вопреки тому, что в течение длительного времени утверждали официальные деятели в США, она выглядит оборонительной по характеру, призванной оградить жизненные интересы Кубы от угрозы агрессии, хотя, несомненно, и весьма рискованной, создавшей самую серьезную за послевоенный период угрозу ядерной войны.

До самого худшего дело не дошло. Правительство Джона Кеннеди дало необходимые заверения о ненападении на Кубу, а Советский Союз убрал свои ракеты с острова.

Одним из уроков этих событий было подтверждение с еще большей наглядностью, чем прежде, того факта, что наличие в центре Европы концентрации вооруженных сил и вооружений

двух военно-политических группировок не только само по себе поддерживает источник напряженности, а и действует как катализатор конфликтных ситуаций далеко за пределами Европы. Опыт не раз показывал, как между такими ситуациями, возникавшими в Азии, Африке, Западном полушарии, и рискованной нестабильностью в Европе существует взаимосвязь. Потрясение почвы в отдаленном от Европы регионе немедленно сказывалось на температуре политической атмосферы в Европе, и наоборот.

«Карибский кризис» явился рубежом, заставившим правительства СССР и США вплотную задуматься о шагах, ведущих к снижению уровня противостояния между двумя странами. В таком духе была выдержана речь президента Кеннеди в Американском университете незадолго до его гибели. В августе 1963 года СССР, США и Великобритания достигли договоренности о прекращении ядерных испытаний в трех сферах. Первое такое соглашение за долгий период глухого тупика! Стремясь развить инерцию начатого движения, СССР предложил заключить пакт о ненападении между странами НАТО и Варшавского договора. На это правительства Запада не пошли. Сказывалась инерция «холодной войны». Договор о прекращении ядерных испытаний подвергся в сенате США атакам со стороны воинствующих деятелей. Серьезной критике своих военных коллег подвергся и Хрущев за шаги, приведшие в конце 50-х годов к сокращению военно-морских сил, численности армии. Дело в том, что с начала 60-х годов США начали быстрыми темпами наращивать свои силы, прежде всего — ядерные. Почва в стране была подготовлена официальной кампанией о «ракетном разрыве» между США и СССР в пользу СССР. Довольно скоро выяснилось, что разрыв действительно есть, но в пользу США. К тому времени маховик вооружений в США был запущен на новые обороты. Еще до ухода Хрущева с политической арены, а после этого — еще более ускоренными темпами советское руководство также приступило к форсированию работ в ядерно-ракетной области, чтобы достигнуть паритета с США.

В книге «Патология силы» американский публицист Норман Казенс рассказывает о том, что услышал от Хрущева при встрече с ним в 1963 году. Советский руководитель сказал ему, как наши генералы обосновывают дополнительные заявки на вооружения работами в этой области в США. Каждый раз в ход пускался один аргумент: СССР не должен отставать!

Примерно то же самое сообщил Казенсу президент Кеннеди об аналогичных требованиях американских генералов, их ссылках на СССР.

К началу 70-х годов примерное стратегическое равенство и равновесие стало фактом, хотя и на более высоком уровне.

Президент Никсон пересмотрел прежние установки, выступив за доктрину военной достаточности. Складывались благоприятные предпосылки для достижения первых крупных советско-американских соглашений об ограничении стратегических наступательных вооружений, исключении широких работ в области противоракетной обороны, включая космос.

Эти сдвиги, однако, не затрагивали затвердевший за многие годы массив противостоявших друг другу громадных сил НАТО и Варшавского Договора в центре Европы. Более того, с конца 70-х годов здесь снова наметилось обострение обстановки в связи с планами размещения в Западной Европе новых американских ракет среднего радиуса действия, как ответ на появившиеся в советском арсенале ракеты такого радиуса «СС-20».

Действие и контрдействие. События продолжали развиваться согласно такой «логике». В ней элементы здравого смысла отодвигались на задний план.

Новые советские инициативы не получали положительного отклика на правительственном уровне на Западе. Чуть ли не автоматически они объявлялись «пропагандой». Можно ли было выбить из рук авторов подобных утверждений такие ссылки? Да, но для этого надо было выйти за пределы старого мышления и прежней практики, пойти на то, что не оставило бы и следа от внушавшегося шефами НАТО «неверия» в искренность СССР. На эту тему высказался в октябре 1959 года, когда в Советском Союзе проводились крупные сокращения вооруженных сил, генерал Норстед. Он заявил: «Мне все равно, уменьшит или нет СССР численность своих сил. От этого я не буду спать спокойнее. А вот если я смогу убедиться, где находятся эти люди и чем они занимаются, тогда я буду спать спокойнее...»

Меры взаимного международного контроля. О них в советских инициативах в области разоружения говорилось в 50-70-х годах не раз, но только в 1988 году они были введены в широком объеме в связи с советско-американским договором о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Вполне возможно, что Норстед не был искренен, когда изображал международный контроль и проверку в качестве ключевого условия налаживания доверия и подступа к реальным шагам в области разоружения. Но проверить, чего стоили его слова, было в тех условиях невозможно.

Одно из самых цепких наследий сталинских времен — одержимость закрытостью советского общества во многих областях, и прежде всего — в военной, довлела тяжелым грузом над внешней политикой. Жесткие законы диктовала установка, переходившая эстафетой от Сталина к Хрущеву, а от него к Брежневу, о том, что чем меньше будут в мире, да и в самом Советском

Союзе, знать о действительном военном потенциале СССР, тем лучше. Поэтому, несмотря на делавшиеся заявления с высоких трибун о мирных устремлениях, намерениях Советского Союза, информация, являвшаяся для многих стран Запада обычной, о размерах, структурах вооруженных сил, составе военного бюджета считалась и при Сталине и при его преемниках «строго секретной». Поддержание плотной завесы не только над военной сферой советского общества, а и над многими другими, считалось хорошим средством «запутывания», «дезориентации» другой стороны.

В одной из сравнительно недавних работ в США — обстоятельной книге Джона Рейнилага «Возвышение и упадок ЦРУ» рассказывается, как отсутствие соответствующих советских данных использовалось противниками нормализации отношений с нашей страной в США для намеренного дезинформирования не только общественности, но и членов администрации о планах, намерениях СССР. Автор указывает, что военные круги США исходили из установки на постоянное наращивание расходов по статьям бюджета Пентагона, а не из реалистических оценок того, что предпринимает СССР.

Так, в 1976 году группа под руководством проф. Пайпса подготовила для Совета национальной безопасности доклад, утверждавший, будто СССР готовит первый удар, проводит политику достижения глобального господства. Доклад максимально использовал Рейган во время своей кампании на президентских выборах 1980 года.

Еще раньше, осенью 1957 года, как свидетельствовал в своих мемуарах Эйзенхауэр, ему был представлен конфиденциальный доклад Р. Гейтера с паническими оценками возможностей и намерений СССР в военной области. В нем говорилось, что к концу 1959 года СССР будет в состоянии предпринять неожиданное ракетное нападение на США и добиться победоносного исхода.

Неизвестно, как бы развивались события, если бы Эйзенхауэр и его министры приняли такие «оценки» на веру. Этого не произошло, но отсутствие у руководителей США более или менее достоверной картины состояния советских вооруженных сил способствовало распространению мифа о «советской угрозе».

Как заканчивалась «холодная война»

В свете всего изложенного видно, насколько новаторскими явились шаги, меры Советского Союза на обширном участке внешнеполитической деятельности, связанном с практической реализацией концепции нового политического мышления.

Во-первых, речь идет о конкретизации доктрины оборонительной достаточности СССР, ее воплощения в жизнь серией практических действий, в том числе и односторонних сокращений вооруженных сил, перестройкой их структуры, диктуемой исключительно нуждами обороны.

Во-вторых, пересмотрено само понятие проблемы безопасности. Важнейшее значение имеет установка на невозможность обеспечения безопасности одной стороны за счет интересов другой. Подобный односторонний подход приводил к периодическим кризисным ситуациям, подбрасывал топливо в горнило вооружений. Выдвинутая в соответствии с новым политическим мышлением концепция всеобъемлющей системы международной безопасности включает в себя не только меры оздоровления обстановки в военной области, но и конструктивные шаги в других областях — политической, экономической, гуманитарной.

В-третьих, сделаны кардинальные шаги для того, чтобы процесс открытости, гласности распространился и на военную сферу. Правда, предстоит сомкнуть еще немало «замков» в ведомствах, которые как огня боялись света гласности.

Во второй половине 80-х годов в образе мышления политических деятелей все большего числа государств стали намечаться знаменательные сдвиги. Видение мира как глубоко расколотого начало уступать место взглядам менее схематичным, допускающим возможность возникновения глобального сообщества, в котором при сохраняющейся социальной неоднородности не будет прежней поляриности, взаимоотрицания существующих внутренних устройств.

Было бы упрощением подгонять эти сдвиги исключительно в рамки концепции «нового политического мышления». То, что было выдвинуто в качестве емкой формулы новаторских шагов, родилось не на пустом пространстве. Бесплодность, негативизм, растущий риск в результате социальной конфронтационности были уделом сознания не одного человека. Неудовлетворенность таким положением нарастала. Но дальше этого дело не шло. Не было толчка, стимула, которые бы придали динамику желанным сдвигам на международной арене.

Подписанный в 1975 году в Хельсинки после труднейших переговоров Заключительный акт общеевропейского совещания явился в этом отношении эпохальным дипломатическим документом. Его, так сказать, философский дух состоял в признании правомерности видения Европы в качестве единого целого, что касается принципов мира, гуманности, добрососедства.

Тогда это была еще весьма проблематичная перспектива. Легче поставить подписи под согласованными формулировками,

чем затем их реализовать. Так и вышло. Многому предстояло случиться, прежде чем ориентир хельсинкских договоренностей встал на твердую почву. Десятилетие, прошедшее после подписания Заключительного акта, было отмечено не столько сотрудничеством стран Запада и Востока, сколько их разногласиями, столкновениями на разных форумах. Чего стоили, например, ожесточенные споры вокруг прав человека! В этом не было ничего неожиданного. Рефлексы старого, привычного — цепкая сила. Просто объявить о значимости «нового политического мышления» было еще недостаточно.

Прежде чем призывать других исправляться — покажи сам пример. Вот эффективный путь. По такому пути пошли практические шаги Москвы, принявшей девиз «нового политического мышления» в качестве руководства к действию. Скептикам на Западе пришлось убедиться, что речь идет не о пропагандистской кампании, а о чем-то более основательном. Не ожидая обязательно ответных шагов Запада, Советский Союз начал смело менять многое затвердевшее, застывшее в политике.

Поразившие столько правительств шаги Советского Союза, вытекавшие из концепции «нового политического мышления», позволили выдвинуть идею общеевропейского дома в противовес тому, от чего лихорадила, страдала Европа и в далекие времена, и в десятилетия «холодной войны». В ее основе — убеждение, что современный мир не две взаимоисключающие цивилизации, а одна общая, в которой доминируют общечеловеческие ценности и свобода выбора.

Реальность многоцветного, многомерного мира была не только признана логикой такого мышления, а сделан вывод о главном — о нарастающей тенденции к взаимозависимости государств, неважно — какого строя. Из этого вытекала концепция всеобщей безопасности на основе учета жизненных интересов каждой страны. Такая концепция, в свою очередь, диктовала признание за каждым суверенным государством права самому определять судьбу.

В течение многих лет преобладал взгляд, что «холодная война» пойдет на убыль, отомрет с разворачиванием процесса реального разоружения. Нет слов, достигнутые в конце 80-х годов шаги в этой области оказали благотворное воздействие на международный климат. Однако выявилось и то, что еще более весомым фактором положительных сдвигов в умонастроениях широких слоев общественности, многих политиков на Западе явилась решимость советского руководства на деле осуществлять концепцию «нового политического мышления», предусматривающую также принцип свободы выбора для народов в рамках их суверенных государств. Серьезнейшим тестом, проверкой

стали события в странах Восточной Европы в последние месяцы 1989 года.

Весь мир смог удостовериться в том, что перемены там происходят в условиях действительной свободы выбора народами своего пути, без вмешательства извне.

В ходе подобных перемен приходилось и приходится сталкиваться с явлениями, которые у многих людей не могли не вызывать чувства озабоченности, поскольку партии, до недавнего времени несшие почти единоличную ответственность за руководство, вынуждены были погеститься, отчасти сдать позиции и даже иногда самораспуститься. Произошло это, за одним трагическим исключением, без насилия.

Лишь оторвавшаяся полностью от народа, зарвавшаяся клика Чаушеску с ее безжалостным, поставленным под контроль одной личности репрессивным аппаратом до последнего момента пыталась противостоять рвавшимся наружу стремлениям нации к переменам. В последние дни диктатуры Чаушеску пустил в ход даже версию о «внешней угрозе» для Румынии. Тщетно. Народ, на стороне которого оказалась армия, избавился от тирана.

Внутренние перемены в странах Восточной Европы в последние месяцы, недели 1989 года не только не привели к возникновению, как это почти автоматически случалось раньше, кризисных международных ситуаций, а, напротив, подтвердили, что в мире складывается новый климат.

Общая цивилизация

Из изложенного в предыдущих разделах видны бесплодность, пагубность для коренных интересов народов, судеб мира состояния дел, при котором возникшие в силу объективных, естественных факторов исторические перемены внутри одной страны (России) повлекли за собой длительный, измеряемый чуть ли не столетием, период взаимной нетерпимости неординарных социально-политических систем.

Линия их размежевания была более глубокой, нежели это было во времена религиозных конфликтов, потрясавших Европу века назад. В данном случае друг другу противостояли не только религия и атеизм, но и значительно более широкие принципы, нормы, коренившиеся в базисе неординарных общественных устройств.

Должна ли была, однако, из данного факта вытекать неизбежность их хронического напряженного противоборства? Рассматривая события первых лет после революции 1917 года в России,

мы видим, как отмечалось, убеждение ее творцов в том, что шансы на создание нового общества в их стране зависят прежде всего от помощи таких же революций на Западе. Но там в подобной убежденности правящие политики усматривали, напротив, серьезнейшую угрозу сложившимся порядкам и действовали, исходя из такой угрозы.

Вскоре лозунг «мировой революции» был Советской властью снят. Одновременно на Западе началась стабилизация капитализма. Наиболее острый источник межсистемной конфликтности отпал, но идеологическое противостояние не исчезло, оно превратилось в постоянный международный фактор и воздействовало не в меньшей степени на внутренний политический климат в Советском Союзе, в странах Западе.

События свидетельствовали об искусственности, исторической ненужности такого острого противоборства. Оно имело мало общего с объективными закономерностями истории, чьей движущей силой было и остается мирное или немирное отступление со сцены старых, отживающих сил и наступление новых.

Подлинные, глубинные революции происходят не в результате вмешательства извне, а под действием рвущихся наружу факторов внутреннего развития. Это очень важное обстоятельство. Оно вскрывает ненормальность противостояния общественных систем. Каждая в лице ее лидеров пыталась добиться желанных для себя изменений внутри другой на путях, по сути, вмешательства в эти внутренние дела, выступая тем самым против принципа свободы выбора для народов. Логика такого поведения обрекала каждую сторону на систематические провалы, неудачи, вызывая нагнетание напряженности в и без того расколотом мире.

Таким образом, не факт социальной неоднородности нашей планеты после 1917 года явился причиной сложившегося ненормального положения. Социального единообразия в истории человечества вообще никогда и не было. И не будет. Национальные и другие особенности, специфика были и останутся. Из той же истории — и отдаленной и не очень — известно, к чему приводили попытки нивелировать подобные особенности под одну «гребенку». Это вело к кровопролитным конфликтам.

Единство в многообразии — это не утопия, не голубая мечта. Основой такого единства является, в первую очередь, общность судеб человечества перед лицом невиданных ранее вызовов, с которыми оно сталкивается. Главный среди них состоит в угрозе оружия, способного испепелить все живое на Земле.

На встрече руководителей крупнейших капиталистических стран в Париже в июле 1989 года 22 из 40 обсуждавшихся

животрепещущих вопросов так или иначе касались защиты окружающей среды. И самый заядлый приверженец старого мышления, отвергавший возможность взаимодействия Запада с Востоком, теперь признает, что не только охрана окружающей среды, но и другие глобальные проблемы должны решаться также на глобальной основе.

Можно пойти еще дальше. Ряд внутренних проблем на Западе и Востоке имеет много общего между собой. Еще недавно мы отрицали существование у нас таких социальных зол, как проституция, наркомания, а говоря о преступности, указывали на то, что в социалистическом обществе она носит принципиально иной характер, чем в капиталистическом. Сегодня мы не только признаем серьезность этих и других проблем, а в целях совместной борьбы с такими недугами развиваем сотрудничество с Западом.

Последствия научно-технической революции для индивидуума, стрессы урбанизма, положение молодежи, семейной ячейки, престарелых людей, женщин в обществе, влияние на него электронных средств информации — совместные исследования в этих сферах открывают широкое поле для совместных шагов.

Свободный от догматических шор, творческий взгляд позволяет выявить точки соприкосновения в фундаментах, казалось бы, различающихся между собой общественных формаций.

Положение дел в ведущей стране крупного предпринимательства не совсем таково, как мы привыкли рисовать. Хотя в США 500 крупнейших концернов выпускают более 40 процентов валового национального продукта, там имеется свыше трех миллионов предприятий, представляющих собой акционерную собственность. Миллионы рядовых американцев являются владельцами акций, то есть получают определенный дивиденд от «отечественного капитализма».

Очевидно, не грешат против истины авторы у нас и на Западе, считающие, что капитализм оказался более подвижным, оперативным в заимствовании полезного опыта у социализма, чем социализм — у капитализма.

Беда СССР, как это проявилось в практике становления общества после 1917 года, состояла в том, что новая система не только не учитывала многого, что демонстрировал прежде всего в сфере экономической эффективности Запад, но и не реализовала немало своих гуманистических принципов, норм.

Как говорится в принятом на юбилейном XVIII конгрессе Социалистического интернационала в Стокгольме в 1989 году программном документе — Декларации принципов, «идея социализма захватила воображение людей всего мира, способствовала возникновению и успешному развитию политических течений,

решительным образом улучшила жизнь трудящихся и оказала влияние на ход событий в XX веке». Составители документа имеют в виду социализм в широком смысле этого слова: в это понятие включается достигнутое социал-демократическими партиями, организованным рабочим классом в странах Запада улучшение социальных условий жизни, труда масс тружеников, завоевание ими демократических свобод.

Цель Социнтерна, указывается в Декларации, состоит в том, чтобы на путях демократического социализма добиться мирного международного устройства, при котором можно будет укрепить основные ценности, а каждый человек получит возможность развить свои личные качества и таланты, пользуясь гарантиями человеческих и гражданских прав в демократическом обществе.

Еще недавно под такой формулой сторонники социалистического выбора вряд ли подписались бы. Теперь цель демократического социализма принята, одобрена. Это открывает благоприятные возможности для единения левых сил во имя созидания «мирного международного устройства». Его частью должно быть избавление людей от пороков, противоречий, присущих обществу на Западе и в его наиболее совершенных формах. Массовая безработица и неразборчивое личное присвоение чужого труда, контрасты полюсов богатства и скромного достатка — это реальности и самых развитых стран Запада.

Межсистемные различия при таком подходе теряют свою остроту, и это должно способствовать лучшему социальному климату как внутри стран, так и в целом в мире. Тем самым создаются объективные предпосылки для объединения усилий в широком масштабе в целях решения общих проблем.

Исторический опыт свидетельствует, что любые претензии на универсальность, на превосходство одного общественного устройства, одного социального выбора ведут к созданию ненормальной атмосферы, вызывают противодействие. Результатом являются конфликты, антагонизмы, справиться с которыми труднее, чем их предотвратить.

Что было бы, если бы семья в одном доме, объявив себя «образцом», ожидала от соседей соблюдения таких же правил, какие завела у себя?

Наша планета стала пространством, где существуют уже не отдаленные друг от друга страны, народы, а все более близкие в условиях ракетных скоростей, электронных коммуникаций, мгновенно распространяющейся информации, интернациональных хозяйственных связей.

Закон джунглей стоил человечеству неисчислимым бед, потерь. Оно двинулось на исходе этого века к новому качеству сквозь еще плотные, высокие завалы, барьеры, унаследованные

от прошлого. До гармонии не очень близко. Но достигнутое за короткий срок внушает надежды на лучшее будущее.

Как можно смотреть на другую сторону как на противника, когда по договору между СССР и США уже уничтожены в этих странах целые категории современного оружия, когда осуществляются взаимные инспекции прежде закрытых предприятий, военных баз, когда обсуждаются общие меры против международного терроризма, когда совместно рассматриваются стратегические доктрины?

Не умиляясь подобными шагами, нельзя не осознать, какую дистанцию прошли государства, принадлежащие к разным социальным системам, в развитии цивилизованного, доверительного подхода друг к другу!

Конечно, мировую панораму нельзя подгонять только к схеме Запад — Восток. Ведь и сама ненормальность международной жизни в значительной степени явилась результатом такой ее подгонки в рамки тезиса о борьбе систем как главной тенденции мирового развития.

Абсолютизация межсистемных различий заслоняла от зрения явления, процессы, не укладывавшиеся в такую схематику.

Распад колониальных империй, в чем, как известно, немалую роль играли устремления нарождавшейся национальной буржуазии в разных частях таких империй, выступления рабочего класса и слоев мелкой буржуазии в странах Запада в защиту своих прав от засилья монополий, социальные стрессы в этих странах в результате убыстряющейся научно-технической революции — все это идеологи сталинской школы рассматривали сквозь призму противоборства социализма и капитализма. Вместо того чтобы смотреть на мир широким, открытым взором, в действительность приходилось вглядываться сквозь узкую щель.

Сам капитализм не очень однороден. Бельгия, например, — не США, а США — не Япония, хотя обе страны занимают ведущее положение в лиге капиталистических держав.

А огромный комплекс развивающихся стран? Здесь налично значительная чересполосица структур, укладов, форм — от неизжитых феодальных и полуфеодальных порядков до возникающих средовых в технологическом отношении частей, как это видно на примере государства-острова Сингапур или Южной Кореи.

Сама логика развития современной цивилизации в условиях распространения информатики, компьютеризации и новейших средств связи позволяет мировому сообществу быстро обмениваться национальным и другим опытом, усваивать все рациональное, что имеется у других стран, народов. Отгораживаться

«стенами» наподобие берлинской от подобного взаимопознания уже невозможно.

Лидер польской «Солидарности» Лех Валенса в конце августа 1989 года заявил, что надо «соединить преимущества капитализма и социализма, исключив отрицательные стороны каждого из них, и создать тем самым уникальную систему правления».

Жизнь покажет, что из этого выйдет. Видимо, эксперименты такого рода истории не противопоказаны, коль дефекты тех или иных порядков вызывают среди массы людей негативные эмоции.

Таким образом, в обобщенном своем виде такой курс означает сосуществование разных формаций внутри одной страны, а также проверку их действенности, эффективности в национальных рамках.

Так или иначе, важны не этикетки, не наклейки, а суть дела. Обеспечивает или нет данная форма социального, политического устройства удовлетворение жизненных интересов народа? Улучшаются или нет условия жизни в обществе?

На Западе широко распространено такое определение цивилизации, данное в прошлом веке американским философом-поэтом Ральфом Эмерсоном: «Подлинный тест цивилизации — не в переписи населения, не в размерах городов, не в урожаях, нет, а в природе человека, которого страна порождает».

В этом — высший смысл цивилизации. О ней судят по тому, что она дает человеку и что она сама вправе ожидать от него.

Вера в возможность решения жгучих проблем, с которыми сталкивается мир, исключительно на путях научно-технического прогресса не только наивна, но и порочна, если во внимание не принимается соблюдение вековых норм морали, нравственности, гуманности, человеческого общежития. Движение «гринпис», ставшее такой силой на Западе, — реакция на бездумное, противоестественное отношение к природе ради технических и технологических индикаторов, показателей. Человек — часть природы! Если фатально страдает она, страдает и он. Ставя сохранность природы на первое место, мы ставим заботу о человеке на такое же место.

Данная истина пробивала себе дорогу и в среде советских людей. Достаточно было послушать взволнованные выступления участников первого и второго Съездов народных депутатов СССР о тяжелейших последствиях для окружающей среды сооружения все новых и новых промышленных объектов, тогда как на уже действующих у нас допускаются чудовищные траты, транжирование средств, ресурсов. То есть, вместо того чтобы принимать радикальные меры для бережного отношения к имеющему-

ся сырью, к готовой продукции, — курс был взят в первую очередь на расширение количественных мощностей.

Таково одно из тяжелых наследий лозунга «догнать и перегнать капитализм» не качеством жизни, а количеством, валом произведенного продукта, немалая часть которого заведомо обречается на гибель, на свалку.

Этот и другие пороки функционирования экономики коренятся в плоскости, на которую мы раньше не обращали внимания. В ажиотаже своего прямолинейного противостояния капитализму мы явно недоучитывали значение многого, что выработано человечеством на протяжении веков.

Решающее поприще

Сталинское и послесталинское видение мира как глубоко расколотого прежде всего по идеологической схеме распространялось до последних лет и на обширнейшую сферу хозяйственной деятельности. Одновременно с провозглашением в конце 40-х годов сталинско-ждановской концепции существования на мировой арене двух «лагерей» была выдвинута модель двух мировых рынков, из которых капиталистический был объявлен обреченным на упадок, а социалистическому прочилось великое будущее.

Пока мы занимались такого рода «пророчествами», Запад создавал сеть совместных институтов, организаций типа Международного валютного фонда, Всемирного банка и других для регулирования своих экономических дел. С середины 70-х годов заработал механизм ежегодных встреч руководителей крупнейших индустриальных стран Запада, а также Японии для оперативного реагирования на возникающие проблемы, причем не только экономические, но и политические.

На фоне того, что демонстрировало большинство стран с развитой рыночной экономикой в ключевой области технического прогресса, в разделении труда, его производительности, конкурентоспособности выпускаемой продукции, функционирование экономики, основанной на жесткой централизации, командах сверху, регламентации, оставляло желать много лучшего. Не из-за своих каких-то организационных дефектов, а по более коренным причинам Совет Экономической Взаимопомощи, учрежденный в конце 40-х годов, переживал углубляющийся кризис, завершившийся в 1991 году его роспуском.

В предстоящие годы, несомненно, из тайников многих архивов увидят свет материалы, раскрывающие в деталях действие тех пружин, сил, какие привели в конце 1989 года к драматическим

переменам в Восточной Европе, а в августе — сентябре 1991 года к не менее разительным изменениям и в Советском Союзе.

И без таких подробностей, однако, очевидна главная причина произошедших кардинальных перемен: на решающей арене хозяйственной жизни модель общества, чьи конструкции, структуры возникли при сталинской диктатуре и не менялись в своей основе в дальнейшем, показала на исходе нынешнего столетия свою историческую непригодность.

Отбросив как искусственную, пагубную для судеб планеты концепцию перманентного идеологического противостояния однородных социальных порядков, систем, мы рано или поздно должны были прийти к выводу о необходимости нашей интеграции в мировое экономическое пространство в тех рамках, в каких оно существует уже не первый десяток лет и демонстрирует результативность, если брать ключевой критерий эффективности производства, способности двигать вперед технический прогресс.

Именно поэтому рыночное хозяйство в его многочисленных формах, проявлениях, включая и социально ориентированное, не просто часть, а сердцевина современной цивилизации. Включение в него не на словах, а на деле — насущное требование для нас, если мы хотим поспевать за темпами научно-технической революции.

В таких наших внутренних преобразованиях, в участии в мирохозяйственных процессах нуждается и остальной мир. Это подтвердили наглядно лидеры «семерки», когда пригласили Президента СССР в июле 1991 года на свое ежегодное совещание, состоявшееся в Лондоне.

Хочется надеяться, что мы, принимаясь за переустройство общества, сможем избежать опасных потрясений, какими в истории нередко сопровождались крутые повороты в судьбах народов. Теперь мы знаем, как не надо учить другие страны, народы своим порядком. Знаем и то, что нам следует использовать все рациональное, что имеется в остальном мире. И конечно, минули и не вернуться те времена, когда мы противопоставляли себя внешнему миру. С ним, мировым сообществом, мы можем и должны не только мирно сожительствовать, но и конструктивно взаимодействовать. Иного пути для достойного существования нет.

События

Владлен Сироткин

От «военного коммунизма» к нэпу

Международная обстановка

18 марта 1921 года Советская Россия и Польская Республика подписали в Риге мир, по условиям которого к Польше отходили примерно половина Белоруссии с населением около 4 миллионов человек и вся Западная Украина с населением более 10 миллионов человек. Западная граница СССР была установлена по линии, проходившей почти в 30 километрах от Минска. В отличие от Брестского мира, Рижский договор на целых 18 лет, до сентября 1939 года, определил западную границу СССР и в этом качестве, на наш взгляд, объективно явился составным элементом Версальской системы соглашений, навязанных Антантой в 1919 году послевоенной Европе.

В нашей художественной и публицистической литературе (пьеса М. Ф. Шатрова «Брестский мир», статья политического обозревателя «Известий» А. Е. Бовина «Суровая школа Бреста» в книге «Открывая новые страницы...» и др.) внутривнутриполитические аналогии Брестского и Рижского договоров не проводятся, как и не ставятся эти соглашения в связь с международным урегулированием послевоенной Европы в проектах кайзеровской Германии (1918 г.) или планах Антанты (1919 г.).

Между тем такие аналогии и связь были. Вот как передавала Клара Цеткин эти ленинские аналогии:

«Известно ли вам, что заключение мира с Польшей сначала встретило большое сопротивление, точно так же, как это было при заключении Брест-Литовского мира? Мне пришлось выдержать жесточайший бой, так как я стоял за принятие мирных условий, которые безусловно были благоприятны для Польши и очень тяжелы для нас»¹.

Во многих своих выступлениях того периода В. И. Ленин подчеркивал, что «в силу того наступления, которое продолжает-

ся на западном и на врангелевском фронтах, наше положение оказалось опять чрезвычайно плохим»¹. «Нас заставило горючиться с миром желание избежать зимней кампании...»² И, наконец: «Нам не так важны границы, пускай мы потеряем на границах в смысле меньшего количества земли, для нас важнее сохранить жизнь десятка тысяч рабочих и крестьян, сохранить возможность мирного строительства, чем небольшую территорию земли»³.

Что касается международного значения Рижского мира, то о противоборстве капитализма и социализма того времени лучше всего, на мой взгляд, свидетельствует такая карикатура, опубликованная в 1920 году в одной из буржуазных французских газет и перепечатанная многими западноевропейскими газетами: на земной шар накинута петля — за одну тянет президент США Вудро Вильсон (под ним надпись «14 пунктов» и «национализм»), за другую — В. И. Ленин (под ним надпись «21 условие Коминтерна» и «интернационализм»).

При всей гротескности карикатурист верно ухватил главную коллизию: 14 пунктов послевоенного урегулирования мира В. Вильсона опирались на «национальную идею» XIX века о самоопределении наций в самостоятельные государства.

Самым крупным результатом применения этой идеи стал развал Габсбургской Австро-Венгерской и Османской Турецкой империй, санкционированный создателями Версальской системы. По сути, это была попытка части лидеров США применить доктрину Монро 1823 года для Латинской Америки к Европе и Ближнему Востоку спустя сто лет. Вместо существовавших столетиями двух империй был создан конгломерат небольших, как правило мононациональных, государств. В. Вильсон полагал, что США, опираясь на свою экономическую и военную мощь, будут манипулировать этими «карликами» точно так же, как это они делали с «банановыми республиками», скажем, в Центральной Америке.

В. И. Ленин и большевики, наоборот, противопоставили идее национализма принцип интернационализма, принцип создания «советских республик мира», первые четыре из которых объединились в 1922 году в СССР. Роль пролетарского лидера в этой борьбе пролетариата за «мировую» СССР должен был сыграть Коминтерн, 21 условие приема в который должны были обеспечить создание единой коммунистической партии пролетариев всего мира.

Но осечка произошла в самом начале: в американском истеблишменте верх взял традиционный изоляционизм, и сенат США

Владлен Георгиевич Сироткин — доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД СССР.

В основе публикации: статья «Рижский мир» // Международная жизнь, 1988, август, и ее сокращенный газетный вариант под названием «Пути мировой революции» // Известия, 1988, 3 сентября.

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. V. М., 1969. С. 19.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 331.

² Там же. С. 363.

³ Там же. С. 358—359.

не ратифицировал основной договор Версальской системы. Поэтому основными гарантами этого «националистического конгломерата» в Европе вынуждены были стать Франция и Великобритания, давние континентальные и колониальные соперники, не обладавшие к тому же той экономической мощью, которую имели США. Поэтому ослабленные в изнурительной мировой империалистической войне, столкнувшиеся с острыми социальными конфликтами в своих странах правящие круги Франции и Англии из глобальной «национальной идеи» Вудро Вильсона вычленили лишь ее военно-социальный аспект — борьбу против противостоящей национальной интернациональной идеи, против доктрины мировой пролетарской революции, Коминтерна и «первого отечества мирового пролетариата» — Советской России.

Отсюда возникли «санитарный кордон» против СССР (Финляндия, Прибалтийские республики, Польша, Чехословакия, Румыния), военно-политическая Малая Антанта, двусторонние дипломатические и торговые соглашения с лимит-экономического союза разбитой в мировой войне Германии и разоренной гражданской войной и иностранной интервенцией Советской России.

Вся эта программа стала достоянием гласности на V конгрессе Коминтерна в 1924 году благодаря К. Радеку, который огласил сверхсекретный меморандум Д. Ллойда Джорджа участникам Парижской мирной конференции 1919 года.

У Ллойда Джорджа имелись основания опасаться мировой революции. В самой Англии и в Европе в 1919 году революционный подъем трудящихся против капитала был очень высок — помимо России, советские республики (пусть и на короткое время) возникли в Венгрии, в Словакии, в Баварии.

Это Сталин, подобно Наполеону Бонапарту, создавая свою легенду прихода к власти, сначала в интервью 1 марта 1936 года американскому журналисту Рою Говарду, затем в «сталинской» конституции того же года и, наконец, в «кратком курсе» 1938 года, начисто отмежевался от марксистской доктрины мировой пролетарской революции.

Но Ллойд Джордж читал газеты и знал, что в апреле 1917 года, произнеся свою знаменитую речь с броневика у Финляндского вокзала в Петрограде, В. И. Ленин закончил ее лозунгом «Да здравствует мировая социалистическая революция!»¹.

В переведенной на многие иностранные языки второй про-

¹ После 1938 года во всех изданиях этой речи эпитет «мировая» был вычеркнут и впервые появился вновь только в 1984 году при переиздании воспоминаний Н. К. Крупской об Ильиче.

грамме (1919 г.) РКП(б) значились те же цели мировой победы коммунизма над капитализмом (наше дело, дело Коминтерна — это «дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики»¹). Наконец, приехав в СССР после установления дипломатических отношений в 1924 году, английский, французский, да и любой другой иностранный дипломат получал вместе с дипломатической карточкой справочник (ежегодник) НКВД на русском и французском языках, в котором в разделе «Революционные праздники СССР» с удивлением мог обнаружить, что там отсутствует... праздник Великого Октября — вместо него стояло: «7-го ноября. День Пролетарской революции», а в преамбуле (декларации) к первой конституции 1924 года об образовании СССР говорилось, что «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем...», и само образование СССР «послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». Именно от «мирового» СССР идет и вся наша сегодняшняя государственная символика: герб — серп и молот на фоне обрамленного колосьями земного шара, пятиконечная звезда — символ объединения в один союз пяти континентов мира и сопутствующий этой красной звезде лозунг — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Как и в случае с В. Вильсоном, Ленину не удалось в 1919—1923 годах реализовать проект «мирового» СССР, но сами противоборствующие идеи — национализма и интернационализма — остались и в идеологическом и внешнеполитическом плане в 20 — начале 30-х годов определяли противостояние СССР остальному капиталистическому миру (отказ признать примат международного права как «буржуазного» над законами диктатуры пролетариата, предпочтение двусторонним соглашениям в ущерб многосторонним — задача «раскола» единого фронта империализма, непризнание и отказ вступать в международные организации — Лигу Наций (до сентября 1934 г.), МОТ, Олимпийский комитет и т. д.).

* * *

Дипломатическая сторона двусторонних советско-польских переговоров в октябре 1920 — марте 1921 года относительно заключения предварительного и окончательного Рижского мира исследована в советской и польской литературе

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 215.

достаточно обстоятельно. Опубликованы и основные документы этих переговоров.

Основные принципы Рижского договора были подробно обсуждены на IX конференции РКП(б), состоявшейся в сентябре 1920 года. В ходе партконференции развернулась острейшая дискуссия о причинах неудачных итогов вооруженных действий Красной Армии против Польши и вновь встал вопрос о перспективах развития революции в Европе и, соответственно, о политической стратегии и тактике Советского государства.

Однако на вопрос о том, как протекал тот «жесточайший бой», о котором говорил В. И. Ленин Кларе Цеткин, в современных советских исследованиях пока ответа не дано, если не считать глухих аналогий с дискуссией о Брестском мире да упоминания среди противников В. И. Ленина группы «левых» и одного человека — Н. И. Бухарина.

Между тем, если говорить о Бухарине, он, в отличие от 1918 года, уже не был главным оппонентом В. И. Ленина (эту роль взяли на себя Каменев и Троцкий), и основная дискуссия на IX конференции развернулась не столько по вопросу о необходимости заключения немедленного мира на условиях уступки значительной территории (что было одним из камней преткновения при Бресте), сколько по гораздо более важному, принципиальному вопросу — о путях дальнейшего развития мировой революции, о сохранении социалистических завоеваний в Советской России.

Для понимания всего значения поворота, осуществленного партией в 1921 году по настоянию В. И. Ленина во внешней (Рижский договор) и во внутренней политике (нэп), следует еще раз напомнить, что Октябрьская революция рассматривалась большевиками и партиями Коминтерна как «начало международной революции пролетариата»¹.

Более того, следует восстановить историческую истину — «военный коммунизм» (термин, придуманный Троцким) был вызван не только условиями гражданской войны и иностранной интервенцией, как со времен «Краткого курса» и до наших дней утверждают некоторые наши историки. «Военный коммунизм» питался прежде всего доктринальными установками немедленного «прыжка в коммунию» через развязывание классовой борьбы в стране (комбеды в деревне с лета 1918 г., расстрел царской семьи на Урале) и «в мировом масштабе».

Самым трагическим актом этого «прыжка» была отмена эсеровского по своей сути «Декрета о земле», принятого II съездом Советов, и замена его декретом ВЦИК от 19 февраля 1918 года за

¹ Программа мировой революции (принята VI конгрессом Коминтерна 1 сентября 1928 г.). — М.; Л., 1929. С. 163.

подписью В. И. Ленина и Я. М. Свердлова «О социализации земли», ориентированным на создание крупных госхозов и крестьянских коммун, где середняку-единоличнику, арендатору национализированной земли оставалось мало места. Отсюда — его постоянные колебания между красными и белыми, отсюда — такой массовый и кровавый характер гражданской войны.

Линия на «коммунизацию» проводилась в промышленности и торговле: даже в конце гражданской войны, в ноябре 1920 года, была обобществлена вся мелкая кустарная промышленность, запрещены ремесленное производство и мелкая частная торговля. Весной 1920 года IX съезд РКП(б) по предложению Троцкого, поддержанного Лениным, декларировал всеобщую милитаризацию труда («трудоармий», трудовая повинность и т. д.), а ВЦСПС перешел от денежной оплаты к натуроплате (продуктами, вещами и т. п.) при отмене платы за квартиру, коммунальные услуги, общественный транспорт.

Доктринально-теоретически все эти жесткие меры рассматривались как подготовка плацдарма для помощи разгорающейся мировой революции, где Советская Россия считалась ее «временным тылом», до окончательной победы пролетариата Европы, который затем, по мысли Троцкого, «возьмет на буксир нашу отсталую страну, поможет нам технически и организационно и, таким образом, даст нам возможность, путем исправления и изменения методов нашего военного коммунизма, прийти к действительно социалистическому хозяйству».

Вот почему в разгар наступления Красной Армии на Варшаву II конгресс Коминтерна принял воззвание «Советско-польская война»: «Рабочие и работницы! Если капиталистическая сволочь всего мира кричит об угрозе независимости Польши для того, чтобы подготовить новый поход против России, то знайте одно: ваши рабовладельцы дрожат, боясь... что если под ударами Красной Армии распадется белогвардейская Польша и польские рабочие захватят власть в свои руки, то и германским, австрийским, итальянским, французским рабочим будет легче освободиться от своих эксплуататоров и что за ними последуют также рабочие Англии и Америки»¹.

Показательно в этом отношении речь на IX конференции РКП(б) Бела Куна (в 1919 году — наркоминдел Венгерской Советской Республики, а в 1920 году — член Реввоенсовета Южного фронта). «Есть некоторые товарищи на Западе, — говорил Бела Кун, — которые считают себя коммунистами и которые называют эту политику Советской России империалистической. Позор таким товарищам, потому что совершенно неверно, будто массы

¹ Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1972. С. 362—363.

Германии, Польши и Юго-Восточной Европы говорят о большевистском империализме. Не только наши товарищи в Венгрии, которые были под белым террором, но и пролетариат Чехословакии, Австрии, Юго-Восточной Европы ожидает Красную Армию не как армию империалистическую, а как армию коммунистической России, как армию-освободительницу... Я уверяю вас, что международная революция созрела, что Красная Армия в случае своего продвижения... была бы поддержана вооруженным восстанием пролетариата этих стран»¹.

Стоит ли после этого удивляться, что М. Н. Тухачевский, командовавший Западным фронтом, наступавшим на Варшаву, подписал в июле 1920 года приказ, где были такие слова: «На штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир. Вперед, на Запад!»

Об обстановке, царившей на II Всемирном конгрессе Коминтерна (он проходил в Москве и Петрограде), свидетельствует и такой штрих. На сцене Большого театра в Москве висела огромная электрифицированная карта советско-польского театра военных действий (делегаты называли ее «картой мировой революции»), где каждое утро они, «с замиранием сердца», по выражению председателя Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьева, отмечали флажками продвижение «международной» РККА к Варшаве². А устроители этой карты «экспорта мировой революции» уже отмечали следующие точки удара РККА — Берлин, Вена, Рим, Париж...

Программа ускорения мировой революции в Европе с помощью Красной Армии и установления политической власти европейского пролетариата в виде Советов с последующим воссоединением этих «дочерних» советских европейских и азиатских республик с Советской Россией была четко выражена в «Манифесте II конгресса Коминтерна», принятом в августе 1920 года в Москве. «Коммунистический Интернационал есть партия революционного восстания международного пролетариата, — говорилось в нем. — ...Советская Германия, объединенная с Советской Россией, оказалась бы сразу сильнее всех капиталистических государств, вместе взятых! Дело Советской России Коммунистический Интернационал объявил своим делом. Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира»³.

Принципиально важно подчеркнуть, что в 1919—1920 годах концепция мировой революции в ее экстремальном толковании

¹ Девятая конференция РКП(б). С. 32—33.

² X съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1921. С. 271.

³ Девятая конференция РКП(б). С. 354, 359.

(Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин) не признавала ни буржуазного принципа суверенитета, ни буржуазных договоров (царские тайные договоры были опубликованы еще в 1917—1918 годах), ни даже самой дипломатии как таковой. Будучи назначенным в ноябре 1917 года наркомом иностранных дел, Троцкий на первой же встрече с сотрудниками наркомата объявил, что мировой революции никакая дипломатия, ни буржуазная, ни пролетарская, не нужна, ибо трудящиеся всего мира и без этого найдут общий язык, не прибегая к какой-то «касте посредников».

Отношение Троцкого к дипломатическим отношениям с буржуазными государствами достаточно ясно проявилось в Брест-Литовске — «ни мира, ни войны». Схожим было его отношение и к Рижскому миру: «...Наш лозунг может остаться прежним: дипломатия пойдет в Ригу, а Красная Армия — в Варшаву»¹.

В своей установке на «непосредственную» мировую революцию с участием Красной Армии Троцкий был далеко не одинок.

Вскоре после заключения «похабного» Брестского мира Н. И. Бухарин, готовя тезисы ко второй программе РКП(б), писал в мае 1918 года по проблеме соотношения наций и классов: «Здесь речь идет не о праве наций (т. е. и рабочих, и буржуазии вместе) на самоопределение, а о праве трудящихся классов. Это значит, что так называемая воля «нации» для нас вовсе не священна. Если бы хотели узнавать волю нации, нам нужно было бы созывать учредительное собрание этой нации. Вот почему мы говорим не о праве наций на самоопределение, а о праве на отделение трудящихся классов каждой нации. Во время пролетарской диктатуры не учредительные собрания («общенародные», «общенациональные»), а советы трудящихся решают вопросы. И если бы в каком-нибудь уголке России было создано одновременно два собрания — «Учредилка» данной нации и Съезд Советов, причем «Учредилка» стояла бы за отделение, а пролетарские съезды против, — мы тогда поддерживали бы решение пролетариата против решения «Учредилки» всеми средствами вплоть до оружия».

«Здесь путь ясен, — продолжал Бухарин. — Это есть путь всемирной поддержки международной революции, путь поддержки революционной пропаганды, стачек и восстаний в империалистических странах, путь поддержки возмущений и восстаний в колониях этих стран».

Какой же должна быть в этих условиях внешняя политика Советской России, по Бухарину? А вот какой: «Положение Советской республики есть исключительное положение. Это есть

¹ Девятая конференция РКП(б). С. 78.

единственная в мире пролетарская государственная организация среди разбойничьих организаций буржуазии. Поэтому только она имеет право на защиту. Более того — ее нужно рассматривать как орудие борьбы всего мирового пролетариата против мировой буржуазии. Уже ясен и лозунг, боевой клич этой борьбы...

Свержение империалистических правительств путем вооруженного восстания и организация международной республики советов — таков путь к международной диктатуре рабочего класса»¹.

И даже спустя четыре года, в условиях «нэповского сожительства» с капиталистическим окружением и началом политики мирного сосуществования, Бухарин на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года повторил свой тезис о правомерности «экспорта революции»: «Каждое пролетарское государство имеет право на красную интервенцию», поскольку «распространение Красной Армии является распространением социализма, пролетарской власти, революции»².

До катастрофы под Варшавой эти условия частично как будто осуществлялись: в 1920 году — М. В. Фрунзе помог установить Советскую власть в Бухаре, в 1920—1921 годах произошла советизация Закавказья XI армией РККА во главе с С. М. Кировым.

Установление Советской власти в Польше, а в случае победы — в Германии, Венгрии и т. д. мыслилось большинством тогдашних лидеров Коминтерна по той же модели. Подобно тому как в Азербайджане в апреле 1920 года Временный революционный комитет во главе с Н. Наримановым призвал на помощь XI армию, летом 1920 года в Польше был создан ревком во главе с Ф. Э. Дзержинским и Ю. Мархлевским. В Галиции большая помощь была оказана ранее возникшей Западно-Украинской Народной Республике (ЗУНР, аналог ДВР в России), армия которой и после подписания Рижского мира еще долго вела партизанские действия против войск Пилсудского.

Однако, в отличие от Азербайджана, в Польше, несмотря на все призывы ревкома, всеобщего восстания против помещиков, капиталистов и Антанты не последовало. Наоборот, большинство населения выступило против Красной Армии, что в значительной степени парализовало ее коммуникации на путях к Варшаве.

Впоследствии историки советско-польских отношений этого периода об этом столкновении польского крестьянского патриотизма (с советской стороны его тогда определяли как «наци-

онализм панской Польши») и курса на пролетарский интернационализм, который должен был обеспечить победу Красной Армии, старались не писать. Однако в те годы, в том числе на IX конференции РКП(б) и на состоявшейся в октябре 1920 года чрезвычайной сессии ВЦИК, на которой был утвержден предварительный мир, подписанный в Риге 12 октября 1920 года, об этом говорилось открыто. Так, член Реввоенсовета XV армии Западного фронта Д. В. Полуян заявил: «...мы нигде действенной и активной поддержки у польского пролетариата не встречали, мы индустриального польского пролетариата не видели... Заявляю, что подавляющее большинство польской армии было из польских рабочих. Поэтому все говорит за то... что польский рабочий проникнут национализмом и шовинизм в этой (польской) армии играет огромную роль»¹.

Другие участники польской кампании, в том числе И. В. Сталин, который был тогда членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта, признавали, что найти опору среди местного населения не удалось: созданная ревкомом местная милиция повернула оружие против Красной Армии, создав отряды партизан; польские артиллеристы сражались до последнего снаряда; польские партизаны взрывали дороги и мосты.

В. И. Ленин с большим вниманием отнесся к этим оценкам. В Политическом отчете ЦК РКП(б) IX партконференции В. И. Ленин осудил шаблонный подход командования Красной Армии к войне против Польши как к гражданской войне с Колчаком и Деникиным. «Мы победили Колчака и Деникина лишь после того, — говорил В. И. Ленин, — как у них изменился социальный состав их армий, когда основные крепкие кадры растворились в мобилизованной крестьянской массе»².

Д. В. Полуян, однако, не согласился с оценкой Ленина: «Когда мы воевали с Колчаком и Деникиным, то там не было национального шовинистического элемента... И те мужички, которые были в армии Деникина, их ничто не спаивало с деникинскими офицерами. В польской армии национальная идея спаивает и буржуа, и крестьянина, и рабочего, и это приходилось наблюдать везде. Боязнь, что мы придем завоевателями, что мы будем насаждать Советскую власть, — эта боязнь была свойственна всем»³.

Полуян, по сути дела, затронул самый главный, коренной вопрос — открытое столкновение национализма и интернационализма: «Мы ставили одно из двух: или социальная революция в Европе назрела, тогда эта социальная революция сокрушит

¹ Бухарин Н. И. Программа коммунистов (большевиков). М., 1918. С. 60.

² IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции. М., Пг., 1923. С. 196.

¹ Девятая конференция РКП(б)... С. 45.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 284—285.

³ Девятая конференция РКП(б). С. 45.

и польскую буржуазию, а если обратное, тогда взятие нами Варшавы приведет к обратному положению, ибо европейские капиталисты не могли примириться с тем, что мы рушили Версальский мир»¹.

И хотя на IX партконференции много времени было уделено чисто военным аспектам поражения под Варшавой (резкая критика делегатом К. К. Юреневым авантюристической военной установки Л. Д. Троцкого на то, что у Красной Армии под Варшавой «тыл впереди», то есть в Германии; перепалка Л. Д. Троцкого с И. В. Сталиным по вопросу о том, кто больше виноват, и т. д.), все же военные вопросы стали производными от главного: готова ли была Европа к мировой социалистической революции в августе 1920 года?

Большинство делегатов конференции (Л. Д. Троцкий, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Бухарин, Л. Б. Каменев и др.) отвечали на этот вопрос утвердительно, усматривая в неудаче Красной Армии лишь частное военное поражение. Предлагалась и соответствующая тактика на будущее. Троцкий считал нужным «полностью освободить Красную Армию как силу международного действия» после разгрома Врангеля; Каменев — сделать «следующую вылазку». «Соединение с нашими пролетарскими армиями, — утверждал он, — если не удалось в первый раз, удастся в следующий раз»².

Меньшинство делегатов (Радек, Полуян, Юренев, Ходоровский и др.) придерживались куда менее оптимистических взглядов. И. И. Ходоровский с большим сомнением говорил о возможности «новой вылазки». Он привел факты «колоссальных трудностей» работы в российском тылу: разруха, массовое уклонение от мобилизации в Красную Армию, в парторганизациях война с Польшей вызывает отрицательную реакцию, а «беспартийная масса находилась... в состоянии полнейшей прострации, утомленности и усталости». Общее «желание передохнуть». В деревне — засуха все лето 1920 года, грозит голод, в городах — «забастовки на целом ряде заводов». Он призывал поскорее перейти к миру³.

С трезвым анализом международной обстановки после поражения под Варшавой выступил на конференции Карл Радек.

Главная причина провала всей польской кампании, сказал он, — ошибочная оценка революционной ситуации в Европе: «Штык будет хорош, если надо будет помочь определенной революции, но для нащупывания положения в той или иной стране у нас имеется другое орудие — марксизм, и для этого нам не

надо посылать красноармейцев»⁴. Полемизируя с Л. Д. Троцким, Л. Б. Каменевым и др., К. Радек прямо сказал, что «решение неправильно политически», что и так ясно, что «в Центральной Европе отношения еще не созрели для революции»⁵.

Из выступления Радека вытекало, что в ЦК были большие колебания по вопросу о том, идти или не идти на Варшаву, (причем Ленин был решительно за «идти»), и что только торжественные заверения Л. Д. Троцкого о том, что к 16 августа он возьмет не только Варшаву, но и Данциг (Гданьск), чтобы перерезать снабжение армии Пилсудского военным снаряжением от Антанты, склонили чашу весов в пользу форсированного похода в Польшу. О том же говорил и Сталин, фактически защищая в этой части Троцкого: «ЦК решил вопрос не в пользу дачи передышки международной буржуазии и ее цепной собаке — Польше»⁶.

Касаясь международных событий того периода, К. Радек подчеркнул: «Товарищи германские коммунисты говорили нам: если вы придете на германскую границу, то это оживит германское движение, но на взрыв рассчитывать не надо. Насчет положения в Англии т. Бухарин говорит, что он не ожидал восстания там, а во Франции еще того менее. Так что же нас побуждало идти напролом?»⁴.

Некоторые делегаты партконференции (например, В. Д. Виленский, делегат Дальневосточной республики) уже заговорили о переносе центра тяжести мировой революции на Восток, в Азию, «и здесь рядом с нашим разочарованием по поводу Запада раздается слово за китайскую революцию, которая как будто там разливается»⁵. Между прочим, первым эту идею стимулировать мировую революцию с помощью РККА на Востоке (поход на Индию через Афганистан и территорию нынешнего Пакистана) еще в 1919 году высказал Троцкий в специальной секретной записке в ЦК РКП(б), однако большинство ЦК отклонило это авантюристическое предложение.

* * *

Борьба вокруг вопроса о Рижском мире имела непосредственное отношение и к выработке стратегии перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике.

«Кавалерийская атака» не удалась — мировой капитализм

¹ Девятая конференция РКП(б) С. 37.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 69—70.

⁵ Там же. С. 51.

отбил ее и устоял. Наступило временное равновесие капитализма и социализма при заметном отливе революционного движения в Европе и росте его на Востоке. Это будет, полагал В. И. Ленин в 1921—1922 годах, длительный период, во время которого пролетарской диктатуре в СССР скорее всего придется какое-то время строить социализм в одиночку в условиях капиталистического окружения, но при активной международной помощи международного пролетариата; как и в 1919—1920 годах, он может затруднить будущую капиталистическую военную интервенцию против Советской страны.

В советской исторической литературе со времен «Краткого курса» прочно утвердился тезис, что нэп был «чисто русским» явлением и возник как реакция на собственные внутренние трудности. Из внешних факторов упоминается лишь обещание военной помощи участникам кронштадтского мятежа со стороны Антанты и эмигрантов-белогвардейцев. Однако очень важную роль сыграли и внешние трудности, в том числе поражение Красной Армии в Польше.

Хотя В. И. Ленин еще до Октябрьской революции доказал, что социалистическая революция может победить не в группе промышленно развитых стран (как предполагали К. Маркс и Ф. Энгельс), а в отсталой полукOLONиальной стране среднего уровня развития капитализма, тем не менее, как отмечалось В. И. Лениным в его выступлении на III конгрессе Коминтерна летом 1921 года, и победив в октябре 1917 года, большевики все еще думали: «Либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что, в случае поражения, мы все же послужим делу революции и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции (в России) невозможна» (выделено мною. — В. С.)¹. В этой речи перед высшим форумом коммунистов мира В. И. Ленин говорил: «Еще до революции, а также и после нее мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро наступит революция в остальных странах, капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть».

Однако отчаянная попытка «подтолкнуть» эту мировую революцию в промышленно развитые страны Европы (прежде всего в Германию) не увенчалась успехом. «...В действительности, — резюмировал Ленин, — движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали»².

Очевидно, когда в 1922—1923 годах первые иллюзии на ско-

рое начало мировой революции прошли, Ленин в своем знаменитом «Письме к съезду» косвенно признал обоснованность колебаний Зиновьева и Каменева в «октябрьском эпизоде», который отныне «мало ставим им в вину...»¹.

Так что же надо было делать? И вот тут наступил самый критический момент. Поколения российских и зарубежных марксистов-революционеров сначала в революционных кружках, а потом на практике, в гражданской войне 1918—1920 годов, проникались убеждением, что их конечная цель — непосредственная мировая революция. Теперь же надо было искать другой путь.

Для понимания принципиального поворота в методах дальнейшей революционной борьбы и в Советской России, и в «мировом масштабе» исключительное значение имеют ленинские «коминтерновские» документы, которые, к сожалению, все еще крайне выборочно используются в нашей литературе. Между тем, по нашему глубокому убеждению, именно на первых четырех (1919—1922 годы) конгрессах Коминтерна В. И. Ленин раскрыл суть первого (1919—1920 годы) и второго (с 1921 года) этапов мировой стратегии коммунизма, куда внешняя и внутренняя политика РКП(б) входила как составная часть.

Собственно, элементы новой стратегии международного рабочего движения, основанной на поисках разумных компромиссов (а в основе нэпа и лежала концепция компромисса), были намечены В. И. Лениным уже весной 1918 года в дискуссии о Брестском мире и в брошюре «Очередные задачи Советской власти» и развиты в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», вышедшей в свет в июне 1920 года (до наступления на Варшаву), ко II конгрессу Коминтерна, на котором завершилось организационное оформление этой международной пролетарской организации. Однако, судя по принятому на этом конгрессе и процитированному выше «Манифесту», идеи поиска компромиссов еще не стали линией Коминтерна.

Между тем к моменту созыва в Москве летом 1921 года III конгресса Коминтерна обстановка стала иной. Как указывал В. И. Ленин, «война с Польшей, вернее, июльско-августовская кампания (1920 года), коренным образом изменила международное политическое положение»².

В «Тезисах доклада о тактике РКП» III конгрессу Коминтерна, подготовленных В. И. Лениным (при участии К. Радека), говорилось: «Получилось, хотя и крайне непрочное, крайне неустойчивое, но все же такое равновесие, что социалистическая

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 36.

² Там же.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

² Там же. Т. 41. С. 281.

республика (в России) может существовать — конечно, недолгое время — в капиталистическом окружении»¹.

Тот факт, что в тезисах идет речь о «недолгом времени», вполне объясним. Большевики исходили из уже имевшегося опыта. В 1919 году Венгерская Социалистическая Федеративная Республика просуществовала всего 133 дня, Советская власть в Словакии — три недели, в Баварии — две недели. Еще раньше совершенные по образцу Октябрьской революции пролетарские перевороты были задушены в Финляндии, Эстонии, Польше. Почти во всех случаях наряду с внутренней контрреволюцией активное участие в вооруженном подавлении рабочего класса принимала участие международная контрреволюция.

Именно на основе этого опыта В. И. Ленин и писал в «Тезисах доклада о тактике РКП»: международная буржуазия «выжидает, подкарауливает момент, когда обстоятельства позволят ей возобновить эту войну»².

В чем же должна была состоять, по Ленину, новая тактика Коминтерна? В своей речи на III конгрессе он отвечал так: «...мы должны использовать эту краткую передышку для того, чтобы приспособить нашу тактику к этой зигзагообразной линии истории»³.

Стратегическая линия Коминтерна — свержение ига мирового капитала методом мировой революции — оставалась прежней и на III конгрессе, и на всех последующих. «Конечной целью, к которой стремится Коммунистический Интернационал, является замена мирового капиталистического хозяйства мировой системой коммунизма»⁴, — говорилось в принятой VI конгрессом Коминтерна в 1928 году программе.

Однако методы (тактика) достижения этой конечной цели кардинально менялись. Одна из главных причин (помимо изменения общей международной обстановки и отлива революционной волны на Западе) — то, что позднее стало называться «ценой» революции. В статьях и выступлениях В. И. Ленина с конца 1920 года и в 1921—1922 годах вопрос о «цене» мировой революции становится одним из главных. В. И. Ленин поставил этот вопрос еще в своей речи на III конгрессе Коминтерна, особо подчеркнув, что успехи периода «военного коммунизма», защита революции в России и поддержка международного пролетариата стали возможны только благодаря «чуду», которое совершил «русский народ и рабочий класс», перенесший «столько страданий, нужды и лишений»⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 4.

² Там же.

³ Там же. С. 37.

⁴ Программа мировой революции. С. 168.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 44.

В. И. Ленин не разделял теорий о классовом мире и «врастании капитализма в социализм», которые после первой империалистической войны в 20—30-х годах внедрялись в сознание европейского рабочего класса правыми и центристскими лидерами, деятелями II (Амстердамского) и II 1/2 (Венского) реформистских интернационалов. Он полностью разделял марксистское учение о насилии как «повивальной бабке» истории и высказывал предположение: «Весьма вероятно, что и во всякой иной стране дело пойдет точно так же» (то есть как и в России после 1917 года. — В. С.)¹.

Однако в 1921 году он выдвинул лозунг делать революцию «не на энтузиазме», а «при помощи энтузиазма». На III конгрессе Коминтерна Ленин решительно выступил против «леваков» (Бела Куна и др.) с их «теорией наступления» в 1920—1921 годах, в ходе дискуссии в РКП(б) о роли профсоюзов в строительстве основ социализма в России — против Л. Д. Троцкого и его программы «завинчивания гаек». Н. И. Бухарин очень точно назвал это изменение тактики переходом от политики «гражданской войны» к политике «гражданского мира». В речи на III конгрессе и особенно в докладе «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» 13 ноября 1922 года на IV конгрессе Коминтерна В. И. Ленин охарактеризовал нэп как генеральный путь строительства основ социализма и в СССР, и в других странах, в том числе и капиталистических. Он поставил перед делегатами IV конгресса Коминтерна задачу учиться нэпу. «Я не знаю», говорил он, как долго капиталистические державы предоставят нам возможность спокойно учиться. Но каждый момент, свободный от военной деятельности, от войны, мы должны использовать для учебы, и притом сначала»².

Несколько позднее, в одной из своих последних статей («О кооперации»), он раскрыл эти главные объекты «учебы Коминтерна»: «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе»³.

Символическим и зримым проявлением этой «коренной перемены» вновь стала карта на сцене Большого театра в декабре

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 46.

² Там же. Т. 45. С. 293.

³ Там же. С. 376.

1920 года, но на этот раз — не «мировой революции» (она стала проблемой «только теоретической», как горестно воскликнул Зиновьев на XIII съезде РКП(б) весной 1923 г.), а электрифицированная карта ГОЭЛРО («коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» — В. И. Ленин).

Здесь явно виден переход В. И. Ленина от оценки нэпа как поворота **тактического** (с чем были согласны Троцкий и его левые единомышленники в РКП(б) и Коминтерне) к его оценке как поворота **стратегического** (которую полностью поддержал Бухарин и его единомышленники в партии), к тому, что Ленин называл «всерез и надолго». К сожалению, В. И. Ленин в 1922—1923 годах не успел более детально обосновать этот стратегический поворот и в политике РКП(б), и в политике Коминтерна, поворот, который во многом способствовал заключению Рижского мира.

Н. И. Бухарин, который, как известно, два последних года жизни В. И. Ленина чаще, чем другие тогдашние лидеры РКП(б) и Коминтерна, беседовал с Ильичем в Горках о путях развития капитализма, социализма и мировой революции, в марте — апреле 1936 года, во время пребывания в Париже, встречаясь с бывшим «левым» меньшевиком и родственником А. И. Рыкова, высланным вместе с Ф. И. Даном, Н. А. Бердяевым и другими выдающимися деятелями гуманитарной интеллигенции (Питиримом Сорокиным, С. Булгаковым), — Б. Н. Николаевским, даже утверждал, что эти последние мысли Ленина можно рассматривать как вторую, письменно неоформленную, часть его «завещания»¹. По словам «любимца партии», он в обобщенном виде изложил эти последние мысли Ленина в докладе «Политическое завещание Ленина» (1929 г.), посвященном пятилетию со дня смерти Ильича.

Отметим главную мысль Ленина так, как ее излагает Бухарин: центр тяжести мировой революции с 1921 года переместился в СССР как «модель» мирового социализма и коммунизма («отечество мирового пролетариата»); строить эту «модель» надо на принципах нэпа в условиях гораздо более длительной, чем предполагал Ленин в 1921 году, стабилизации капитализма и «равновесия»; мировая революция скорее всего придет из Азии в связи «с началом гигантского революционного брожения среди сотен миллионов восточных народов», союз которых (СССР, Индия, Китай и т. д.) и решит в конечном счете исход исполинской борьбы между капитализмом и коммунизмом².

¹ Nikolayevsky B. Power and the Soviet elite: a letter of «old bolshevik» and others essays. New York, 1965. См. также: Козн С. Бухарин. Политическая биография, 1888—1938. М., 1988. С. 434.

² Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 424—427.

Развивая ленинские «нэповские» идеи на IV конгрессе Коминтерна, Н. И. Бухарин выдвинул концепцию «национальных типов социализма», для которых будет обязательным переходный период в виде нэпа: «Я говорю: проблемы новой экономической политики носят международный характер... Если взять даже наиболее развитые в промышленном отношении страны, как, например, Германию или даже Америку, неужели вы думаете, что они не очутятся перед такой же проблемой? Да, очутятся тотчас же после переворота. Разве можно, например, уже в первый момент подчинить определенному организованному плану хозяйство американских фермеров? Никким образом. Такие слои нуждаются в некоторой экономической свободе. То же самое относится и к Германии...»¹

Шесть лет спустя, на VI конгрессе Коминтерна в 1928 году, Н. И. Бухарин говорил в своем заключительном слове по итогам дискуссии о программе Коминтерна об «универсальном значении нэпа»².

Вместе с тем Н. И. Бухарин отмечал, что в 1922—1923 годах Ленин уже не ставил вопрос о сроках мировой революции, «он отвечал чрезвычайно осторожно», причем «связывал следующий революционный взрыв непосредственно с **грядущей войной**»³. Но этот «взрыв с войной» уже зависел не столько от Коминтерна или СССР, сколько от обострения межимпериалистических противоречий в капиталистическом лагере.

* * *

Одной из главных причин, из-за которых мировая революция в Европе в 1918—1920 годах не удалась, Коминтерни и В. И. Ленин называли субъективный фактор — предательство интересов пролетариата лидерами международной социал-демократии. Вместе с тем опыт классовых боев 1918—1921 годов в странах Западной Европы показал, что социал-демократии удастся все еще вести за собой значительные отряды пролетариата. Поэтому В. И. Ленин выдвигал на III конгрессе Коминтерна задачу повседневной борьбы в массовых рабочих организациях за их отрыв от социал-демократии, за создание «**крупных, революционных, коммунистических массовых партий**»⁴.

Однако в условиях отлива революционного движения в Ев-

¹ IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции. С. 193.

² См.: VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Вып. 3. М.; Л., 1929. С. 153.

³ Бухарин Н. И. Указ. соч. С. 424.

⁴ Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932 гг. М., 1933. С. 183. (Тезисы о тактике, принятые III конгрессом.)

ропе и частичной стабилизации капитализма В. И. Ленин рекомендовал коммунистам не закрывать двери для переговоров с социал-демократами. Именно этой цели служило предложение Ильича III конгрессу Коминтерна о создании «единого фронта» рабочих двух течений — коммунистов и социал-демократов, допускавшее до определенных пределов переговоры с лидерами II Интернационала (6 декабря 1921 года Пленум ИККИ утвердил эту идею в виде тезисов о едином фронте). По сути дела, это была «социал-демократическая Генуя». Не случайно, что именно в дни Генуэзской конференции проходила другая — в Берлине. В апреле 1922 года делегация III Интернационала в составе Н. И. Бухарина, К. Радека и Клары Цеткин вела переговоры с руководителями II и II½ Интернационала. Эта так называемая «конференция трех интернационалов» в случае ее удачи могла бы положить начало созданию действительно «единого фронта», и, кто знает, если бы он сохранился до начала 30-х годов, пришел ли бы Гитлер к власти в Германии?

На конференции представители трех Интернационалов договорились о созыве в Гааге всемирного рабочего антивоенного конгресса как первого шага к образованию «единого фронта» в международном и национальном масштабах¹. К сожалению, по вине обеих сторон дальнейшие переговоры были прерваны.

Тем не менее IV конгресс Коминтерна в ноябре 1922 года вновь подтвердил правильность стратегии «единого фронта». Однако Зиновьев продолжал клеймить «социал-предателей»: «Капитализм теперь держится исключительно личностью социал-предателей из II Интернационала. Рабочий класс теперь уже настолько многочислен, что одним нажатием плеча мог бы стряхнуть международный капитал, если бы только социал-демократы постоянно не путались у него в ногах, не удерживали бы его за руки...»²

Более того, воспользовавшись все усиливавшейся болезнью Ильича, Зиновьев и Троцкий при молчаливом согласии Сталина тайне от остальных членов Политбюро и ЦК, собравшись на конспиративную встречу в кабинете Троцкого в здании Реввоенсовета Республики (бывшее Александровское военное училище, ныне одно из зданий Министерства обороны по ул. Фрунзе), приняли решение вновь экспортировать мировую революцию в Германию и даже назначили дату ее «победы» — 9 ноября 1923 года.

Предлогом для этого послужила военная оккупация Рурского угольного бассейна Францией и рост рабочего движения в Герма-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 140—144.

² IV Всемирный конгресс Коминтерна. Избранные доклады, речи и резолюции. С. 9.

нии. В Советской России были мобилизованы граждане немецкой национальности или свободно говорящие по-немецки и нелегально направлены в Германию. На закупку оружия для этих отрядов и общее финансирование «экспорта» был потрачен почти весь золотой запас страны, накопленный за два года нэпа. «Ревком Коминтерна» в составе Г. Л. Пятакова, К. Радека и полпреда в Берлине Н. Н. Крестинского тщетно пытался на месте, в Германии, поднять «мировую революцию», но основная масса немецких рабочих (исключая Гамбург, где «ударникам» во главе с Э. Тельманом удалось на короткое время захватить несколько полицейских участков) не поддержала эту авантюру, которая в конце концов с треском провалилась, несмотря на шумную кампанию поддержки в советской прессе¹.

На V конгрессе Коминтерна, состоявшемся летом 1924 года, через полгода после смерти В. И. Ленина, Зиновьев уже открыто повел атаку против стратегии «единого фронта», что вызвало резкую отповедь К. Радека, громившего председателя Коминтерна за откровенное отступление от заветов Ильича и «германскую авантюру» 1923 года². Однако «козлом отпущения» Зиновьев и Сталин сделали... Радека: его исключили из Исполкома Коминтерна и отправили ректором университета народов Востока им. Сунь Ятсена.

В 1920—1922 годах большевики увидели и другое — новую политику буржуазного реформизма («ллойд-джорджизма», как называл ее В. И. Ленин), политику «уступок неважного, сохранения важного».

«Капитаны» мирового капитализма после Октябрьской революции сделали свои выводы и с 1919 года начали вставлять на путь политических реформ и социальных уступок трудящимся (8-часовой рабочий день, оплачиваемый отпуск, страхование по болезни и увечью, предоставление избирательного права женщинам, увеличение пенсий инвалидам и ветеранам мировой войны, расширение прав профсоюзов и т. д.). Эти уступки рабочему классу в странах Антанты, США и Японии, отмечал В. И. Ленин, «все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира»³. В своих последних работах В. И. Ленин определил главное: отныне историческое соревнование капитализма и социализма переносится в сферу социально-экономического, сферу «производительности труда».

¹ Бажанов Б. Из воспоминаний бывшего секретаря Сталина. — Знание — сила, 1989, № 8. С. 90; Рейснер Л. Гамбург на баррикадах. — Избранные произведения. М., 1984; Кривогуз И. Коминтерн: во главе мировой революции (интервью). — Аргументы и факты, 1989, № 38. С. 6.

² См.: V Всемирный конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Ч. 1. М.: Л., 1925. С. 9—10, 143—172.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 402.

Ильич в 1921—1923 годах разрабатывает экономические основы новой («нэповской») модели «движения к социализму», о принципиальном отличии которой от марксовой хорошо сказал на партактиве в Перми 16 декабря 1922 года А. Н. Яковлев: «Для Ленина было жестоко мучительно сознавать, что Маркс и Энгельс ошиблись в моделировании нетоварного, безрыночного способа производства. Гипотеза не прошла проверку жизнью, «военный коммунизм» был ошибкой, следствием принудительной бестоварной утопии»¹.

Основное отличие ленинской «нэповской» модели движения к социализму от довоенной марксовой доктрины состояло в том, что Ленин на практике увидел, что главный классовый конфликт «управляющих» и «управляемых» проистекает не от форм собственности (частная, кооперативная или государственная), не от наличия товарного рынка, денег и даже не от видов политической власти (парламент или Советы) — все эти экономические и политические формы сами по себе не создают ни капитализма, ни социализма, ибо они суть инструмента («машина»).

Главное отличие в другом — кто (буржуа или пролетариат) сидит у руля этой «машины», кто распределяет произведенный конечный промышленный, сельскохозяйственный или культурный «продукт».

Отсюда выросло основное звено нэпа — регулирование социально-экономических и общественных отношений на основе экономического плюрализма (многоукладности), но при сохранении диктатуры пролетариата и однопартийности.

Характерно, что условия военного времени (особенно в кайзеровской Германии) толкали некогда «свободный» капитализм на тот же путь регулирования западной хозяйственной и социальной «многоукладности», механизм которого был сохранен и даже усилен после окончания первой мировой войны («новый курс» Рузвельта в США, политика Народного фронта во Франции), став важным внутренним элементом политики государств — участников Версальской системы.

Можно даже, на мой взгляд, сказать, что с 1921 года обе системы как бы шли с разных сторон и, безусловно, разными маршрутами к одной цели — нэпу. Только в Западной Европе и в США от «классического» капитализма XIX века шли к «социализации» в виде вмешательства государства в социально-экономическую жизнь, а в Советской России — от классического марксизма XIX века к «капитализации» в виде допуска частного капитала (отечественного и концессионного). И та и другая система в 20-х годах создавали то, что позднее получит название

«смешанной экономики», которую В. И. Ленин в полемике с Н. И. Бухариным о монополии внешней торговли в декабре 1922 года назвал «системой смешанных обществ».

Именно этой системе, то есть смешанной системе социализма и капитализма в экономике на закате своих дней настойчиво призывал учиться В. И. Ленин: «Если мы не сумеем... подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков»¹.

С высоты исторического опыта строительства социализма в СССР следует признать ту горькую истину, что часть «того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией» (В. И. Ленин), не поняла и приняла нэп как «столбовую дорожку» к социализму не только в СССР, но и во всем мире, оставшись в большинстве своем на прежних позициях «непосредственной» мировой революции и методов «военного коммунизма». В этом, а не только в личных амбициях и борьбе за «кафтан Ленина» (что, разумеется, также имело место после смерти Ильича) суть той острой внутривнутриполитической борьбы 20-х годов в ВКП(б) и Коминтерне.

Пolemика В. И. Ленина с доктринерами мировой революции началась еще при его жизни. Уже на XI съезде РКП(б) в марте — апреле 1922 года Ленину пришлось дать открытый бой доктринерам: «...никакой Маркс и никакие марксисты не могли это (нэпа.— В. С.) предвидеть. И не нужно смотреть назад»². А соратники тем не менее смотрели назад. «Наша марксистская партия, — жаловался председатель Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьев Троцкому вскоре после смерти Ильича, — при отсутствии мировой революции держится на честном слове»³. И не только «смотрели назад», открыто не соглашались с ленинской «коренной переменной» с нэпом. Поучительна здесь скрытая дискуссия Ленина с тогдашним видным теоретиком и экономистом, секретарем ЦК в 1920—1921 годах Евгением Преображенским, соавтором Бухарина по настольной книге — утопии «военного коммунизма» — учебнику «Азбука коммунизма» (1920 г.).

В ноябре 1921 года Ленин публикует в «Правде» важную статью «О значении золота теперь и после полной победы социализма», открыто направленную против доктринеров мировой пролетарской революции и в защиту твердого золотого конвертируемого рубля как финансового стержня нэпа.

Преображенский, председатель финансового комитета ЦК и Совнаркома, в начале 1922 года отвечает Ильичу контрброшю-

¹ Цит. по: Литературная газета. 23 августа 1989. С. 4.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 336.

² Там же. С. 117.

³ Цит. по: Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 2. Вермонт, 1985. С. 197.

рой «Бумажные деньги в эпоху диктатуры пролетариата»: какое золото, какой конвертируемый рубль, нэп — явление временное, вот-вот грянет мировая революция, и все деньги во всем мире вообще отомрут.

В августе 1921 года Ленин пишет, что нэп — это долгосрочная программа «гражданского мира» внутри страны и с ее капиталистическим окружением.

Преображенский раздражается серией статей, в 1923 году объединенных в сборник «О морали и классовых нормах». Суть — никакого «гражданского мира», это — оппортунизм, да здравствует перманентная гражданская война в мировом масштабе. Причина отступления к нэпу — вовсе не экономическая, она психическая, надо силой изменить «физиологию мозга» рабочих и крестьян и в СССР, и во всем мире. Сделать это трудно, поэтому все, кто родились при капитализме, до 7 ноября 1917 года, должны пойти «в отвал», не исключая и старых большевиков. «Счастье их, — восторженно писал Преображенский, не подозревая о подвалах Лубянки для себя и других доктринеров в 1936—1938 годах, — что они не доживут до коммунизма и сойдут в могилу революционерами и героями».

Ленин в начале 1922 года посылает «самого европеизированного из большевиков» К. Г. Раковского с дипломатической миссией в Европу — готовить Геную, сам почти готов поехать туда.

А Преображенский? В том же 1922 году выпускает антиноповский научно-фантастический роман «От нэпа к социализму. Взгляд в будущее России и Европы». Это будущее — 1970 год. Нэп давно отменен, снова декретирован «военный коммунизм», проведена коллективизация. В Европе, наконец, происходит мировая пролетарская революция, возникает «мировой» СССР, и модель Маркса, слава богу, торжествует, а «нэповский социализм» Ленина посрамлен.

Свое отношение к доктринерским упражнениям Преображенского Ленин успел выразить не только на XI съезде, но и в письме в Политбюро 16 марта 1922 года по поводу левацкого проекта доктринера «Основные принципы политики РКП в современной деревне». Вот оценки и эпитеты Ленина: «Тошнит всех от общих фраз... Это и есть современный «комбюрократизм»... Не надо обольщать себя неправдой. Это вредно...»¹

Иной была реакция на «внешнеполитический нэп» на Западе, в чем-то напоминавшая его нынешнюю реакцию на нашу современную перестройку.

Наиболее дальновидные политики 20-х годов на Западе увидели в нэпе нечто большее, чем временный тактический ход. Лон-

донская газета «Нейшн» 2 апреля 1921 года так характеризовала позицию бывшего английского премьера Д. Ллойд Джорджа: в своей речи в палате общин по поводу заключения англо-русского торгового договора он оценил нэп как отказ от прежней концепции непосредственной мировой революции, что уже дает основание признать Советскую Россию как государство «де-факто». В редакционном комментарии газета отмечала, что Ленин неуклонно преследует все ту же свою главную цель организации всей русской страны на принципах коллективного производства... «Если Ленину удастся получить машины и, в особенности, если он осуществит свой грандиозный план электрификации России, то он в несколько лет превратит отсталых индивидуалистических мужиков в социалистов»¹.

Не подлежит сомнению, что между идеологической установкой на ожидание мировой революции и реальной базисной черновой работой по строительству основ социализма в одной стране методами нэпа создавался все увеличивающийся разрыв.

Серьезные исследователи за рубежом, в частности бывший посол США в Москве Дж. Кеннан², давно отмечали дуализм внешнеполитической деятельности СССР в 1921—1940 годах: с одной стороны, Коминтерн, с другой — НКВД. Наши же историки со времен «Краткого курса» в работах по истории внешней политики СССР и Коминтерна межвоенного периода до самого последнего времени упорно отрицали этот реальный дуализм.

И снова в этой проблеме — перекличка с современностью (разделение государственных и партийных функций). Известный исследователь истории международного коммунистического движения И. Кривогуз в своем интересном интервью «Коминтерн: во главе мировой революции» предлагает сегодня такой «опрокинутый в прошлое» перестроечный выход: «... ни Коминтерн, ни ВКП(б) не были субъектами межгосударственных отношений и, значит, не были связаны их принципами»³. А сегодняшние палестинцы на Ближнем Востоке, другие национально-освободительные движения в мире, не имеющие пока статута государства, и поэтому до недавнего времени — не «субъекты» Устава ООН, они тоже вне «межгосударственных принципов»? Значит, террор израильтян против палестинских детей на оккупированном Западном берегу Иордана юридически оправдан?

Нет, такой выход для объяснения дуализма Коминтерна и НКВДа вряд ли подходит.

Между тем об этом дуализме открыто писали в советской печати еще в самом начале нэпа. Вот, например, как информиро-

¹ Бюллетень НКВД, 1921 г., № 75, С. 12.

² Kennan G. The Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1960.

³ Аргументы и факты, 1989, № 38. С. 5.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 45—46.

вал «Бюллетень НКВД» о реакции в Польше на заключение Рижского мира (по газете «Курьер Польский» от 4 октября 1921 года): «За границей должны надлежащим образом оценить тот большой труд, с которым Польша старается сохранить и укрепить мирные отношения с большевистской Россией. Мир с государством, не признающим никаких норм цивилизованного мира... ненавидящим политическое устройство всей остальной Европы и желающим видеть ее объятай пожаром и бунтом;... связь с людьми с янусовскими лицами, из которых одно говорит — «я член правительства и мне ничего неизвестно о III Интернационале», а другое — «я член III Интернационала и меня не интересуют обязательства правительства»¹.

Этот дуализм проявлялся в постоянных стычках в 1921—1925 годах между председателем Коминтерна Г. Е. Зиновьевым и народным комиссаром по иностранным делам Г. В. Чичериным, обвинявшим первого в непродуманных заявлениях, вредящих делу нормализации дипломатических отношений с Западом. В. И. Ленин еще в 1921 году требовал принятия специального постановления Политбюро, запрещающего руководителям Советского правительства и членам русской секции Коминтерна делать публичные заявления (особенно иностранным корреспондентам) без санкции Г. В. Чичерина. Однако, судя по многим фактам, с этим решением мало считались. Например, на V конгрессе Коминтерна 17 июня 1924 года Зиновьев заявил: «...победы еще нет, и нам предстоит еще завоевать 2/3 земной суши, чтобы во всем мире был Союз Советских Социалистических Республик»².

Безусловно, такой дуализм создавал большие трудности в повседневной работе и советской дипломатии (например, в Генуе), и Коминтерна, скажем, на переговорах со II Интернационалом в Берлине уже в 1922 году.

Проблема соотношения национальной государственной внешней политики НКВД и интернациональной международной «общественной» организации Коминтерна со всеми ее массовыми филиалами (Крестинтерн, КИМ, МОПР, Межрабпом, Спортинтерн и др.) оказалась тесно связанной с серьезной теоретической дискуссией в ВКП(б) и Коминтерне о «термидоре-нэпе», поставленной в повестку дня Л. Д. Троцким вскоре после смерти В. И. Ленина. Формальным поводом к этой дискуссии стала публикация в «Правде» в 1924 году статьи Сталина о возможности победы социализма в одной стране³ («на одной улице, в одной комнате», — иронизировал по этому поводу Радек).

¹ Бюллетень НКВД, 1921 г., № 99, С. 9.

² V Всемирный конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. С. 9.

³ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 97.

В «сталинской легенде» — «Кратком курсе» — вся эта серьезная теоретическая дискуссия о «термидоре-нэпе» была сведена к борьбе за «генеральную линию» против «троцкистов». Между тем, как показало исследование Тамары Кондратьевой, проблема «термидора» волнует всех революционеров вот уже 200 лет, со времен 18 брюмера 1799 года Наполеона Бонапарта¹.

Волновала она и Ленина в последние годы его жизни. В беседе с известным французским коммунистом-интернационалистом Жоржем Садулем в мае 1921 года Ильич высказался о «термидоре-нэпе» большевиков; после кончины Ленина Садуль опубликовал это высказывание в своих воспоминаниях об Ильиче в газете «Известия» 1 февраля 1924 года. Уподобляя большевиков «рабочим-якобинцам», Ленин отмечал: «Рабочие-якобинцы более проникательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость сами себя термидоризировать»².

Аналогичную ленинскую мысль высказывает в интервью с Луизой Вейс на страницах «Пти паризьен» в ноябре 1921 года наркоминдел Г. В. Чичерин: «Наша внешняя политика есть только выражение новой экономической политики, которая действительно является пролетарским термидором»³.

Таким образом, Ленин и его единомышленники уже с 1921 года сознавали дуализм внешней и внутренней политики большевиков, ее противоречие после того, как им пришлось отказаться от «прыжка в коммунию» и «непосредственной» мировой пролетарской революции с помощью «международной» армии РККА — Коминтерна.

Не случаен и такой факт: на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года Ленин отклонил предложение Зиновьева начать немедленную разработку программы «мировой революции» (краткая программа-тезисы была принята только после его смерти на V конгрессе летом 1924 года), и эта мощная пролетарская международная организация почти десять лет, до VI конгресса в 1928 году, оставалась без теоретического программного документа.

Со слов Клары Цеткин также известно, что Ленин в одной из частных бесед с ней в сердцах бросил: «Хватит разговоров о мировой революции...» И тем не менее эти «разговоры», особенно после смерти Ильича, вспыхнули с новой силой. Практически ни один форум Коминтерна (V и VI конгрессы, расширенные пленумы ИККИ, обычные пленумы) в 1924—1928 годах не обходились без теоретической дискуссии — «мировая революция» или «тер-

¹ См.: Kondratieva T. Bolcheviks et Jacobins. Itinéraire des analogies. Paris, 1989.

² Письма к В. И. Ленину из-за рубежа. М., 1966. С. 328.

³ Kondratieva T. Op. cit. P. 112.

мидор-нэп». Особенно бурно (почти два месяца) эта дискуссия между «нэповцами» во главе с Бухариным и доктринерами «мировой революции» во главе с Троцким и Зиновьевым протекала в ноябре — декабре 1926 года на VII расширенном пленуме ИККИ («малом конгрессе» Коминтерна)¹.

Конечно, во всех этих дискуссиях было много личного момента, «была борьба за власть», как признавали потом и Зиновьев, и Троцкий². Но был, безусловно, и очень важный теоретический «камень преткновения»: ведь Октябрьская революция замышлялась как мировая пролетарская, а продолжалась как национальная (социализм в одной стране). И в этом — основная коллизия доктрины и практики, в этом — глубинная причина победы Сталина и поражения Троцкого.

Ленин не успел разрубить этот гордиев узел — он сумел только посоветовать своим младшим товарищам не «обольщать себя неправдой». Увы, его соратники после его смерти только и делали, что обольщали себя и народ неправдой относительно истинного положения дел за рубежами «первого отечества мирового пролетариата». Населению через идеологию и пропаганду внушалось (вот она, боязнь обвинения в гермидоре!), что мировая революция всего лишь «запаздывает», что вот-вот она разразится, а пока же — «Да здравствует мировая Октябрь, который превратит весь мир в международный Союз Советских Социалистических Республик! Первые десять лет международной пролетарской революции подвели капиталистический мир к могиле. Второе десятилетие его похоронит»³.

И люди верили. Вспомним шолоховского Макара Нагильного с наганом в одной руке и русско-английским словарем — в другой. Наганом он загонял хуторян в колхозы — «базы» грядущей мировой революции, а по словарю учил английские слова — надо же быть готовым помочь индусам свергнуть иго британского империализма...

Коминтерн отказался от доктрины мировой пролетарской революции только 22 июня 1941 года ввиду необходимости «борьбы против фашизма, против режима порабощения оккупантами»⁴.

Впрочем, отказ этот стал временным. После XX съезда в 1956 году Н. С. Хрущев вновь вернулся к теории неизбежного краха империализма («мы вас закопаем...»), прежде всего через револю-

ции в бывших колониях. Одновременно его тогдашние советники подсунули ему слегка подновленную теорию Л. Д. Троцкого об общем кризисе капитализма (три этапа), и он включил ее в Программу партии 1961 года. Туда же попал и тезис Бухарина о мирном сосуществовании и культурном сотрудничестве как особой форме классовой борьбы между двумя лагерями — социализма и капитализма¹. Наконец, из арсенала мировой революции в речи Хрущева попала и конечная цель его политики — «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (то есть к 1980 году).

Между тем в истории ВКП(б) и Коминтерна была сделана попытка найти компромисс между доктриной и реальной жизнью. Она была связана с усилиями Н. И. Бухарина (он в ноябре 1926 года сменил Зиновьева на посту руководителя Коминтерна) обновить краткую программу-тезисы 1924 года, заменив ее на обширную «Программу мировой революции», принятую на VI Всемирном конгрессе Коминтерна в 1928 году.

Этому обновлению предшествовал глубокий теоретический анализ Бухариным новых явлений в экономике и политике послевоенного капитализма, тех элементов буржуазного реформизма и «капиталистического нэпа», которые затем он и его молодые соратники из Института красной профессуры оформили в теорию «организованного капитализма».

Однако наибольшие усилия по сведению воедино теории мировой пролетарской революции и практики строительства социализма в одной стране методами нэпа Н. И. Бухарин предпринял на VI конгрессе Коминтерна. Главной его задачей стало обоснование ленинской концепции нэпа как «столбовой дороги» к мировой революции.

Но это был не только последний конгресс Коминтерна в ленинском духе, но и последний год нэпа — в следующем году Сталин пошлет нэп «к черту», а В. М. Молотов на X Пленуме ИККИ в июле 1929 года объявит Бухарина «правым уклонистом», «проповедником развязывания нэпа и свободного товарооборота, то есть в конечном счете развязывания элементов капиталистического развития в нашей стране», а также заявит, что «т. Бухарин стреляет и по нашему социалистическому хозяйству»².

Что же вызвало в решениях VI конгресса Коминтерна такой гнев Молотова и стоявшего за ним Сталина?

Во-первых, аргументированное обоснование того, что нэп оказался жизнеспособным и принес ощутимые социально-экономические результаты. Во-вторых, Бухарин еще раз публично

¹ Пути мировой революции. VII расширенный пленум ИККИ. Стенографический отчет. Т. 1 — 2. М.: Л., 1927.

² Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. Берлин, 1932. С. 104.

³ Из лозунгов к 10-й годовщине Великого Октября. Известия ЦК ВКП(б), 1927, № 40. С. 1.

⁴ Правда. 1989. 30 июня.

¹ См.: Бухарин Н. И. Избранные произведения. С. 423, 427.

² Международное положение и задачи Коминтерна. X Пленум ИККИ. М., 1929. С. 293.

осудил командно-административные методы «военного коммунизма». В-третьих, он обосновал устойчивость капитализма (до сих пор троцкисты доказывали его неминуемый крах со дня на день), выдвинул теорию двух мировых хозяйственных систем и перенес вопрос о мировой революции из плоскости ее постоянного стимулирования через Коминтерн в плоскость защиты СССР международным рабочим классом как «единственного отечества мирового пролетариата».

В пятом разделе программы Коминтерна, озаглавленном «Диктатура пролетариата в СССР и международная социалистическая (но уже не коммунистическая, как было на I и II конгрессах.— В. С.) революция», четко формулировался принцип мирного соревнования «двух мировых систем хозяйствования» и говорилось: «Главной и основной линией здесь должна быть линия возможно более широких связей с границей, но в пределах выгоды их для СССР...»¹

Бухарин предлагал широко использовать тактику «экономического маневрирования» (кредиты, займы, концессии и т. д.), опираясь на такой рычаг, как монополии внешней торговли СССР.

Однако и Бухарин не смог до конца преодолеть доктринальный марксизм XIX века. Это отразилось в том, что он считал неизбежным военное столкновение СССР со всеми без исключения крупными капиталистическими странами (Англия, Франция, Германия, Италия, Япония и даже США), полагая, как он заявил на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в июне — августе 1927 года, что «в вопросе нападения на СССР все капиталистические страны единодушны, только их внутренние противоречия затягивают их нападение на СССР...»².

Для сталинской клики такой «синдром капиталистического окружения» (дополненный троцкистским тезисом об «окружении» кулаками и «спецами») явился удобной идеологической ширмой для геноцида против крестьян, беспартийной интеллигенции и бывших царских офицеров, перешедших на службу в РККА.

К сожалению, ни Н. И. Бухарин, ни его сторонники в ИККИ и ВКП(б) не сумели довести анализ «организованного капитализма» до конца, предсказать мировой экономический кризис 1929—1933 годов и определить в связи с этим новую тактику в международном рабочем движении. И хотя при обсуждении программы он отверг зиновьевскую концепцию о «социал-предателях», заявив, что «было бы неразумно валить социал-демократию в одну кучу с фашизмом», и пророчески предсказал, что «в нашей тактике не исключена возможность обращения к социал-демократичес-

ким рабочим и даже к некоторым низовым организациям социал-демократии» в случае угрозы фашизма³, тем не менее в последующем издании программы VI конгресса Коминтерна появилось определение международной социал-демократии как главного врага коммунистов и СССР⁴.

Позднее Бухарин признавался Каменеву: «Программу во многих местах мне испортил Сталин»⁵. Очевидно, это замечание относилось к ужесточению концепции капиталистического окружения: «Главной и основной тенденцией в политике империалистических держав является тенденция к окружению СССР и к контрреволюционной войне против него с целью его удушения и создания всемирного буржуазно-террористического режима»⁶. Год спустя устами Молотова на X Пленуме ИККИ Сталин опрокинет продуктивную идею Бухарина о возможном союзе с социал-демократами, которая могла остановить в Германии фашизм. Молотов призвал громить социал-демократию, особенно ее левое крыло, ибо «социал-демократия все более перерождается в социал-фашизм».

Еще более зловещую роль сыграет концепция «окружения» и «контрреволюционной войны» мирового капитала против СССР, ибо эта установка VI конгресса Коминтерна облегчила Сталину обоснование его «теории» обострения классово-борьбы по мере продвижения к социализму, жертвой которой в конце концов пали и Бухарин, и его политические оппоненты-троцкисты из левой оппозиции 1924—1927 годов.

Таким образом, наметенная В. И. Лениным в 1921—1922 годах линия Рижского мира, линия нэпа как политическая и социально-экономическая программа «гражданского мира» внутри СССР, в международном рабочем движении в 1928—1929 годах и международных дипломатических отношениях закончилась. Начался возврат к политике «гражданской войны» и «военного коммунизма».

Однако идеологическое обрамление своего гулаговского режима («красные перья похоронщика революции», по последнему предсмертному определению Ф. Э. Дзержинского в 1926 году) Сталин оставил, как это в свое время сделал и Наполеон Бонапарт. Бонапартистскому и сталинскому «новому дворянству» (бюрократии) нужны были эти «революционные перья», дабы придать своей власти законность «рожденных в революции» и оправдать свои узурпированные у народа социальные привилегии интересами борьбы за идеалы революции, которую они давным-давно предали.

¹ Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 3. С. 144—145.

² См.: Программа Коммунистического интернационала. М., 1933. С. 24.

³ Козин С. Цит. соч. С. 303.

⁴ Программа Коммунистического интернационала. С. 64.

¹ Программа мировой революции. М.; Л., 1929. С. 185.

² Цит. по: Аргументы и факты, 1989, № 38. С. 5.

Лев Безыменский

Альтернативы 1939 года

Вокруг советско-германского пакта 1939 года

Не продолжают стихать дискуссии вокруг политической ситуации лета 1939 года. Причин тому несколько. Главная из них — понятное желание постичь суть приведших к войне драматических событий и сделать необходимые выводы для сегодняшнего дня. Но есть и другие причины. Дело в том, что долгое время советские историки и публицисты обходили проблемы, связанные с советско-германским договором (его часто именуют пактом) о ненападении от 23 августа 1939 года. Проблемы немаловажные, но мы предпочитали не вдаваться в подробности.

Все это, как принято говорить, «современная история». На памяти моего поколения осталось шоковое состояние, причиненное ему пактом 23 августа. Но оно было недолгим. Прочли договор, затем договор «о дружбе и границе между СССР и Германией» от 28 сентября. Стали привыкать к тому, что рядом с сообщениями агентств Рейтер и Гавас «Правда» стала печатать крикливые сводки ДНБ или агентства «Трансоцеан», излагала даже речи Гитлера. Не буду кривить душой. Как и многие мои современники, я верил в необходимость и даже мудрость шагов Советского правительства. Сожительство английских и немецких сообщений на страницах советских газет стало вписываться в наши представления о межимпериалистических противоречиях, а сам пакт выглядел как их умелое использование.

Сегодняшнему читателю подобное восприятие может показаться абсурдным. Конечно, на то и исторический опыт, чтобы с его высоты спокойно оценивать минувшие ситуации и спрашивать: в чем были их корни? Каковы были мотивы решений? Были ли альтернативы? Сергей Залыгин был прав, когда важнейшим признаком «социалистического консерватизма» назвал одновариантность мышления. Эта одновариантность глубоко укоренилась и в политике, и в публицистике. От нее надо отказываться. Но как

Лев Александрович Безыменский — политический обозреватель «Нового времени».

Печатается с сокращениями по: Новое время, 1989, № 23. С. 36—42; № 24. С. 32—36.

быть с приложением многовариантного мышления к событиям, уже свершившимся именно так, а не иначе?

Представляется, что приложение альтернативного метода к историческим событиям может быть оправданно в двух формах. Одна из них — и главная — внимательное исследование реальных альтернатив, существовавших в конкретное время, в конкретных условиях и рассматривавшихся политическими лидерами того времени. Другая, вспомогательная форма — исследование теоретически возможных вариантов (знаменитый метод «что было бы, если...»). Но это, признаться, метод опасный в своей увлекательности, ибо он может увести в сторону от реальных событий, что очень часто происходит.

Как избежать того, что рассмотрение вариантов станет «исторической маниловщиной»? Очевидно, только базируясь на документах, на реальных фактах. Об этих документах мне хотелось бы напомнить, а некоторые опубликовать впервые — разумеется, без претензии на истину в последней и даже в предпоследней инстанции.

«Готовы к войне»

История не баловала Советское государство альтернативами. Куда чаще оставался выбор между жизнью и смертью. Как хочется вспомнить слова, сказанные В. И. Лениным в один из самых драматических дней своей жизни и жизни государства. 30 августа 1918 года, за несколько минут до покушения на его жизнь, Ленин закончил свою речь словами:

— У нас один выход: победа или смерть!

Пожалуй, первая альтернатива появилась перед Советской республикой в 1922 году в Генуе. Тогда, после неожиданного для внешнего мира и победоносного для Советского государства окончания гражданской войны и интервьюции, стало возможным думать и выбирать: как и с кем, каким путем реализовывать экономические и политические потенции молодого государства в кругу европейских стран? Внешняя политика, которая создавалась «первым набором» советских дипломатов — людей высшей интеллигентности и революционной совести, — постепенно нащупывала перспективы нормального существования Советского государства.

Но вот какая трудность каждый раз вставала перед ними, перед руководством страны: не было ни одного года, когда Советский Союз мог спокойно отдавать все силы мирному труду. Особенно после 1933 года, после прихода Гитлера к власти. Сейчас порой раздаются голоса: да полно, никакого чрезвычай-

ного положения для Советского Союза не было, его «придумывали» для оправдания чрезвычайных мер. Документы нацистского руководства опровергают подобный тезис. Это вовсе не алиби для тех, кто в СССР применял чрезвычайные меры, а простая констатация фактов. Опасность гитлеризма была куда реальнее, чем ее рисовали в подтасованных обвинительных актах против людей, которым вменяли в вину сговор с Гитлером. Угроза состояла не в полудетективных картинах сговора Гитлера с Троцким или Зиновьевым, а в твердо вышедшем решении гитлеровского руководства начать войну, «уничтожить большевиков». Или как сам Гитлер говорил Борману:

«Главной задачей Германии, целью моей жизни и смыслом существования национал-социализма являлось уничтожение большевизма».

В Нюрнберге был подробно исследован и вскрыт заговор против мира, составленный руководителями немецкой политики. До войны мы оперировали предположениями типа книг Эрнста Генри «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР». После Нюрнберга все стало на документальную базу, и очень печально, что об этих документах часто забывают. Например, забывают о написанном Гитлером в 1936 году заключении к так называемому «четырёхлетнему плану».

1. Через четыре года германская армия должна быть готова к действиям.

2. Через четыре года германская экономика должна быть готова к войне».

Стал классическим в историографии текст секретной речи Гитлера от 5 ноября 1937 года (так называемый «протокол Хоссбаха»), в котором черным по белому были зафиксированы решение начать войну и ее ориентировочные сроки: не позднее 1943 года, по возможности раньше.

Эти рассуждения не были академическими. Они подкреплялись мощным наращиванием вооружений и активной политической подготовкой — поисками союзников и выбором очередности жертв агрессии. Затем Гитлер стал приближать намеченные сроки агрессии.

На пороге

Однако гитлеровской Германии была нужна не «какая-либо» война. При всех комбинациях сохранялся неизменным центральный компонент военного планирования — его устремленность против СССР. Здесь колебаний не было — от известных строк в «Майн кампф» вплоть до 22 июня 1941 года. Ведь 11 августа

1939 года Гитлер сказал швейцарскому дипломату, верховному комиссару Лиги Наций в Данциге Карлу Буркхардту слова, которые следует помнить любому интерпретатору советско-германского пакта:

«Все, что я делаю, направлено против России. Если Запад так глуп или слеп, что не может этого понять, я буду вынужден договориться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами обращусь против Советского Союза».

Но до 1939 года — тем более до года 1941-го, когда Гитлер приступил к выполнению своего замысла, — еще должно было произойти многое, что определило расстановку сил. Сначала мир с удивлением наблюдал, как последовательно и беспрепятственно шла нацистская Германия по своему пути: создание вермахта, англо-германское соглашение о морских вооружениях, ремилитаризация Рейнской области, выход из Лиги Наций, складывание агрессивного блока, проба сил на полях многострадальной Испании...

Для Советского Союза не было сомнений в позиции, которую он должен был занять. Я не употребляю слова «альтернатива». Даже о позиции стороннего, нейтрального наблюдателя речи быть не могло. Против общей опасности складывался общий фронт. Понятие «коллективная безопасность», казалось, материализовывалось. С момента вступления Советского Союза в Лигу Наций (1934 год), заключения советско-французского (1935) и советско-чехословацкого (1935) пактов создавалась новая, многообещающая ситуация. Возникла хоть и не целостная, но частичная система контрмер: Англия была связана давними узами с Францией, Франция — с Чехословакией, Чехословакия — с Советским Союзом. И хотя помощь Чехословакии со стороны СССР была обусловлена действиями Франции, все-таки цепочка возникала. С ней должен был, как предполагалось, считаться агрессор. 17 марта 1938 года нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов говорил:

«Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира».

Увы, этот призыв не был услышан. В тот самый момент, когда Советский Союз твердо и безальтернативно придерживался курса на сотрудничество (в том числе и военное) с Англией и Францией, в тот самый момент, когда имелись реальные шансы обуздать агрессию. Применяя популярный термин, скажем: мюнхенскому сговору была альтернатива. Тому есть неожиданное и авторитетное свидетельство.

Что было потеряно в Мюнхене?

В личном архиве генерал-полковника Людвиг Бека, занимавшего в 1938 году пост начальника генерального штаба сухопутных сил Германии, после войны были обнаружены красноречивые документы. О чем же они говорили?

Уже весной 1938 года, зная намерение Гитлера осуществить давно задуманную операцию «Грюн» (захват Чехословакии), генерал Бек в прямом соответствии со своим служебным долгом стал задумываться: смогут ли немецкие войска осуществить эту операцию? Когда же 28 мая 1938 года Гитлер прямо поставил задачу нападения на Чехословакию, то Бек изложил свои соображения в специальном меморандуме. Его вывод гласил:

«Если Франция и Англия вступят в войну против Германии, то Чехия будет играть лишь роль повода для войны. В остальном же конфликт разыграется совсем на другом уровне. Дело дойдет до европейской, а может быть, до новой мировой войны».

Может ли пойти на нее Германия? Начальник генерального штаба давал отрицательный ответ:

«Исход такой войны — и здесь часто лежит совершаемое и роковое заблуждение — будет зависеть не от успехов или неудач первых сражений, а от совсем других факторов, которые смогут использовать наши противники. В их распоряжении в непредсказуемом объеме будут находиться время и пространство и тем самым — превосходящие человеческие и материальные средства огромного тыла, чему Германия даже со своими европейскими союзниками не сможет противопоставить ничего равного».

Итак, шансы остановить агрессора, несомненно, были. Но их не использовали.

О самом мюнхенском сговоре написано много, в том числе и о том, как Англия сознательно отказалась от самой мысли защитить Чехословакию. Известный американский историк Герхард Л. Уэйнберг в статье «Мюнхен 50 лет спустя» на страницах журнала «Форин афферс» как-то напомнил, что «у Франции не было серьезного военного плана защиты Чехословакии», а Чемберлен уже в начале мая 1938 года был готов согласиться на территориальный раздел Чехословакии. Добавлю: эту готовность можно датировать еще 1937 годом. Но это была лишь верхушка айсберга. Мюнхен был для Чемберлена не «опечаткой», не импровизацией, а частью серьезного плана, который вынашивали в Лондоне влиятельные политические и экономические группы. Это был план соглашения и раздела сфер влияния с Германией. Он базировался на политической философии «умиротворения» агрессора, его поощрения за счет других: сначала в 1938 году за счет Чехословакии, затем

в 1939 году за счет Польши, а в конечном счете за счет Советского Союза...

Собственно говоря, «модель» Мюнхена была создана уже давно — в 1925 году в Локарно, где были сформулированы общие принципы возможной политической коалиции, направленной против СССР. Участниками локарнской конференции были те же четыре европейских государства (Англия, Франция, Германия, Италия) плюс несколько малых стран Европы. Затем участие последних стало нежелательным — уже в 1933 году был заключен «пакт четырех» о «согласии и сотрудничестве» (правда, он не был ратифицирован). На эти дипломатические прецеденты могли опираться «умиротворители» конца 30-х годов, возведшие антикоммунизм в высший принцип.

Конечно, сегодня мы иными глазами смотрим на прошлое. Видим, что «биологическому антикоммунизму» ряда ведущих деятелей Запада способствовало многое в драматической жизни Советского Союза конца 30-х годов, что вызывало недоумение и порой страх у английских и французских политиков, рассуждавших о «красной опасности». Но если заглянуть в их документы, то в них можно увидеть совсем другое: анализ последствий расправ в Красной Армии приводил штабы в Лондоне и Париже к заключению о том, что эта армия «не способна к наступательным операциям вне своих границ» (заключение британских военных летом 1939 года).

Советская реакция

Разумеется, будет законным поставить вопрос: каким образом реагировала советская внешняя политика на «мюнхенскую» философию? Ведь сейчас мало ограничиться формулой, согласно которой советская политика «всегда» и «все» учитывала...

В самой общей форме можно сказать, что и в конце 30-х годов для советской дипломатии было непросто осуществлять политику мирного сосуществования. Важным и законным методом здесь было использование особых интересов партнеров, их взаимных противоречий. Ведь ничто другое не было для СССР таким опасным, как создание общего антисоветского фронта на Западе! Сейчас мы знаем, что желанной мечтой Гитлера было создание такого фронта (он именовал его «Священным союзом»), а по меньшей мере изоляция нашей страны. Срыв формирования общего фронта рассматривался советской дипломатией как задача номер один — до Мюнхена и после него.

То, что Мюнхен оказал далеко идущее воздействие на курс СССР, не подлежит сомнению. Это стало ясно в марте 1939 года в дни XVIII съезда ВКП(б), когда в докладе ЦК Сталин потребовал «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками».

Все последствия Мюнхена еще не исследованы до конца. Считали ли тогда Сталин и его ближайшее окружение первоочередной задачей избежать мировой войны или стали склоняться к тому, чтобы война, коли она неизбежно должна была разразиться, пошла бы лучше между капиталистическими странами? Чего скрывать, такие идеи он сам высказывал, правда значительно раньше. В одной из речей 1925 года можно найти такое его высказывание:

«Наше знамя остается по-старому знаменем мира. Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, — нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирю на чашку весов, гирю, которая могла бы перевесить».

Конечно, в 1925-м это были теоретические рассуждения, кстати, в своей сути расходящиеся с ленинской концепцией мирного сосуществования и доводившие до абсурда идею использования межимпериалистических противоречий. В последующие годы СССР практически шел по иной линии, налаживая связи с соседями, укрепляя свои позиции, апеллируя к миролюбивым и миротворческим силам за пределами Советской страны. Но вот пришел Мюнхен с его апофеозом идеи «выжить за счет другого» — и не вызвал ли он у Сталина стремления действовать так же? Впрочем, сам Сталин об этом говорил. Во время Ялтинской конференции 1945 года он сказал Черчиллю: если бы не было Мюнхена, не было бы и советско-германского пакта...

Иными словами, нам приходится ставить себе вопросы: имело ли социалистическое государство право применять в своих действиях те же внешнеполитические приемы, что и его капиталистические соседи? Могло ли оно, «платя оком за око, зубом за зуб», решиться пойти на соглашение «за счет третьих»? Очевидно, тогда советское руководство не видело другого выхода.

Жизнь после смерти?

Странной оказалась судьба Мюнхенского соглашения. Встреченное было с восторгом в официальных кругах Запада, оно вскоре потеряло свой «миротворческий» ореол в об-

щественном мнении Англии и Франции. Не говорю уже о тревоге, с которой Мюнхен был встречен в Советском Союзе, в ряде стран Европы, уже догадывавшихся о своей будущей судьбе. 15 марта 1939 года, 6 месяцев спустя после Мюнхенского соглашения, Германия, клятвенно заверявшая, что у нее «нет больше территориальных претензий», нарушила соглашение. Вермахт вступил в Прагу. Был создан «имперский протекторат Богемия и Моравия». Отделенная Словакия стала марионеточным государством.

Но вот удивительное дело! Даже после 15 марта, когда Гитлер просто плюнул в лицо «владычице морей», основные идеи и политические замыслы Мюнхена — возможное соглашение за чужой счет — вовсе не исчезли из обихода. Более того, в новой ситуации, в которой Гитлер уже не хотел больше ждать, появилась перспектива нового Мюнхена.

Не будем забывать, в какое напряженное время все это происходило. Лето 1939 года. С одной стороны — приготовления Германии к нападению на Польшу. Это решение было принято 3 апреля 1939 года, повторено в мае. Срок (1 сентября) был определен в специальной директиве 11 апреля и повторен 16 мая.

С другой стороны — дипломатические переговоры в противостоящем лагере. Несмотря на все разочарование в англо-французской политике, СССР считал необходимым предпринять еще одну попытку: 17 апреля он предложил заключить трехсторонний пакт для противодействия агрессии, то есть вернуться к идее коллективной безопасности.

Самое примечательное, что смысл шага СССР прекрасно понимали в Лондоне. В анализе, представленном британскому кабинету столь опытным дипломатом, каким являлся постоянный заместитель министра иностранных дел сэр Александр Кадоган, отмечалось:

«Будет очень трудно отказаться от советского предложения. Мы утверждали, что Советы «проповедуют коллективную безопасность», но не вносят никаких практических предложений. Теперь они внесли их и будут нас критиковать за то, что мы их отвергаем».

Как известно, реакция Англии была негативной. Тот же сэр Алек 20 мая записал в дневнике:

«Премьер-министр заявил, что скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами».

И это стало сигналом для тех сил в Англии и Германии, которые считали возможным «второй Мюнхен»! Не случайно временный поверенный в делах США во Франции Эдвин Вильсон сообщал в Вашингтон 24 июня:

«У меня сложилось впечатление, что, возможно, готовится второй Мюнхен».

У него были все основания для подобного суждения. В конце июля в Германию направился один из крупнейших английских издателей лорд Кемсли. 27 июля он встречался с Гитлером и со ссылкой на британского премьер-министра заявил, что «имел возможность убедиться в том, какое огромное значение придает г-н Чемберлен документу, подписанному им совместно с г-ном Гитлером. Он рассматривает Мюнхенский договор не только как средство решения судетского вопроса, но как предвестник нового типа взаимоотношений между Германией и Великобританией в будущем».

И это было сказано после захвата Праги, на самом пороге германского нападения на Польшу, за несколько дней до отъезда в Москву английской военной миссии!

Была еще одна важная особенность ситуации: в Лондоне знали, что с весны 1939 года Гитлер начал активный зондаж в Москве, считая возможным путем улучшения отношений с СССР избавиться от угрозы войны «на два фронта». В протоколах заседаний британского кабинета за апрель — июнь можно найти тревожные высказывания по поводу того, что сближение СССР и Германии будет иметь тяжелейшие последствия для Великобритании. Даже британское военное руководство, которое невысоко оценивало боеспособность Красной Армии, отмечало, что отсутствие советского оборонительного потенциала на стороне союзников будет крайне опасно.

Все шаги Гитлера регистрировались в Лондоне и Вашингтоне. В частности, сотрудник германского посольства в Москве Ганс Герварт фон Биттенфельд с мая 1939 года регулярно и подробно информировал своих американских коллег о ходе зондажей и последовавших советско-германских переговорах. Это зафиксировано в воспоминаниях самого Герварта и его американского партнера Чарльза Болена.

В английских архивах я обнаружил любопытнейший документ. Он был составлен в июле 1939 года военным министерством и суммировал разведывательные данные о советско-германских контактах. В докладе отмечалось, что эти данные сначала встретили скептическое отношение, но с июня — когда в числе источников оказался глава германской секретной службы (!) — в Лондоне внимательно следили за ходом контактов. Но вот что самое интересное: военное министерство советовало дипломатам, что самым лучшим средством сорвать возможное германо-советское сближение было бы заключение англо-франко-советского союза.

Именно этого сделано не было.

На пути ко второму Мюнхену

Одной из «загадок» гитлеровской внешней политики нередко считают ее отношение к Британской империи. Замышлял ли Гитлер ее уничтожение или хотел разделить сферы влияния с Великобританией? Как это ни парадоксально, в высказываниях Гитлера можно найти подтверждение обоим вариантам. Он следовал изложенному однажды им самим принципу, что «симпатии и антипатии меняются», следовательно, надо использовать момент. Гитлер искал своей выгоды любым путем. Например, еще в 1936 году, посылая своего любимого эмиссара в Лондон, он восклицал: «Риббентроп, привезите мне союз с Англией!» Союз Риббентроп не привез, но этой цели в Берлине из виду не упускали.

Мне кажется, что сегодня следует дифференцированное взглянуть на внешнюю политику Германии тех лет. Едва ли обоснованно (как это часто делалось раньше) всю верхушку нацистской Германии считать абсолютным монолитом. Были в ней различные течения, в том числе и различные течения среди промышленно-финансовых лидеров страны. Одни считали Великобританию своим конкурентом, другие видели в ней желанного партнера. Политическим выразителем последних настроений в германской верхушке и стал Герман Геринг — практически второе лицо в государстве, одновременно крупнейший промышленник.

Почти в каждой политической интриге, ведшейся между Лондоном и Берлином в 1937—1939 годах, просматривается имя Геринга. К нему тянулись все нити — будь то в контактах принца Макса-Эгона Гогенлоэ с Галифаксом и чиновниками Форин офиса, будь то в нашумевших переговорах государственного советника Г. Вольгата с ближайшим советником Чемберлена сэром Горасом Вильсоном, будь то в посреднической деятельности шведского промышленника Биргера Далеруса, наконец, в секретных встречах самого Геринга с видными деятелями британского делового мира. Об этом сейчас накоплен огромный фактический материал.

Каковы же были настроения будущего рейхсмаршала — читаем в донесении британского посла в Берлине Гендерсона о его беседе 25 мая 1939 года с Герингом, в ходе которой тот «вернулся к своей старой теории о дружбе между Германией и Англией и о помощи, которую Германия как союзник может оказать Британской империи во всех уголках земного шара. Это была, по его словам, также и любимая теория Гитлера, и последний еще ее придерживается».

Весной 1939 года исключительно активизировались англо-

германские контакты. Геринг 25 мая 1939 года прямо предлагал возродить идеи англо-германского соглашения — и он не был одинок в этом намерении. В июне 1939 года в английскую столицу прибыл видный шведский промышленник Аксель Веннер-Грен. Его принял Чемберлен, которому гость из Швеции изложил содержание беседы, состоявшейся в резиденции Геринга «Каринхалль». В этой беседе Геринг заявил Веннер-Грену, что для достижения соглашения с Англией разработал ряд идей, которые разрешает изложить только лично Чемберлену, а не в Форин-офисе (британских дипломатов он считал «германофобами»). 5 пунктов Геринга включали: раздел сфер влияния, удовлетворение претензий Германии на Данию и Польский коридор, а также на колонии. Все это должно было венчаться заключением пакта о мире сроком на 25 лет.

Одновременно самый активный посланец Геринга — шведский промышленник Биргер Далерус — нашупал в Лондоне круг серьезных деловых британских деятелей, имевших прямой контакт с правительством, и организовал им секретную встречу с Герингом в Шлезвиг-Гольштейне. Именно на этой встрече была конкретизирована идея «второго Мюнхена» — созыва нового совещания четырех держав (конечно, без участия Советского Союза).

Идея «второго Мюнхена» не осталась достоянием личной беседы Геринга и британских дельцов. Содержание беседы было доложено Галифаксу и Чемберлену, после чего система контактов расширилась (в нее Далерус включил шведское правительство). В Берлине побывал сын лорда Рэнсимена, который встретился с Герингом 12 августа.

«Германия и Англия, — говорил ему фельдмаршал, — не только способны стать двумя великими державами в Европе, но и реально ими являются. А сейчас мы гонимся за Россией! Германия развивает торговлю и укрепляет экономические связи, а Англия ищет политического и военного соглашения».

Как записал в своем отчете Лесли Рэнсимен, в этот момент Геринг воскликнул:

— О, если бы мой английский язык был настолько хорош, то я пересек бы Ла-Манш и объяснил бы им все эти вещи!

Геринг в Лондоне?

Тут я должен обратиться к одному эпизоду закулисных англо-германских переговоров, который на первый взгляд может казаться отрывком из детективного романа. Стал он известен сравнительно недавно, исследован далеко не до конца и тем не менее заслуживает нашего пристального внимания.

Оказывается, слова Геринга в беседе с Лесли Рэнсименом о желании «пересечь Ла-Манш» были сказаны не на ветер. 21 августа этот план вступил в стадию реализации. В своем дневнике министр иностранных дел Галифакс отметил, что руководитель британской секретной службы Синклер получил из Берлина неожиданное сообщение:

«Ся» (так в целях секретности именовали начальника британской разведки. — Л. Б.) сообщил нам, что получил запрос, может ли Геринг прибыть в Лондон при условии, что встретится с премьер-министром».

Заметим, это в те самые дни, когда в Москве в критической стадии находились советско-англо-французские переговоры и в Москве уже было получено из Берлина предложение Гитлера заключить пакт о ненападении. О последнем предложении шеф британской разведки хорошо знал. Именно в этой обстановке Чемберлен дал свое согласие на некий Мюнхен наыворот — ибо уже не он, а к нему собралось второе лицо гитлеровской Германии. Галифакс продолжал запись:

«Предполагалось, что он (Геринг. — Л. Б.) приземлится на каком-нибудь пустынном аэродроме и оттуда поедет на автомашине в Чекерс» (резиденция британских премьер-министров. — Л. Б.).

В свою очередь, британский посол в Берлине сэр Невиль Гендерсон доносил в Лондон 21 августа:

«Сделаны все приготовления для того, чтобы Геринг под покровом тайны прибыл в среду 23-го. Замысел состоит в том, чтобы он совершил посадку на каком-нибудь пустынном аэродроме, был встречен и на автомашине отправлен в Чекерс».

Было продумано даже такое обстоятельство: чтобы встреча оставалась абсолютно секретной, премьер-министр решил дать отпуск всей прислуге и выключить телефон. Сейчас стала известной еще одна дополнительная мера: в Берлин был послан специальный английский самолет, который ждал команды, дабы вылететь с высоким гостем в Лондон.

Однако 22 августа обстановка изменилась: Советский Союз принял немецкое предложение, и Гитлер решил полет Геринга в Лондон отменить. «Вы этим ничего не достигнете», — сказал он Герингу. Но тот от идеи компромисса не отказался, вызвал в Берлин неугомимого Далеруса и 23-го предложил Лондону другой вариант: он остается в Берлине, а британское правительство должно прислать фельдмаршала сэра Эдмунда Айронсайда для встречи с Гитлером. Это предложение Далерус увез в Лондон.

Можно понять, что после заключения советско-германского

пакта о ненападении достичь сговора с Англией Герингу стало значительно труднее. Но вот что примечательно: даже после 23 августа сторонники «второго Мюнхена» в Берлине и Лондоне не прекратили своих операций. Как свидетельствует историк британской разведки Энтони Кэйв Браун, в конце августа знаменитый «Си» послал одного из своих самых опытных агентов — Дэвида Бойла. Тот прибыл в германскую столицу 27 августа с прямым заданием «завлечь Геринга» в Лондон. По приезде Бойл сразу установил связь со своим «коллегой» по профессии — разведчиком Куртом Янке и попросил устроить ему встречу с Гитлером. Но замысел не увенчался успехом, 29 августа Бойл вернулся в Лондон.

Сам Геринг не ждал приглашений. Когда 1 сентября началось вторжение вермахта в Польшу, ближайший сотрудник Геринга, будущий фельдмаршал Мильх напомнил ему об этой идее. «У англичан вы имеете в отличие от Гитлера и Геббельса хорошую прессу», — заметил Мильх. 2 сентября Геринг снова обсуждал свой план с Гитлером. Этот второй несостоявшийся полет был запланирован на 3 сентября. Когда впоследствии Далерус возобновил контакты с Лондоном, то сообщил английскому послу в Гааге:

«Геринг, получив согласие Гитлера, действительно готовился к полету в Лондон в воскресенье 3 сентября в том случае, если получит подтверждение со стороны правительства Его Величества... Это, по мнению Далеруса, было полным доказательством желания Геринга достичь соглашения с Великобританией, рискуя своим положением в Германии».

Как не вспомнить здесь о сенсационном полете Гесса в мае 1941 года! Но в отличие от «заместителя фюрера», рискнувшего искать союза с Англией на пороге нападения на СССР, Геринг свой полет отменил. На следующий день после объявления Англией войны это было бы политическим самоубийством.

Августовские итоги

Август 1939 года был поистине трагичным для Европы, для всего мира. Легко сегодня рассуждать об альтернативах, зная ситуацию со всех сторон! Тогда же надо было действовать, не дожидаясь выяснения всех, весьма запутанных обстоятельств. Подобный категорический императив довлел в первую очередь над Советским Союзом, когда ему пришлось стать перед выбором.

Многие исследователи усматривают «корень зла» в том, что Сталин меньше доверял Англии, чем Германии, и пренебрегал

теми политическими группами в Англии и Франции, которые выступали за сотрудничество с Москвой. Действительно, такие группы были, и о них советские послы не раз сообщали в Москву, например о позиции Черчилля. Но при всем их влиянии не они определяли курс обеих стран. В реальной ситуации 1938—1939 годов Англия и ее руководители убедительно доставляли одно за другим свидетельства своего нежелания идти на союз с Советским государством. Этими свидетельствами были и изнурительные дипломатические переговоры вокруг советского предложения о заключении союза, и закулисные англо-германские контакты, наконец, явное нежелание довести до конца августовские переговоры военных миссий трех стран. Ведь в директиве, полученной английской миссией, так дословно и говорилось:

«Британское правительство не желает быть втянутым в какое-либо определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах».

Сейчас документально установлено: миссии было предписано тянуть переговоры до октября, когда, мол, погода сделает невозможными военные действия. Но это делалось в тот самый момент, когда в Лондоне точно знали, что нападение на Польшу назначено на конец августа — начало сентября! Тем самым неудача переговоров была запрограммирована.

И вот еще о чем говорят архивы: немцы прекрасно знали о всех сложностях, возникавших в ходе «тройственных переговоров». Решения, принимавшиеся в Лондоне, становились известными в Берлине чуть ли не на следующий день. Разумеется, немецкая дипломатия использовала свою осведомленность и в своих зондажах советской позиции действовала все настойчивее, «повышая ставки» и будя аппетиты Сталина. Зная об антипольских настроениях Сталина (с 1920 года!), Гитлер прельщал советскую сторону возможной перспективой ликвидации «панской Польши». Еще больше Сталина могла прельстить перспектива превращения прибалтийского плацдарма из потенциальной базы Германии в район собственного влияния. Тем более что Риббентроп прямо предлагал договориться с СССР по всем вопросам, возникающим от «Балтийского до Черного моря», то есть как раз сделать то, чего не хотели Англия и Франция.

Особое место в ходе переговоров занимала Польша. Честный подход к истории требует анализа ее тогдашнего отказа принять советскую помощь и нежелания в случае необходимости пропустить части Красной Армии — отказа, вызывавшего недоумение не только в Москве, но и в Лондоне и Париже. Пожалуй, ни на чем так горько не отразилось тогдашнее отчуждение между нашими двумя народами, двумя правительствами, как на судьбе попыток создать единый фронт против агрессии.

Возникло беспрецедентное переплетение дипломатических действий: переговоры Англии, Франции и СССР, тайные англо-германские переговоры и зондажи Германией советской позиции. К этому добавлялись события на Дальнем Востоке (бой у Халхин-Гола). Сейчас часто можно встретить утверждение, что реальной угрозы Советскому Союзу со стороны Японии не существовало. Но кто в этом мог поручиться в августе 1939 года? Ведь еще в июне немецкий посол Отт доносил в Берлин из Токно о японской инструкции, согласно которой «Япония должна быть готовой к тому, чтобы автоматически вступить в любую войну, начатую Германией, при том условии, что Россия будет противником Германии».

Можно лишь добавить, что у Отта не было секретов от советского разведчика Рихарда Зорге...

Призраки изоляции

В чем следует видеть политический смысл англо-германских интриг? Могут сказать, что они ведь ничем не кончились: «Священный союз» против Советской страны во главе с гитлеровской Германией так и не состоялся, вместо него состоялась антигитлеровская коалиция против Германии. Но то, что для нас уже совершилось и принадлежит прошлому, для тех, кто жил в 1939 году, еще оставалось далеким будущим. Об этом не следует забывать.

Призраки внешнеполитической и военной изоляции Советского Союза бродили по тогдашней Европе, причем в ее наихудшей форме — в форме втягивания СССР в войну в такой ситуации, при которой Англия и Франция оставались бы в положении «третьего выжидающего». К этой перспективе добавлялась такая же опасность на Дальнем Востоке. Все это складывалось в достаточно угрожающий комплекс и требовало немедленного решения.

Есть многочисленные публицисты и историки, которые считают, что Советский Союз мог не торопиться с таким решением, то есть не давать положительного ответа Германии и дальше вести переговоры с Англией и Францией. Но к чему бы это привело, если учитывать, что Англия не хотела успеха переговоров? Изоляция грозила стать полной, а в переговорах с Англией СССР оказался бы в положении просителя. Идут дальше: утверждают, что без «пакта» Гитлер войну вообще бы не начал. Мое твердое убеждение: это одна из многих фальшивых альтернатив, против которой в свое время выступали... сами нацистские руководители. Во-первых, они отдали и повторяли приказ о нападении на Польшу задолго до пакта. Во-вторых, Германия не могла и не

хотела ждать. Итальянский министр иностранных дел граф Чиано на пороге войны спросил Риббентропа:

— Вам нужен Данциг или Польский коридор?

Риббентроп отвечал:

— Нет, нам нужна война!

Именно с этой ситуацией должно, **обязано** было считаться советское руководство. Война началась бы, Польша не устояла бы, и вермахт вышел бы не к Бресту, а под Минск, на весь широкий фронт советско-польской границы, существовавшей до 1939 года. Без всяких гарантий не двигаться дальше!

Сегодня можно считать, что СССР тогда полагал реальным и последующее вступление вермахта в Прибалтику. Это самостоятельный вопрос, требующий дополнительного анализа. Ведь еще 23 мая 1939 года в беседе с генералитетом Гитлер недвусмысленно заявил:

«Дело не в Данциге. Для нас дело в том, чтобы расширить жизненное пространство на Востоке и обеспечить наше продовольственное снабжение, а также в том, чтобы решить прибалтийскую проблему».

Заметьте эти слова! Я хорошо помню свою беседу с бывшим министром иностранных дел Литвы Юозасом Урбшисом. В свое время ему выпала тяжелая участь выслушать от Риббентропа весть о захвате немцами Клайпеды (Мемеля). Урбшис так оценивал возможное развитие событий:

... Да, пожалуй, они двинулись бы на нас. Или, может быть, решили бы немного подождать и захватить наши республики, когда пошли бы на Советский Союз...

Такое же мнение я слышал от бывшего директора политического отдела министерства иностранных дел Латвии Артура Стегманиса. Но если такие суждения допускали тогда в Каунасе и Риге, то почему об этом не должны были задуматься в Москве? А в Москве на столе советского руководства в начале мая 1939 года действительно лежало следующее разведывательное донесение, излагавшее высказывания компетентного немецкого лица, рассуждавшего о планах установления контроля над Восточной Европой:

«В Прибалтийских государствах мы хотим достичь той же цели иным путем. Здесь не будет иметь места применение силы... Таким способом мы достигнем нейтралитета Прибалтийских государств, то есть решительного отхода их от Советского Союза... Когда-то позже, если нас это устроит, мы нарушим этот нейтралитет».

Весьма примечательно, что аналогичные оценки высказывались в Лондоне. 12 июня 1939 года после переговоров с польским генштабом английские военные констатировали, что имеется

угроза захвата Германией «полного контроля на Балтике». Когда же в конце июля составлялась секретная инструкция для британской военной миссии на переговорах в Москве, то в ней отмечалось: одной из «наиболее ценных форм русского сотрудничества» могло бы стать сосредоточение сил «с целью воспрепятствовать германскому продвижению через Прибалтийские государства».

Часто говорят, что советско-германский пакт был не лучшим решением. В спорах вокруг него применяют и более радикальные определения. Но будем оставаться в рамках реальных исторических ситуаций. Советское руководство пошло на подобное решение. Что это означало?

Текст пакта (в нем было всего семь статей) говорил о намерении «воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга»; о неучастии во враждебных группировках, о решении возможных споров исключительно мирным путем. Но этой констатации недостаточно для оценки дальнейшего развития событий. Как мне кажется, надо еще составить себе представление о последствиях, которые ожидало руководство Советского Союза от решения, которое было зафиксировано в ночь с 23 на 24 августа 1939 года в кремлевском кабинете.

Чего добивался или, точнее, перед какими суровыми требованиями времени стоял тогда Советский Союз, его политическое руководство? Я не думаю, что кто-либо станет оспаривать, что первым из этих требований было: **выиграть время перед лицом неизбежно надвигавшейся войны.**

Каким бы оторвавшимся от действительности ни изображали Сталина, кто-кто, а он знал, в каком состоянии находилась тогда Красная Армия. Ему достаточно было спросить Берия, сколько командиров было уничтожено и репрессировано (называют цифру 43 000 человек). Хотя Ворошилов и говорил на XVIII съезде партии о высокой боеспособности Красной Армии, были известны и ее недостатки. Что же касается угрозы с Запада, советская военная разведка (еще не подвергшаяся полному разгрому тем же Берией) подробно информировала Центр о наращивании сил вермахта, о том, что — в отличие от 1938 года — немецкий генералитет был уверен в своих силах. Знали в Москве, что Польша, по которой готовился удар, не в состоянии этому удару противостоять.

Решению задачи отдалить втягивание Советского Союза в надвигавшуюся войну, видимо, отвечало заключение пакта — какими бы ни были все его другие весьма неблагоприятные последствия (об этом позже). Но пакта было далеко не достаточно, ибо СССР в любом случае — с пактом и без него — не мог

примириться с перспективой выхода вермахта к Минску (граница была удалена от столицы Белоруссии лишь на 30 километров). Еще меньше можно было согласиться с тем, чтобы Западная Белоруссия и Западная Украина, оставшиеся под контролем Польши по Рижскому мирному договору 1921 года, попали бы теперь под немецкую оккупацию. Наконец, зная интерес Гитлера к Прибалтике, нельзя было допустить каких-либо изменений на этом стратегически важном плацдарме. Следовательно, пакт с Германией был нужен не «сам по себе», а для обеспечения советских западных границ. Кстати, именно этот аспект пакта признавал — и высоко оценивал! — Уинстон Черчилль, который, как известно, редко **шадил** нас в своих суждениях.

Мне кажется, что при освещении событий 1939 года мы напрасно стыдимся говорить об императивах того времени. Как бы ни ругали авторов первого после войны труда о минувшей войне — «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», они, на мой взгляд, нашли гражданское мужество написать следующие строки:

«Единственное, что еще можно было сделать, — это спасти от германского вторжения Западную Украину и Западную Белоруссию, а также Прибалтику. Советское правительство и добилось от Германии обязательства не переступать линию рек Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан».

Казалось бы, достаточно определенная формулировка, основываясь на которой мы могли себе и всему миру «экономить» долгий спор о так называемых «секретных дополнительных протоколах» к договору 23 августа 1939 года. Но история часто движется не по прямой, в том числе история дипломатических документов, о которой сейчас пойдет речь.

«Пропавшая грамота»

Впервые о протоколах заговорили на Нюрнбергском процессе, причем при обстоятельствах странного рода. Заговорили совсем не по делу Риббентропа, имя которого связано с советско-германскими документами, а по делу Рудольфа Гесса. Защитник Гесса Альфред Зейдль потребовал рассмотрения документа, который он получил загадочным путем. Некий американский журналист (в военной форме), пожелавший остаться неизвестным, вручил Зейдлю копию документа, именованного «секретный дополнительный протокол» к договору от 23 августа. Смысл всей операции сводился к тому, чтобы снять с Германии исключительную вину за развязывание войны.

Международный военный трибунал не стал рассматривать

этот документ, — не в последнюю очередь потому, что Зейдль не мог представить ни оригинала документа, ни свидетельства о его происхождении. Если учесть, что это происходило как раз в начале «холодной войны» — в марте 1946 года прозвучала «фултонская речь» Черчилля, — то можно понять, с каким усердием недружественная нам пропаганда США, Англии и Западной Германии принялась муссировать тему «сговора Сталина с Гитлером». Не прошло и нескольких лет, как появилась на свет публикация госдепартамента США «Нацистско-советские отношения с 1939 по 1941 год» (1948), которая содержала тенденциозный подбор документов о предыстории пакта. В ответ в Москве была опубликована справка «Фальсификаторы истории».

Представляется, что обстановка конфронтации, сложившаяся вокруг документации 1939 года, изрядно затруднила поиски истины и самое главное — объективный анализ ситуации того времени и анализ действий СССР. А если попробовать без конфронтации?

Публикаций текстов на Западе больше чем достаточно. Сначала в Нюрнберге, затем в США (в 1948 году) появились английские переводы, затем — фотокопии на немецком и русском языках.

А оригинал? Приходилось слышать разные мнения. Говорилось, что оригинал — в США. Другой вариант — оригинал в Бонне, в Политическом архиве МИД ФРГ, где хранятся документы нацистского периода. Но я беседовал с заведующим отделом современной истории журнала «Штерн», который говорил мне:

— Мы обратились с запросом в боннский Политический архив, и нам вполне официально ответили, что оригинала у них нет, а есть лишь фотокопии и фото пленка...

Я с большим вниманием воспринял это сообщение. Редакция «Штерна» в свое время обожглась на «дневниках» Гитлера и, видимо, решила быть осторожной.

Прошло несколько недель — и я получил счастливую возможность собрать в Бонне подробные данные о положении дел в этой запутанной истории. Вот их основное содержание:

Первое. Оригинала протокола в Бонне нет, он не сохранился.

Второе. Все, что фигурирует в мировой печати, представляет собой «копию с копии».

Третье. Происхождение копий таково. Когда в 1943 году начались интенсивные бомбежки Берлина, Риббентроп приказал начать пересъемку важнейших документов из архива своего бюро. Микрофильмирование производилось по технике того времени, на негативной пленке без перфорации (этот черный ролик я видел). Когда же близился крах, специальная команда под руководством сотрудника министерства Карла фон Лёша полу-

чила приказ выехать из Берлина с архивами и пленками в горы Тюрингии, в далекое от боев укромное место. Здесь Лёша в апреле 1945 года застал новый приказ — уничтожить все вывезенное. Этого Лёша сделать не успел (или не хотел?), предпочтя вручить свой драгоценный груз англо-американской розыскной группе. Пленки проследовали в Марбург, затем в Лондон. В 1965 году их вернули Федеративной Республике.

Взглянув на черный ролик, я не собирался усомниться в его аутентичности. Позже в другом архиве я смог просмотреть ролик более внимательно и сделать необходимые копии. Видимо, съемки производились в большой спешке. Протокол переснят с кадров, с которыми соседствуют документы 1937 и 1940 годов, а сам пакт оказался на другом ролике. Но в этот момент я задумался совсем о другом: какую же линию развития событий 23 августа можно построить на основе копий, сделанных по черному ролику, и других, сохранившихся в подлиннике немецких документов?

Нужен ли был протокол?

Советско-германскому пакту посвящены на Западе десятки, если не сотни, исследований. Этого не скажешь о советских публикациях, и об одной из причин я упомянул выше. Поэтому мы сегодня часто повторяем уже «переспоренные споры», в частности споры об инициативе в изменении отношений между СССР и Германией в 1939 году. Конечно, в западной литературе встречался тезис об «инициативе Сталина», высказывались и противоположные мнения. Споры спорами, но есть документы — а именно высказывания по этому поводу самого Гитлера. Так, 22 августа 1939 года, разъясняя высшему генералитету смысл своего неожиданного поворота, он говорил, что сам начал его еще осенью 1938 года. Итак, осень 1938 года, то есть после Мюнхена!

Есть и другое, почти парадоксальное свидетельство: оно принадлежит Риббентропу. На рассвете 22 июня 1941 года, когда он вручал ногу об объявлении войны (задним числом!), то в этом документе пакт был прямо назван германской инициативой.

Приведу оценку «из другого лагеря» — она принадлежит генералу Ф. Дэвидсону, члену британской военной миссии в Москве в 1939 году, ставшему впоследствии руководителем британской военной разведки. В своих записях он специально исследовал этот спорный вопрос и пришел к такому заключению:

«В основных событиях, приведших в конце концов к германо-

советскому пакту, инициатива принадлежала Гитлеру, а Сталин, отвечая, вел осторожную и хитроумную игру».

Документы свидетельствуют, что советская сторона сначала неохотно шла на какие-то политические шаги и, во всяком случае, не хотела открывать карты. Продолжались советско-французско-английские военные переговоры в Москве, о которых немецкий посол в СССР граф Шуленбург с беспокойством доносил в Берлин. Тем не менее советские руководители согласились на настоятельные предложения Гитлера — прислать Риббентрона в Москву. Если судить по наличной документации, перелом наступил в середине августа. Когда же переговоры военных миссий зашли в безнадежный тупик, из Москвы прислали 19 августа в Берлин проект возможного пакта, присовокупив такой постскриптум (цитирую по телеграмме Шуленбурга):

«Настоящий пакт действителен только при одновременном подписании особого протокола о пунктах, в которых заинтересованы обе договаривающиеся стороны в области внешней политики. Протокол представляет собой неразрывную часть пакта».

Таким образом, можно предположить, что, идя на заключение договора, в Москве определенно имели в виду закрепить в документальном порядке те положения, которые давали бы Советскому Союзу конкретные стратегические и политические гарантии.

Замечу: дополнительные и секретные соглашения были в мировой дипломатической практике не исключением, а частым правилом. К примеру, дополнительным было секретное англо-германское соглашение в Мюнхене в сентябре 1938 года. Было тогда же секретное соглашение между Германией и Польшей о том, что часть Чехословакии (Тешинский район) отойдет Польше после того, как вермахт займет Судетскую область.

Метод принятия решений «за третьих» широко применялся тогда на Западе, и в нем не видели ничего дурного не только в Берлине, но и в Лондоне. Известно, например, что в конце 1939 года Уинстон Черчилль рекомендовал пренебречь нейтралитетом Скандинавских стран. Он аргументировал так:

«Мы имеем право — более того, долг повелевает нам — временно отбросить условные положения законов, укрепить и восстановить которые мы стремимся. Малые страны не должны связывать нам руки, когда мы боремся за их права и свободы. Нельзя допустить, чтобы в час грозной опасности буква закона встала на пути тех, кто призван его защищать и осуществлять» (записка Черчилля от 16 декабря 1939 года).

Здесь мы снова вступаем в сферу дискуссии о принципах: имело ли Советское правительство моральное право перенимать методы своих капиталистических соседей? В первую очередь

Так начиналось... Фюрер и его ближайшее окружение во время парада нацистов

Чемберлен отправляется на переговоры с Гитлером. Сентябрь 1938 года. Впереди Мюнхен

В. М. Молотов подписывает пакт о ненападении с Германией. 23 августа 1939 года

Фашистская авиация бомбит Варшаву. Сентябрь 1939 года

Маршал Маннергейм

Ю. К. Паасикиви и В. Ташер отправляются в Москву на переговоры

На заседании конференции представителей СССР, Великобритании и США в Москве.
Сентябрь 1941 года

Подписание Берлинского договора 1926 года. В центре: министр иностранных дел Германии Густав Штресеман, Н. Н. Крестинский, С. И. Бродовский, И. С. Якубович

После вручения верительных грамот французским послом Шарлем Альфаном М. И. Калинину. Слева — Н. Н. Крестинский, справа — советник посольства Папляр.

14 июня 1933 года

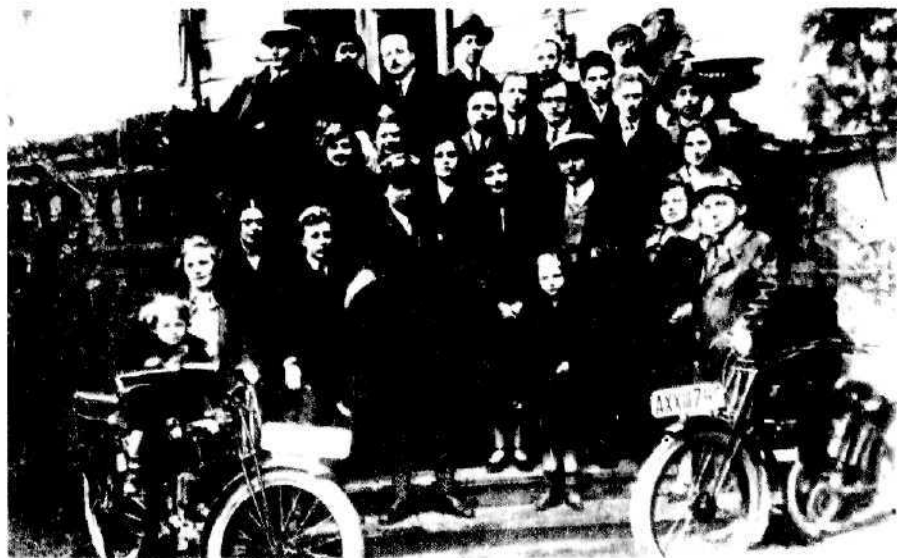

Ян Берзин

*М. Н. Покровский, Г. В. Чичерин
и Я. А. Берзин в перерыве между засе-
даниями XV съезда ВКП(б). Декабрь
1927 года*

*Р. А. Берзина и Я. А. Берзин
среди сотрудников советского полпред-
ства в Австрии*

*Советская делегация на Генуэзской кон-
ференции 1922 года. Слева направо:
в первом ряду Я. Э. Рудзутак, Л. Б.
Красин, М. М. Литвинов, Г. В. Чичерин
и другие*

*Сотрудники Наркомата иностранных
дел*

Б. Е. Штейн и работники советского полпредства в Италии перед вручением верительных грамот королю

А. М. Коллонтай, Б. Е. Штейн, Э. Е. Гершельман

я бы исключил прилагательное «моральное» (знаю, что навлеку на себя огонь многих критиков). Ни Чемберлен, ни Гитлер не заботились о морали. Во всяком случае, трудно прилагать нравственную мерку к действиям Сталина, который (мы сейчас это знаем в достаточном объеме) меньше всего думал о подобном критерии. Он считал необходимым действовать по правилам империалистического мира, в котором сильный действует, не считаясь со слабым.

Замечу в этой связи: на немецкой стороне нашлись многие, кто считал пакт, а тем более сопровождавшие его договоренности «изменой принципам» нацизма. Негодовал идеолог расизма Альфред Розенберг. Начальник генерального штаба генерал Гальдер объявил день вступления Красной Армии в Западную Украину «днем позора немецкого политического руководства», а один из руководителей консервативной оппозиции генерал Бек считал, что это вступление обезценивает весь успех войны с Польшей. Гитлеру пришлось несколько раз собирать руководящих деятелей нацистской партии и вермахта, чтобы убеждать их в правильности своих действий: в том, что он «не изменяет» национал-социалистической догме. Основным аргументом фюрера было: заключая пакт со Сталиным, он избавляет Германию от главной опасности — от «войны на два фронта». Для вермахта «война на два фронта» действительно была давним кошмаром, что диктовало Гитлеру необходимость пойти на пакт. А что было необходимо для СССР?

Договоренности

Первое, что обращает на себя внимание, — это зафиксированная в документе линия, которая ограничивала продвижение немецких войск в Польшу — она была определена как «граница сфер интересов Германии и СССР» (Нарев — Висла — Сан). Также снималась возможность захвата Германией всей Прибалтики (северная граница Литвы обозначалась как граница сфер интересов СССР и Германии). Тем самым, кажется, для Советского Союза достигалось главное, что входило в его государственный интерес. Как бы ни относиться к пакту и протоколу, но они поставили реальный предел продвижению вермахта на Восток. Это, кстати, признавали самые ярые критики пакта — а именно английские дипломаты и военные. Так, английский военный атташе в Москве полковник Файрбрэйс, оценивая демаркационную линию, докладывал 25 сентября 1939 года в Лондон:

«Заняв эту линию, Советская Армия приобретает ряд значительных преимуществ».

В свою очередь, член британской военной миссии в Москве полковник Дэвидсон в своих мемуарах отмечал, что советская граница выдвинулась на запад примерно на 150 миль и «если бы немцы не отдали Советам этой 150-мильной зоны, то в 1941 году стратегическое положение и условия снабжения немцев были бы значительно лучше».

Но текст содержит и другие положения, выходящие далеко за пределы демаркации. Речь в том числе шла о будущем польского государства. Формулировки, по поводу которых возникает чувство не только протеста, но активного неприятия.

Можно ли считать возможным, что советское руководство пошло на столь далекие уступки фразеологии и даже идеологии своего нацистского партнера? Верить не хотелось, но теперь приходится. Ведь существует заключенный 28 сентября 1939 года «договор о дружбе и границе», о котором сегодня стыдно вспоминать, ибо в нем шла речь уже не о ненападении, а о дружбе с агрессором. Он был не только политической ошибкой, но принес тяжелейшие последствия для нас, для других стран, для международного коммунистического движения.

В свете этого документа (ведь была даже достигнута договоренность возложить вину за развязывание войны на Англию и Францию!) формулировки «копии с копии» выглядят не столь неожиданными. А от согласия Сталина «совместно» с Гитлером решать судьбу польского государства — прямая линия к публичному заявлению Молотова в октябре 1939 года, когда он назвал это государство «уродливым детищем» Версальской системы. От этого противоправного заявления советская общественность и советское руководство ныне решительно отмежевались¹.

* * *

Сейчас говорят: время безапелляционных суждений миновало. Миновало и время, когда советская внешняя политика подавалась как нечто не подлежащее ни обсуждению, ни критике. Но при этом хотелось бы избежать модернизации исторических событий и мотивов, избежать «критики ради крити-

¹ В декабре 1989 года II Съезд народных депутатов СССР осудил дополнительный секретный протокол и объявил его недействительным с момента подписания. Что касается текстов, то и в советских архивах были обнаружены копии, совпадающие с немецкими текстами «копий с копий». Они опубликованы в ряде источников. См.: Год кризиса. 1938—1939. Т. 2. 2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г. Документы и материалы. М., 1990. — Прим. ред.

ки». Прошлое нашей страны, в том числе история предвоенной эпохи, не заслуживает того, чтобы ее новое прочтение ограничивалось постановкой знака «минус» там, где раньше стоял «плюс». Но там, где «минус», об этом надо говорить не стыдась.

Великий подвиг нашего народа, увенчанный Победой 1945 года, дает нам право судить о других и о себе, в том числе и о совершенных просчетах. Конечно, было бы значительно легче понимать и объяснять смысл решения о пакте 23 августа 1939 года, если бы последующие годы и месяцы были эффективно и в полном объеме использованы для подготовки страны к неизбежной войне. Это отдельная тема, но она постоянно мучает, как старая рана, военное поколение, ставшее свидетелем страшного лета 1941 года. За просчеты и ошибки пришлось платить именно ему, миллионам советских граждан, воинам и мирным жителям других стран Европы.

Лев Безыменский

После пакта

Итак, в ночь на 24 августа 1939 года был подписан советско-германский договор о ненападении. Хотя переговоры длились до рассвета (германская делегация вернулась из Кремля в посольство к 4 часам утра), дату поставили 23 августа, договор попал в газеты на следующий день.

Общеизвестно и подробно описано шоковое впечатление, которое произвело подписание советско-германского договора. Часто цитируются возмущенные речи английских и французских политиков. Известно и большое потрясение, которое перенесла японская дипломатия. Немецкая печать славилась мудрый шаг Гитлера. В свою очередь, советская печать, а через несколько дней В. М. Молотов в специальной речи на сессии Верховного Совета СССР воздали должное договору, процидательности и мудрости великого вождя советских народов. Советская печать резко изменила тон в своих сообщениях о Германии.

Но это было как бы на поверхности. Сейчас можно попытаться заглянуть за кулисы мировой политики, какой она была в самом конце августа 1939 года, буквально на пороге войны.

Печатается с сокращениями по: Новое время. 1989. № 34. С. 30-35.

Позиции сторон

На англо-французской стороне происходило следующее. На заседании английского кабинета, которое состоялось 22 августа (уже было известно о прилете Риббентропа в Москву), министры реагировали довольно спокойно. Советский полпред И. М. Майский сообщал из Лондона:

«Стало преобладать мнение, что в конце концов никакой катастрофической перемены в ситуации не произошло, а тройственные переговоры могут продолжаться и подписание тройственного пакта отнюдь не исключается».

Еще более определенно высказывали мнение французские дипломаты: посол Франции в Москве Наджар доносил в Париж, что советско-германский договор «не является вероломным ударом по Польше и нам». Он рекомендовал «самое большое хладнокровие».

В польской позиции почти ничего не изменилось. В Варшаве французский военный атташе генерал Мюссс и английский коллега Суорд продолжали беседы с начальником польского генерального штаба Стахевичем. Тот уже с 21 августа мог догадываться, о чем идет речь, однако категорически отказывался дать свое согласие на пропуск советских войск. То же самое делал министр иностранных дел Юзеф Бек. Как он заявлял:

«Принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остается без изменений».

Считало ли советское руководство, что все мосты для переговоров с Англией и Францией сожжены? По этому поводу советские историки высказывают различные мнения, причем часто считают, что, подписав договор, Сталин перестал заботиться об Англии и Франции. Но в нашем распоряжении находится документ, а именно решение секретариата Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ). Оно было принято 22 августа с участием Димитрова, Куусинена, Мануильского, Готвальда, Марти, Флорина. В решении говорится, что эвентуальное заключение договора не исключает «возможности и необходимости соглашения между Англией и Францией с СССР для совместного отпора агрессии». В решении выражалась надежда, что переговоры с Германией могут побудить правительства Англии и Франции пойти на скорейшее заключение договора с СССР.

Сохранилось другое свидетельство. 7 сентября со Сталиным беседовал Георгий Димитров, руководитель Коминтерна. Обосновывая свое решение, Сталин излагал ему уже известную после XVIII съезда ВКП(б) концепцию о том, что идет война между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром. Что же касается Советского Союза, то

«мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но и англичане и французы хотели иметь нас в батраках и притом за это ничего не платить».

Слова грубые, но неплохо отражавшие умонастроения Сталина.

В результате переговоры не возобновились: 24 августа британская миссия получила указание покинуть Москву, 25-го обе миссии отбыли домой.

Что же происходило на германской стороне? Здесь в дни непосредственной подготовки агрессии полностью потеряли всякий интерес к своему новому партнеру — Советскому Союзу. Зато внимание Гитлера и Риббентропа целиком сосредоточилось на Англии!

Пока до войны еще оставалось несколько дней, между Берлином и Лондоном развернул свою исключительно активную деятельность шведский предприниматель Биргер Далерус.

Хронологию своей деятельности он изложил в специальном докладе, который до сих пор хранится в архивах Форин офиса. Оказывается, немедля после подписания советско-германского договора Далерус из Стокгольма прибыл в Берлин, где встретился с Герингом и получил от него специальное послание для английского правительства, в котором предлагалось заключить союз между Германией и Великобританией в том случае, если будет найдено решение польского вопроса, удовлетворяющее Гитлера. 25 августа предложение о договоренности с Англией было сделано Гитлером британскому послу Гендерсону, который немедля направился в Лондон, вслед за ним Далерус.

В истории полетов Далеруса еще многое остается неясным, и неясны все мотивы, которыми руководствовались обе стороны, не доведя переговоры до конца. Видимо, Гитлер ни в коем случае не хотел и не мог откладывать нападение на Польшу. Поэтому не имел успеха и посол Гендерсон, с которым Гитлер беседовал 25 августа. Но когда посол спросил фюрера, не будет ли он возражать, если Англия будет вести против Германии «мнимую войну», то Гитлер (как это зафиксировал в дневнике генерал Гальдер) сказал, что «он не обидится».

Англо-германские контакты шли и по другим каналам: например, через принца Макса-Эгона Гогенлоэ, который в одном из своих меморандумов констатировал, что в Лондоне еще надеются,

«что в течение осени между Германией и Англией можно работать над созданием конструктивного плана крупного формата, особенно — в экономической и торгово-политической области».

Еще существеннее было продолжение контактов, начатых июльскими переговорами уполномоченного Геринга Г. Вольтата с сэром Горасом Вильсоном — главным советником Чемберлена. Эти контакты взял на себя Фриц Хессе — сотрудник немецкого посольства. Его контакты с Вильсоном продолжались до 3 сентября, не приведя к договоренности. Однако события начала войны заставляют по-иному взглянуть на содержание англо-германских переговоров в конце августа. Да, они не привели к компромиссу большого масштаба. Но в масштабе малом?

Начало войны

События последней августовской недели, которая отделяла Европу от многолетней войны, представляли собой логическое развитие событий всего лета. Они как бы подводили печальный итог сложной политической игры, в которой в конечном счете в выигрыше оказался агрессор. Увы, с нашей помощью.

Развитие военных событий ошеломило мир: ведь английский генштаб считал, что Польша продержится не менее полугода! Германские войска — две группы армий — быстро преодолели приграничную полосу и к 8 сентября вышли к Варшаве. Основные силы польской армии оказались разбиты, ее героическое сопротивление не смогло приостановить танковые дивизии вермахта. Войска фон Бока перешли Вислу; части, действовавшие из Восточной Пруссии, вышли 7 сентября к Нареву, отрезав путь полякам к отступлению. К 15-му трагический исход сражений был предreshен: немцы взяли Люблин и подошли к Бресту.

Здесь возникает очередной «проклятый вопрос»: в каком отношении находились начало войны и договор? Вот документальные данные: директива об операции «Вайс» (о готовности вермахта к нападению на Польшу к 1 сентября) была издана 3 апреля. 23 мая Гитлер подтвердил свое решение на совещании генералитета. 15 июня была утверждена директива о стратегическом развертывании сухопутных войск, а 22 июня Гитлеру представили ориентировочный календарный план — все это задолго до договора.

Но было бы по меньшей мере предвзятым утверждать, что договор не облегчил Германии осуществление ее замысла. Впервые, само отсутствие Красной Армии на стороне Польши являлось крупным военно-политическим фактором в пользу агрессора. И, хотя после договора генштаб не предпринял никаких изменений в группировке армии вторжения (не уменьшил ее, не перебросил войск на Запад), эта группировка (58 дивизий) могла

действовать увереннее. Не говорю уже о колоссальном психологическом эффекте. Достаточно вспомнить о противоправных и оскорбительных для польского народа советских заявлениях того времени о «прекращении существования польского государства», о «победах немецкого оружия». Наконец, какой простор открылся для действий «мюнхенцев», которые со злорадством утверждали: вот каковы они, русские...

«Будут имитировать войну...»

А каковы были они, англичане и французы? О том, что договоренности Гендерсона от 25 августа о «мнимой войне» не остались на бумаге (хотя и не были записаны), свидетельствует серьезный и до сих пор неизвестный источник: документы подполковника Николауса фон Формана, являвшегося с 25 августа 1939 года офицером связи главнокомандования немецких сухопутных сил при ставке Гитлера. Вот отрывки из его частных записей:

«28 августа: Гитлер в прекрасном настроении, надеется, что доведет Англию до того, что мы останемся с Польшей один на один.»

31 августа: Гитлер твердо верит, что Франция и Англия будут имитировать войну.»

3 сентября: Гитлер и сегодня верит, что западные державы лишь изобразят войну, поэтому он в 13.50 передал сухопутным войскам приказ с нашей стороны военных действий не начинать.»

6 сентября: Комическая война на Западе продолжается. На Западном фронте не произведено ни одного выстрела... Положение Польши безнадежно...»

11 сентября: ...С военной точки зрения дела блестящи. Сегодня-завтра будет решена судьба польской армии... На Западе чудные дела. Французы издают фантастические военные сводки. Говорят об операциях, о начатых боях, хотя царит глубокий мир.»

13 сентября: На Западе все туманно. Ведется война, в которой каждый не хочет обидеть другого...».

Как принято сейчас говорить — материал для размышлений на тему о том, кто помогал Германии в ее войне с Польшей...

Не «медовый месяц»

Немецкие военные успехи оказали немалое влияние на поведение советского руководства и ход развития событий после договора от 23 августа. Немецкие части оказались

у условленной демаркационной линии гораздо раньше, чем предполагали в Москве, что вселило в души советских руководителей немалое беспокойство: а будет ли вообще соблюдаться договор?

Именно так можно истолковать нижеследующие документы. Уже 6 сентября в донесении из Москвы Шуленбург констатирует, что

«начало военных действий между Германией и Польшей произвело сильное впечатление на здешнюю общественность... Годами сложившееся недоверие к Германии быстро преодолеть нельзя».

10 сентября в очередном донесении в Берлин посол сообщает, что, по словам Молотова,

«Советское правительство полностью застали врасплох неожиданно быстрые немецкие военные успехи».

18 сентября Сталин (согласно записи Шуленбурга)

«довольно откровенно сказал, что на советской стороне существуют известные сомнения в том, что немецкое главнокомандование будет в определенных моменты придерживаться московских договоренностей и отойдет на условленную линию (Писса — Нарев — Висла — Сан)».

Когда же посол стал уверять в верности договоренностям, Сталин

«возразил, что не сомневается в лояльности немецкого правительства, однако его сомнения основываются на известном факте, что любые военные неохотно отдают завоеванные территории».

Что крылось за этими трениями, возникшими еще до того, как начали действовать советско-германские договоренности, обусловленные секретным протоколом?

В сейфах штаба верховного главнокомандования (ОКВ) вместе с планом «Вайс» уже давно находился план, разработанный в абвере — управлении разведки и контрразведки адмирала Канариса. Целью плана было, по характеристике западногерманского исследователя Х. Хене, «оторвать основную часть Украины от советского государства и соединить их с украинскими районами Польши и Чехословакии». Первоначально предполагалось осуществление плана еще в 1938 году. Затем оно было приурочено к нападению на Польшу. Предполагалось инсценировать «украинское восстание».

12 сентября в личном поезде Гитлера состоялось совещание с участием Кейтеля и Риббентропа, на котором в числе других рассматривалась возможность того, что «галицийская и польская Украина станут самостоятельными». На этот случай начальник 2-го управления абвера Лахузен предусмотрел, что

«подготовил бы свои мероприятия с украинцами настолько,

что при команде о начале операции при помощи организации Мельника (ОУН) в галицийской Украине вспыхнет восстание».

15 сентября Канарис отдал приказ двинуть диверсионные отряды ОУН. Все было готово, но...

Рано утром 17 сентября части Красной Армии выступили, чтобы взять под защиту население Западной Белоруссии и Западной Украины. Через несколько дней части Красной Армии вышли к Западному Бугу и Сану, немецкие войска получили приказ отойти. Была проведена черта под долголетним разделом Белоруссии и Украины.

Тем самым первый период советско-германского сотрудничества отнюдь не назовешь «медовым месяцем»: недоверие друг к другу питали обе стороны. Но, как представляется, именно к этому периоду относится зарождение того политического оппортунизма, которое определило дальнейшее поведение Сталина. Боясь потерять достигнутые договоренности и в немалой степени встревоженные триумфом вермахта в Польше, советские руководители вступили на путь «улицивания» своего партнера — любой ценой. Как иначе можно объяснить поздравления Молотова в связи с вступлением немецких войск в Варшаву? Или совместные парады советских и германских частей после выхода на разграничительную линию?

Снова Биргер Далерус

...3 сентября Англия объявила состояние войны с Германией. Прозвучали решительные речи, народ был призван готовиться к борьбе не на жизнь, а на смерть. Казалось, все мобилизовано на войну. Но уже 5 сентября в британском посольстве в Стокгольме дал о себе знать «неистребимый» тайный эмиссар Геринга Биргер Далерус. 5 сентября Далерус сообщил от имени Геринга, что тот крайне сожалеет по поводу начала войны и хотел бы добиваться перемирия. По словам Далеруса, достичь соглашения еще возможно, и он (с ведома шведского правительства) готов взять на себя роль посредника.

В Лондоне решили принять шведского посредника. Мы можем теперь узнать содержание предложений Гитлера, изложенных Далерусом 28-29 сентября 1939 года в Лондоне. Сохранилась архивная, весьма неразборчивая запись, за расшифровку которой мы приносим благодарность ветерану британской дипломатии сэру Фрэнку Робертсу. Эта запись говорит о том, что Гитлер был готов на многое: на «гарантии Великобритании и Франции» и отказ от вступления «во враждебные им блоки», проведение «всемирной или европейской конференции для рас-

смотрения вопроса о новом устройстве Европы». Выразалась готовность «трудиться вместе с Англией и Францией в деле реконструкции Европы». Для себя же Гитлер просил сохранения германских границ 1914 года, урегулирования колониального вопроса или «компенсационных мер». Польшу предлагалось сделать районом поселения евреев («Польша для неарийцев»). Что касается СССР, то заключительный пункт программы выглядел несколько загадочно: «12. Вопросы о коммунизме». Впрочем, эту неясность снимали другие высказывания Гитлера и Геринга, в частности о том, что Германия «предпочитает вернуться в западную семью».

Как можно видеть, речь шла о развернутой программе соглашения воюющих сторон. И, хотя она не была принята британским правительством, обмен взаимными посланиями подобного рода не прекращался до начала 1940 года. Он шел через Стокгольм, Ватикан, Анкару. Замечу, что уровень информации в Москве был достаточно высок, чтобы знать о подобных тайных контактах, и в этой информации Сталин видел лишнее подтверждение правильности своей линии на то, чтобы любой ценой закрепить достигнутые с Гитлером договоренности.

На пути к новому договору

Так мы хронологически подходим к истокам советско-германского документа, носящего дату 28 сентября, — того документа, по поводу которого М. С. Горбачев сказал, что он был «не только политической ошибкой с тяжелыми последствиями и для нас, и для других стран, для коммунистического движения, но прямым и вызывающим отступлением от ленинизма, поправкам ленинских принципов».

...Миновало 17 сентября. Население Западной Белоруссии и Западной Украины с радостью встретило части Красной Армии. Иной была реакция польского населения (хотя сперва, распространились слухи, что Красная Армия идет на вызволение Польши от немцев).

И к этому времени далеко не все было урегулировано в советско-германских отношениях. Шуленбург (начиная с 3 сентября) настаивал на том, чтобы СССР возможно скорее сообщил срок выступления своих войск. Молотов отвечал, что «время еще не пришло» (5 сентября). Затем он «утешил» своего немецкого партнера тем, что если выступление и произойдет, то с таким обещанием: Красная Армия выступает на защиту населения Западной Белоруссии и Западной Украины от немецкой угрозы (10 сентября). Это вызвало в Берлине явное неудовольствие. Таким

образом, становилось ясным, что Советский Союз не только не спешит, но вовсе не собирается посылать свои войска на обговоренную в секретном дополнительном протоколе 23 августа «линию четырех рек»: Писса — Нарев — Висла — Сан.

Что же случилось? Очевидно, Сталин понял в эти дни, что предложенная Гитлером разграничительная линия была весьма коварной: если бы СССР вступил в боевые действия и углубился на многие сотни километров на территорию Польши, то это имело бы необозримые последствия — по меньшей мере объявление Польшей состояния войны с СССР, а затем и такую же декларацию со стороны Англии и Франции.

Это отнюдь не предположение автора. В записях подполковника фон Формана можно прочитать:

«...15 сентября: ...Наши энергичные усилия направлены на то, чтобы побудить русских к соучастию. Во все не потому, что мы сами не справимся, а для того, чтобы заставить Англию и Францию по причине их союзнических обязанностей объявить войну России. Вытекающие отсюда последствия нельзя даже вообразить...»

Немецкий расчет имел некоторые основания: после 17 сентября в Лондоне действительно стали обсуждать вопрос о возможности объявления войны Советскому Союзу. Однако анализ ситуации привел британский кабинет к выводу, что юридической основы для этого нет. Посол Сидс 19 сентября телеграфировал из Москвы, что категорически возражает против объявления войны, так как

«война между нами и Советским Союзом была бы только на руку Германии... И мы должны быть крайне осторожны в протестах...».

О том, что Гитлер действительно хотел вовлечь Советский Союз в авантюру, свидетельствуют и другие данные. 17 сентября в ставке Гитлера начались споры: пойдут ли русские в глубь Польши? Некоторые считали (с полным правом), что Красная Армия в соответствии с заявлением Советского правительства о целях выступления Красной Армии остановится на Западном Буге и Сане. Тут Гитлер разыграл театральную сценку: он «разрешил» присутствовавшему в ставке Риббентропу рассказать о «линии четырех рек», условленной с Молотовым 23 августа. Генералы, от которых до этого скрывали полный объем договоренностей, были ошарашены. Начальник оперативного штаба ОКВ генерал-полковник Йодль возразил:

«Передовые немецкие отряды уже вышли на линию Львов — Брест — Белосток — Островице. Линию, условленную в Москве, мы пересекли на восток на 200 километров!»

Тем не менее было решено начать отвод войск. Риббентроп заявил:

«Русские должны выйти на демаркационную линию, а мы уйти за «линию четырех рек».

Это заявление вызвало протест со стороны военных, которые не хотели отводить войска. 20 сентября дело дошло до перестрелок между советскими и немецкими передовыми отрядами. В тот же день Сталин заявил Шуленбургу протест против того, что вермахт собирается включить Львов в свою зону. Здесь вмешался Гитлер: ОКВ было вынуждено отдать приказ — очистить всю полосу восточнее «четырех рек» к 1 октября. Одновременно готовилось вступление вермахта в Литву, о чем 25 сентября Гитлером была отдана директива № 4.

Но Красная Армия, выйдя на Западный Буг и Сан, остановилась. Тогда началась новая серия переговоров между Германией и СССР. Вопрос о них поставил Молотов. Немецкая сторона согласилась, предложив повторный визит в Москву Риббентропа, который собирался подтвердить согласованную 23 августа «линию четырех рек». Но здесь произошли неожиданные изменения. Вечером 25 сентября Сталин и Молотов пригласили Шуленбурга. Ему были сделаны следующие предложения (запись Шуленбурга):

«Из областей, находящихся восточнее демаркационной линии, к нашей (то есть немецкой. — Л. Б.) части должны быть добавлены всё Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства вплоть до Буга. За это мы должны отказаться от Литвы».

Оставим на совести графа формулировки, но смысл предложения был ясен: советская «сфера интересов» на польской территории ограничивалась «линией Керзона» — международно-апробированной еще в 1920 году этнической линией между районами, где преобладало либо польское, либо белорусское и украинское население. Зато Литва выводилась из «сферы немецких интересов». 27 сентября Риббентроп снова прибыл в Москву. 28 сентября был подписан еще один договор, получивший название «договор о дружбе и границе», — документ, заметно отличавшийся от договора 23 августа.

Разумеется, если бы речь шла лишь об изменении демаркационной линии, то достаточно было бы очередного секретного протокола (он, кстати, был подписан) — и дело с концом. Видно, Сталину нужно было нечто большее, а именно: закрепление новых отношений в еще более обязательной форме. Форма же вылилась в сам договор (5 статей), в котором определялась «новая граница государственных интересов» (она не описывалась, а была показана на опубликованной одновременно карте), и восемь дополнительных документов. Это были два секретных про-

токола, один доверительный протокол (о переселении немцев из сферы советских интересов). Кроме того, были согласованы открытое заявление обоих правительств и письма, которыми обменялись Молотов и Риббентроп (о торговле и транспорте).

Смысл публичного заявления был однозначен: в нем на Англию и Францию возлагалась вина за развязывание войны. Так случилось поистине невероятное: Советское правительство пошло на формальную реабилитацию агрессора!

Два договора

Между договорами от 23 августа и 28 сентября есть сходство (по подписям), но есть и фундаментальные различия. Если в августе в Европе еще был хотя и шаткий, но мир, в условиях которого слово «ненападение» имело свой обычный смысл, то теперь шла война. Война, в которой один из участников нового договора был агрессором. Никто и ничто не может оправдать руководителей государства, когда они фактически солидаризируются с агрессором.

Увы, документы, сопровождавшие новый договор, практически шли в этом направлении. В первую очередь позорный «политический» протокол о противодействии «польской агитации» и заявление, превращавшее немецкого агрессора в миротворца. В своей совокупности с протоколами договор нанес трудноисправимый вред авторитету Советского Союза, международному коммунистическому движению, так как советское руководство практически стало действовать методами своего империалистического партнера — Германии. Эти действия были предприняты за спиной партии и народа.

Не обойдем и отношений Советского Союза с тремя Прибалтийскими республиками. Они, как известно, складывались непросто. Бурный период революций 1918 — 1919 годов в Литве, Латвии и Эстонии завершился разгромом советских республик силами немецких интервентов. В 1920 году были подписаны мирные договоры РСФСР с буржуазными Литвой, Латвией и Эстонией. С этого времени возникла система отношений, подразумевавших суверенность и самостоятельность наших партнеров в Прибалтике.

Для нынешнего поколения это лишь раздел из учебников истории, а старшее помнит коллизии нашего восприятия событий в Прибалтике: и то, что с тремя республиками Советская республика провела первые переговоры о разоружении, и то, что Латвия долго считалась главной базой белой эмиграции. Помнит и ликвидацию демократических форм правления в этих странах, и за-

хват Германией литовской Клайпеды. Сейчас даже забылось и малоуважительное название «лимитрофные» (то есть окраинные) государства, которое применяли на Западе к Эстонии, Латвии и Литве, а ведь каждое из них имело свои особенности, свой национальный характер!

Но, каковы ни были бы перипетии отношений, советская внешняя политика должна была соблюдать и соблюдала генеральный принцип уважения независимости своих соседей. Именно к этой цели были устремлены усилия советской дипломатии в 30-е годы: попытки заключить договоры о взаимной помощи с Латвией, Литвой и Эстонией перед лицом германской угрозы, а позже — предложение создать гарантийную систему с участием СССР, Англии и Франции. Необходимость такой системы диктовалась безусловными фактами германских притязаний. Ведь в директиве Гитлера от 11 апреля 1939 года дословно говорилось:

«Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав рейха».

Нет спору, в трех республиках по-разному относились к этим планам, более того — в каждой из них по-разному. Было прогерманское крыло (не на него ли рассчитывали начальник германского генштаба Гальдер и шеф абвера Канарис во время визита в Эстонию весной 1939 года?). Были политики, ориентировавшиеся на Англию и Францию. Наконец, были политические и военные круги, видевшие единственную защиту от германских притязаний в Советском Союзе.

О наличии крыла прогерманского свидетельствует примечательный архивный документ, датированный 20 сентября. В эти дни шли интенсивные переговоры между германскими и литовскими представителями, которые готовили прямое подчинение Литвы рейху. Вот прямо удивительный текст проекта «Договора о защите между Германским рейхом и Литовской республикой»:

«Немецкое имперское правительство и Литовское правительство перед лицом общего политического положения в Европе и для обеспечения в любом смысле взаимно дополняющих интересов обеих стран условились о следующем:

Статья 1. Не в ущерб своей государственной самостоятельности Литва становится под защиту Германского рейха.

Статья 2. Для осуществления этой защиты Германия и Литва заключают между собой военную конвенцию»...

Далее предлагалось, что «численность, дислокация и оснащение литовской армии» будут осуществляться с согласия и в тесной связи с ОКВ. Именно таково было содержание секретных

переговоров, ведшихся литовским посланником Шкирпой в Берлине в сентябре 1939 года. Не лишено интереса, что с немецкой стороны действовал сотрудник Риббентропа Петер Клейст, который летом 1939 года зондировал в Каунасе перспективы создания «Великой Литвы» (Литва плюс Белоруссия), а в годы войны занимался в Прибалтике осуществлением зловещего «генерального плана Ост» — плана германизации латышей, литовцев и эстонцев. А этот план забывать нельзя: часть эстонцев, литовцев, латышей (50 процентов) подлежали насильственной германизации, остальная — уничтожению.

Ясно одно: в 1939 году для Советского Союза выход Германии на прибалтийский плацдарм был крайне опасен, о чем советские дипломаты не раз говорили своим прибалтийским коллегам. Не раз они говорили об этом англичанам и французам во время переговоров.

Результат? Сталинское руководство приняло германские «правила игры». Протокол от 23 августа изъял из германской сферы Латвию и Эстонию, протокол от 28 сентября — Литву. СССР заключил с правительствами Латвии, Литвы, Эстонии договоры о взаимопомощи, в соответствии с которыми на их территории создавались советские военные базы, а именно вдоль новой разграничительной линии с немецкими войсками (небезынтересно, что французские военные оценивали это как чисто антигерманскую меру). Однако при осуществлении этих мер Сталин и Молотов действовали методом ультиматумов, нарушая общепринятые нормы отношений, принципы суверенитета и невмешательства в дела самостоятельных государств. Сейчас советская общественность видит необходимость осуждения отходоу сталинского руководства от ленинских норм внешней политики социалистического государства, чем бы такие отходы ни объяснялись. Их объяснение — не оправдание, и вычеркнуть допущенные нарушения из истории так же бессмысленно, как переименовывать саму историю.

Михаил Семиряга Ненужная война

Тревожно было в эти последние дни ноября 1939 года в Финляндии: в Западной Европе продолжалась война, беспокойно было на границе с Советским Союзом, шла эвакуация населения из крупных городов, газеты упорно твердили о злых намерениях восточного соседа. Часть населения верила этим слухам, другая надеялась, что война обойдет Финляндию стороной.

Но утро, наступившее 30 ноября 1939 года, все прояснило. Орудия береговой обороны Кронштадта, открывшие в 8 часов огонь по территории Финляндии, обозначили начало советско-финляндской войны.

С тех пор прошло полвека, но страсти вокруг причин, характера, хода и исхода этой войны не утихают. Попытки подменить подлинную картину этого сложного в политическом плане конфликта между великим Советским Союзом и его малой соседкой Финляндией рассуждениями о виновности только одной из сторон предпринимались и предпринимаются не только за рубежом, но, к сожалению, и у нас. Наступило время избавиться от этого исторического склероза. Долг советских и финских историков — вернуть нашим народам правду, скрывавшуюся от них на протяжении 50 лет. Настала пора произвести серьезную инвентаризацию наших представлений об этой войне, ибо лукавить с историей не только непозволительно, но и небезопасно. Последнее же добром, хотя и несколько игривому, в стиле автора, совету Марка Твена: прежде чем извращать факты, давайте установим их.

Так что же в действительности произошло в эти осенние

Михаил Иванович Семиряга — доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР.

Статья частично опубликована в журнале «Советское государство и право». 1990. № 4. Автор использовал как опубликованные, так и неопубликованные архивные документы: Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Serie D (1937—1945). Band VII. Baden-Baden. 1956; Band VII. 1961; Центральный государственный архив Советской Армии, ф. 25888, 33987, 37974, 37977, 40442.

месяцы 1939 года на Карельском перешейке? О чем же говорят факты, с признания которых, как говорят, начинается мудрость?

Конфликт назревал исподволь. На протяжении двух десятилетий между СССР и Финляндией существовало взаимное недоверие. Если Финляндия опасалась возможных великодержавных устремлений со стороны Сталина, действия которого как диктатора нередко были непредсказуемы, то советское руководство не без оснований было озабочено крепнувшими связями Хельсинки с Лондоном, Парижем и Берлином. Вот почему для обеспечения безопасности Ленинграда в ходе переговоров, состоявшихся с февраля 1937 года по ноябрь 1939 года, Советский Союз предлагал Финляндии различные варианты. Вследствие того, что правительство Финляндии не считало возможным принимать эти предложения, советское руководство проявило инициативу решения спорного вопроса силовым способом, с помощью оружия.

Боевые действия в первый период войны протекали для советской стороны неблагоприятно. Расчет на скоротечность достижения цели малыми силами не увенчался успехом. Финские войска, опираясь на укрепленную линию Маннергейма, применяя разнообразные тактические приемы и умело используя условия местности, вынудили советское командование сосредоточить более крупные силы и в феврале 1940 года предпринять генеральное наступление, которое и привело к победе и заключению мира 12 марта 1940 года.

Длившаяся 105 дней война была тяжелой для обеих сторон. Советские воины, выполняя приказы командования, в трудных условиях снежной зимы и бездорожья проявляли массовый героизм. Конечно же следует проводить четкую разделительную линию между несправедливыми целями, которые преследовал Сталин и его окружение в этой войне, и героизмом советских воинов на поле брани, которые повиновались приказам командования и добросовестно выполняли свой воинский долг. Обе стороны понесли тяжелые потери в людях и боевой технике.

В ходе войны как Финляндия, так и Советский Союз добивались достижения своих целей не только боевыми действиями войск, но и политическими средствами, которые, как оказалось, не только не ослабили взаимную нетерпимость, но, наоборот, обострили ее.

Политический характер советско-финляндской войны не укладывается в обычную классификацию, ограниченную этическими рамками понятий о «справедливой» и «несправедливой» войне. Она была ненужной для обеих сторон и несправедливой преимущественно с нашей стороны. Нельзя не согласиться в этом отношении с высказываниями таких видных государственных деятелей Финляндии, как президенты Ю. Паасикиви и У. Кекконен, что

вина Финляндии состояла в ее неуступчивости в ходе предвоенных переговоров с Советским Союзом, а вина этого последнего в том, что он, не используя до конца политические методы, отдал приоритет военному решению спора.

Финские, западноевропейские и частично советские историки за истекшее 50-летие исследовали ряд сторон этой войны. Однако вне поля их внимания, к сожалению, оставалась проблема, как этот конфликт вписывался в нормы международного права. Конечно, можно было согласиться с известным римским полководцем и политическим деятелем Помпеем, который, по свидетельству Плутарха, однажды изрек: «Могу ли я помышлять о законе, когда я вооружен?» И тем не менее говорить о праве нужно, ибо кроме права мира составной частью международного права является и право войны.

Неправомерные действия советского руководства состоят и в том, что советские войска, без объявления войны на широком фронте перешедшие границу, нарушили советско-финляндский мирный договор 1920 года и договор о ненападении 1932 года, продленный в 1934 году. Советское правительство нарушило также собственную конвенцию (так называемый «договор Литвинова»), заключенную с соседними государствами в июле 1933 года. К этому документу присоединилась тогда и Финляндия. В нем определялось понятие агрессии и четко отмечалось, что никакими соображениями политического, военного, экономического или какого-либо другого характера нельзя будет обосновывать или оправдывать угрозы, блокаду или нападение на другое государство-участника.

Подписывая названные документы, Советское правительство не допускало, что сама Финляндия могла совершить агрессию против своего великого соседа. Оно опасалось лишь того, что ее территория может быть использована третьими странами в антисоветских целях. Но поскольку подобное условие не было оговорено в этих документах, то, стало быть, договаривающиеся стороны не признавали его возможность и им надо было уважать букву и дух указанных договоренностей.

Конечно, одностороннее сближение Финляндии с западными странами и особенно с Германией обременяло советско-финляндские отношения. Послевоенный президент Финляндии У. Кекконен это сотрудничество считал логическим последствием внешнеполитических устремлений в первые десятилетия независимости Финляндии. Общим отправным моментом этих устремлений, как считали в Хельсинки, была угроза с Востока. Поэтому Финляндия стремилась обеспечить поддержку других стран в кризисных ситуациях. Она тщательно оберегала образ «форпоста Запада» и избегала двустороннего урегулирования спорных проблем со своим восточным соседом.

В силу этих обстоятельств Советское правительство допускало возможность военного конфликта с Финляндией еще с весны 1936 года. Именно тогда было принято постановление СНК СССР о переселении гражданского населения (речь шла о 3400 хозяйствах) с Карельского перешейка для строительства здесь полигонов и других военных объектов. В течение 1938 года Генштаб по крайней мере трижды ставил вопрос о передаче военному ведомству лесного массива на Карельском перешейке для оборонного строительства. 13 сентября 1939 года нарком обороны СССР Ворошилов специально обратился к председателю Экономсовета при СНК СССР Молотову с предложением об активизации этих работ. Однако тогда же предпринимались дипломатические меры, чтобы предотвратить военные столкновения. Так, в феврале 1937 года состоялось первое посещение Москвы министром иностранных дел Финляндии со времени обретения ею независимости Р. Холсти. В сообщении о его беседах с наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым говорилось, что «в рамках существующих советско-финляндских соглашений имеется возможность бесперебойно развивать и укреплять дружественные добрососедские отношения между обоими государствами и что к этому стремятся и будут стремиться оба правительства».

Но прошел год, и в апреле 1938 года Советское правительство сочло своевременным предложить правительству Финляндии провести переговоры относительно совместной выработки мер по укреплению безопасности морских и сухопутных подступов к Ленинграду и границ Финляндии и заключению с этой целью договора о взаимопомощи. Переговоры, продолжающиеся несколько месяцев, оказались безрезультатными. Финляндия это предложение отвергла.

С начала 1939 года Советский Союз продолжал прилагать настойчивые усилия к тому, чтобы склонить Финляндию к уступкам. В начале марта М. М. Литвинов внес новое предложение — сдать Советскому Союзу в аренду на 30 лет несколько островов в Финском заливе. Но на сей раз не для строительства военно-морских баз, а для сооружения на них наблюдательных пунктов. Ответ из Хельсинки, как и в предыдущих случаях, был отрицательным. Последовавшее вскоре новое советское предложение обменять эти острова на советскую территорию в Карелии севернее Ладожского озера также не привлекло внимания финнов. Правда, в своих мемуарах, написанных в эмиграции в Швейцарии после второй мировой войны, маршал Маннергейм рассказывал, что некоторые военные, в том числе и он, не придавали тогда этим островам никакого значения для обороны страны и готовы были произвести соответствующий обмен с Советским Союзом.

Вскоре для неофициальных переговоров по поручению Советского правительства в Хельсинки прибыл Б. Е. Штейн. Он привез принципиально новое советское предложение, состоявшее в следующем: Финляндия уступает Советскому Союзу определенную территорию на Карельском перешейке, получая взамен большую советскую территорию и компенсацию финансовых расходов по переселению финских граждан с уступаемой территории. Ответ финской стороны был отрицательным с тем же обоснованием — суверенитет и нейтралитет Финляндии.

В этой обстановке Финляндия предприняла оборонительные меры. Было усилено военное строительство, проводились учения, на которых присутствовал начальник генштаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер, войска получали новые образцы вооружения и боевой техники.

Очевидно, именно эти меры дали повод командарму 2-го ранга К. А. Мерецкову, который в марте 1939 года был назначен командующим войсками Ленинградского военного округа, утверждать, что финские войска с самого начала якобы имели наступательную задачу на Карельском перешейке с целью измотать советские войска, а затем ударить по Ленинграду.

Создается впечатление, что высшее советское политическое и военное руководство в то время еще не имело ясного представления о позиции Финляндии. Если Сталин и Молотов твердили о том, что их беспокоит не столько сама Финляндия, сколько то, что ее как антисоветский плацдарм могут использовать западные державы, то Мерецков оценивал обстановку более резко и прямолинейно. При подобной оценке было бы бессмысленно искать политические пути решения проблемы, что и подтвердили последующие решения советского руководства.

Как вспоминает К. А. Мерецков, в конце июня 1939 года он присутствовал при разговоре Сталина с О. В. Куусиненом. Обсуждалась обстановка в Финляндии и различные варианты наших действий. Главный военный совет по предложению Сталина поручил Мерецкову спланировать действия войск округа на случай военного нападения. Во второй половине июля 1939 года план был рассмотрен в Москве и одобрен. Задача советских войск официально состояла в том, чтобы сковать силы противника, а затем нанести решительный контрудар. Не исключено, что тогда же у Сталина и Куусинена возникла идея и создания «временного народного правительства Финляндской Демократической Республики» как политического средства давления на Финляндию в дополнение к главному — военному.

Утверждение Молотова, высказанное на 6-й сессии Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 года, о том, что «Финляндия, и прежде всего Карельский перешеек, была уже к 1939 году

превращена в готовый военный плацдарм для третьих держав для нападения на Советский Союз, для нападения на Ленинград», не подтверждается убедительными фактами. Если под «третьей державой» имеется в виду Германия, то тогда она еще не была готова к серьезному военному конфликту с Советским Союзом.

Судя по той же речи Молотова, в которой было сказано, что «Советский Союз не захотел стать пособником Англии и Франции в проведении этой империалистической политики против Германии», очевидно, речь могла идти только об Англии и Франции. Если это так, то подобных планов к этому времени ни в Лондоне, ни в Париже вообще не было. Тем более они не имели возможности воспользоваться «плацдармом» в Финляндии позже, когда были заняты войной в Западной Европе.

Как свидетельствуют факты, приводимые командованием советских пограничных войск, в первой половине 1939 года обстановка на советско-финляндской границе была хотя и напряженной, но относительно спокойной. Имели место одиночные нарушения границы, но крупных, а тем более вооруженных инцидентов здесь не отмечалось.

Тем не менее Советское правительство продолжало принимать меры по усилению пограничных войск на северо-западном направлении. Так, еще в марте 1939 года Ленинградский округ пограничных войск НКВД был разукрупнен на три округа — Мурманский, Карельский и Ленинградский. К началу боевых действий они были укрупнены личным составом с большим превышением — на 127—129 процентов. Непосредственная подготовка пограничных войск к боевым действиям началась уже с 10 октября, то есть до начала последних переговоров делегаций обеих стран. А приказ Сестрорецкому пограничному отряду о возможном переходе границы был отдан 25 октября, но без указания дня и часа выполнения задания.

Подобная неопределенность в советско-финляндских отношениях продолжалась до конца августа 1939 года.

В секретном протоколе, приложенном к советско-германскому договору о ненападении 23 августа 1939 года, было сказано, что в случае территориально-политических изменений в областях, принадлежащих Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, считать северную границу Литвы границей государственных интересов Германии. Это означало, что секретный протокол соглашался с возможностью «территориально-политических изменений» в Финляндии в пользу Советского Союза.

Еще в ходе боевых действий в Польше директивами наркома обороны маршала К. Е. Ворошилова и начальника Генерального штаба командарма 1-го ранга Б. М. Шапошникова от 11 и 14 сентября 1939 года Военному совету Ленинградского военного

округа было приказано произвести сосредоточение войск на случай войны с Финляндией. Авиация была распродолжена на полные аэродромы в полной боевой готовности. Тогда же в оперативное подчинение командующего ЛВО поступила 7-я армия. В составе округа была сформирована Мурманская оперативная группа, которая с 15 ноября была переименована в 14-ю армию.

12 октября 1939 года в новой ситуации, в которой ни Англия и Франция, ни Германия, занятые войной, не могли оказать поддержку Финляндии, начался еще один тур советско-финляндских переговоров. Они состоялись в Москве. Как и прежде, финляндскую делегацию возглавлял Паасикиви, но на втором этапе в состав делегации был включен министр финансов Таннер. В Хельсинки тогда ходили слухи, что социал-демократ Таннер был знаком со Сталиным еще с дореволюционного времени в Хельсинки и даже однажды оказал ему денежную услугу.

В ходе переговоров Сталин и Молотов сняли свое прежнее предложение об аренде островов в Финском заливе, но предложили финнам отодвинуть границу на несколько десятков километров от Ленинграда и арендовать для создания военно-морской базы полуостров Ханко, уступив Финляндии вдвое большую территорию в Советской Карелии.

Развернутый анализ сложившихся к тому времени советско-финляндских отношений впервые публично дал Молотов на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 года, когда переговоры еще продолжались. Он определил их как отношения, находящиеся в особом положении, потому что Финляндия испытывает внешние влияния, что вызывает озабоченность по поводу безопасности Советского Союза, и особенно Ленинграда. Вопросы, стоящие в переговорах с Финляндией, заявил Молотов, те же, которые стояли в переговорах с Эстонией. Он отверг утверждения зарубежной прессы, будто Советский Союз требует себе г. Виипури (Выборг) и территорию, лежащую севернее Ладожского озера. Далее Молотов изложил ход переговоров с финляндской делегацией, отметив, что Советский Союз предложил Финляндии «заключить советско-финский пакт взаимопомощи примерно по типу наших пактов взаимопомощи с другими прибалтийскими государствами».

Молотов выразил готовность идти навстречу пожеланиям Финляндии и призвал ее не поддаваться антисоветскому давлению и подстрекательству извне. В связи с этим он подверг критике заявление президента США Ф. Рузвельта, который в письме к М. И. Калинину «выразил надежду на сохранение и развитие дружественных и мирных отношений между СССР и Финляндией». Молотов назвал это заявление вмешательством в на-

ши дела и порекомендовал американскому президенту лучше предоставить свободу и независимость Филиппинам и Кубе.

Новый тур советско-финляндских переговоров 13 ноября был снова прерван. Финляндия не согласилась на предложения советской стороны продать или обменять район Ханко, или создать военные базы на соседних с ним островах, или передвинуть границу на Карельском перешейке.

Все эти события происходили в сложной обстановке, когда сотни эшелонов с войсками и боевой техникой из разных военных округов страны двигались в сторону Ленинграда.

Именно тогда Сталин произнес зловещие слова, что нам придется воевать с Финляндией, и это фактически исключало дальнейшие усилия Советского Союза для поисков политического решения спорных вопросов.

В последние дни ноября 1939 года практически в ультимативной форме Советское правительство предложило правительству Финляндии в одностороннем порядке отвести свои войска от границы на 20—25 километров. Финская сторона выступила с встречным предложением, чтобы советские войска также отошли на такое же расстояние. Таким образом, общее расстояние между отошедшими финскими войсками и Ленинградом увеличилось бы вдвое. Советское правительство расценило это заявление как «отражающее глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу» и заявило, что предложение об отводе советских войск к окраинам Ленинграда является абсурдным.

Так стороны подошли к опасной черте, за которой уже началась война. Они смотрели друг на друга через прорезь прицела винтовки, и возникшие в это время и несколько ранее на границе вооруженные инциденты служили советской стороне весьма подходящим поводом, чтобы применить силовой прием.

Одной из них, ставшей применительно к советско-финляндской войне своеобразным «северным Глейвицем», был вооруженный инцидент в пограничном советском селении Майниле. Его советская версия изложена в донесении Мерещкова. В нем было сказано, что 26 ноября 1939 года штабу ЛВО стало известно об обстреле финской артиллерией советского подразделения, дислоцированного севернее Майнилы. Было убито четверо и ранено девять красноармейцев и командиров. Для расследования обстоятельств, приведших к инциденту, выехал офицер штаба округа полковник Тихомиров. Нет оснований придавать этому инциденту ту роль, которую он не мог играть, и утверждать, будто именно он вызвал вооруженное столкновение между двумя странами. Война явилась результатом кризисных отношений между СССР и Финляндией на протяжении ряда лет и недалеких

шагов тех государственных деятелей, которые видели в применении военной силы единственный способ решения спорных международных вопросов. Но ведь именно Советское правительство придало инциденту в Майниле особое значение. Разве не Молотов в речи по радио 29 ноября 1939 года назвал его олицетворением «неприкрытого стремления» финской стороны «и впредь держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск»?

За возмущенной нотой Советского правительства последовали денонсация договора о ненападении, отзыв дипломатических и хозяйственных представителей и, наконец, речь Молотова по радио. В дело вступили войска, уже давно готовые к «контрудару». Так оперативно сработал феномен, который на современном военно-политическом языке называется «быстрым реагированием».

Нарушение границы Финляндии крупными силами советских войск и их продвижение в глубь страны, где в течение нескольких дней им оказали сопротивление лишь отдельные пограничники, означало фактически необъявленную войну. В тот же день президент Финляндии Каллио сделал следующее заявление: «В целях поддержания обороны страны Финляндия объявляет состояние войны».

Война началась сперва как армейская операция силами девяти стрелковых дивизий и трех танковых бригад. Силы Краснознаменного Балтийского флота, базировавшиеся в Эстонии и Латвии, были развернуты для действий на коммуникациях противника. 3 декабря в обстрел территории Финляндии включились крупнокалиберные орудия форта Красная Горка. В последующие дни тяжелые бои развернулись по всему фронту от Баренцева моря до Балтики. На 1 февраля 1940 года в состав группировки советских войск уже входило до 40 дивизий общей численностью около миллиона человек. Им противостояли до 600 тысяч финских регулярных войск и военнизированных частей (шюцкоровцев). По боевой технике Красная Армия имела тройное, а по танкам и авиации — абсолютное превосходство.

Таким образом, предпринятую Советским правительством войну против Финляндии следует квалифицировать как неправомерный акт великой державы против малой соседней страны.

Опыт истории подтверждает, что если заговорили пушки, то это еще не значит, что дальнейшее кровопролитие неотвратимо и что дипломатам в подобной ситуации делать нечего. Международное право допускает такой прецедент, когда сам акт объявления войны вовсе не обязательно должен сопровождаться фактическими военными действиями. Данная норма международного права допускает, что в последний момент перед открытием

огня стороны могут попытаться найти путь для сохранения между собой мирных отношений, и такие попытки следует поощрять. Если же государство — инициатор войны отказалось от поиска такого пути, то оно однозначно нарушило международное право.

К сожалению, именно так поступило Советское правительство. Уже на второй день войны финская сторона предложила продолжить переговоры с Советским Союзом. 1 декабря было образовано новое правительство Финляндии во главе с Р. Рюти. Лидер социал-демократов В. Таннер, которого Молотов назвал «злым гением советско-финляндских отношений», стал министром иностранных дел. А прежний глава внешнеполитического ведомства Финляндии Э. Эркко был направлен в Швецию в качестве посланника. Советское правительство не реагировало на эти примирительные шаги, предпринятые в Хельсинки, и маховик войны стал раскручиваться все энергичнее.

Не соответствует моральному аспекту международного права еще одна политическая акция Сталина и Молотова. В день начала боевых действий в Москве было заявлено, что Советскому правительству путем «радиоперехвата стало известно», что в только что занятом финском городе Териоки (ныне Зеленогорск) «левыми силами» Финляндии было сформировано «народное правительство Финляндской Демократической Республики (ФДР)» во главе с видным деятелем финляндского и международного коммунистического движения, одним из руководителей Исполкома Коминтерна О. В. Куусиненом. Он же стал министром иностранных дел. На следующий день было сообщено (конечно, тоже «путем радиоперехвата»), что Центральный Комитет Компартии Финляндии (точнее было бы сказать — находившаяся в СССР часть членов ЦК) обратился к трудовому народу с призывом свергнуть правительство в Хельсинки, не следовать за «предательскими вождями финской социал-демократии», которые «открыто смыкались со злейшими поджигателями войны», и создать «народное правительство».

Ознакомление с некоторыми положениями этого документа, составленного в стиле сталинских стереотипов, вызывает странные чувства, будто его авторы были оторваны от реальной жизни и реальных настроений финского народа. Так, в документе выражается несогласие с «некоторыми товарищами», которые требуют «установления советской власти в Финляндии». Это несогласие справедливо обосновывается тем, что такой важный вопрос может быть разрешен лишь всем народом, трудящимися классами при санкции сейма.

Далее подвергаются критике те товарищи, которые думают о возможности вступления Финляндии в состав Советского Со-

юза. Это невозможно, говорится в документе, по следующим двум причинам: во-первых, «Финляндская Демократическая Республика как государство не советского типа не может входить в состав Советского Союза, представляющего государство советского типа», и, во-вторых, «Советский Союз, следуя своей национальной политике, не захочет, чтобы ему могли приписать желание расширить свои границы...». Но ведь политическая линия Сталина и его окружения подтверждает, что все эти вопросы решались тогда проще.

Обращение ЦК Компартии Финляндии несколько двусмысленно излагает и задачи Красной Армии в этой войне, приписывая ей функции экспорта революции и осчастливливания финского народа, хотя он этого и не просил. Так, в документе было сказано, что Советский Союз не намерен «ограничить право Финляндии на самоопределение и суверенитет». Но все-таки Красная Армия идет в Финляндию «как освободитель нашего народа от гнета капиталистических злодеев», причем «сотни тысяч рабочих и крестьян» с радостным нетерпением ожидают приближения Красной Армии.

В тот же день, 2 декабря 1939 года, было объявлено о заключении в Москве договора о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и «Финляндской Демократической Республикой», который подписали Молотов и Куусинен. В этом документе, как и в предыдущем, также проводится мысль о том, что «финляндский народ образовал свою Демократическую Республику, всецело опирающуюся на поддержку народа», и что теперь «героической борьбой финляндского народа и усилиями Красной Армии СССР ликвидируется опаснейший очаг войны». Сообщалось также, что принято решение о формировании «Финляндской Народной Армии», которой Советский Союз обязался оказывать помощь вооружением и прочими военными материалами на льготных условиях. Однако в действительности части «Финляндской Народной Армии» стали формироваться задолго до этих событий. Так, в соответствии с приказом наркома обороны Ворошилова 11 ноября 1939 года началось формирование 106-й стрелковой дивизии, ставшей позже первым соединением этой армии. Командиром дивизии стал А. Антилла. Одновременно он являлся и «министром обороны» в «правительстве Куусинена». Через несколько дней было предпринято формирование финского корпуса. На его укомплектование были вызваны все финны и карелы в возрасте до 40 лет, служившие в войсках ЛВО. К 26 ноября численный состав корпуса насчитывал 13 405 человек, позже – более 25 тысяч.

Как упоминалось в советской печати, уже на второй день войны, 1 декабря, «в разных частях Финляндии народ восстал

и провозгласил создание демократической республики». Это была грубая фальсификация фактов и попытка дезинформировать советских людей и мировое общественное мнение. Советская пропаганда вопреки фактам утверждала, что «Красная Армия пришла в Финляндию на помощь финскому народу по приглашению его Народного Правительства, чтобы помочь в их борьбе против политических шулеров...».

Таковы были официальные сообщения о событиях первых дней войны. Но имеющиеся в нашем распоряжении архивные документы позволяют кое-что уточнить и дать несколько иную оценку этим событиям.

Прежде всего возникает вопрос, каков же был смысл фарса с созданием «народного правительства» и заключением с ним «договоров»? Не исключено, конечно, что это была попытка ввести в заблуждение мировое общественное мнение. Ведь было же объявлено, что никакой войны против Финляндии Советский Союз не ведет. Стало быть, и никакой ответственности за агрессию он не может нести. Нельзя также исключать предположения, что созданное «народное правительство» предназначалось для того, чтобы развязать в стране гражданскую войну. Ведь обращение ЦК Компартии Финляндии прямо призывало различные слои населения подняться на освободительную борьбу и свергнуть «правительство палачей». Возможно также, что это «правительство Куусинена» было создано с целью нажима на правительство Финляндской Республики, чтобы заставить его принять советские условия и прекратить войну. Эта вероятность подтверждается заявлением Молотова шведскому посланнику в Москве Ассарссону 4 марта 1940 года о том, что если правительство Финляндии будет по-прежнему возражать против передачи Советскому Союзу Выборга и Сортавалы, то последующие советские условия мира будут еще более жесткими и СССР пойдет тогда на окончательное соглашение с правительством Куусинена.

Советское правительство отвергло посреднические услуги Лиги Наций — международной организации, членами которой были как СССР, так и Финляндия. 3 декабря постоянный представитель Финляндии в Лиге Наций Р. Холсти проинформировал Генерального секретаря Лиги Наций Аvenoля о том, что утром 30 ноября Советский Союз внезапно напал не только на пограничные позиции, но и на открытые финские города, денонсировал мирный договор 1920 года и пакт о ненападении, срок действия которого истекал в 1945 году. Он просил созвать Совет и Ассамблею, с тем чтобы остановить агрессию.

Как же реагировало на это обращение Финляндии в Лигу Наций Советское правительство?

Вот что ответил Генеральному секретарю 4 декабря Молотов. «Во-первых,— отмечал он,— Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу. Во-вторых, Советский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря с. г. им заключен договор о взаимопомощи и дружбе. Этим документом урегулированы все вопросы. В-третьих, прежнее правительство Финляндии сложило свои полномочия. В-четвертых, в настоящее время мы совместными усилиями ликвидируем опаснейший очаг войны, созданный в Финляндии ее прежними правителями». Если проанализировать эти циничные слова Молотова, рассчитанные, видимо, на простачков, то нельзя не признать, что они представляют грубое нарушение международных норм. Затем Молотов сообщает, что в случае, если будут созваны Совет и Ассамблея для рассмотрения обращения Р. Холсти, Советское правительство не будет участвовать в этих собраниях.

Тем не менее созванная 11 декабря 20-я сессия Ассамблеи Лиги Наций образовала специальный Комитет по финляндскому вопросу под председательством де Матта. На следующий день Комитет обратился к Советскому правительству и правительству Финляндии с призывом прекратить военные действия и при посредстве Ассамблеи начать немедленные переговоры для восстановления мира. Правительство Финляндии сразу же приняло это предложение, но Молотов вторично ответил отказом. Исчерпав все возможности для прекращения советско-финляндского конфликта, Совет Лиги Наций 14 декабря 1939 года по настоянию Бразилии и при поддержке других латиноамериканских государств принял резолюцию об исключении СССР из Лиги Наций, осудил «действия СССР, направленные против Финляндского государства» и призвал государства — члены Лиги Наций оказать поддержку Финляндии.

В «Известиях» от 16 декабря 1939 года было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось, что авторитетные советские круги оценивают эту акцию Лиги Наций как скандальную и незаконную, поскольку из 15 членов Совета за исключение СССР голосовали только 7 членов, остальные отсутствовали или воздержались. «Таким образом,— отмечалось в сообщении ТАСС,— вместо того чтобы содействовать прекращению войны между Германией и англо-французским блоком, в чем, собственно, и должна бы заключаться миссия Лиги Наций, если бы она продолжала оставаться «инструментом мира», нынешний состав Совета Лиги Наций, провозгласив политику поддержки провокаторов войны в Финляндии — клики Маннергейма и Таннера, стал на путь разжигания войны также и на северо-востоке Европы».

Игнорирование Советским правительством призыва Лиги Наций интерпретировалось в передовой «Известий» за 17 декабря 1939 года следующим образом: «Что же касается Советского Союза, то во всяком случае не он останется в проигрыше от женеvского решения. Это решение избавляет СССР от моральной ответственности за «деятельность» женеvского учреждения и в то же время освобождает Советский Союз от обязательств, вытекающих из устава Лиги». «Нами получена свобода рук», — утверждала газета.

Как следует характеризовать позицию Советского Союза в отношении примирительной услуги Лиги Наций? Как бесспорно непродуманную и безответственную, грубо нарушившую нормы международного права. Правда, в предыдущие десятилетия в международной практике использование мирных средств разрешения споров между государствами имело необязательный (факультативный) характер. Да тогда еще и не существовало эффективного механизма деэскалации. Возможно, им могла бы стать Лига Наций, но советская сторона, как видно, не была заинтересована в ее посреднических услугах.

Казалось, применив силу против Финляндии и отказавшись от мирного решения спора, Советский Союз формально не нарушил норму международного права, закрепленную в установлении 1-й Гаагской конвенции 1907 года и регулиующую добрые услуги и посредничество. Но не следует забывать, что, во-первых, в Советском Союзе как социалистическом государстве внутригосударственное право (в частности, Декрет о мире 1917 г.) запрещало прибегать к агрессивной войне. Во-вторых, хотя институт посреднических услуг имел лишь значение рекомендаций и советов, все же не следовало бы в данном случае игнорировать его моральную ценность, которая уже тогда в международных отношениях приобретала все большую значимость.

Последующий ход войны со всей очевидностью демонстрировал, что советское руководство предпринимало тогда ряд таких политических и военных шагов, которые ставили под серьезное сомнение декларированные им цели в этой войне. Тем самым оно игнорировало один из старейших и важнейших принципов международного права — принцип уважения суверенитета других стран и невмешательства в их внутренние дела.

Ознакомление уже с первым оперативным приказом войскам Ленинградского военного округа за подписью командующего К. А. Мерецкова и члена Военного совета А. А. Жданова показывает, что цели предстоящей операции выходили далеко за рамки обеспечения безопасности города на Неве. В нем шла речь не только о том, чтобы «перейти границу и разгромить финские войска», но и формулировалась такая политическая

цель, как освобождение «финского народа от гнета помещиков и капиталистов». Маловероятно, что подобную политическую цель сформулировало командование ЛВО без согласования с политическим руководством страны.

В последующие дни в советской пропаганде, особенно в войсках Действующей армии, тезис об «обеспечении безопасности Ленинграда» как будто был напрочь забыт и подчеркивалась лишь «освободительная миссия» Красной Армии в Финляндии.

Затравку советской пропаганде давал лично Молотов. В своей речи по радио 29 ноября 1939 года он уже не упоминал о конкретной провокации — обстреле советского пограничного поста севернее поселка Майнилы, расположенного у самой границы, но сообщил о каком-то мифическом «артиллерийском обстреле наших воинских частей под Ленинградом, приведшем к тяжелым жертвам в красноармейских частях». А предложение финской стороны о совместном расследовании провокации в Майниле он назвал «нахальным отрицанием фактов, издевательским отношением к понесенным нами жертвам...».

О подлинных политических целях советского руководства в этой войне свидетельствуют планировавшиеся размах, темпы продвижения войск и конечные рубежи операции. Так, план операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии (так он именовался официально) был разработан командованием ЛВО и подписан командующим Мерещковым и начальником штаба Чибисовым 29 октября 1939 года, то есть тогда, когда продолжались переговоры. Разведкой было выявлено, что противник располагает шестью дивизиями, на вооружении которых находилось 280 орудий, 10—15 танков и 120—150 самолетов. Для разгрома этих сил советское командование к 1 декабря 1939 года сосредоточило 20 стрелковых дивизий, более 4 тысяч орудий и минометов разных калибров, около 2 тысяч танков и более 960 самолетов. Предусматривалось, что эта группировка обеспечит проведение операции в течение 10—15 дней при среднем продвижении 10—12 километров в сутки.

В директиве Военного совета ЛВО, которая зачитывалась офицерскому составу на Карельском перешейке вечером 29 ноября, то есть накануне наступления, ставилась задача через четыре дня занять г. Виипури, а через две недели вступить в Хельсинки. Но столица Финляндии не была пределом. То, что это так, свидетельствует следующее указание, содержащееся в той же директиве: «При выходе к шведской и норвежской границам границы не нарушать и не допускать провокаций. Военнослужащих шведской и норвежской армий на границе приветствовать отданием чести».

Средства и методы войны также имели решительный характер. Так, в первый день войны советская авиация подвергла бомбардировке военные объекты в районе Хельсинки. Но из-за навигационных ошибок бомбы упали на жилые кварталы в центре города. Имелись разрушения и человеческие жертвы. Правда, с 3 декабря воздушные налеты на объекты глубокого тыла Финляндии Главное командование Красной Армии категорически запретило. Только месяц спустя, когда обстановка на фронте складывалась не в пользу Красной Армии, Ворошилов, Сталин и Шапошников подписали приказ, который гласил: «Бомбардировочной авиации наносить систематические и мощные удары по глубоким тыловым объектам: административным, военно-промышленным пунктам, железнодорожным мостам, железнодорожным узлам, портам, транспортом противника».

Если далее рассматривать советско-финляндскую войну в свете международного права, то крайне важно обратить внимание и на то, что она дестабилизировала общую ситуацию в Северной Европе и создавала угрозу вовлечения в войну Англии и Франции, что для СССР было чревато крайне опасными последствиями.

Германия, связанная обязательствами по секретному протоколу с Советским Союзом и войной с западными державами, в советско-финляндской войне соблюдала нейтралитет. Открытие нового театра военных действий в Северной Европе не было в ее интересах по крайней мере по двум причинам: была затруднена доставка стратегического сырья из Швеции и Финляндии и на войну отвлекались бы ресурсы Советского Союза, предназначенные для Германии.

Еще 27 сентября 1939 года германский посланник в Хельсинки В. Блюхер в пространном донесении Риббентропу об обстановке в Финляндии отмечал, что доминирующее влияние Англии в экономической жизни Финляндии постепенно ослабевает. Надежда финнов на поддержку Скандинавских стран становится под вопросом. Россия, которую здесь рассматривали как спящего медведя, теперь проснулась и свои экспансионистские устремления направила на Запад. Военная мощь Германии, продемонстрированная в Польше, совершенно изменила соотношение сил на континенте.

Многие финны еще мыслят старыми стереотипами, надеясь, что страна может жить в стороне от международных потрясений, продолжал Блюхер. Страх перед Россией, который никогда не покидал финнов, усилился в связи с вторжением Красной Армии в Польшу. Этот страх охватил даже военное руководство во главе с маршалом Маннергеймом. Изменилось настроение и у министра иностранных дел Э. Эркко, который прежде зани-

мал англофильскую и русофобскую позицию. Теперь он утверждает, что Финляндия впредь не может вести антирусскую политику. Он не возражает предоставить русским в аренду ряд островов в Финском заливе.

«В период польской кампании симпатии финнов были не на нашей стороне, но реалистически мыслящие деятели нас не обвиняют. Деловые круги не заинтересованы в осложнении отношений с Англией из-за опасения, что может быть нарушен финский экспорт в эту страну. Финская общественность отрицательно отнеслась к советско-германскому договору и считает, что Германия должна нести ответственность за поведение России в отношении Финляндии».

Вскоре, 7 октября 1939 года, В. Блюхер получил из Берлина категорические указания: мы не должны вмешиваться в русско-финляндские противоречия и нужно стремиться к установлению между Финляндией и Россией добрых отношений. На последовавшие через несколько дней запросы шведского посланника в Берлине статс-секретарь министерства иностранных дел Германии Вайцеккер уверял его, что Риббентроп не говорил в Москве о судьбе Финляндии и что, по его мнению, Россия не имеет в отношении Финляндии далеко идущих планов.

По поводу предстоящих советско-финляндских переговоров в Москве германский посланник в Хельсинки 10 октября 1939 года сообщал в Берлин, что если Россия не ограничит свои требования островами и Финским заливом, то Финляндия, по его мнению, будет сражаться. Это вызовет трудности для германской военной промышленности, поскольку из Финляндии будет прекращена доставка меди, молибдена, а также продовольствия и древесины. Далее посланник рекомендовал предложить России не переступать эти свои требования.

В ответ на эту информацию Блюхер получил следующее новое разъяснение от Вайцеккера: известно, что в соответствии с обязательствами, взятыми нами по советско-германскому договору о ненападении, мы не можем поддерживать третью сторону. Если мы поддержим Швецию, то это усилит позиции Швеции и Финляндии в их сопротивлении русским, а это нанесет ущерб советско-германским отношениям.

Если говорить о позиции Германии в советско-финляндской войне, то об этом, в частности, свидетельствует следующий факт. Как доносил в Берлин 9 декабря Шуленбург, командование Советского Военно-Морского Флота планирует осуществлять своими подводными лодками блокаду Ботнического залива с целью предотвратить поступление помощи Финляндии от западных держав. В связи с этим советское командование просит, чтобы немецкие суда, следующие в Швецию, снабжали советские подводные лодки горючим и продо-

вольствием при условии возврата этих ресурсов тем немецким кораблям, которые заходят в советские порты.

Шуленбург рекомендовал согласиться с этой просьбой по трем причинам: во-первых, это все равно не повлияет на исход войны; во-вторых, Германия получит компенсацию, например в советских портах на Дальнем Востоке, где имеются большие возможности для ведения боевых действий германскими военноморскими силами, и, в-третьих, это позволит в будущем выдвинуть встречные требования перед Советским Военно-Морским Флотом. Главнокомандующий ВМФ Германии гроссадмирал Э. Редер со ссылкой на фюрера дал свое согласие на эту операцию.

Многочисленные другие шаги Германии в ходе советско-финляндской войны подтверждают, что она делала все, чтобы не обременять советско-германские отношения, имевшие для нее приоритетное значение. Так, была отвергнута просьба финляндского правительства разрешить транзит военных материалов в Финляндию через германскую территорию. Только по указанию Гитлера был разрешен проезд одного эшелона с итальянскими военными самолетами, закупленными финнами еще до войны. 19 декабря Германия заявила шведскому правительству, что выступление Швеции на стороне Финляндии может привести к репрессивным военным мерам против нее.

В ходе войны Вайцеккер неоднократно напоминал германским миссиям за рубежом, чтобы они возлагали ответственность за конфликт на Англию и на «неумное правительство Финляндии» и чтобы в разговорах демонстрировали свои симпатии к русским и антипатии — к финнам.

Любопытно, что в беседе с известным шведским писателем, сторонником фашизма Свенном Гедином 4 марта 1940 года Гитлер оправдывал действия Сталина против Финляндии. Он заявил, что Сталин не требовал от нее ничего, кроме как прохода к незамерзающему морю. Сейчас Сталин серьезно изменил свою политическую позицию: он не является больше международным большевиком, а демонстрирует себя как русского националиста, преследующего естественную в основе своей политику русских царей. Он требует выхода к незамерзающим портам, передвигая границы от Ленинграда, предоставляя финнам компенсацию в Карелии. Поэтому финнам, говорил Гитлер, было бы разумно на этой основе помириться с русскими.

Гитлер отверг предложенное Гедином посредничество, ибо, по его словам, финны будут его не благодарить, а только упрекать за потерю Ханко и других территорий.

Тем не менее попытки посредничества со стороны Германии все же имели место. Так, 13 февраля 1940 года Риббентроп

предложил Блюхеру выяснить возможность секретной встречи в Берлине советских представителей хотя бы с Паасикиви. Через несколько дней Блюхер доложил, что по этому вопросу у него состоялась беседа с Таннером. Но финляндский министр иностранных дел расценил попытку посредничества как стремление ослабить волю финского народа к сопротивлению и окончательного и определенного ответа не дал. В начале марта 1940 года, когда развернулись бои за Выборг, правительство Финляндии обратилось в Берлин с просьбой повлиять на Советский Союз, чтобы он отказался от Выборга и территории северо-западнее Ладожского озера. Блюхер рекомендовал поддержать эту просьбу финнов, так как в интересах Германии, чтобы такой важный порт и промышленный центр, как Выборг, оставался у финнов.

Заключение мира 12 марта 1940 года в политических кругах Берлина было встречено с удовлетворением. Как записал в дневнике И. Геббельс, оно считалось здесь «большой дипломатической победой» Германии. Вместе с тем, судя по оценке ситуации, сложившейся в регионе Прибалтики после заключения мира, изложенной Блюхером в донесении 13 марта 1940 года, Германия должна будет учитывать возросшее влияние Советского Союза на Скандинавию и на пути в Балтийском море, что не может не беспокоить Германию. Конечно, в некоторых, особенно в военных кругах Берлина, как отмечал в дневнике генерал Ф. Гальдер, были довольны тем, что «конфликт с Финляндией толкает Россию в антианглийский лагерь».

Наиболее полно и обстоятельно позиция Германии в отношении советско-финляндской войны и ее оценка была изложена в меморандуме советника германского посольства в Москве фон Типпельскирха от 25 января 1940 года. Этот документ заслуживает того, чтобы воспроизвести его максимально полно.

Типпельскирх приходит к выводу, что советско-финляндская война, с немецкой точки зрения, в силу разных причин определяется со смешанным чувством, потому что она приносит Германии как трудности, так и преимущества. К числу первых автор относит тот факт, что война поставила Германию в крайне неудобное положение и этим пользуются ее враги в своей пропаганде. Военная обстановка и непредсказуемость ее итогов в значительной мере нарушили германо-финляндскую торговлю и в ущерб Германии ухудшили экономические показатели Советского Союза. Кроме того, СССР скомпрометировал себя перед лицом всего мира, что для Германии как союзника Советского Союза далеко не безразлично. В дальнейшем не исключено, что СССР может быть втянут в войну с Англией и Францией, и Германия потеряет его как экспортера и как гаранта своего стратегического тыла.

Наряду с приведенными недостатками, продолжает Типпельскирх, война создала для Германии и немало преимуществ. Так, Советское правительство в настоящее время приходит к осознанию того, что трудности войны отрезвляюще подействовали на оценку своего мнимого превосходства и собственных достижений. Финляндская война представлялась Советскому Союзу довольно легкой акцией. Но исключительные трудности и неудачи, особенно в связи с правительством Куусинена, являются для Советского Союза и Коминтерна своеобразным предупреждением. Отсюда напрашивается вывод, что союзнические отношения с Германией имеют для Советского Союза в данное время исключительное значение.

Что же касается Англии и Франции, то они были целиком на стороне Финляндии, предпринимая все, чтобы не допустить ее поражения. Советское правительство с самого начала акции против Финляндии понимало возможную реакцию со стороны западных стран. Поэтому советское командование планировало войну как быстротечную операцию. Так, в приказе Ворошилова и Шапошникова от 2 декабря, то есть на третий день операции, отмечалось медленное и нерешительное продвижение 9-й и 8-й армий. «Мы не можем долго болтаться в Финляндии, двигаясь по 4—5 км в сутки. Нужно поскорее кончать дело решительным наступлением наших войск».

Озабоченность советского командования была небесспорной. Реальность состояла в том, что при затягивании войны в нее на стороне Финляндии могли быть втянуты Англия и Франция. Они не только оказывали финнам помощь боевой техникой, вооружением и боеприпасами, но вместе со Швецией, Норвегией и некоторыми другими странами направили в Финляндию более 11 тысяч добровольцев. Всего же различных видов оружия и боевой техники Финляндии направили 13 западных стран.

Советское правительство постоянно твердило, что Англия подстрекает Финляндию на антисоветские действия. Но в Лондоне этот очевидный факт категорически отрицали. Английский посол в Москве Сидс, уезжая в конце декабря 1939 года в отпуск, посетил заместителя наркома иностранных дел В. П. Потемкина и имел с ним длительную беседу. Посол заявил, что Англия желает сохранить дружелюбные отношения с Советским Союзом. Она не подстрекала Финляндию, потому что желает сохранения мира в Скандинавии и выступает за нейтралитет Советского Союза. Посол сообщил далее, что Англия давала финнам советы благоразумия и упрямство Таннера не вызывало в Лондоне одобрения. После отказа от дальнейших переговоров с финнами, продолжал посол, Советский Союз занял «великолепную» позицию, воздерживаясь от посягательства на всю Финлян-

дию и ограничиваясь только объектами, о которых Сталин говорил при переговорах с Таннером—Паасикиви. Посол заверил Потемкина, что официально Англия не оказывает помощи Финляндии — это делают общественные организации, предприятия и частные лица.

Но высказывания Сидса, мягко говоря, не соответствовали действительности. Уже в середине декабря 1939 года в Лондоне обсуждался план добиться от Швеции и Норвегии разрешения на вступление англо-французских войск с целью оказания совместной помощи Финляндии. Тогда Верховный военный совет союзников опасался, что советским войскам удастся быстро пройти территорию Финляндии и достигнуть границ со Швецией и Норвегией. Но с конца декабря 1939 года, когда ход военных действий в Финляндии не создавал непосредственной опасности для Швеции и Норвегии, союзники наметили более осторожный план. Они заверили правительства этих стран в своей готовности оказать им помощь, но получили решительный отказ. В последующем Верховный военный совет продолжал обдумывать различные варианты для одновременного решения двуединых задач: оказания помощи Финляндии, если она сама попросит ее, и овладения шведским железорудным бассейном с согласия Швеции. Но Швеция отвергла этот план, а в начале марта 1940 года в связи с советско-финляндскими мирными переговорами он уже перестал быть актуальным.

Итак, в марте 1940 года благодаря усилиям обеих воевавших сторон военный пожар был потушен. Страны Северной Европы не были превращены тогда в новый очаг второй мировой войны. Советско-финляндская война, проходившая во временных рамках второй мировой войны, все же была локализована, в нее не были вовлечены великие державы. Очевидно, поэтому ее неправомерно считать составной частью второй мировой войны.

Что же касается норм международного права, то инициативу Советского Союза в этой войне нельзя оправдать никакими соображениями, пусть даже такими жизненно важными, как обеспечение безопасности Ленинграда. Эта война была следствием недалекновидной политики Сталина, Молотова и Ворошилова, их великодержавных замашек и нежелания учитывать реалии. Она еще раз подтвердила, что любая попытка обеспечить свою безопасность несправедливыми методами и за счет игнорирования безопасности других стран неизбежно ведет к грубым нарушениям общепринятых норм международного права, к международной изоляции государства-агрессора, к потере его престижа среди других государств мирового сообщества.

У советских людей к советско-финляндской войне особый счет. После гражданской войны она стала первой, взбудоражи-

вшей страну, вызвавшей в народе недоверие к ее целям, принесшей во многие семьи горе и страдания — гибель 70 тысяч, более 175 тысяч обмороженных и раненых советских воинов.

По своим личным наблюдениям и на основании бесед с Молотовым Шуленбург уже в начале января 1940 года пришел к выводу, что советско-финляндская война была непопулярна среди советского населения. Страх перед предстоящей войной, сглаженный заключением советско-германского договора, снова вспыхнул в связи с советско-финляндской войной, докладывал он в Берлин. Настроение людей падает в связи с неудачами на фронте, население опасается повышения цен, вызывает беспокойство прибытие с фронта большого количества обмороженных красноармейцев. Аналогичную информацию направляли и посольства других стран в Москве.

Не только Финляндии и Советскому Союзу, но и всем война напомнила, как важно проявлять государственную мудрость, гибкость и рассудительность, взвешивать все «за» и «против» прежде, чем принимать ответственные решения. Что же касается безопасности для обеих стран, то самой лучшей ее гарантией было бы доброе соседство, основанное на взаимном доверии и уважении. Именно на таком фундаменте строилась политика наших стран за последнее сорокалетие.

Катыньское дело — это вопрос о трагической судьбе нескольких тысяч польских офицеров, могилы которых были обнаружены в катыньском лесу.

Проблема судеб польских офицеров, интернированных в СССР в 1939—1940 годах, долгие годы принадлежала в СССР к числу запретных. Расширившийся в последние годы доступ к архивам, оживление в исторической науке, интерес общества к выявлению правды о кануне и начале второй мировой войны — все это позволило по-новому подойти и к проблеме интернированных. Появилась возможность заглянуть в ранее закрытые хранилища, но они не сохранились полностью. Смоленский архив НКВД, например, в годы войны захватили гитлеровцы (ныне он в США). В годы Великой Отечественной войны погибли многие материалы. В советских архивах дважды — в 1947—1948 и 1956—1957 годах — проходила «чистка» фондов по проблеме. Уничтожены многие тысячи документов (например, почти четыре тысячи личных дел из Старобельского лагеря и др.). Все это, а также еще неполное выявление архивных материалов не дает возможности создать целостную картину. Пока вопросов больше, чем ответов на них.

Настоящая статья является попыткой на основе изучения фондов Центрального государственного особого архива СССР (ЦГОА) приступить к рассмотрению истории интернированных в СССР поляков и гибели большинства офицеров Войска Польского как составной части более широкой проблемы — советско-польских отношений в годы второй мировой войны, судеб польских граждан в СССР в 1939—1945 годах. Проблема эта оказала определяющее воздействие на советско-польские отношения в 1941—1945 годах. Последствия катыньского дела в советско-польских межгосударственных и общественных связях ощущаются по сей день.

Валентина Сергеевна Парсаданова — доктор исторических наук.

Печатается с сокращениями. Полный текст статьи опубликован в журнале «Новая и новейшая история», 1990, № 3.

С 1943 года длится спор, сколько было убитых в Катynи, кто, по какой причине и с какой целью их казнил. Чтобы определенно ответить на вопрос, кто виновен в этом массовом убийстве, необходимо точно знать, когда оно произошло. Советская сторона официально высказалась по этому вопросу в 1943 году и в январе 1944 года, объявив виновниками расстрела гитлеровцев и назвав срок гибели польских офицеров — сентябрь — декабрь 1941 года, то есть время оккупации немцами района Смоленска.

В документах трех различных комиссий, созданных или призванных гитлеровцами в 1943 году, обвинялась советская сторона: расстрел провели советские политические органы (НКВД) весной 1940 года. Версия эта разрабатывается за пределами СССР уже полвека.

В Советском Союзе история интернирования в СССР части личного состава польской армии и судеб ее офицеров не была предметом исторического исследования. Документальная база проблемы до сих пор ограничена материалами Специальной комиссии, возглавлявшейся Н. Н. Бурденко. В СССР опубликованы дипломатические материалы, связанные с разрывом отношений между СССР и польским эмигрантским правительством. Дополняют их газетные статьи, сопутствовавшие работе комиссии Бурденко. На этих материалах основана немногочисленная литература, издававшаяся в СССР и Польше. Новый всплеск публикаций был в 1951—1952 годах, когда работала комиссия палаты представителей Конгресса США. В последующие годы в литературе в лучшем случае упоминался факт обнаружения катыньских могил и его политико-дипломатические последствия. С середины 80-х годов проблемы интернированных и катыньского дела вышли в СССР на страницы печати, но освещают их в основном публицисты, пользующиеся материалами из вторых и третьих рук.

В Польше указанные вопросы вновь стали активно обсуждаться в конце 70 — начале 80-х годов. Польские историки и публицисты, как и большинство западных исследователей, в основу своих работ кладут гитлеровские материалы, изданные в 1943 году, а также ряд последующих документальных публикаций и многочисленную мемуарную литературу, вышедшую на Западе. В последнее десятилетие эти материалы широко публикуются в польской печати.

На Западе издано не много серьезных работ, затрагивающих проблему интернированных польских военнослужащих. В основном эти исследования принадлежат польским эмигрантам. В трудах западногерманских, английских и американских историков проблема интернированных польских военнослужащих проходной сюжет. Катыньское дело рассматривается в плане дип-

ломатической истории второй мировой войны или антисоветской пропаганды. Тот факт, что современная польская, западноевропейская и американская историографии в основном принимают выводы германских «Официальных материалов о массовом убийстве в Катыни», не означает, что заявленное комиссией Бурденко положение об ответственности гитлеровцев за расстрел интернированных поляков не имеет сторонников среди авторов, чьи работы в 1988—1989 годах издавались за пределами СССР¹.

Что же конкретно было известно об интернированных в 1939 году польских военнослужащих по советским и польским материалам? Общее их число — не определено. Представление о путях, методах формирования лагерей весьма приблизительно. Число узников в офицерских лагерях указывалось также приблизительно на основе воспоминаний. О судьбах солдат существовали лишь общие догадки. О судьбах офицеров известно только по катынским могилам Козельского лагеря (г. Козельск и Оптина Пустынь находились тогда в Смоленской области; ныне — Калужская). Они дают возможность говорить о приблизительном числе погребенных. Но может ли там быть 10—12 тысяч трупов, как объявили гитлеровцы в 1943 году, не определено. Известно, что все погребенные в Катыни были расстреляны. На данный момент основой определения срока их гибели являются: время прекращения переписки с родственниками, данные эксгумации 1943 года (не убедительные по медико-биологическим показаниям и поэтому не всеми тогда абсолютно приняты), вещественные доказательства, найденные в 1943 году на трупах, но в 1945 году уничтоженные гитлеровцами.

В Войске Польском в мае 1939 года было 18,5 тысячи офицеров, в корпусе охраны границ — 846, в резерве — 60 тысяч, в отставке — 12 тысяч. Определить точное число призванных в армию в сентябре 1939 года, по мнению польских историков, невозможно. Ориентировочно это более 40 тысяч. В результате разгрома почти миллионной польской армии в сентябре—октяб-

¹ *Horyń-Swiątek R.* The Katyn Forest. London, 1988. Автор советскими властями в 1940—1941 годах был сослан, а в 1949—1956 годах содержался в тюрьмах и лагерях (*Horyń-Swiątek R.* Przed Czerwonym Trybunałem. London, 1987). Основные положения Свѣнтка сводятся к следующему: в начале апреля 1940 года из Козельска на Запад увозили офицеров. Жителей советских областей — в лагеря под Смоленском, жителей этнической Польши — через Брест к гитлеровцам. С момента пересечения границы их след исчезает до 13 апреля 1943 года. Часть погребенных в Катыни (примерно две тысячи) — из лагерей под Смоленском, остальные свезены гитлеровцами из только им известных мест. Сведения-де получены от немецких военнопленных, с которыми Свѣнтк сталкивался в советских лагерях (*Zbrodnia Katyńska. Z prac... S.* 126—127). Свѣнтка защищает католический «Тыгодник повшехны». Члены польской части комиссии историков Польши и СССР профессора Я. Мацишевский и В.-Т. Ковальский выступили с резкой критикой работы Свѣнтка.

ре 1939 года гитлеровские войска взяли в плен более 18 тысяч офицеров и 400 тысяч солдат. Часть польской армии смогла уйти в Румынию, Венгрию, Литву, Латвию.

Другая часть польских войск сдала оружие Красной Армии. В сентябре 1940 года были опубликованы частичные данные об их численности — 181 тысяча солдат, примерно 10 тысяч офицеров¹. Польская литература (в стране и в эмиграции) называет от 220 до 250 тысяч, гитлеровские материалы — даже до 300 тысяч интернированных. Цифру 300 тысяч называл и первый премьер-министр польского эмигрантского правительства генерал В. Сикорский. Советское правительство в июле 1941 года ее опровергло.

Выяснить общее число интернированных трудно. В документах есть свидетельства самих интернированных о том, что многие сразу же были отпущены по домам². В лагеря было заключено 130 242 военнослужащих, включая переданных в 1940 году из Прибалтики³.

19 сентября 1939 года было создано Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (вторая часть его наименования вошла в постоянный обиход с июня 1940 года). Понятие «интернированные» по отношению к военным и гражданским лицам начинает употребляться в советских документах с декабря 1939 года. (Нахождение военнопленных и интернированных в системе министерств внутренних дел было правилом тех лет. Так было в Великобритании, Венгрии, Италии.)

Судьбы как отдельных лиц, так и целых категорий интернированных, сроки пребывания в лагерях не были определены сразу и не во всем зависели от советской стороны. Исходя из зафиксированного в международных конвенциях о военнопленных и интернированных права использовать рядовых и унтер-офицеров на работах, Экономсовет СНК СССР (председатель А. И. Микоян) принял решение направить на строительство шоссе Новоград-Волынский — Львов (строительство № 1) 14 тысяч человек и на рудники и шахты Криворожского и Донецкого бассейнов 10,3 тысячи человек (Криворожский, Елено-Каракубский, Запо-

¹ Красная звезда. 17. IX 1940. В сентябре 1939 года ни СССР, ни польское правительство не считали себя в состоянии войны друг с другом. Поэтому к личному составу польских войск, отсутствовавших под натиском гитлеровского вермахта на Западную Украину и в Западную Белоруссию или находившихся на этих территориях, неприменим термин военнопленные, хотя он использовался в печати и попал в официальные документы.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 1. М., 1961. С. 249. Здесь указывается, что «солдаты украинской и белорусской национальности немедленно распускались по домам», Однако и украинцы, и белорусы попали в лагеря, что показывает национальный состав лагеря Козельск-1.

³ ЦГОА. Коллекция документов. Сводка была составлена в 1941 году и повторена с коррективами в 1945 году для «внутреннего» пользования.

рожский и другие лагеря). Их содержание и охрана перекладывались на наркомат тяжелого машиностроения. За их использование на предприятиях Наркомчермета этот наркомат выплачивал НКВД за каждого рабочего значительные суммы. На основе соглашения между Наркомчерметом и НКВД для жителей Западной Украины и Западной Белоруссии предусматривалась возможность перевода интернированных в вольнонаемные рабочие по договору. Но эта тенденция развития не получила, хотя этим людям сулили ссуды на строительство индивидуальных домов, выдачу советского паспорта, приезд семьи. Заключение договора обязывало предоставлять человеку жилье, резервов которого у предприятия было мало, у интернированных отсутствовали профессиональные навыки, а главное — желание работать.

Часть интернированных отказалась работать. Тогда их стали «стимулировать» различными в нормах питания. Оплата труда определялась нормой выработки. Сведения о выполнении норм крайне противоречивые. Более близки к истине сообщения о том, что только 10—15 процентов работавших выполняли и перевыполняли нормы. Это были белорусы и украинцы, «желавшие закрепиться за данным предприятием». Формально заработная плата должна была соответствовать оплате труда советских вольнонаемных рабочих, но ее размер могли определить и органы НКВД. Часть денег можно было пересылать семьям. Из зарплаты вычиталась стоимость содержания, жилья. В итоге она колебалась от 20—30 копеек до 40—50 рублей в день. Так что материальный достаток или резервы для помощи семьям маловероятны.

В октябре 1939 года проходили переговоры между заместителем наркома иностранных дел В. П. Потемкиным и германским послом в Москве фон Шуленбургом об обмене населением, интернированными и военнопленными, поэтому органы НКВД постоянно различали среди интернированных три группы. К первой принадлежали лица, проживавшие на территориях, отошедших к СССР; ко второй — проживавшие на землях, отошедших к Германии; к третьей — на территориях, отошедших к Литве.

В начале октября 1939 года высшее советское руководство рассматривало вопрос о судьбах интернированных. 3 октября 1939 года последовала серия документов о перемещении интернированных по лагерям, организации торговли в лагерях, подключения к этому Центросоюза.

В распоряжении Берии от 3 октября 1939 года говорилось о роспуске по домам всех солдат, жителей Западной Украины и Западной Белоруссии. «Некоторые категории» солдат из этнической Польши надлежало сконцентрировать в Козельском и Путивльском лагерях впредь до особого распоряжения. Находившимся там Берия приказал разъяснить, «что они оставлены

временно до решения вопроса о порядке возвращения — всем будет обеспечено возвращение на родину». Офицерский состав и крупных военных и гражданских чиновников надлежало сосредоточить в Старобельском лагере, а полицейских, жандармов, тюремщиков — в Осташковском. Приказывалось выявить разведчиков, руководителей антисоветских зарубежных организаций.

Последовало указание Берии о подготовке к 8 октября 1939 года документов и формировании команд интернированных для передачи германским властям в соответствии с постоянным местом жительства. Органам НКВД вменялось не освобождать офицеров под видом солдат.

В середине октября 1939 года правительство СССР решило произвести обмен с Германией военнопленными и интернированными. Были установлены пункты передачи: один в Белоруссии и два на Украине.

Германия принимала военнопленных, «если они жили в немецкой сфере влияния». Всего на территорию этнической Польши было репатрировано 42 492 человека, «изъявивших желание выехать», как сказано в советской сводке 1941 года. Ибо когда началась отправка интернированных к месту жительства, многие отказывались ехать под власть немецко-фашистских оккупантов. Несмотря на приказы, протесты против отправки были вплоть до прибытия к пунктам передач. Отказавшихся ехать управление должно было направлять для расселения и трудоустройства. На практике это вылилось в третью волну депортаций летом 1940 года.

В СССР Германия передала через Брест 24 670 и через другие пункты 13 754 постоянных жителей западноукраинских и западнобелорусских земель.

В течение октября — ноября 1939 года из советских лагерей было отправлено по домам 42 400 украинцев, белорусов, поляков, постоянно проживающих в Новогрудском воеводстве, Полесье, Волыни, Львовщине и других районах Западной Белоруссии и Западной Украины¹. Однако принцип отправки «на родину» последовательно не выполнялся, в частности было дано указание не отпускать людей — новых граждан СССР — со строительства шоссе на Львов до завершения ее первой очереди (до декабря 1939 года). Но их не отпустили и позднее, хотя это вызвало массовое недовольство, побег (бежали более 1,4 тысячи человек). Попытка привлечь к наведению «порядка» прокурора города Луцка не привела к успеху: прокурор считал, что в самовольных уходах (побегах) нет состава преступления. Управление

¹ ЦГОА. Коллекция документов.

понимало, что удержание советских граждан как военнопленных на дорожных работах дает повод для кривотолков и антисоветской агитации, поэтому оно стремилось заменить их полицейскими из тех же западноукраинских и западнобелорусских областей. Об итогах непоследовательного обмена, роспуска по домам свидетельствуют данные по Криворожскому лагерю. В нем осталось 6742 человека, из них ранее проживавших на западноукраинских и западнобелорусских землях — 4708, в Литве — 343, на территории этнической Польши — 1691 человек.

В ноябре 1939 года появились сообщения о нарастающих трудностях в передаче интернированных за демаркационную линию. 22 ноября 1939 года начальник управления по делам военнопленных и интернированных капитан госбезопасности П. К. Сопруненко передал в Кривой Рог, что жители этнической Польши «будут находиться продолжительное время на работах и их можно вербовать на постоянную работу как украинцев и белорусов».

В ноябре 1939 года Управление предлагало приступить к дифференциации офицерского состава, с тем чтобы решить, где и какую категорию офицерского контингента можно использовать¹.

19 ноября 1939 года последовало указание Берии о сосредоточении оставленных (или не принятых Германией?) офицеров в Старобельском, Осташковском и Козельском лагерях. В принципе это не противоречило международному праву и принятой практике.

В Старобельске Ворошиловградской области в бывшем монастыре и ряде зданий в городе, где проживали полковники и генералы, на 14 октября 1939 года было 7045 человек: 4813 рядовых, 2232 офицера (когда лагерь стал офицерским, число офицеров в нем увеличилось до 3974 человек). Помещенные в этот лагерь активно и организованно требовали от советских властей выполнения международных конвенций о военнопленных и интернированных, медицинских работниках и т. д. Однако органы НКВД «раскрыли» там тайную антисоветско-националистическую организацию, называвшуюся «культурно-просветительной комиссией», и «усиленные антисоветские настроения». На деле же это были поиски польскими офицерами путей выезда во Францию (в том числе через консула США), а их антисоветизм сводился в большинстве случаев лишь к трезвой оценке тогдашней советской действительности.

Осташковский лагерь, расположенный на одном из островов озера Селигер (остров Столбный, бывший монастырь Нилова

Пустынь), функционировал с 28 сентября 1939 года. На 10 октября 1939 года в Ниловой Пустыне было 184 офицера, 92 помещика, 6938 рядовых из «советских восводств» и 1913 — из этнической Польши, 14 женщин. Затем в Осташкове собрали исключительно чинов полиции, жандармерии, корпуса пограничной охраны, осадников и т. д. На 1 декабря 1939 года в лагере насчитывалось 5963 человека: происходивших из этнической Польши — 3848, из западных областей СССР и Литвы соответственно 1919 и 196. Осташковский лагерь отличался и тем, что туда направлялись строптивые и «провинившиеся» интернированные.

Документы дают возможность проследить три различных этапа в истории расположенного в пяти километрах от города Козельска и в двухстах километрах от Смоленска Козельского лагеря. До 1 ноября 1939 года Козельск-1 был смешанным пересылочным лагерем на 8843 человека (на 3 октября 1939 года). Примерно 6,2 тысячи человек содержалось в основном лагере, 2,6 тысячи в филиале, расположенном в Оптиной Пустыни. Среди них было только 170 офицеров.

После отправки солдатских эшелонов на Запад в лагерь начала привозить офицеров. 1 ноября пришел эшелон в две тысячи человек, 3 ноября — полторы тысячи. Лагерь стал «чисто» офицерским. В Козельске-2 на начало 1940 года находилось 4727 человек, в том числе 6 женщин. В лагере было: адмиралов — 1, генералов — 4, полковников — 24, подполковников — 79, майоров — 258, капитанов — 654, капитанов морского флота — 17, младших офицеров — 3420, чинов военного духовенства — 7, помещиков — 3, князей — 1, крупных государственных чиновников — 43, рядовых, «подлежащих отправке», — 85, беженцев — 131.

Чернышев¹ 2 декабря 1939 года, запрашивая у Микояна продовольственные фонды на интернированных (из ранее поступивших 5600 тысяч суточных порций уже израсходовано 4500 тысяч), сообщил, что на декабрь ему требуется 1180 тысяч суточных порций из того расчета, что на 1 декабря 1939 года в СССР имелось два лагеря офицерского состава на 9010 человек (Старобельск, Козельск), один лагерь полицейских и жандармов — 5962 человека и три лагеря на работах в системе Наркоммета — 10 172 и на строительстве Львовской дороги — 14 211 человек, то есть всего интернированных было 39 355 человек². Как видим, цифры несколько отличаются от системы учета в лагерях, но принципиальных расхождений нет.

В конце декабря 1939 года руководство НКВД вновь рассматривало вопрос о поляках. 31 декабря 1939 года Берия издал

¹ ЦГОА. Коллекция документов.

¹ Заместитель наркома внутренних дел СССР.

² ЦГОА. Коллекция документов.

серии приказов по интернированным. Первая группа документов касалась выяснения причин неэффективности труда интернированных на работах в УССР. Берия приказал Тишкову и еще двум лицам выехать в Елено-Каракубский лагерь в Донбассе и проверить факты массового отказа от работы. Надлежало предать суду инициаторов и зачинщиков, расследовать случаи побегов, вскрыть причины срыва материального обеспечения и бытового обслуживания военнопленных, а конкретных виновников привлечь к ответственности.

Вторая группа распоряжений касалась командирования в три офицерских лагеря специальных бригад (в основном следователей) под руководством сотрудников управления для проверки учета, в том числе проверки заполнения персональных анкет. Капитан Сопруненко, в частности, должен был выехать в Осташков в сопровождении 10 человек для ознакомления с работой уже находившейся там группы следователей НКВД по подготовке дел на военнопленных — полицейских бывшей Польши для доклада на Особом совещании НКВД СССР. Сопруненко должен был так организовать работу следователей, чтобы в январе 1940 года закончить оформление следственных дел на всех заключенных военнопленных-полицейских, выявить лиц, представлявших оперативный интерес. Надзор за следствием по делам военнопленных осуществлял военный прокурор войск НКВД, эти дела были подсудны военному трибуналу войск НКВД, а следствие вела лагерная администрация.

Возможно, в результате командировок в лагеря родилось очередное предложение П. К. Сопруненко и комиссара управления С. В. Нехорошева о «дальнейшей разгрузке лагерей». Для этого они в специальном донесении от 20 февраля 1940 года просили Берию утвердить следующие мероприятия. Во-первых, отпустить всех лиц старше 60 лет, всех больных, инвалидов, всех офицеров запаса из советских областей — в мирной жизни агрономов, врачей, учителей, инженеров и техников (всего 700—800 человек). Во-вторых, оформить дела примерно на 400 человек для рассмотрения на Особом совещании, которое провести в НКВД УССР и БССР или в Осташкове. Среди этих 400 были члены корпуса пограничной охраны, судьи и прокуроры, помещики, активисты ПОВ и «Стрельца»¹, офицеры второго отдела Главштаба (разведки и контрразведки).

На этом донесении Берия наложил резолюцию: «Т. Меркулов², переговорите со мной». 21 февраля 1940 года. Сопруненко получил задание, в чем и расписался.

Ранее, 10 февраля 1940 года, он и Маклярский, начальник

¹ Организация бывших легионеров.

² Заместитель наркома внутренних дел.

второго отдела управления, представили документ о том, уроженцами каких мест являются военнопленные офицерско-жандармско-помещичьего состава, содержащиеся в Осташковском, Старобельском и Козельском лагерях. Из сводки на 8383 офицера армии (куда включили 21 представителя военного духовенства) 1175 по закону (декрету) от 29 ноября 1939 года о гражданстве жителей западных областей УССР и БССР стали советскими гражданами; среди «чинов полиции» — 2195 из 5809. Всего из учтенных в этой сводке 14 361 человека 4025 стали советскими гражданами.

Из составленного тогда же документа следует, что из 8442 армейских офицеров 2336 были в кадрах, 5456 — в запасе, 650 — в отставке. Из 19 военных моряков только 6 было кадровых, из 63 жандармов — 43. Наибольшее число кадровых служащих было в полиции (5482 из 5707) и в тюремной администрации (166 из 166)¹. На 8442 офицера армии было: адмиралов — 1, генералов — 12, полковников — 84, подполковников — 206, майоров — 567, капитанов — 1534, поручиков — 1834, других чинов — 4182.

3 марта 1940 года были поданы три «контрольные справки». Из них следовало, что на указанный день чинов полиции и жандармерии в лагерях НКВД было 6168 (офицеров 250), офицеров армии — 8424. А также ксендзов — 24, помещиков — 11, крупных чиновников — 71, осадников — 35, торговцев и крупных собственников — 3, переведенных из польских тюрем — 4.

Опубликованные в книге польского историка Ч. Мадайчика немецкие документы свидетельствуют, что в начале 1940 года между СССР и Германией шли переговоры о дальнейшем обмене военнопленными². В марте 1940 года по этому вопросу состоялась встреча представителей НКВД и гестапо, проходившая в Кракове и в Закопане.

Недоступность документов, касающихся советско-германских переговоров относительно польских проблем, не дает возможности осветить рассматриваемые проблемы в этом плане. Тем не менее к какому-то соглашению стороны пришли. С середины апреля по 5 июня 1940 года возобновилось переселение беженцев и немцев.

Мы не знаем даты совещания в Кракове, поэтому не можем сопоставить последовательность событий, происходивших в Советском Союзе и в лагерях интернированных. По документам, а вернее по последовательности событий, можно судить, что в марте («в верхах») СССР решался вопрос о дальнейшем существовании лагерей (конкретно об этом есть сообщение из Кривого

¹ ЦГДА. Коллекция документов.

² *Madajczyk Cz. Dramat Katyński. Warszawa, 1989. S. 96, 126, 131, 139, 140.*

Рога от 26 марта 1940 года). В это время в Кривом Роге, Еленовке, Дзержинске уже стали готовиться к полной эвакуации лагерей. В марте же правительство УССР выделило кредит в миллион рублей «на содержание лагерей». В ходе очередной проверки наличного состава по так называемому классовому принципу и законам классовой борьбы были отделены полицейские, тюремщики, охрана концлагерей, активные члены антисоветских политических партий, чиновники, осадники, а также младший начальствующий состав сверхсрочной службы.

Документы отмечают отправку интернированных, находившихся в Допбассе и Криворожском бассейне, по двум направлениям: в северные районы СССР и на запад, к границам СССР, для использования на военном и дорожном строительстве и сооружении аэродромов. По приказу Меркулова в Ровно, Львов (Грудки) отправляли и тех, кто в просьбах об освобождении из лагерей заявлял о своей приверженности социализму и желании служить новой социалистической родине, «дабы они делом доказали свои слова». Туда же для использования по специальности возились медперсонал.

Все оказавшиеся во Львовском лагере (1834 человека) погибли в июне 1941 года, как сообщается в справке о судьбах 130 тысяч интернированных, «во время эвакуации в результате бомбежки эшелона немецко-фашистской авиацией».

Движение эшелонов контролировалось лично наркомом внутренних дел. 24 апреля 1940 года лейтенант Маклярский направил спецсообщение Берии, Меркулову, Чернышеву и Бочкову о прибытии на станцию Вязники Горьковской железной дороги двух эшелонов с бывшими военнопленными, о погрузке прибывших военнопленных на пароходы «Шторм» и «Робеспьер» и их отправке в лагерь (в какой — не сообщается).

Двинулись и офицерские лагеря. Из Козельска первый эшелон вышел 3 апреля, второй — 6 апреля 1940 года, из Старобельска первый — 5 апреля 1940 года. Комиссар лагеря в Старобельске знал, что эшелоны идут к Харькову. Комиссар Козельского лагеря сообщал, что интернированные знали, что их везут в Смоленск — об этом свидетельствовали надписи, сделанные поляками на стенах вагонов. Об отправке в Смоленск сказал узникам один из советских офицеров, сопровождавших эшелоны, политкомиссар Федоров, за что он и был наказан. Оказалось, что поляков привезли в катынский лес под Смоленском.

Польские офицеры «убыли», «переданные через первый отдел в распоряжение УНКВД областей, в которых расположены лагерь». В справке с датой «3 декабря 1941 года» (день переговоров Сталина с Сикорским) указаны документы, на основе которых даются все сведения об «убытии» всех интернированных, содер-

жавшихся в лагерях. Возле пятого пункта, специально кем-то обведенного карандашом, указано: «Справки по Старобельскому, Козельскому и Осташковскому лагерям». Один из адресатов справки 1941 года заметил, что при подсчете конкретных пунктов не получается общего итога 130 242 человека. В справке 1945 года о судьбах интернированных уточнен ряд позиций: к числу «убывших» добавлено несколько сотен, таким образом появилась цифра 15 131. Согласно справке, осталось 395 человек¹. В документе, датированном маем 1940 года, Сопруненко сообщал наркому, что к 20 мая 1940 года все содержащиеся в лагере были вывезены.

Каких-либо отчетов, описывающих ход и направление эвакуации лагеря близ Осташкова, автор не нашел. По документам известно, что отсюда убыли 6787 человек. От лагеря осталось 112 военнопленных. Из Козельска отправлено 4404, оставлено 205 человек. Из Старобельска, соответственно, — 3896 и 78. Всего из офицерских лагерей вывезено (данные 1940 года) 14 587 человек².

Это были поляки, украинцы, белорусы, русские, немцы³, представители других народов. По закону от 29 ноября 1939 года о гражданстве половина из них стали гражданами Советского Союза: из 8989 офицеров польской армии — 4,5 тысячи постоянно проживало в Западной Украине и Западной Белоруссии. Примерно такое же соотношение складывалось, как мы видели, и по иным категориям интернированных.

Автор не нашел приказа о вывозе или уничтожении людей,

¹ В польской литературе приводятся расчеты о 448 лицах (*Madajczyk Cz. Op. cit. S. 23*). В августе 1940 года участились запросы через Международный Красный Крест о лицах из трех офицерских лагерей. На списках если за фамилией стояло «Козельск», «Старобельск», «Останков», кто-то написал «1 отдел». В это же время на запрос одной из организаций НКВД Сопруненко ответил, что разыскиваемое лицо вывезено из лагеря (в Осташкове) и допрошено быть не может.

² В июне — октябре 1940 года уполномоченные командования польских подпольных военных группировок (будущей Армии Крайовой) с целью исследования условий жизни поляков, вывезенных в глубь территории СССР, прошли, скрываясь от советских властей, 28 тысяч километров по СССР. Отчет их очень близок к фактическому положению вещей. Относительно трех «офицерских» лагерей уполномоченные уже ничего узнать не смогли и сочли, что лагерь перенесли на Среднюю и Верхнюю Волгу и изолировали от мира. Отчет составлен в 1941 году. CA KC PZPR 203/III — 79. Raport w sprawie polaków wysiedlonych do ZSRR.

³ См. *Madajczyk Cz. Op. cit. S. 131-135*. Ответы советской стороны на запросы германского посольства о судьбах «этнических немцев» летом 1940 года послужили трафаретом и для ответов на запросы польского посольства в 1941—1943 годах о судьбах офицеров («не этнический немец (поляк)»; «ответ еще не получен»; «не числится», «все освобождены» и т. д.). Из 1200 запрошенных в Германию было передано 90 человек; 273 немца содержались в Грязовце, затем в других лагерях. В 1943 году опознанных в Катыни немцев гитлеровцы требовали перезахоронить в отдельных от поляков могилах (но это не было сделано).

находившихся в упомянутых лагерях. Возможно, он был передан устно по прямому проводу или офицеры были казнены по приговору особого совещания НКВД как «классовые враги». Нельзя найти пока и какого-либо определенного объяснения этому варварскому акту, противоречившему международному праву, в частности Женевским конвенциям 1929 года.

Может быть, как-либо раскрыть причины катынской трагедии позволит анализ внутренней и международной обстановки апреля—мая 1940 года? В СССР это было время второй волны депортаций из западноукраинских и западнобелорусских земель, время наиболее жестких высказываний против польских политических партий и их представителей и против иной «нечисти», что нашло отражение на съезде КП(б) Украины, состоявшемся 13-17 мая 1940 года. Но была ли ликвидация офицерских лагерей непосредственно связана с депортациями?

В апреле 1940 года войска гитлеровской Германии начали наступление на Западе. «Странная война» кончилась. С 9 апреля по 20 июня 1940 года пали Дания, Норвегия, Бельгия, Франция. Хотели ли органы НКВД СССР использовать события в Европе для прикрытия своих преступных акций? Или чекисты освобождали территорию будущих военных действий от «контрреволюционных элементов»?

Изменение положения в Европе вело если не к формальному, то к фактическому потеплению в отношениях СССР с Великобританией и ее союзником — польским эмигрантским правительством.

В начале июня 1940 года В. Сикорский передал в Форин офис меморандум, в котором дал согласие в обмен на изменение отношения Советского правительства к польскому населению в СССР на определенные территориальные уступки, на проход советских войск через Польшу и на сотрудничество в создании в СССР польской армии для борьбы с Германией как общим врагом.

Правые силы польской эмиграции вынудили Сикорского отозвать меморандум, но идея создания на территории СССР польской армии, поданная, по некоторым данным, представителем ТАСС в Англии, не заглохла¹.

Были ли в СССР силы, стремящиеся пресечь самую возможность советско-польского сближения? Прав ли был С. Миколай-

¹ Сообщают об этом близкий сотрудник Сикорского Л. Миткевич и посол Польши в Лондоне Э. Рачиньский. — *Kowalski W. T. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939—1945)*. Warszawa, 1966. S. 72. От меморандума (так называемого Литауэра) остались: создание армии в СССР в 300 тысяч человек и включение польского представителя в состав посольства Великобритании в Москве.

чик, утверждая что в вопросе уничтожения польских офицеров как-то замешана гитлеровская Германия? До принципиального изменения «польской политики» СССР оставалось еще три-четыре месяца (символом «новой польской политики» явилась подготовка и проведение в общегосударственном масштабе юбилея Адама Мицкевича осенью 1940 года).

9 июня 1940 года Чернышев докладывал, что лагеря готовы к приему новых контингентов. Вновь были подготовлены Осташковский, Оранский, Юхновский, Козельский и Старобельский лагеря. (Путивльский лагерь был ликвидирован 22 мая 1940 года.) По договоренности с Литвой и Латвией под предлогом перерегистрации находившихся там интернированных поляков в сентябре 1940 года в СССР были вывезены чины польской армии. Рядовых отправили по домам, офицеров — в лагерь близ Осташкова или Козельска. Начинаясь история лагеря Козельск-3. Этот лагерь (на 4 марта 1941 года в нем было 2448 человек) стал интернациональным. В нем содержались интернированные французы (из Каунаса), бельгийцы, поляки (в основном из СССР), в том числе 909 (на 22 июня 1940 года) офицеров польской армии. Козельск вновь стал лагерем смешанного типа для офицеров и рядовых.

Чины полиции проследовали в Осташков. 7 марта 1941 года было подготовлено предложение Управления НКВД об «оформлении дел» для рассмотрения на Особом совещании на «антисоветчиков», полицейских и жандармов. Но это предложение не было принято. Ранее интернированные работали на строительстве дорог, аэродромов, в том числе в районе Львова, Грязовца и в Мурманской области — Поной.

Но появились и новые веяния: в октябре 1940 года последовал приказ Берии в Козельск и Грязовец о вызове в Москву к 9—10 октября группы польских офицеров. Часть их согласилась приступить к разработке планов создания в СССР польских национальных воинских формирований, нужны были офицерские кадры.

Проблема польских офицеров вновь возникла с началом Великой Отечественной войны и восстановлением дипломатических отношений между правительством СССР и правительством генерала Сикорского. По соглашению от 14 августа 1941 года органы эмигрантского правительства стали формировать в СССР польскую армию. Возглавил армию, создававшуюся из интернированных и депортированных, генерал В. Андерс.

В соответствии с достигнутым между сторонами соглашением указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года была объявлена амнистия «всех польских граждан, содержащихся ныне в заключении на советской территории в качестве

ли военнопленных или на других достаточных основаниях». Амнистия распространялась также на депортированных.

Для набора в армию интернированных из Севжелдорлага и Поноя было приказано перевезти их в Суздальский и Южский лагеря; со строительства дорог и аэродрома в районе Львова — в Старобельский лагерь. В 20-х числах августа 1941 года в Грязовецком, Южском, Суздальском и Старобельском лагерях к работе приступили смешанные советско-польские призывные комиссии. На 31 августа 1941 года было призвано в Старобельском лагере — 10 112 человек, в Грязовецком — 1482, Южском — 7191, Суздальском — 1916, всего 20 701 человек. Из них офицеров — 1859, унтер-офицеров — 2583, рядовых — 16 309. Вскоре число призванных в армию интернированных составило 25 115 человек¹. Около тысячи человек, находившихся в лагерях, были признаны негодными к военной службе или отказались служить в польской армии.

Первоначальные планы предусматривали создание 30-тысячной польской армии, но вскоре ее численность была превышена. В декабре 1941 года в результате советско-польских переговоров Советское правительство согласилось, по просьбе В. Сикорского, увеличить польскую армию до 96 тысяч человек. Для формирования армии необходимы были офицерские кадры. Сикорский и Андерс передали Сталину списки офицеров, которые должны были находиться в СССР. Последовали ответы: «Все освобождены» или «захвачены гитлеровцами» и т. д. Польская сторона продолжала настаивать на полном выполнении Указа об амнистии. Отношения обострились.

Проблемы амнистии польских офицеров, помощи населению, призыва в армию, принципов формирования и использования армии обострили советско-польские отношения. Наряду с другими проблемами межгосударственных отношений, в частности территориальным вопросом и вопросом о гражданстве, к которым примешивались личные амбиции Андерса и политические расчеты Великобритании, они привели к тому, что к концу августа 1942 года польские формирования ушли из СССР на Ближний Восток. Советско-польские отношения переживали кризис.

Судьбы польских офицеров, точнее, возникшие вокруг них политико-дипломатические акции, стали поводом для того, чтобы в апреле 1943 года прервались отношения между правительством СССР и польским эмигрантским правительством.

13 апреля 1943 года германское радио сообщило, что недалеко от Смоленска, в катынском лесу, обнаружены могилы 10 тысяч польских военнопленных офицеров, расстрелянных органами НКВД весной 1940 года. Затем эта цифра увеличилась до 12

¹ Парсаданова В. С. Армия Андерса на территории СССР (1941—1942 гг.) // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 177, 178.

тысяч. Германские власти уже давно знали, что летом 1942 года могилы обнаружили поляки, работавшие в гитлеровской военно-строительной организации Тотта в районе Смоленска. Но тогда нацистов это не заинтересовало: их войска рвались к Волге, после предполагавшегося падения Сталинграда должна была пасть Москва. Но весной 1943 года позади уже был разгром и пленение армии фельдмаршала Паулюса.

Военно-политическая ситуация все более менялась в пользу антигитлеровской коалиции. В оккупированной Европе ширилось движение Сопротивления, в нем росло влияние левых сил. Этот процесс шел и в Польше.

В связи с ухудшением военно-политического положения Германии немецкие власти решили ударить по слабому звену антигитлеровской коалиции — отношениям между СССР и польским эмигрантским правительством. Они надеялись если не расколоть антигитлеровскую коалицию путем острого советско-польского столкновения, то по крайней мере создать значительные трения между СССР, США и Великобританией по польскому вопросу. Своим заявлением о катынском расстреле немецкие фашисты надеялись навсегда поссорить русских с поляками, поколебать антифашистские позиции польского народа, быть может, получить возможность достичь германо-польского соглашения на антисоветской основе¹.

Вокруг катынских могил гитлеровцы организовали шумную пропагандистскую кампанию с использованием радио и прессы. В Катынь привозили многочисленные экскурсии, комиссии с участием всевозможных польских организаций, в том числе подпольных.

Геббельс записал в дневнике 17 апреля 1943 года: «Катынское дело становится колоссальной политической бомбой, которая в определенных условиях еще вызовет не одну взрывную волну. И мы используем ее по всем правилам искусства. Те 10—12 тысяч польских офицеров, которые уже раз заплатили своей жизнью за истинный, быть может, грех — ибо они были поджигателями войны, — еще послужат нам для того, чтобы открыть народам Европы глаза на большевизм».

Наконец, одновременно с пропагандистской кампанией вокруг Катыни гитлеровцы 19 апреля 1943 года приступили к окончательной ликвидации трехмиллионного еврейского населения Польши.

Считая вопрос о Катыни «гигантским политическим делом», гитлеровская Германия продолжала «раздвигать его по всем правилам искусства». Как и предполагали германские власти,

¹ Ч. Мадайтч подробно описывает эти планы во второй главе своей книги. См. также: Goebbels Tagebücher. April — August, 1943.

польское правительство повело себя по написанному в Берлине сценарию. Английское правительство и власти США поняли политический расчет фашистской Германии. Реакцией антигитлеровской коалиции на фашистский демарш было стремление ограничить его политический резонанс, не допустить разрыва коалиции. Общие интересы союзников в тот момент оказались выше выяснения истины. Это отразила и переписка Черчилля со Сталиным. Английское правительство тщетно пыталось воздействовать на польское правительство в интересах сохранения единства объединенных наций. Черчилль доказывал: не в интересах союзников, чтобы поляки заходили слишком далеко. Иден заявил в палате общин: британское правительство не верит немцам, их цинизму в попытках расколоть коалицию, и оно не может оттолкнуть такого сильного союзника, как СССР. Достаточно реалистичны были и оценки американских представителей в Европе относительно целей, которые преследовали гитлеровцы.

Хотя в заявлениях польского правительства и говорилось о том, что гитлеровцы совершают ежедневно кровавые расправы над польским населением, «поэтому польское правительство от имени польского народа отказывает Германии в праве черпать аргументы для собственной защиты из преступления, которое они сваливают на других», правительство Сикорского, вопреки советам Черчилля, 15 апреля 1943 года приказало своему представителю в Швейцарии обратиться к Международному Красному Кресту с просьбой выслать в Катынь комиссию для немедленного проведения расследования. Но Красный Крест отказался расследовать вопрос, в том числе и потому, что не было согласия всех заинтересованных сторон, прежде всего СССР.

Советское руководство сочло, что польское правительство встало на путь сговора с третьим рейхом, так как фактически прекратило союзные отношения с СССР, и 25 апреля 1943 года заявило о разрыве отношений с правительством Сикорского. Американская газета «Нью-Йорк таймс» 27 апреля 1943 года констатировала, что как русские, так и поляки попали в нацистскую ловушку. В межсоюзнических отношениях возник «польский вопрос», разрешением которого занимались все конференции глав великих держав. Гитлеровцы добились основной цели: создали трения в антигитлеровской коалиции. К сожалению, для достижения этой цели фашисты использовали вполне реальные дела и факты.

Международная комиссия врачей и так называемая Техническая комиссия польского Красного Креста, занимавшиеся эксгумацией и опознанием трупов, в апреле — начале июня 1943 года определили, что катыньский лес уже давно служил для расстрелов советских граждан. Их трупы, пролежавшие в земле 5—15 лет, были обнаружены при раскопках. В катыньском лесу

были вскрыты и восемь польских могил. Семь из восьми могил в 1943 году были эксгумированы полностью, из восьмой было извлечено лишь 110 трупов¹. Затем могилу засыпали, работы были прекращены. Почему? На этот вопрос есть несколько ответов: дальнейшие раскопки могли опровергнуть гитлеровскую версию о 12 тысячах убитых в Катыни польских офицеров; немцы опасались советского наступления, ведь фронт уже проходил в 30 — 40 километрах от Смоленска.

Что же ближе к истине?

В нераскрытой могиле могло быть 150 — 200 трупов, как и в других могилах, сброшенных навалом. Людей убивали с близкого расстояния выстрелом в затылок. Многие трупы (до 20 процентов) были найдены со связанными руками и следами сопротивления. Жертвы были убиты в разное время года; тела лежали и в зимней (могила № 1), и в летней форме. Имелись 22 лица в гражданской одежде. Были убиты не только офицеры, но и рядовые. Гитлеровский эксперт, глава немецкой военной комиссии доктор Бутц назвал дату смерти: весна 1940 года. Польская комиссия не определяла дату смерти даже в выдаваемых семьям свидетельствах о гибели жертв Катыни. Правда, члены комиссии договорились не подтверждать гитлеровских версий. Отчет главы этой комиссии М. Водзиньского, написанный в 1947 году, содержит весьма обтекаемые формулировки. Степень распада трупов, по мнению М. Водзиньского, «не может быть основанием для обозначения точного времени пребывания тел из катыньского захоронения в земле». Время совершения преступления определялось им на основе материальных и письменных свидетельств, найденных у захороненных: вторая половина марта — апрель 1940 года². Водзиньский считал, что все гитлеровские свидетели были подкуплены³.

Объявленное нацистской пропагандой число жертв в Катыни не подтвердилось. Но и комиссия Бурденко, заявляя, что время расстрела — сентябрь — декабрь 1941 года, то есть после оккупации Смоленска гитлеровцами, определила число жертв в 11 тысяч (не раскрывая всех могил).

Эксгумировано было 4143 (по другим сведениям — 4243) трупа, из которых 2730 были идентифицированы на основе личных документов. Все они были из Козельского лагеря; 80 процентов из списков офицеров, разыскиваемых польским эмигрантским правительством. Комиссия Бурденко (работала 16 — 23 ян-

¹ См. *Madajczyk Cz.* Op. cit. S. 59; *Zbrodnia polskiej części wspólnej Komisji partyjnych historyk w Polsce i ZSRR.* Warszawa, 1990. S. 56. В отчете члена польской комиссии К. Скаржиньского почему-то указывается число 10.

² *Madajczyk Cz.* Op. cit. S. 174.

³ *Ibid.* S. 60.

варя 1944 года) эксгумировала 925 трупов¹. Перезахороненные польской комиссией группы были снабжены металлическими бирками, указывающими их номер в составленном списке. Наличие бирок не отмечается в сообщении комиссии Бурденко, но она о них знала. Комиссия имела в своем распоряжении немецкий отчет, что следует из письма Н. М. Шверника к Н. Н. Бурденко от 18 января 1944 года, в котором говорится о высылке указанного материала и дается совет не вступать с немецкой «фальшивкой» в полемику².

Еще до публикации итогов работы Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в катынском лесу военнопленных польских офицеров³ в Катыни в январе 1944 года побывали заместители наркома внутренних дел СССР Меркулов и Круглов. Выводы их отчета «совпадают» с выводами комиссии Бурденко. Данные немецкой и польской технической комиссий 1943 года показывают, что найденные на трупах документы, обрывки газет имеют последнюю дату 6 мая 1940 года. Комиссия Бурденко на основе данных эксгумации, исследования материалов, опросов свидетелей, найденных на трупах документов пришла к выводу, что поляки оставались в районе Смоленска до сентября 1941 года, включительно и были расстреляны гитлеровцами осенью 1941 года в катынском лесу под Смоленском. В сообщении утверждается, что к началу 1943 года гитлеровские оккупационные власти предприняли меры к тому, чтобы приписать собственные злодеяния органам советской власти (свозили трупы из других мест, используя для этого более 500 советских военнопленных, которых потом уничтожили, выкапывали трупы, проверяли содержимое карманов, часть вкладывали обратно, часть сжигали, дополнительно вкладывали бумаги, привезенные в ящиках)⁴.

Итак, на основании ряда документов НКВД, времени прекращения переписки, исчезновения тысяч людей, почти полного соответствия численности Козельского лагеря и численности погребенных в Катыни, а также по показаниям свидетелей следует признать, что время основного заполнения могил Катыни — весна 1940 года. Катынское дело — это преступление сталинского репрессивного режима, поправившего нормы международного права и человечности. Могилы Катыни 1929—1939 и 1940—1941 годов — это могилы советских людей многих национальностей и интернированных поляков. Здесь же лежат польские граждане немецкого происхождения.

¹ *Madajczyk Cz.* Op. cit. S. 74.

² ЦГАОР. Коллекция документов.

³ Известия, 26. I 1944. Издано в Москве в 1944 г. отдельной брошюрой.

⁴ Эта сторона вопроса широко освещена в «Военно-историческом журнале», 1982, № 2.

На основе первых изысканий в советских архивах можно констатировать, что установлено общее число интернированных, выяснены судьбы многих из них. Стало точно известно о 120 тысячах из 130: роспуск по домам, репатриация, обмен с Германией, гибель в Катыни, призыв в армию Андерса, отчасти лагерь в глубинке и т. д. Известны стали формы использования труда интернированных, места, где использовался их труд, принципы селекции в лагерях. На основе данных статистики определена численность контингента лагерей в Старобельске, Осташкове и Козельске. Стали известны судьбы узников трех сменявших друг друга лагерей в Козельске. Найдены косвенные подтверждения в советских документах 1940 и 1941 годов, что к началу мая 1940 года из трех офицерских лагерей были увезены все интернированные. Узники лагеря Козельск-2 обнаружены в катынских могилах. Итак, в польских могилах Катыни может быть не 10—12 тысяч, а 4,4 тысячи трупов. Косвенные документы и свидетельские показания подтверждают, что ответственность за преступление, во всяком случае за основную часть содеянного, лежит на органах НКВД. Юридическую оценку и квалификацию имеющегося материала надлежит сделать суду и прокуратуре.

Остается невыясненным, кто отдал чудовищный приказ (или вынес приговоры), каковы мотивы этого решения, его цели, причины и повод. Не выявлена прямая связь между ликвидацией лагерей и проблемой депортации, комплексом проблем советско-германских отношений. Необходимо изучить действия гитлеровцев в Смоленске и его окрестностях в 1941 году. Ко всей совокупности вопроса о катынском деле все еще не привлечены многие германские материалы. Официальных материалов, изданных гитлеровцами, недостаточно. Необходимы документы из архивов ФРГ.

Новая обстановка в мире, в СССР, признание приоритета общечеловеческих ценностей создает условия для серьезного исторического исследования катынского дела с целью преодоления тех негативных наслоений, которые нам оставила история.

«Историю нельзя переделать, но из нее можно и нужно извлекать уроки, чтобы никогда не вернулось то, что омрачало отношения наших народов в прошлом, чтобы бережно хранить и умножать все ценное, что их сближает»¹. К мрачным страницам истории советско-польских отношений относится и судьба интернированных в СССР польских офицеров.

Сказать правду об их судьбе необходимо для того, чтобы не только ликвидировать еще одно «белое пятно» новейшей истории, но и снять политический аспект этой проблемы.

¹ Правда, 25. XI 1989.

Жан Лякутюр, Ролан Мель

«Кремлевский маршал»

Переговоры Сталина и де Голля в Москве
в декабре 1944 года

О Сталине написано много. Однако каждое новое свидетельство людей, которые имели возможность общаться с ним, всегда вызывает интерес. Надеемся, не станет исключением и предлагаемая нами публикация, в которой можно найти дополнительные штрихи к портрету этой личности, оставившей глубокий трагический след в истории нашей страны.

Отрывок из книги Ж. Лякутюра и Р. Меля посвящен переговорам Сталина и главы тогдашнего Временного правительства Франции генерала де Голля в Москве в конце 1944 года о подписании советско-французского договора о союзе и взаимопомощи. Как и вся книга, он состоит из отобранных авторами воспоминаний непосредственных участников событий. В нашем отрывке это Жан Лалуа, французский дипломат, сопровождавший де Голля в его поездке в СССР, и журналист Жан Катала, который работал в то время в качестве атташе по вопросам информации французского представительства в Москве.

Генерал де Голль отбыл 24 ноября 1944 года в Москву, чтобы встретиться со Сталиным, которого он описывает в своих мемуарах таким образом:

«Коммунист в форме маршала, диктатор, скрывающий свое коварство, завоеватель с личиной добряка — он старательно пытался создать обманчивое впечатление. Но его страсть была настолько неутолима, что часто проступала наружу, излучая какое-то мрачное обаяние».

Жан Лалуа. 8 ноября 1944 года генерал де Голль сказал советскому послу в Париже, что хотел бы поехать в СССР. 13 ноября Советское правительство, «учитывая желание, высказанное генералом де Голлем», пригласило его прибыть в Москву. Сталин таким образом оказался в выгодном положении. Он мог согласиться на заключение договора при условии, что с французской стороны будет сделана уступка, удовлетворяющая СССР. Уступка за уступку!

Lucouture J., Mehl R. De Gaulle ou L'Éternel défi. Paris, 1988.
Печатается по: За рубежом. 1989, № 38. С. 17—18.

В сущности, имелось немало мотивов, побудивших де Голля на этот шаг. Он искал союза, направленного против Германии, но одновременно хотел усилить свою позицию перед лицом французских коммунистов. Почему он так спешил? Не было никакой необходимости торопиться в Москву. Его совсем незадолго до этого признали союзники.

Жан Катала. Официальная поездка в Москву была давней мечтой де Голля. Он, безусловно, думал о ней с того самого момента, когда Советский Союз признал его главой «Свободной Франции»*, то есть с осени 1941 года. Уже в 1942 году, когда члены представительства «Свободной Франции» в СССР прибыли в Москву, вопрос о возможности такого визита поднимался.

Первый укол в дипломатической корриде

Замечу, идея заключения франко-советского договора прочно владела умами руководства «Свободной Франции». Де Голль думал об этом давно. В плане развития военного сотрудничества между двумя странами он направил в Советский Союз эскадрилью «Нормандия». Этот, по его словам, символический жест уже был своего рода предвестником договора. Что же касается нас, членов представительства «Свободной Франции» в Москве, то каковы бы ни были политические взгляды каждого из нас, все мы были искренне убеждены в том, что договор защитит Францию, станет чуть ли не панацеей от всех наших будущих бед. Но между замыслами и их реализацией произошел ряд событий.

Я не хочу придавать слишком большого значения отношениям между де Голлем и Французской коммунистической партией. Тем не менее надо признать, они сыграли определенную роль в подготовке того визита. Морис Торез, который находился в СССР с 1939 года, появился на политической сцене лишь в январе 1944 года. Правда, по официальной версии, он находился в СССР с 1943 года, прибыл сюда в связи с роспуском Коминтерна. Он обратился с просьбой о возвращении в Алжир для руководства оттуда Французской коммунистической партией и дал заверение в том, что его цель — сплочение Франции вокруг де Голля. Роже Гарро направляет телеграмму де Голлю, в которой сообщает о встрече с Торезом. Телеграмма составлена в доброжелательных выражениях. Де Голль отвечает, что Морис Торез — дезертир и не может без суда над ним вернуться в Алжир.

* «Свободная Франция» — название движения, созданного де Голлем летом 1940 года с целью борьбы против немецко-фашистских захватчиков. — *Прим. ред.*

Любопытный факт: де Голль амнистирует Мориса Тореза 6 ноября 1944 года, а 8 ноября появляется обращение де Голля о поездке в СССР. В этой связи кое-кем выдвигалось предположение о том, что стороны пошли на взаимные уступки. И хотя это никак не подтверждается известными документами, ничего невероятного в этом нет. Ведь Сталин позже скажет де Голлю в виде шутки: «Вы совершили бы ошибку, расстреляв Тореза, он — славный человек».

Де Голль прибыл в СССР 26 ноября. Он летел через Северную Африку, Египет, Сирию, Иран (Тегеран) до Баку на своем личном самолете. В Баку была отвратительная погода, и ему сказали, что он не может продолжать полет — слишком опасно. Поэтому вся делегация перебралась на поезд. Она состояла из министра иностранных дел Жоржа Бидо и его сотрудников, членов кабинета де Голля, среди которых был Гастон Палевский, и из военных, в их числе генерал Жуэн.

Делегация прибыла на Курский вокзал. Здесь произошел забавный эпизод.

Молотов ожидал, когда де Голль выйдет из вагона, а тот не появился. Минуты тянулись мучительно долго. Наконец де Голль вышел. Он был таким, каким мы привыкли его видеть: в огромной шинели цвета хаки, подбитой мехом, походной генеральской фуражке (тоже подбитой мехом — я позволил себе удостовериться в этом в гардеробе посольства). А все дело заключалось в следующем: де Голль являлся главой правительства, но не главой государства. Между тем Молотов в своем качестве министра иностранных дел по протоколу поднимался в вагон только для встречи глав государств. Отсюда и заминка, вызвавшая некоторое замешательство.

Сталин принял гостя в тот же вечер. Это говорило само за себя. В пересказе де Голля о состоявшейся встрече опущена весьма существенная деталь.

Сталин начал с вопроса о положении Франции. Де Голль ответил ему очень откровенно: с экономической точки зрения дела идут весьма плохо, в вопросе восстановления разрушенных городов — тоже, в военных делах — нельзя сказать, что все так, как надо. И тут Сталин попросил принести географические карты, чтобы де Голль объяснил ему, каково положение в районе Эльзаса, где еще шли бои под Страсбургом. По утверждению Хрущева, Сталин следил за военными действиями по глобусу, у де Голля — прямо противоположное впечатление: Сталин был настоящим военным. Как только де Голль объяснил, что дела во Франции идут плохо, даже очень плохо, Сталин тут же весьма любезно предложил передать в его распоряжение полк «Нормандия — Неман», поскольку во Франции не хватает летчиков.

Де Голль отказался от его предложения. Я назвал бы это «первым уколом в корриде», когда пикадор заставляет быка опустить голову. Быком был де Голль.

В ходе беседы де Голль высказал пожелание заключить договор с СССР с целью совместной борьбы до разгрома Германии. Сталин выражает свое согласие. Тогда де Голль выдвигает свое известное требование о передаче Франции левого берега Рейна. Это старая история, ныне уже почти забытая, но тогда де Голль действительно хотел присоединить к Франции левый берег Рейна и водрузить французский флаг на Кельнском соборе. Наша делегация в Москве даже провела несколько радиопередач на эту тему: левый берег Рейна был и остается французским, он ничего не имеет общего с Пруссией, он должен перейти к Франции. И ни разу цензура Наркомата иностранных дел «не трогала» этих передач. Поэтому де Голль и решился изложить свои территориальные претензии Сталину. Сталин уклонился от прямого ответа, сославшись на то, что проблема чрезвычайно важна и ее следует обсудить с другими союзниками. Далее этот вопрос больше не поднимался.

Несколько дней переговоров между министрами иностранных дел, военными и другими специалистами уже были позади, когда Молотов заявил Бидо, что важное значение имело бы признание Францией польского правительства в Люблине. Речь шла о Польском комитете национального освобождения, созданном по инициативе Советского Союза, в который для вида было допущено несколько некоммунистов. Но в основном комитет, естественно, состоял из коммунистов. Эта просьба Молотова оказалась совершенно неожиданной. Бидо поинтересовался у Молотова, является ли это условием для подписания договора между Францией и СССР. Молотов ответил утвердительно.

В мою обязанность входило составление ежедневных обзоров прессы для де Голля. Поэтому у меня происходили регулярные встречи с ним с глазу на глаз. Они были для меня весьма поучительны. Я увидел в нем не Людовика XIV с его олимпийскими манерами, не сфинкса, говорящего загадками, а весьма общительного, на свой лад, человека. Он не обращался с вами, как с равным, но открыто выражал свои мысли и чувства. В тот день, когда Молотов передал Бидо требование признать польское правительство в Люблине, я застал де Голля в состоянии крайнего отчаяния. «Сталин хочет заставить меня признать семнадцатую советскую республику, а я не хочу этого», — говорил он. То был взрыв одновременно просто человеческого гнева, антикоммунизма и невероятного антисоветизма.

Де Голль 6 декабря отправился на встречу со Сталиным. Он попросил у него разъяснений по поводу «истории с Польшей»,

был поразительно вежлив в стиле Людовика XIV. Сталин в ответ разыграл сцену страшного негодования, очень стараясь, чтобы она выглядела естественной. Он заговорил о восстании в Варшаве, уверяя, что его спровоцировали фашисты, что польское правительство в Лондоне находится на службе у Геббельса, и так далее. И все же эта встреча закончилась в весьма дружественной атмосфере, правда, необычно быстро...

Де Голль в своих мемуарах заметил, что во всех хорошо поставленных спектаклях неожиданная развязка наступает на следующий день. Так и случилось.

«Услуга за услугу»

Во время очередной встречи Молотов заявил Бидо, что Черчилль не имеет ничего против франко-советского договора, но хочет, чтобы он был тройственным: Лондон — Москва — Париж. В действительности же — советская сторона не побоялась позже опубликовать соответствующие документы — все это было тем самым хорошо поставленным спектаклем. Телеграмма Черчилля существует, но ее получили в Кремле за двое суток до этой беседы Молотова с Бидо. Во время визита де Голля Сталин держал Черчилля в курсе интересовавших его вопросов. Однако в телеграмме английского премьера о Польше даже не упоминается. Наоборот, имеется послание Черчилля от Сталина, в котором содержится следующее утверждение: «Де Голль, конечно, будет говорить со мной о левом берегу Рейна. Мне хотелось бы знать Вашу точку зрения, прежде чем я пошлю его к черту». Он и далее поддерживал связь с Черчиллем. В этом свете телеграмма Черчилля с предложением заключить тройственный союз являлась вполне естественной: ведь английский премьер был в курсе советско-французских переговоров. Но это совсем не то, что хочет де Голль. И тут мне довелось присутствовать при одной поразительной сцене.

Утром, после того как я сделал де Голлю обзор последних газет и мы обсудили некоторые сообщения, я уже собирался уйти, но генерал остановил меня и сказал: «Вы знаете, Черчилль желает заключить тройственный пакт. Но я-то не хочу этого. И вот по какой причине — я собираюсь сказать об этом Сталину сегодня во второй половине дня». И он изложил мне свою «теорию» о трех возможных ступенях обеспечения безопасности Франции: первая — с помощью СССР, поскольку он находится на континенте, вторая — с помощью англичан, которым, однако, необходимо выпить чаю, прежде чем они пересекут Па-де-Кале, и, наконец, Америка, которая прибывает тогда, когда война почти

уже выиграна другими. При такой раскладке, естественно, следовало заключить пакт только между Францией и СССР. «А потом, добавил де Голль, можно будет договориться о другом пакте с Черчиллем».

Вечером де Голля принимает Сталин. Генерал излагает ему те же мысли, что и мне, но мне кажется, что во время утренней «репетиции» все было значительно лучше. Сталин на удивление добр, словно ему очень хочется доставить нам удовольствие, словно гуманнее его нет человека на свете. Он говорит: «Что ж, господин генерал, мы окажем вам эту услугу, а вы окажите нам другую: мы заключим с вами договор, а вы признаете Польский комитет в Люблине. К тому же все готово: комитет прислал в Москву делегацию из самых высоких представителей. Вы окажете им большую честь, приняв их». Вот так!

Эти переговоры, пожалуй, принадлежат к числу наиболее драматических переговоров в истории. Драматических — в самом театральном смысле этого слова: вся постановка была подготовлена заранее. Один из участников — Сталин готовил театральные эффекты; другой — де Голль — был их объектом. Однако де Голль хотел получить свой пакт во что бы то ни стало. Он мне сказал совершенно спокойно: «Если я вернусь без договора, это будет крупным поражением для меня лично».

Итак, де Голль был намерен сделать минимум уступок в вопросе о признании Польского комитета национального освобождения, несмотря на то что Москва, то есть Сталин, естественно, постарается заставить его пойти на максимально возможное в тех условиях.

Жан Лалуа. Согласно наиболее распространенной версии, генерал де Голль сопротивлялся до последней минуты и таким образом «волк его не съел»... Итак, когда шла речь о франко-советском договоре, Москва выдвигала следующие аргументы. Вам нужен договор? Прекрасно. Отчего бы не заключить его? Но при этом, чтобы пакт был действенным, нужно согласие Польши. Мы видели, что произошло в 1939 году, когда она не дала своего согласия*. Поэтому вам следует помочь нам ввести новую коммунистическую Польшу в европейскую систему.

Переговоры не касались ни текста договора, ни будущего Германии, ничего иного. Единственный вопрос, который Сталину надо было выяснить, состоял в том, насколько генерал де Голль пойдет навстречу в деле признания польского правительства в Люблине. Англичане и американцы проявляли сдержанность в этом вопросе. Посол США в Москве Аверелл Гарриман сказал генералу де Голлю: «Главное, будьте осторожны. Это весьма опасный путь, вы можете легко себя скомпрометировать».

* На проход советских войск через часть ее территории в случае гитлеровской агрессии. — *Прим. ред.*

И хотя советская сторона вела торг упорно, де Голль отказался удовлетворить условия Москвы. Но тут один советский представитель в беседе с французом из окружения де Голля сказал: «А вы знаете, ведь наш полуофициальный представитель находился при итальянском правительстве в течение шести месяцев до того, как оно было признано. Почему бы вам не иметь такого же представителя при польском правительстве без его официального признания?»

Советская сторона теперь отчетливо понимала, что полного официального признания ей не добиться. И Сталин несколько снизил требования, хотя решительное сопротивление генерала привело к известному усилению напряженности на переговорах в последнюю ночь пребывания де Голля в Москве. Вместе с тем стало ясно, что генерал готов дать согласие на назначение в Варшаву неофициального представителя. Была намечена даже кандидатура на этот пост. Называли имя Кристиана Фуше.

В конце концов переговоры о франко-советском договоре закончились, фигурально выражаясь, тем, что французы заплатили часевые не слишком высокие, но достаточно существенные, чтобы советская сторона согласилась на его подписание.

Смех, от которого становилось страшно

Я всегда задавался вопросом, почему генерал де Голль отправился в Москву с идеей заключить пакт. Многим казалось, что ему достаточно было бы совершить поездку и опубликовать совместное заявление о франко-советской дружбе, указав, что в дальнейшем в спокойной обстановке будут проведены переговоры о союзе на послевоенные годы.

Чтобы дать ответ на это, следует вспомнить, что тогда Франция еще вела войну против Германии. Общественное мнение было убеждено, что после войны германская опасность сохранится. Французская делегация в Москве считала, что следует быть во всеоружии против восточного соседа. В Лондоне же выдвигали иную концепцию. Там считали, что главной проблемой после войны будет реинтеграция Германии в общеевропейскую систему, с тем чтобы создать противовес советской мощи. Но в 1944 году ни французская делегация, ни генерал де Голль не находили вдохновения в подобной идее.

Для генерала Германия была извечным врагом. Его идея заключалась в восстановлении классического франко-русского союза, с одной стороны, чтобы поддерживать равновесие в отношениях с англичанами и американцами, с другой — чтобы давить на Германию. Он считал, что как и в 1870, 1914 и 1933,

в 1940-х годах основная опасность для Франции будет исходить от Германии. Следует поэтому заключить направленный против нее союз с Россией.

Когда де Голль изложил свои взгляды на Германию, ее границы и средства, с помощью которых он намеревался «обуздать» ее, реакция Сталина была отрицательной. Генерал хотел добиться, чтобы Франция и Россия находились примерно в равном положении, когда речь шла бы об «обуздании» Германии. Советская же сторона проявляла готовность помочь французам, однако давала понять, что не очень в них нуждается. Поэтому, когда де Голль предложил, чтобы Франция, вернув себе статус великой державы, осуществляла контроль над Германией наравне с Россией, он оказался перед стеной. Сталин видел в идее де Голля лишь то, что он называл «западным блоком» — систему западной безопасности, опирающуюся на Рур и блокирующую советское влияние...

Жан Катала. 9 декабря в 8 часов вечера должен был состояться большой прощальный банкет в Кремле. В тот же день в ходе последних переговоров Молотов предлагает Бидо обменяться письмами о том, что Кристиан Фуше будет назначен французским представителем при Польском комитете национального освобождения в Люблине, а польский представитель — при французском правительстве. Де Голль отвечает отказом. И мы отправляемся на банкет, уверенные в том, что все потеряно и договора заключено не будет...

На банкете Сталин страшно веселился. Он произносил шуточные тосты такого рода: «За Кагановича! Каганович — храбрый человек, он знает, что, если поезда не будут приходить вовремя, его расстреляют!» Все смеялись.

Но были и действительно волнующие моменты.

Сразу же после тоста за Кагановича Сталин сказал: «Много говорят о героизме в нашей стране. Да, конечно, это так. Однако есть герои, стоящие особо. Я хочу сказать о летчиках полка «Нормандия — Неман».

Он повернулся к другому концу стола и обратился к полковнику Пуйяду, сидящему рядом со мной: «Полковник, я пью за здоровье ваших храбрецов». Пуйяд встал. Сталин, который произносил тосты со своего места, пошел к нему навстречу, обойдя стол. Они осушили бокалы шампанского, затем Сталин обнял Пуйяда и поцеловал его по старой русской традиции.

После этого Сталин пригласил нас посмотреть вместе фильм. Де Голль сел рядом с ним. Известно, что де Голль был очень высокий, но не все знают, что Сталин был небольшого роста. Глядеть на них со спины было очень забавно. Время от времени Сталин поворачивался к де Голлю, слегка приподнимал голову.

Когда фильм закончился, произошла грандиозная, почти немая сцена. Де Голль сказал, что его поезд отправляется завтра в 11 часов утра и что ему пора отдохнуть; он поблагодарил маршала за его гостеприимство. Тот и другой — высокий и маленький — встали. Сталин не ожидал, что де Голль уйдет. Он произнес:

— Но, господин генерал, будет еще один фильм.

— Нет, я уйду, — ответил де Голль.

Тогда они обменялись довольно долгим рукопожатием, и во взглядах этих двух крупных политических деятелей чувствовалось, что они разгадали друг друга.

Ночные переговоры

Де Голль ушел. Молотов, стоявший у выхода из кинозала, проводил по очереди членов французской делегации — Гарро, Дежана, Палевского в соседнюю комнату. Здесь до 4 часов утра продолжались последние переговоры. Они касались текста, по которому Франция признала бы Люблинский комитет. Гарро и Дежан ездили поочередно из Кремля в посольство для передачи де Голлю текста, предлагаемого Молотовым. Зрелище, казалось, было достойно кисти Рембрандта: генерал сидел в одиночестве, облокотившись о свой письменный стол. В камине догорал огонь. Комнату освещала лишь настольная лампа. Де Голлю вручали один текст за другим. Он говорит «нет», и посланец отправляется обратно в Кремль.

В течение этого времени я в числе других приглашенных находился в кинозале, где мы продолжали разговор со Сталиным. Остальные члены Политбюро стояли вдоль стены, переговариваясь и посматривая на нас. Сталин выглядел таким добреньким отцом семейства. Он так непринужденно вел беседу, что казалось действительно рад поговорить со своими собеседниками. В частности, он спросил Пуйяда, доволен ли тот своими «яками», самолетами, созданными конструктором Яковлевым, — из них состояла эскадрилья «Нормандия — Неман». Пуйяд стал расхваливать «яки». Его похвала была благодарно воспринята Яковлевым. Сталин обратился к Пуйяду с вопросом:

— Вы уверены, что пушка на вашем самолете является достаточно мощной?

— Вполне, — ответил Пуйяд, — это 20-миллиметровые орудия.

— Да, но я мог бы предложить вам самолеты, оснащенные 40-миллиметровыми орудиями.

И вот по этому поводу между французским полковником

Пуйядом и Сталиным началась дискуссия, которую можно вкратце изложить следующим образом. По мнению Пуйяда, единственной разницей между двадцати- и сорокамиллиметровыми орудиями было то, что с помощью первых можно просто подбить самолет противника, а с помощью вторых разнести его вдребезги, но с военной точки зрения это ничего не меняло.

И в запальчивости Пуйяд, не сдержавшись, негромко бросил:

— Да он просто невежда!

Этого, разумеется, никто Сталину не перевел. А он, заметив в этот момент пепел сигареты на военном кресте Пуйяда, страхнул его мизинцем и сказал:

— Ты храбрый человек!

Среди прочего вспоминается, как Сталин жаловался на старость, говоря, что молодые годы уже позади и смерть близка. Когда кто-то, кажется, Жан-Ришар Блок, отказался от очередного бокала шампанского — бог знает, сколько было выпито в тот вечер, — Сталин сказал, что и ему возраст не позволяет выпить лишнего. В его поведении сквозило что-то похожее на отчаяние, но вызванное отнюдь не политическими причинами, нет, это было отчаяние человека, который достиг таких вершин, что дальше двигаться было некуда.

Что же касается фразы, которую он якобы сказал де Голлю и которую можно найти в мемуарах последнего: «В конце концов победу одерживает только смерть», то ее никто не слышал. И Жан Лалуа, исполнявший роль переводчика, тоже о ней не помнит. Однако она очень точно воспроизводит впечатление, которое производил Сталин, страдавший от чего-то похожего на экзистенциалистский пессимизм. Да, все, что он когда-то желал, исполнилось, он стал полновластным хозяином в СССР и одним из крупнейших государственных деятелей Европы. Но...

Одинокий человек на вершине власти

Пока мы разговаривали, к Сталину несколько раз подходил Молотов и что-то говорил ему на ухо. Около 4 часов утра он показал Сталину бумагу, и тот, попросив у нас извинения, отошел в сторону и посмотрел ее, держа листок в вытянутой руке, но не надев очки. Он утвердительно кивнул головой. Молотов вышел, а Сталин заявил:

— Я рад объявить вам, что советско-французский договор будет подписан, как только сюда прибудет генерал де Голль.

Жан Лалуа. Психологическую неловкость создавала разница в росте между де Голлем и Сталиным. С другой стороны, существовала огромная дистанция между генералом, воспитан-

ным во Франции в 1890—1930 годы, и этим странным состарившимся человеком с морщинистым желтоватого цвета лицом, который никогда не обращался прямо к собеседнику. (Он говорил со своим переводчиком и спрашивал его: «Что он сказал?») Сталин как бы отводил себе особое место, отличавшееся от положения обыкновенных смертных. Настоящего диалога с ним не получалось.

Встречи с ним в 1944 году оставили у нас четкое впечатление, что это был человек, крайне пресыщенный, потерявший ко всему интерес, говоривший обо всем с чувством опустошенности. Я полагаю, что это вполне объяснимо, если вспомнить, какую карьеру он сделал. Ведь Сталин был довольно заурядным деятелем большевистской партии, до смерти Ленина ничем не блиставшим. Это был человек скорее второго плана, с давних пор раздраемый желанием стать предметом восхищения, стать первым, тем, перед кем преклонится весь мир. Это сквозит во многих его работах, когда он описывает свой идеал крупного коммунистического деятеля — человека, перед которым все умолкают при его появлении... И вот, осуществив свою мечту, он обнаружил, что в конечном счете это ничего не меняло! Более счастливым, чем прежде, он не стал.

Несмотря на всю окружающую Сталина лесть, он чувствовал, что это не дает того, чего он желал, что он остается несчастным человеком, старым, заурядным, неполноценным. Если подобная гипотеза верна, то она придает ему определенную человеческую сущность, менее ужасную, чем все то, что о нем знают: лишь бог известно, насколько глубоко в нем был укоренен садизм.

Я вспоминаю тост, который он произнес за маршала авиации Новикова. Обычно, сказав несколько слов, Сталин вставал и шел вдоль длинного стола к тому, кого он хотел отметить. И тот, кто иногда сидел на другом конце стола, мчался со всех ног, чтобы Сталин не сделал нескольких лишних шагов в его направлении. И на этот раз мы увидели, как Новиков, статный мужчина в мундире, при всех регалиях, буквально бросился бежать к Сталину, который, подняв свой бокал, произнес:

— Это очень хороший маршал. Он создал нам прекрасную авиацию.

И потом, после некоторого молчания, добавил:

— Если же он не будет хорошо делать свое дело, мы его повесим!

От таких слов по спине маршала Новикова, должно быть, пробежала дрожь. И в то же время все это оборачивалось Сталиным в шутку:

— Обо мне говорят, что я чудовище, а я, видите, даже шучу по этому поводу. Значит, я не так и ужасен.

Сталин — человек с таким количеством обличий, что сущность его было трудно распознать. Он был бестактен. После подписания договора, примерно в пять утра, подали какую-то закуску, и Сталин, раздирая зубами кусок курицы, сказал:

— Я приветствую г-на Палевского, прекрасного польского патриота.

Мы разъяснили ему, кто такой Палевский. Тогда Сталин изрек:

— Ах, так. Ну что ж, все равно поляк всегда остается поляком.

Почему он допустил такую бестактность, не знаю. Грубость была одной из его черт.

Другая его черта — довольно своеобразный юмор. Так, на приеме он произнес тост:

— Я пью за франко-польско-советскую дружбу.

Все выпили, и Сталин продолжал:

— Что, г-н де Голль, вы поддерживаете франко-польско-советскую дружбу?

Генерал спокойно сказал:

— Я выскажусь по этому поводу в Париже, и тогда все об этом узнают!

Сталин рассмеялся.

— Он против! Я вижу, что он против!

Это означало: я хорошо понимаю, что мы не получили того, что хотели. Однако мы все же добились уступки — де Голль согласился направить в Варшаву французского представителя при Польском комитете.

Нет спору, Сталин был ужасным человеком.

Когда все закончилось, я вернулся с Жоржем Бидо в нашу резиденцию. На часах — шесть утра. Министр спросил меня очень тихо, прикрывая рот из-за потайных микрофонов:

— Что вы о нем думаете?

Я ответил спонтанно:

— Это чудовище!

На обратном пути, в поезде, генерал де Голль задумчиво сказал:

— С этими людьми нам придется иметь дело еще сто лет!

Читатели «Правды», открыв 29 июня 1948 года газету, пережили состояние шока. Публиковалась резолюция Информационного бюро восьми коммунистических партий Европы о положении в Коммунистической партии Югославии. В первом же пункте документа утверждалось, что КПЮ «за последнее время проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики неправильную линию, представляющую отход от марксизма-ленинизма». Далее говорилось об «антисоветской установке» югославского руководства, заимствовании им клеветнических измышлений по адресу СССР «из арсенала контрреволюционного троцкизма», установлении в КПЮ «террористического режима» и тому подобное. Содержался призыв к «здоровым силам» КПЮ сменить руководителей партии, если они не смогут «честно признать свои ошибки и исправить их».

Углубление конфликта между ВКП(б) и КПЮ, между СССР и Югославией зашло настолько далеко, что во второй резолюции Информбюро (ноябрь 1949 года) руководство страны и партии именовалось «шпионско-фашистской кликой Тито Ранковича». Не оставляло иных толкований и название резолюции — «Югославская компартия по власти убийц и шпионов».

Этот резкий, крутой поворот в советско-югославских отношениях нелегко воспринимался в нашем обществе. Советские люди хорошо знали о подвигах храбрых югославских воинов, десятки тысяч бойцов и командиров Красной Армии вместе с ними освобождали Белград, Восточную Сербию, Воеводину. Глубокие корни, тысячи нитей связывали народы двух стран, питали дружбу, и вдруг...

Минувало с тех пор сорок с лишним лет. Нормализованы отношения между нашими государствами и партиями. Стал другим мир. А события конца 40-х годов продолжают вызывать острый интерес. Тем более что до сих пор фактическую сторону событий историки описывали, опираясь на югославские и западные источники. Теперь мы имеем возможность привлечь и авторитетные советские источники. Недавно в МИД СССР выявили и рассекретили ряд архивных документов, относящихся к возникновению конфликта между двумя странами и партиями, руководством СССР и Югославии, между Сталиным и Тито.

Корреспондент «Правды» В. Шаров встретился с экспертом Историко-дипломатического управления МИД СССР И. В. БУХАРКИНЫМ и попросил его ответить на ряд вопросов.

Ничто не предвещало грозы

— История советско-югославских отношений после рокового 1948 года затмила, отодвинула в тень все то позитивное, что накапливалось в двусторонних связях в 1945—1948 годах.

Печатается по: Правда. 1990. 6 марта.

Можно напомнить, например, что один из первых договоров о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве со странами, вставшими на путь социалистического строительства, СССР подписал именно с Югославией — 11 апреля 1945 года. Не могли бы вы кратко охарактеризовать советско-югославское сотрудничество в первые три послевоенных года?

— В Югославии коммунисты прочно утвердились у власти раньше, чем в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы. КПЮ провела глубокие социально-экономические и политические преобразования, используя в первую очередь опыт СССР. Первая конституция Югославии, по признанию Э. Карделя, одного из ближайших соратников Иосипа Броз Тито, базировалась на основе государственно-правовых норм Конституции СССР.

Одну из главных основ социалистического строительства в Югославии КПЮ видела в тесном всестороннем сотрудничестве с СССР, партией советских коммунистов. Советский Союз неизменно оказывал поддержку новой Югославии, защищал ее интересы.

Развивалось тесное экономическое сотрудничество. В июле 1947 года, то есть в преддверии конфликта, были подписаны соглашения о поставках из СССР в Югославию в кредит (беспроцентный) промышленного оборудования, соглашение о товарообороте и платежах сроком на два года. Удельный вес СССР во внешней торговле Югославии составлял в 1947 году 34,8 процента. В гражданских министерствах и армии работали советские советники.

В сентябре 1947 года в Польше прошло Информационное совещание представителей некоторых компартий, которые учредили Информбюро. КПЮ открывала список участников. Местом пребывания Информбюро был определен Белград, где стал выходить его печатный орган «За прочный мир, за народную демократию!».

Тесно сотрудничали СССР и Югославия и на международной арене. Они единым фронтом выступали при решении вопросов мирного послевоенного устройства. СССР оказывал всемерную поддержку требованиям Югославии по обеспечению справедливого территориального разграничения, прежде всего с Италией и Австрией. Но здесь уже выявились первые несовпадения позиций, в частности в триестском вопросе, когда Тито, посчитав поддержку СССР недостаточной, публично выразил (правда, в косвенной форме) недовольство этим. На что И. В. Сталин ответил резкой телеграммой, в которой расценил заявление Тито от 27 мая 1945 года как недружественный СССР выпад.

При единых принципиальных подходах к актуальной в конце

1944 — начале 1945 г. проблеме Балканской федерации имели место расхождения тактического порядка о сроках и темпах ее создания, особенно после того, как правительство Англии наложило фактическое «вето» на ее реализацию до заключения мирного договора с Болгарией.

Это касалось, в частности, характера взаимоотношений Югославии с Болгарией и Албанией. Надо сказать, что по этим вопросам стороны регулярно консультировались.

Этот вечный балканский вопрос

— Часть рассекреченных документов касается разногласий в связи с балканскими делами. Очень жаль, что мы не имеем места для публикации их в полном объеме. Не могли бы вы кратко рассказать, о чем идет речь?

— Начну с личного послания Сталина Тито от 23 декабря 1947 года.

«Согласно Вашему предложению, член Политбюро Жданов имел две беседы с тов. Поповичем (посол Югославии в Москве.— И. Б.) по вопросу об Албании. Ввиду того что в ходе бесед вскрылись новые вопросы, мы бы хотели, чтобы Вы направили в Москву ответственного товарища, может быть, Джиласа или другого наиболее осведомленного о положении в Албании. Я готов выполнить все Ваши пожелания, но нужно, чтобы я знал в точности эти пожелания.

С товарищеским приветом

И. Сталин».

Вопрос об Албании, который предлагал обсудить И. Броз Тито, был следствием той роли, которую играла КПЮ в годы войны, оказывая компартиям других балканских стран помощь и поддержку в развертывании партизанского движения. В частности, в данном случае речь шла о (цитирую информацию советского посла) «передислокации 2-й пролетарской стрелковой югославской дивизии в Албанию». Решение было принято «без участия советских военных советников при югославской армии». Обеспокоенная возможной реакцией Англии, советская сторона вступила в переписку с югославским руководством.

Сославшись на поручение, полученное от В. М. Молотова, наш посол передал 1 февраля 1948 года И. Броз Тито следующее: «Товарищу Тито.

Из Вашей беседы с т. Лаврентьевым видно, что Вы считаете нормальным такое положение, когда Югославия, имея договор о взаимопомощи с СССР, считает возможным не только не

консультироваться с СССР о посылке своих войск в Албанию, но даже не информировать СССР об этом в последующем порядке. К Вашему сведению сообщаю, что Совпра (Советское правительство.— И. Б.) совершенно случайно узнало о решении югославского правительства относительно посылки Ваших войск в Албанию из частных бесед советских представителей с албанскими работниками. СССР считает такой порядок ненормальным. Но если Вы считаете такой порядок нормальным, то я должен заявить по поручению Правительства СССР, что СССР не может согласиться с тем, чтобы его ставили перед совершившимся фактом. И, конечно, понятно, что СССР, как союзник Югославии, не может нести ответственность за последствия такого рода действий, совершаемых югославским правительством без консультаций и даже без ведома Советского правительства. Тов. Лаврентьев сообщил нам, что Вы задержали посылку югославских войск в Албанию, что мы принимаем к сведению. Однако, как видно, между нашими правительствами имеются серьезные разногласия в понимании взаимоотношений между нашими странами, связанными между собою союзническими отношениями. Во избежание недоразумений следовало бы эти разногласия так или иначе исчерпать».

— Как составлен документ! Стиль командно-приказной, Сталин не скрывает своего раздражения И. Тито. Чем объясняется такая резкая метаморфоза — ведь в послании от 23 декабря 1947 года Сталин был весьма любезен и лоялен?

Здесь уместно будет сказать, что та информация, которая тогда поступала из Белграда, мягко говоря, не всегда отличалась объективностью.

С приездом в Белград советского посла А. И. Лаврентьева посольство все чаще сообщало о симптомах головокружения от успехов у югославского руководства, развития и культивирования волонтаристских тенденций. В политотчете за 1946 год А. И. Лаврентьев писал, что «имеют место случаи, когда проявляются тенденции местного национализма, в частности, выражающиеся: а) в подчеркивании значения югославского партизанского движения в освобождении страны, умаляя тем самым роль Советского Союза в этом освобождении; б) слишком большом подчеркивании особенностей местных условий, в которых якобы не всегда с успехом можно применить опыт Советского Союза и опыт нашей армии». По мнению посла, «это означало, что, очевидно, существует грубое непонимание значения того политико-морального влияния Советского Союза, которое он оказывал на весь ход освободительного движения в Югославии».

Впоследствии сообщения из Белграда стали приобретать все более острый и обличающий характер. Комментируя речь

И. Броз Тито на II конгрессе Народного фронта Югославии 27 сентября 1947 года, посол указывал, что «...Тито ни одним словом не обмолвился о помощи Советского Союза, оказанной Югославии в этой борьбе, о его влиянии на весь ход освободительной борьбы, хотя элементарно ясно, что Югославия освобождена была Красной Армией и что Советский Союз как внешнеполитический фактор играл решающую роль в процессе становления Югославии... Все эти недоговаривания, очевидно, вытекают из того, что Тито рассматривает процесс освобождения Югославии, процесс социально-экономического преобразования страны лишь с местных национальных позиций, тем самым впадая в национальную ограниченность». И далее А. И. Лаврентьев пишет: «Не сочтете ли Вы возможным, чтобы критические замечания по докладу Тито были высказаны в рабочем порядке представителю компартии в Москве?»

31 декабря 1947 года посол направил подборку материалов, в которой содержались копии приказов И. Броз Тито по случаю 6-й годовщины югославской армии, а также в связи с постановкой задач перед армией на 1947—1948 годы, его речь в гвардейском соединении, доклад генерал-полковника К. Поповича «Тито — организатор побед народно-освободительной войны». В специальной телеграмме от 8 января 1948 года А. И. Лаврентьев так комментировал посланные материалы:

«1. Во всех выступлениях преувеличивается значение югославского партизанского движения.

2. При определении значения военного опыта освободительного движения советская военная наука и опыт Советской Армии в Великой Отечественной войне не признаются без оговорок основным законом дальнейшего развития вооруженных сил Югославии...

4. Известно, что именно тов. Сталин призвал развивать партизанскую вооруженную борьбу в условиях оккупации и обосновал необходимость и важность этой борьбы. Возведение Поповичем маршала Тито в ранг крупных военных теоретиков является не чем иным, как простым угодничеством перед Тито, который, очевидно, принимает это угодничество за действительную оценку своих военных качеств...

5. Полагаю, что все это происходит вследствие слабой теоретической и, в частности, военной подготовки руководителей югославской армии, вследствие наличия определенной национальной ограниченности, о проявлении которой я уже в свое время сообщал. Несомненно и то, что проявление «вождизма» со стороны маршала Тито также оказало влияние на рассматриваемые нами документы».

— Я ловлю себя на мысли, что в документе, который вы

привели, делается попытка вызвать у Сталина личную неприязнь к Тито. Посудите: после войны в братских странах был только один лидер, который по должностям и званиям вставал как бы вровень со Сталиным. Это — Тито. Он, как и Сталин, возглавлял партию, правительство, был верховным главнокомандующим, наконец, маршалом. Да и имена у них были схожие — Иосиф и Иосип. Думается, послания и телеграммы нашего посла в Белграде могли «подогреть» известную всем подозрительность и ревность Сталина.

— Я согласен с этой оценкой, хотя, как вы понимаете, она не может быть подтверждена документами. Но продолжим.

Позицию посла разделял военный атташе при посольстве СССР в Югославии генерал-майор Сидорович. 10 января 1948 года он направил генералу армии Антонову подборку тех же материалов. Генерал докладывал, что опыт Советской Армии не признается без оговорок основным законом дальнейшего развития вооруженных сил Югославии. Он подчеркивал, что в Югославии «должна быть безоговорочно принята советская сталинская военная доктрина и опыт Советской Армии, которые являются единственно правильными и научной теорией и опытом для всех демократических армий».

Военный атташе предлагал, в частности, «указать на эти ошибки в порядке обмена опытом по линии Информбюро некоторых компартий». «Разбор этих ошибок» он предложил также сделать в беседе с югославской военной делегацией (М. Джилас, К. Попович, С. Вукманович и др.), направлявшейся в Москву во второй декаде января 1948 года. Этот доклад военного атташе и подборка материалов были представлены министром Вооруженных Сил СССР Н. А. Булганиным И. В. Сталину, а 17 марта 1948 года доклад в копии направлен и В. М. Молотову.

— Но вернемся к началу 1948 г. Каково было сообщение совпосла о выполнении данного ему поручения?

— 1 февраля 1948 г. посол доложил:

«Сегодня Вашу телеграмму передал Тито. Тито, прочитав телеграмму два раза, крайне взволнованный, сказал, что не ожидал, что Совпра придает этому делу такое значение. Он признает, что им была допущена ошибка, нужно было предварительно проконсультроваться с Совпра, и такая консультация по внешнеполитическим вопросам впредь проводиться будет. Он понимает, что за такие неправильные внешнеполитические шаги реакция возложит ответственность на Советский Союз. Югославская дивизия не будет введена в Албанию...».

В ходе встречи посол заметил, что и ранее бывали случаи, «когда югославское правительство действовало без ведома Совпра. Например, в прошлом году югославское правительство

подписало договор о сотрудничестве с Болгарией не только без консультации с Совпра, но даже вопреки его рекомендации не подписывать этого договора до вступления в силу мирного договора с Болгарией.

И на это Тито ничего не ответил».

В ответ 2 февраля последовало срочное поручение Молотова передать Тито следующее:

«Мы считаем, что у нас с Вами имеются серьезные разногласия по внешнеполитическим вопросам. Ввиду напряженности международного положения считаем нужным ликвидировать эти разногласия путем устройства обмена мнениями на неофициальном совещании в Москве. Просим прислать в Москву двух-трех ответственных представителей югославского правительства для обмена мнениями.

Приглашены также представители болгарского правительства.

Срок приезда не позже 8—10 февраля.

Сообщите Ваше мнение.

Молотов».

На это совещание выехали 3 февраля Э. Кардель и В. Бакарич (премьер-министр Хорватии). В Москве к ним присоединился М. Джилас, находившийся здесь во главе военной делегации.

Документов о содержании переговоров в архивных материалах МИД СССР не имеется. 10 февраля И. Сталин в неофициальном порядке принял Э. Карделя, М. Джиласа и В. Бакарича, а также делегацию Болгарии во главе с Г. Димитровым. В. Молотов информировал А. Лаврентьева 13 февраля 1948 года, что «в результате обмена мнениями 11 февраля Карделем и мною был подписан протокол, в котором указывается, что советское и югославское правительства, исходя из обязательств, принятых по договору от 11 апреля 1945 г., условились, что они обязуются консультироваться друг с другом по всем международным вопросам, затрагивающим интересы обеих стран...

Аналогичный протокол с Болгарией был подписан также 11 февраля.

Протоколы публикации не подлежат».

Согласно многим югославским источникам на этой встрече затрагивался также вопрос о Балканской федерации. Идея о федерации, традиционная для революционного движения на Балканах, в свое время разделялась Коминтерном и рассматривалась им как средство разрешения национальных противоречий между балканскими народами. В условиях, сложившихся после второй мировой войны, когда в ряде балканских стран установился народно-демократический строй, по мнению руководства КПЮ, возникли реальные перспективы для осуществления этой идеи.

В конце 1944 и начале 1947 годов югославское руководство предлагало руководству Болгарской компартии проект создания федерации южных славян путем объединения Югославии и Болгарии. После ряда обсуждений этот план нашел отражение в югославо-болгарском пакте, подписанном 1 августа 1947 года в Югославии на озере Блед. 12 августа 1947 года советский посол в Белграде получил указание вручить югославской стороне телеграмму Сталина, адресованную Тито. Правительство СССР сделало упрек руководству Югославии и Болгарии за торопливость, за принятие важных внешнеполитических решений без консультаций с Советским Союзом.

В конце концов идея о создании Балканской федерации так и не была реализована. Но трещина в отношениях между СССР и Югославией углубилась.

Переломный март

— Как дальше развивались события?

— Март стал переломным в сторону ухудшения межпартийных, а затем и межгосударственных советско-югославских отношений. А. И. Лаврентьев сообщил, что 1 марта состоялось заседание ЦК КПЮ, на котором обсуждались следующие вопросы: о политических и экономических отношениях с Советским Союзом; о пятилетнем плане Югославии; о федерации с Болгарией; о югославской армии.

Согласно его сообщению, И. Броз Тито, выступая по первому вопросу, сказал, что «развитие отношений между Советским Союзом и Югославией зашло в тупик». Далее Тито, по словам А. И. Лаврентьева, говорил, «что Советский Союз хочет экономически захватить Югославию», что между Югославией и Советским Союзом «существуют разногласия в области идеологии», причем «югославы правильно объясняют коммунистическую идеологию», тогда как в СССР проявляется «великодержавный шовинизм». Участники заседания, опять-таки по сообщению А. И. Лаврентьева, утверждали, что «СССР — это препятствие к развитию международной революции», что «в СССР происходит перерождение», что «Коминформ — это захват других партий» и т. д. Прочитав еще две строчки из сообщения советского посла со ссылкой на достоверные источники:

«По первому вопросу в качестве резюме Тито заявил, что:

а) Югославия будет развиваться собственным путем;

б) Отношения к Советскому Союзу должны оставаться без изменений;

в) В международных вопросах Югославия будет выступать едино и будет помогать Советскому Союзу...»

9 марта 1948 года он сообщил дополнительные сведения об обстановке в КПЮ и стране. В его информации есть такие строчки: «Если бы вопрос об отношении с СССР был поставлен на открытое обсуждение в партии, то подавляющая часть партии высказалась бы против Тито...»

Обширная информация, поступающая от советского посла в Белграде в марте 1948 года, была насыщена деталями, а подчас и выводами, большинство которых легло в основу первого обвинительного письма в адрес ЦК КПЮ и первой резолюции Информбюро от 28 июня 1948 года.

— Вы имеете в виду письмо ЦК ВКП(б) от 27 марта 1948 года?

— Да. Но я немного забежал вперед. А март продолжал отсчитывать дни и события. 9 марта посол сообщил о решении югославского правительства, которым запрещалось «госорганам и учреждениям представлять кому бы то ни было какие-либо экономические материалы».

18 марта В. М. Молотов поручил советскому послу передать И. Броз Тито или Э. Карделю в связи с запретом передавать советским органам информацию по экономическим вопросам:

«...Нас поразило это сообщение, так как имеется договоренность о беспрепятственном получении органами Советского правительства такого рода информации. Это тем более поразило нас, что югославские правительственные органы проводят эту меру односторонне без какого-либо предупреждения или объяснения причин. Советское правительство рассматривает подобные действия югославского правительства как акт недоверия к советским работникам в Югославии и как проявление недружелюбия в отношении СССР.

Понятно, что при таком недоверии к советским работникам в Югославии последние не могут считать себя гарантированными от аналогичных актов недружелюбия со стороны югославских органов.

Ввиду этого Советское правительство дало распоряжение министерствам черной металлургии, цветной металлургии, химической промышленности, электростанций, связи и здравоохранения немедленно отозвать в СССР всех своих специалистов и работников».

На другой день было принято решение об отзыве военных специалистов.

27 марта В. М. Молотов сообщил нашему послу: «29 марта рейсовым самолетом в Белград вылетает мой помощник Лавров с письмом, которое Вам надлежит немедленно передать по назначению». Речь шла об уже упоминавшемся письме ЦК ВКП(б) от

27 марта 1948 года в адрес ЦК КПЮ, положившем начало переписке между ЦК компартий обеих стран, приобретающей с каждым письмом все более острый характер.

В письме ЦК ВКП(б) от 27 марта содержались обвинения в антисоветских настроениях руководителей КПЮ, в их отходе в своей внутренней политике от правильной марксистско-ленинской линии, грубых ошибках оппортунистического характера, отрицании роста капиталистических элементов в стране, затухании классово-борьбы в деревне, распространении «гнилой оппортунистической теории мирного вращивания капиталистических элементов в социализм, заимствованной у Бернштейна, Фольмара, Бухарина», ревизии марксистско-ленинского учения о партии, растрвоении КПЮ в Народном фронте, в отсутствии внутрипартийной демократии, в том, что партия фактически находится на полуполюгальном положении. Прямо утверждалось, что первый заместитель министра иностранных дел В. Велебит является английским шпионом, а «югославские товарищи, зная об этом» и зная, что «Советское правительство также считает его английским шпионом», потворствуют ему.

13 апреля советский посол со ссылкой на достоверные источники сообщает о пленуме ЦК КПЮ, состоявшемся 12 апреля. Пленум обсудил письмо ЦК ВКП(б) и утвердил ответное послание. Выступая на заседании, Тито сказал, что письмо ЦК ВКП(б) «основывается на ложных сведениях и оскорбительно для КПЮ».

В опубликованной югославской стороной версии письма ЦК ВКП(б) от 4 мая повторялись в более развернутой и обостренной форме ранее высказывавшиеся обвинения. Аргументы, выдвинутые в свое оправдание югославской стороной, признаны неудовлетворительными и не соответствующими действительности. Наряду с этим югославское руководство обвинялось в проведении параллели между политикой Советского Союза и империалистических государств. В то же время в резком тоне говорилось о чрезмерном зазнайстве югославских руководителей. На этот раз в числе английских шпионов, кроме В. Велебита, назывались югославский посол в Лондоне Леонтич и трое сотрудников посольства без указания имен.

В письме доводится до сведения югославской стороны, что позиция ЦК КПЮ, если она останется неизменной, отрицательно отразится на положении партии на международной арене, поскольку Советский Союз может помогать только друзьям.

Письмо завершалось отказом ЦК ВКП(б) прислать своих представителей в Югославию для ознакомления с положением дел на месте. Советская сторона сообщила, что она предлагает обсудить эту проблему на заседании Информбюро.

В ответ Тито и Кардель писали 17 мая:

«Товарищам И. В. Сталину и В. М. Молотову.

Ваше письмо от 4 мая 1948 г. нами получено. Было бы лишним писать о том, насколько и это письмо произвело на нас тяжелое впечатление. Оно убедило нас в том, что напрасными являются все наши доказательства, даже и факты, что все обвинения против нас являются результатом ошибочного информирования.

Мы не убегаем от критики по принципиальным вопросам, но во всем этом деле чувствуем себя настолько неравноправными, что нам нельзя согласиться решать теперь это дело перед Информбюро...

Мы желаем ликвидации этого дела таким образом, что будем на деле доказывать, что обвинения против нас являются несправедливыми, то есть будем упорно строить социализм и останемся верными Советскому Союзу, останемся верными учению Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина».

Напоминаю, текст дается в переводе югославской стороны.

В письмах от 18 и 19 июня стороны касались судьбы арестованных и находившихся под следствием бывшего министра финансов С. Жуйовича и бывшего министра легкой промышленности А. Хебранга. ЦК ВКП(б) требовал, «чтобы расследование дела Хебранга и Жуйовича о так называемой неправильной информации ЦК ВКП(б) происходило с участием представителей ЦК ВКП(б)». В случае, если Хебранг и Жуйович будут физически ликвидированы, то «ЦК ВКП(б) будет считать политбюро ЦК КПЮ уголовными убийцами».

Совещание Информбюро положило конец переписке двух Центральным Комитетов. Согласно информации А. И. Лаврентьева 29 июня в 20 часов «все радиостанции передавали заявление пленума ЦК КПЮ от 29 июня по поводу резолюции Информбюро о положении в югославской компартии.

В заявлении полностью отвергается резолюция Информбюро и оправдывается линия, занимаемая ЦК КПЮ.

Кроме этого, в заявлении были переданы следующие документы:

1. Письмо ЦК КПЮ Информбюро о причинах отказа ЦК КПЮ участвовать на совещании Информбюро.

2. Обращение ЦК КПЮ ко всем членам партии, излагающее решение политбюро ЦК об исключении из партии Хебранга и Жуйовича.

3. Заключение партийной комиссии по делу Хебранга и Жуйовича.

4. Решение политбюро ЦК КПЮ от 19 апреля 1948 года по письму Хебранга».

— Когда с высоты наших дней читаешь информационные материалы, поступавшие в Москву из советского посольства в те драматические дни и месяцы, не можешь отделаться от ощущения, что иногда нашему послу изменяло чувство меры, чувство реализма в оценках и выводах.

— Да, это имело место. Однажды посол сделал далеко идущие политические выводы из того факта, что югославские газеты не отметили 80-летие со дня рождения М. Горького. В. М. Молотов ответил на эту информацию следующей телеграммой от 9 мая 1948 года:

«Вы склонны теперь к преувеличению некоторых второстепенных фактов в югославских делах. Вам не следует, однако, впадать в односторонность или переходить к раздуванию таких вещей, которые следует воспринимать скорее в ироническом, чем в серьезном тоне».

Разрыв отношений

— Между принятием первой и второй резолюций Информбюро прошло почти полтора года. Это был период, когда шаг за шагом свертывались контакты, нагнетались взаимные обвинения, пока дело не дошло до окончательного разрыва отношений. Что нового можно узнать из архивных документов?

Есть, например, материалы, раскрывающие ход торговых переговоров. Они закончились подписанием протокола о взаимных поставках товаров на 1949 год, который предусматривал сокращение товарооборота между нашими странами в восемь раз по сравнению с 1948 годом.

Интересна нотная переписка вокруг «информбюровцев» — югославских коммунистов, которые высказались в поддержку резолюции Информбюро.

Обострению отношений способствовали решения первой сессии Совета Экономической Взаимопомощи (26—28 апреля 1949 года). На заседании был, в частности, рассмотрен вопрос об отношениях с Югославией и принято такое постановление:

«Ввиду враждебной политики, проводимой правительством Югославии в отношении стран народной демократии и СССР, впредь до прекращения этой враждебной политики Совет Экономической Взаимопомощи признает необходимым проведение следующих мероприятий:

1. Рекомендовать странам — участникам Совета в кратчайший срок пересмотреть имеющиеся у них с Югославией соглашения по экономическим вопросам с целью:

а) прекращения предоставления каких-либо кредитов Югос-

лавии, а также прекращения каких-либо поставок в Югославию в счет ранее заключенных с нею кредитных соглашений;

в) ограничения торговли с Югославией закупками у нее лишь важнейших видов стратегического сырья, как то: свинец и свинцовые концентраты, цинк и цинковые концентраты, медь и ртуть и, в ограниченных количествах, железная руда, лес, пенька, пириты;

с) серьезного сокращения продажи и поставок в Югославию товаров, являющихся дефицитными для стран — участников Совета, а также капитального промышленного оборудования, товаров, имеющих военное значение, и прекращения поставок в Югославию вооружения;

д) прекращения оказания странами — участниками Совета какой-либо технической помощи Югославии.

2. Использование странами — участниками Совета услуг в отношении транзита через Югославию считать целесообразным.

3. Заслушать на следующем заседании Совета сообщения стран — участников Совета о выполнении данного решения».

Взаимные обвинения нарастали, как снежный ком. Стороны уже не выбирали выражений. Читаем в ноте Советского правительства от 10 августа 1949 года: «Пусть знают народы Югославии, что Советское правительство рассматривает нынешнее правительство Югославии не как друга и союзника, а как недруга и противника Советского Союза».

Обстановка накалялась, взаимные упреки в шпионаже достигли такого уровня, что советское посольство получило из Москвы указание от 15 сентября 1949 года запретить одиночное хождение по городу в вечернее время всем сотрудникам посольства СССР и консульств в Загребе и Сплите, равно как и всех других советских учреждений и представительств, а также членам семей сотрудников указанных учреждений СССР в Югославии, «учитывая враждебную деятельность югославского правительства в отношении Советского Союза и, в частности, попытки использовать шантаж и насилие в отношении советских граждан для вербовки в шпионско-разведывательных целях».

28 сентября 1949 года поверенному в делах Югославии в Москве была вручена нота, содержание которой тогда же было опубликовано в печати. В ней, в частности, заявлялось:

«...Заключенный 11 апреля 1945 года Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией теперешнее югославское правительство грубо растоптало и разорвало в клочки.

На основании вышесказанного Советское Правительство за-

являет, что Советский Союз отныне считает себя свободным от обязательств, вытекающих из указанного договора.

По поручению Правительства СССР
Заместитель Министра Иностранных Дел

А. Громыко».

В ноябре 1949 года произошло событие, повлекшее за собой окончательный разрыв отношений с Югославией, — в Будапеште была принята вторая резолюция Информбюро «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». Она была опубликована в «Правде» 29 ноября 1949 года, в день национального праздника Югославии.

Положение коренным образом изменилось. Руководство КПЮ отошло от своей до известной степени оборонительной позиции и развернуло широкую кампанию против Советского Союза, стран народной демократии и коммунистического движения. Были прекращены фактически нормальные дипломатические отношения социалистических стран с Югославией, на ее границах с соседними народно-демократическими государствами возникла напряженность, сопровождаемая военными демонстрациями и отдельными вооруженными конфликтами. В ООН происходили непрерывные острые враждебные столкновения между югославской делегацией и делегациями других социалистических стран. В 1950 году полностью прекратились какие-либо экономические связи СССР и стран народной демократии с Югославией.

— Труден и долг был путь к нормализации советско-югославских отношений. Последние «шероховатости» были устранены во время визита в эту страну М. С. Горбачева в марте 1988 года. Какие уроки извлекаем мы, советские люди, из трудного прошлого?

— Истинного прогресса можно добиться на путях подлинно равноправного сотрудничества. Очищая наши взаимоотношения от всего, что нарушает суверенитет, свободный выбор народов, мы обретем новое единство.

Николай Федоренко

Визит Н. Хрущева в Пекин

Снова Пекин в моей жизни. «Северная столица» утопает в ярких солнечных лучах. Знойное лето 1958 года, а на сердце неизбывные предчувствия.

Государственный ритуал официальной встречи в аэропорту. Медью звучат национальные гимны. Чеканный шаг караула. Рапорт и громкое «служим...».

Сдержанно-приветливые лица министров во главе с Чжоу Эньлаем. Вежливые улыбки, обмен рукопожатиями и малозначащими словами. Без приветственных речей и лозунгов. Без многометровых транспарантов и кумачовых полотнищ с аршинными иероглифами о нерушимой дружбе и вечной благодарности.

И без медвежьих объятий, панибратских лобзаний. Без мужичьих нежностей и целований — уста в уста, которые вообще чужды китайским обычаям. И все же «забыть так скоро»...

И без традиционных масс с развевающимися знаменами, бумажными флажками и иконостасом из портретов вождей, давно усопших и здравствующих. Нет и восторженно приветствовавших жителей города, которые обычно образовывали бесконечные шпалеры вдоль улиц, по которым мчались черные лимузины с гостями.

Вокруг ничем не возмутимое спокойствие и тишина. Не слышно популярной еще так недавно песни «Москва — Пекин», ее слов: «Русский с китайцем — братья навек». Забыто и обращение к нам — «старшие братья». Словно исчез сам пьедестал, который будто сотворили нам китайские «младшие братья». А ведь как это импонировало нашему самолюбию. Многие из нас успели привыкнуть не только к обращению, но даже к самому положению «старшего брата». Вошли в роль, научились вставать в позу собственного превосходства.

С грустью глядя на эти перемены, невозможно было не задуматься над тем, было ли недавнее прошлое реальностью.

Николай Трофимович Федоренко — член-корреспондент АН СССР, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР.

Печатается по: Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 1. С. 121—128.

Соответствовало ли, к примеру сказать, само «звание» «старший брат» истинному значению этих слов? Насколько искренне это было, наконец? А может быть, здесь всего лишь проявление так называемой «китайской церемонии»? Учтивость обращения?

Пожалуй, нам с самого начала следовало прояснить способ словесного выражения и не обманываться насчет того, что имеет условный характер? Не торопиться, не хвататься за карандаши и машинки, чтобы немедленно увековечить себя на пьедестале почета.

А между тем обращение китайцев друг к другу «дагэ» — «большой брат» или «старший брат» — весьма распространено и вовсе не однозначно. Часто обращаются к человеку и называют его «дагэ» по соображениям вежливости, почтительности. Люди в возрасте, пожилые и старые пользуются уважением уже только потому, что они старшие, значит, умудренные жизненным опытом. Часто же это уважительность к человеку вообще, даже если заведомо известно, что он моложе того, кто к нему обращается.

Принято в Китае и другое — называть самого себя не просто братом, но «младшим» — «сяоди», хотя на самом деле речь может идти о старшем. Уничижение в отношении самого себя и уважение к другому — явление весьма обычное во взаимоотношениях китайцев. И заблуждений на этот счет быть не должно. У нас такой условности нет, а у китайцев — есть. И это надо знать. Было бы бестактностью, нарушением этики именовать себя «дагэ» после того, как вас назвали «старший брат» в духе китайской традиции.

В моей коллекции иероглифических свитков есть одна надпись, посвященная мне маститым каллиграфом Ю Южэнем, который подписался «сяоди» — «младший брат», хотя был он вдвое старше меня. Более того, в каллиграфической надписи на одном свитке он назвал меня «сяньшэн», что переводится как «учитель», «почтенный», «господин». Сяньшэн, учитель — обращение почтительное. Этимологически слово это состоит из двух иероглифов: «сянь» — «прежде», «раньше» и т. д. и «шэн» — «рождаться», «возникать» и т. д. Следовательно: вы — мой учитель уже потому, что родились раньше, то есть раньше меня. И в данном случае применена условность, вежливая форма обращения, ибо я родился вовсе не раньше каллиграфа, который, как уже сказано, был значительно старше меня. Было бы нелепо самого себя называть «сяньшэн».

...Кавалькада черных лимузинов стремительно проследовала в отстроенный недавно новый район в окрестностях китайской столицы, место расквартирования советской делегации.

На следующее утро — визит к Председателю Мао Цзэдуну в его резиденции в Чжуннаньхае.

Благостное чувство — свободно мыслить, пробуждая в памяти и перенося из прошлого на бумагу воспоминания о людях и событиях, которые приходилось наблюдать. Но время не возвращается, как не возвращаются чувства людей, если их не удалось сберечь. И потому каждый миг для нас должен быть по-своему бесценен, исполнен значения и неповторимости.

Неутешительным был этот наш визит в Пекин. Он как бы подтверждал: все не вечно на этом изменчивом свете, как неумолимо течение реки и течение времени. Быть может, надо чаще вспоминать и обращаться к опыту прошлого, особенно горькому прошлому, чтобы не повторять его ошибки впредь.

В просторной приемной Мао Цзэдуна, где участники встречи расположились в огромных европейского вида креслах, царила атмосфера сдержанности и взаимной настороженности. После обычной в таких случаях словесной разминки Хрущев с присущей ему прямотой приступил к цели своего визита.

Подробное изложение переговоров не входит в задачу автора этих строк. Это предмет специального рассмотрения. Настоящие заметки — дань времени. Не игра с памятью о прошлом, а надежда на то, что следует извлечь уроки из минувшего, из того, что происходило. Внимание здесь обращается не на весь комплекс проблем, а главным образом международных наших взаимоотношений, хотя известно, что они есть продолжение внутренней политики. И то, что имело место в наших отношениях с Китаем, в определенной мере отражало наши внутренние дела.

Хрущев как бы стремился к тому, чтобы доказать свое намерение выполнить в духе интернационализма общесоциалистические задачи, стоящие перед нашими странами. Говорил о важности единства нашего содружества, единстве целей построения социализма и коммунизма. О стремлении к дальнейшему развитию и укреплению всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Китаем, отвечающего коренным интересам наших народов.

При этом Хрущев отметил особую ответственность двух великих держав в ядерную эпоху, говорил об обеспечении справедливого и прочного мира и международной безопасности.

Вслушав довольно пространное высказывание Хрущева, который, как обычно, мало следил за подбором слов, был косноязычен, заполняя паузы словами-паразитами, Мао Цзэдун выразил понимание по поводу существующей опасности ядерного столкновения.

— Именно поэтому нам чрезвычайно важно иметь у себя ядерное оружие, но у нас его нет,— произнес Мао Цзэдун, бросив взгляд на собеседника.

— А зачем оно вам, когда мы его имеем и готовы защищать Китай, как самих себя, в соответствии с условиями Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР? — выпалил Никита Сергеевич.

— Благодарим, но Китай — великая и суверенная страна, и нам самим нужно обладать ядерными средствами, чтобы защитить себя в случае войны. Если не склонны поделиться с нами этим оружием, то помогите нам технологией создания ядерной бомбы,— продолжал хозяин.

Но ведь производство атомной бомбы, знаете ли, чрезвычайно дорогостоящее дело. Помимо всего, оно отнимет у вас буквально всю электроэнергию, которую вы вырабатываете в стране,— не отступал гость.

— Ну что ж, справимся и своими силами с американским «бумажным тигром»,— не без самоуверенности сказал Мао Цзэдун.

— Но у этого «бумажного тигра», так сказать, ядерные зубы! — упреждающе произнес Хрущев.

Помнится, уже после встречи с Мао Цзэдунем Булганин, одобряя позицию Хрущева, бросил реплику: «А стрелять-то против «бумажного тигра», не дай бог, придется из пушки, а не из хлопушки».

Высказывания эти, пожалуй, не назовешь очень самоценными.

Время от времени собеседники касались как бы отвлеченных вопросов. Но и в этом случае говорили только Мао Цзэдун и Хрущев.

— Вы не курите сигарет и, кажется, не одобряете нашей заварки зеленого чая, тогда как я непрерывно затягиваюсь никотином и все время пью чай, а потом еще съедаю чайные листья,— сказал Мао Цзэдун и, беря пальцами зеленые листья из чаши, отправлял их в рот, пережевывал и проглатывал.

— Как говорят чукчи, у меня нет мелких пороков. Впервые вижу, однако, чтобы «закусывали» чайным листом.

— Европейцев, по моим впечатлениям, многое удивляет в Китае. Мы редко едим хлеб, хотя мучные блюда у нас не редкость. Питаемся рисом, без которого не можем обойтись, тогда как иностранцы употребляют рис редко и мало. Кстати, прошлый год в Китае был очень удачный, мы собрали весьма щедрый урожай зерновых. У нас образовались солидные излишки пшеницы, и мы теперь озадачены, что с ними делать. Не дадите ли полезного совета? — неожиданно спросил хозяин.

— Откровенно говоря, у нас никогда не было избытка зерна. Напротив, все время испытываем недостаток. Поэтому затрудняюсь предложить вам что-либо полезное,— ответил советский гость.

Мао Цзэдун, разумеется, прекрасно знал напряженное положение с зерном в Советском Союзе. И конечно же не без умысла затеял этот разговор. Похоже, что он рассчитывал на другой ответ собеседника, но тот повел себя, как это принято в дипломатии, довольно уклончиво.

У Хрущева были свои соображения на этот счет. Ведь он, как известно, предсказывал скорую победу коммунизма в Советском Союзе, а Мао Цзэдун стремился еще быстрее добиться этой цели в Китае.

Главной проблемой в переговорах Хрущева и Мао Цзэдуна был вопрос о культе Сталина.

— Решение съезда КПСС относительно культа личности Сталина, на наш взгляд, вряд ли было обосновано в полной мере,— как бы между прочим начал Мао Цзэдун.

— Решение это не вызывает сомнений ни в нашей партии, ни в народе,— отчеканил Хрущев.

— Вы, естественно, вправе сами решать внутренние ваши вопросы — партийные и государственные. Но Сталин... его выдающаяся роль как вождя мирового революционного движения, китайского в том числе,— такие проблемы, как нам представляется, следует решать не в одностороннем порядке, а с учетом международной взаимосвязи,— продолжал китайский лидер.

— Сталин и сталинизм — явление прежде всего национальное. Оно возникло и сложилось в Советском Союзе. Потому мы вправе выносить свое решение. И мы его вынесли,— стоял на своем советский гость.

— Решение вынесли, но одностороннее по существу и по самому подходу. Решали так, будто это — явление исключительно местного значения, дело одной партии, одной страны. Но ведь это не так, это слишком узкий взгляд.

— Культ личности Сталина — порождение национальное в том смысле, что он создавался в нашей стране и мы за это несем ответственность.

— Но правильно ли ограничивать сталинизм одной страной, Советским Союзом, когда он приобрел международное значение?

— Но именно мы, советские коммунисты, должны были дать культу Сталина правильную оценку.

— Не слишком ли поспешно и субъективно было принято решение об осуждении Сталина? Ведь ему принадлежит огромный вклад в коммунистическое движение во многих странах,

в великое дело революции, в том числе в Китае. Разве допустимо все это отрицать или преуменьшать?

Наступила пауза. Мао Цзэдун взял стоявшую на столике чашу, не спеша отпил из нее чая, поставил на место и вновь посмотрел на собеседника.

— Вы говорите об огромном вкладе Сталина,— продолжал Хрущев,— но забываете, какой ценой наша партия, народ заплатили... Разве можно оправдать его произвол, расправы, массовые жертвы, миллионы загубленных жизней при коллективизации или в ходе Великой Отечественной войны?

— Не об этом речь. Никто не собирается оправдывать Сталина за проведение коллективизации в Советском Союзе. Это — внутреннее ваше дело. Кто в этом повинен — Сталин или не только он один,— вам лучше знать. Речь о другом. Имя Сталина глубоко почитаемо во многих странах мира, он служил высоким образцом убежденного революционера, мы верили в него, в его учение и опыт. И теперь все это перечеркивается. Мы рискуем потерять то, что накапливалось десятилетиями мужественной борьбы, потерять авторитет коммунистов, потерять веру...

— Веру? А разве это не было заблуждением, обманом? Об этом мы должны были сказать. Мы обязаны были обнажить ложь, раскрыть правду, как горько это ни было для нас.

— Мы хорошо знаем, что такое горечь. Вся история нашей борьбы — горький опыт. Мы давно постигли, что горькое лекарство — самое верное. Но вашим решением осуждаются не только промахи и ошибки — кто от них застрахован? Вы подвергли безоговорочному осуждению все, что связано с именем Сталина, не дав себе труда отделить большое от здорового, негативное от положительного, что должно быть объективно признано.

— Мы сказали правду!

— Решение XX съезда КПСС крайне осложняет обстановку. При таком положении дел невозможно рассчитывать на нормальные отношения между нашими партиями.

Столь крутой поворот серьезно охладил нашу возникшую было вначале надежду на примирение. Когда одна из сторон бескомпромиссно претендует на истину, может ли идти речь о примирении? Наше руководство заняло тогда твердую позицию. И это не могло не породить новых трудностей.

— Едва ли разумно спешить со столь далеко идущими выводами,— ответил Хрущев.

Иногда мне казалось, что переговоры эти напоминали дискуссию людей, теряющих временами способность отличать то, что говорится, от того, кто говорит и как говорит.

У Никиты Сергеевича, по моим впечатлениям, от природы было в высшей степени развито политическое чутье, которое,

однако, нуждалось в подкреплении научными знаниями и культурой, но их ему не удалось приобрести.

Вдумываясь в причины занятой китайским руководством непримиримой позиции в отношении решения XX съезда КПСС, я не мог и не могу отделаться от личного впечатления, что Мао Цзэдун усматривал в этом неотвратимую опасность подвергнуться обличительной критике в адрес его собственного культа личности. Он, мне думается, понимал, что после разоблачения культа Сталина грядет его черед. И тревога эта не была беспочвенной.

В ходе развернувшегося обмена мнениями между двумя лидерами в аргументации Хрущева невозможно было уловить даже намек на какую-либо возможную «щепную реакцию». И это тем более давало основание Мао Цзэдуну подозревать надвигающуюся опасность. Но одно дело разоблачать самодержца, когда он уже в гробу, и совсем другое — когда он на троне и во всевластии. Здесь должна бы преобладать прежде всего идея, а уж затем личность, ее выражающая. Но получилось иначе: на первый план вышли личности Мао Цзэдуна и Хрущева. И каждый из них, видимо, не очень задумывался над тем, что сам далеко не безупречен. С одной стороны, отождествление «истины и амбициозности», а с другой — догматическое сознание «старшего брата». Зачем же называть это борьбой за справедливость и истину? В результате — утрата подлинного смысла интернационализма, что не способствовало диалогу в целях поиска приемлемого решения. Спор и расхождение приняли крайний характер, ибо действительный предмет расхождений — само нынешнее наше бытие и возникающие проблемы. Не следует только забывать простую истину: прежде чем учить других ходить, сначала сам научись ползать.

Не мы ли провозглашали пламенные лозунги, славили беспримерные успехи развитого социализма, усиленно доказывали всему миру, что идем от победы к победе, призывая других следовать нашим путем как единственно верным. Не мы ли громко пели: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»? А годы шли, принося мало утешений и еще меньше свидетельств реальных успехов. Разве не звучит и теперь над нашей страной оптимистическая песня: «Мы делаем ракеты, перекрываем Енисей»? Или, быть может, это наше внутреннее пение, всего лишь камерное исполнение? Неужели у иностранцев слух уступает нашему? Или они не способны к психологическому анализу обстановки в другой стране? И зрение у них не хуже нашего, не говоря уже о чувстве воображения. Часто мы негодуем по поводу того, что западные аналитики прибегают к искажениям действительности. Так, известный обозреватель Дж. Уим

утверждает, что политика Горбачева суть стремление «замаскировать танк сахарной глазурью», ибо политический курс Советского Союза — «вера в неизбежность финального конфликта между социалистическими и капиталистическими лагерями» (Литературная газета. 1989. 1 марта). Откуда все это проистекает?

Нередко приходилось мне слышать настойчивое напоминание американских коллег в организации мирового сообщества на Ист-Ривер и во время встреч «за круглым столом» недвусмысленную угрозу «коммуниста номер один» Н. С. Хрущева в адрес загнывающего капиталистического Запада, провозгласившего, что «мы его скоро похороним...».

Нетрудно себе представить самочувствие людей, которых собираются закопать в могилу с помощью ракет и ядерных бомб. И хотя сам «могильщик капитализма» давно уже ушел в мир иной, призрак смертельной расправы не покидает человеческое сознание. Все наши громогласные декларации о том, что мы «старый мир разрушим до основания», что «мировой пожар раздуем», чтобы победил коммунизм на всем земном шаре, глубоко засели в мозгах народов западных стран. И нам не следует забывать об этом. Трезвая оценка реальности требует от нас настойчивых и неустанных усилий, чтобы изменить это устоявшееся о нас суждение. Об этом именно — упреждение М. С. Горбачева на февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Выстрадав, пропустив через свое сознание и души опыт и уроки прошлого», внести ясность в то, что и как творилось в наших внешнеполитических отношениях недавнего времени, чтобы извлечь уроки из горького прошлого на будущее.

Никто, пожалуй, не нанес нам большего морального ущерба, чем мы сами, чем недалёковидная наша пропаганда, которая на протяжении стольких десятилетий упорно внушала западному миру, что дни его сочтены. А главное — наша собственная действительность. Вправе ли мы обвинять западные страны в том, что долгие мрачные годы были страной, где жестоко попиралась свобода миллионов тружеников, царил бесчеловечная расправа над ними — насильственная коллективизация, раскулачивание, концлагеря, террор, процветавшие в условиях режима неограниченной личной власти диктатора.

Избавление от этого тяжкого наследия — процесс сложный и длительный как внутри страны, так и в особенности во внешнеполитических взаимоотношениях. Слишком долго продолжалась зловещая эта ночь. И потому выработать доверие необходимо прежде всего в нашем обществе, между собой. Доверие, которое в годы сталинизма и мрачного застоя было подорвано, если не сказать разрушено. Повсюду насаждалась взаимная подозрите-

льность, доносительство, скрытность, вражда. Необходимо вернуть веру в человека, в общество. Вернуть веру в самих себя.

Трудно переоценить предпринимаемые нашей страной энергичные инициативы смягчить остроту термоядерного противостояния, нормализовать международные отношения в области политики и экономики. Немалые успехи достигнуты в разоружении и развязывании конфликтных узлов. Ширятся экономические связи.

Однако глубокое к нам недоверие не просто «явление остаточное», оно приобретает порой новые формы, усиливается. Процесс сближения противостоящих сторон сопровождается активизацией сопротивления ему: замена устаревших ракет усовершенствованными, форсированное создание новых видов оружия массового уничтожения и т. д. По-прежнему на военные цели вырываются миллиарды из национального бюджета и на Западе, и на Востоке. И все это происходит на фоне бесконечных повторений, что гонку вооружений надо прекратить немедленно и что в ядерной войне не может быть победителей.

Тернист и многосложен путь избавления от нарастающего десятилетиями гнета милитаризации и военного соперничества.

И когда мы нашли в себе силы освободиться от самогипноза и самообмана, оказалось, что наша модель социально-общественной организации — не единственный путь, а лишь один из возможных путей.

Именно новое мышление, перестройка подвинули нас к тем рубежам, которые открывают перед нами не только внутренние перспективы, но и глобальные масштабы созидательной деятельности.

Приискорбно, что миссия Хрущева не привела к устранению образовавшейся в советско-китайских отношениях трещины. Напротив, с тех пор обозначились дальнейшее обострение и разногласия. Когда-то благоухающее поле дружбы и союза между двумя великими народами превратилось в лунный пейзаж. Двери Китая оказались плотно закрытыми для нас. На смену братству пришло отчуждение, а порой и враждебность. Между нашими странами, как на фронте, образовалась минная зона. Все это не могло не усиливать тревогу и боль.

Кто же, спросим, в этом повинен? Почему это случилось, интересуются желающие приобщиться к истине. До сих пор мало кто знает виновность обеих сторон. Виновность и ответственность тех, кому была вверена судьба добрососедских и братских отношений с нашим соседом, великим китайским народом.

И все выглядело так, будто виноват кто-то другой, а мы — правы во всем. Но так ли мы безгрешны и неуязвимы? Верно

наблюдение: в России надо долго жить, чтобы кое-что понять. У китайской стороны было свое суждение, которое вряд ли можно было игнорировать. Она не только не была согласна с нами, но и с яростью обвиняла нас, возлагая ответственность на Советский Союз. Однако это тоже крайность, лишенная объективности и здравого смысла.

Одно ясно: спор затянулся. Слишком затянулся. Создавшееся положение ни в какой степени не отвечало коренным интересам ни Китая, ни Советского Союза. И сама жизнь обнажает ошибки и промахи — китайские и наши. Неумолимый процесс перестройки, охватывающий и широкий международный спектр проблем, явится доказательством того, что было верно, а что нет. И у нас, и у них. К общему удовлетворению, в последнее время наметились позитивные сдвиги. Процесс восстановления наших отношений успешно развивается.

Критиковать следует то, что можно исправить. Но то, что минуло, изменить невозможно. В лучшем случае, прошлое следует не столько критиковать, сколько попытаться понять подлинное его значение и сущность.

К минувшему можно относиться по-разному: потешаться над ним или плакать. Нельзя лишь забывать, что это — наша история, изменить которую нельзя. Правда истории остается правдой независимо от того, признается она или отвергается. По В. Далю: «Истина означает «противоположность лжи». И мы знаем, что путь к истине никогда не был простым. К истине люди прорываются ценой физических и духовных мук, жертв, а подчас и вынужденных компромиссов.

Расскажу об одном эпизоде пребывания Хрущева в КНР.

Дело происходило в традиционном китайском ресторане. Мао Цзэдун устроил банкет в честь советской делегации. Шло дружеское застолье. Бесконечные блюда, тосты, шутки. Но вот разговор зашел о былых сражениях китайских коммунистов в легкой их войне против гоминьдановцев.

— Скажите, товарищ Мао Цзэдун, — игриво обратился Никита Сергеевич к хозяину, — какова в конце концов ваша философия стратегии и тактики проводившейся в столь трудных условиях борьбы?

— О, это очень просто, — ответил Мао Цзэдун и, взяв куайцзы (костяные палочки для еды), ловко приподнял ими из стоявшего перед ним блюда скользкого морского трепанга. — Видите, это ускользающее чудо теперь в моих руках. И я с удовольствием отправляю его в свой рот, из которого, как вы догадываетесь, выход только один. Итак, трепанг у меня в зубах. Он неразделим с моим пищеварением.

— Может быть, окропим это живительными каплями маотая? — спросил Булганин. И все тотчас осушили по малой стопке напиток, от которого воспламеняется даже вода.

— Так вот, — продолжал Мао Цзэдун насчет философии тактики, — трепанга я пережевываю и проглатываю. Можете не сомневаться, что это именно так. Теперь облюбовываю второй экземпляр трепанга, покрупнее, столь привлекательно возлагающийся на блюде. И беру его палочками — вот так. Но поместить его в свой рот, чтобы раскусить, пока что не тороплюсь. Предпочитаю подержать его, пусть повисит в воздухе, так сказать, для убедительности. А теперь сосредоточиваю внимание на третьем трепанге, который так возмутительно возбуждает мой аппетит...

— И что же происходит? — вырывается у А. И. Микояна, который до сих пор не подавал о себе знать.

— Вот об этом, третьем трепанге мы и должны поговорить... — закончил Мао Цзэдун свое повествование по предложенному сюжету.

— И за это нужно поднять бокалы, — снова конструктивно проявил себя Булганин. И, не дожидаясь других, опрокинул свою стопку.

Вскоре я заметил, что сорочка стала Булганину узка. Накрахмаленный воротничок, как тугий ошейник, оставлял все больший красный след на его лоснящейся шее.

Один тост сменял другой. Но не бесконечны шутки с маотаем, крепость которого между пятьюдесятью и семьюдесятью градусами, в зависимости от места производства. Тем более если продукт изготовлен для специального назначения — для руководства не ниже партактива провинциального масштаба!

— Почему бы нам не отметить такой знаменательный факт, как посещение советскими друзьями вечного города — исторического поселения китайцев? — обратился к собравшимся Чжоу Эньлай, который был известен как непревзойденный тамада, обладавший способностью поглотить неизмеримый объем любого зелья. Да, есть натуры, для которых будто не существует лимитов. Справедливости ради, однако, скажу, что никогда не приходилось мне видеть Чжоу Эньлая опьяневшим. На что уж наши командированные специалисты и отечественные знатоки, которых трудно чем-либо удивить и которые выдвигали всякие виды, и те признавали, что с Чжоу Эньлаем лучше не соперничать.

И что же? Отметим. Дружно осушили чарки. Без единого против, но при одном воздержавшемся — Хрущеве. Не пил. Ни капли. Но поддерживал энтузиазм, особенно Булганина.

— Почему бы нам не подтвердить нашу преданность партии красных, партии коммунистов? — вызывающе продолжал Мао Цзэдун, указывая на горку красного перца у него слева. — Верный приверженец красного перца, я спрашиваю вас, товарищи, готовы ли вы присоединиться к моей партии красного перца? — произнес Мао Цзэдун, обращаясь к присутствующим.

По долгу переводчика, случайно оказавшегося трезвым из-за того, что исполнял свои обязанности, я обратился к советским участникам застолья, чтобы те отреагировали на призыв. Первым отозвался Булганин. Он попросил у Мао Цзэдуна пиалу с перцем и щедрою рукой засыпал его себе в рот, думая, что хозяин пользуется сладким перцем. Каково же было удивление всех, когда перец перехватил у него дыхание. Он закашлялся, слезы выступили на глазах, пытался что-то сказать, но не мог, буквально потерял дар речи.

— В нашем лице... — едва выговорил он. — Вы всегда получите в нашем лице...

— Красного перца? — воскликнул Хрущев. — Так это нам давно знакомо: такого перца задавали наши хлопцы запорожцы! — обратился он к застольной рати.

— И еще как зададим, — подхватил пришедший в себя Булганин и уже подвергшийся воздействию коварного зелья. Алкоголь весьма надежное средство, когда нужно кому-то поубавить рассудок.

И вот теперь спрашиваю я себя, какого перца мы собирались задать? Кому? Китайцам? Но они ведь и сами знают, как задавать перца другим. Нужно ли об этом говорить даже в состоянии «легкого» опьянения?

— Итак, считаю, что нам удалось создать партию стойких единомышленников, которые бесстрашно поглощают красный перец и даже остаются в живых, — произнес Мао Цзэдун, который будто бы вовсе и не прикасался к маотая, от которого после третьей рюмки отдает в пятках.

Кстати, о пятках и в целом о ногах. Мао Цзэдун вспомнил один действительный случай.

— Во время Великого похода Красной армии Китая с юга страны на север путь наш проходил через дикие местности. Было это по той причине, что мы там реже сталкивались с гоминьдановскими войсками и удавалось успешнее продвигаться. Однажды оказались где-то на границе провинции Сычуань. Измученные переходом, решили сделать привал. Вдруг наши вездесущие бойцы обнаружили зацементированный бассейн. Все мы рванулись к нему, чтобы смягчить в воде наши израненные в походе конечности.

Мао Цзэдун остановился, перевел дыхание и продолжил:

— Это было какое-то блаженство. Ссадины на ногах словно бы растворялись. Поначалу мы блаженствовали. Как вдруг выяснилось, что это бассейн для хранения маотая. Состояние у нас было просто шоковое. Но все обошлось благополучно. Бойцы отдали должное обнаруженному ими кладезю.

— Чем все это кончилось? — спросил я собеседника.

— Как говорится, все сошло с рук, то есть с ног. Удовольствие нужно позволять себе только после трудов, а не прежде них, — с улыбкой ответил Мао Цзэдун. — И мы быстро двинулись вперед. Ведь перед рассветом и зарею отступают все тени...

— Не совсем точно... — вмешался Чжоу Эньлай. — Мы наполнили маотаем все наши емкости, все обнаруженные сосуды и утром отправились в путь. Долго еще вспоминался нам этот целебный источник.

— Разные бывают истории, но меня интересуют только такие, которые удивляют. Так, может быть, сомкнемся?! — вновь прозвучал голос Булганина.

И дружно сомкнулись перед разлукой, которая драматически затянулась...

Визит Н. С. Хрущева в Пекин имел рубежное значение. Каждый лидер тем или иным образом своими деяниями увековечивает свою жизнь и деятельность, ее удачи и промахи.

Советские солдаты покинули Афганистан. Мы подводим итог, пытаемся оценить последние десять лет политики в отношении нашего соседа.

Не всегда эта политика опиралась на объективные данные. А советская афганистика не смогла дать верный анализ ситуации в Афганистане, предупредить о возможных последствиях ввода советских войск. Хотя по количеству трудов, опубликованных об этой стране, СССР давно уже находится на одном из первых мест в мире.

После Октября

Шла гражданская война. Красная Армия успешно отбивала иностранную интервенцию. Окончательная победа была не за горами. Тогда казалось, что и мировая революция не только возможна, но и необходима. Нужно только продолжить наступление. Афганистан, расположенный между Советской Россией и британскими владениями в Индии, казался, самой судьбой предназначен стать своеобразным мостом, по которому мировая революция проникнет в цитадель колониального господства на Востоке. Весьма характерным для настроений тех лет являются некоторые газетные статьи. «Англия, для которой вечным пугалом был призрак казачьей пики на вершинах Гималаев, — подчеркивалось в одной из них. — пусть увидит теперь эту историческую пику в руках русского пролетария-мусульманина, идущего на выручку собратьев Персии, Индии, Афганистана». В августе 1919 года Л. Д. Троцкий, бывший в то время наркомом по военным и морским делам, а также председателем Реввоенсовета, обратился в ЦК РКП(б) с предложением организовать

Александр Иванович Умнов — кандидат исторических наук.
Печатается по: Новое время, 1989, № 19. С. 21—23.

военный поход через территорию Афганистана в Британскую Индию, чтобы таким путем ускорить революцию в Европе.

Симптоматично, однако, что военспецы, бывшие и до и после Октября активными сторонниками «похода в Индию», считали, что попытка осуществления социального переворота в Афганистане силами Красной Армии приведет лишь к конфронтации с местным населением и крайне затруднит предполагаемую операцию.

В 1921 году под грифом «Высшего военного редакционного совета» вышла в свет первая после Октября крупная монография об Афганистане. Ее автор — Андрей Евгеньевич Снесарев (1865—1937), известный специалист по Среднему Востоку и профессиональный военный, был одним из немногих генералов царской армии, принявших революцию. Его лекция осенью 1919 весной 1920 года на восточном отделении Академии генштаба (изданные в 1921 году отдельной книгой под названием «Афганистан») представляют собой очерк географии, этнографии, социального и государственного устройства страны с точки зрения «возможности осуществления огромной операции, направленной на Индию».

Считая государственную систему Афганистана весьма шаткой, Снесарев в то же время называет «розовыми мечтами» упования тех исследователей, которые склонны верить в «радикальную эволюцию» в этой стране, предупреждает против опасности «малообоснованных экспериментов». Свою осторожность в этом вопросе он подкрепляет тщательным анализом роли общинно-племенных и религиозных связей, создающих очень прочную, спаянную структуру по отношению к внешнему воздействию. Без взаимопонимания с местными жителями, подчеркивает он, вся военная операция может оказаться под угрозой срыва. Констатируя характерное для Афганистана бездорожье, Снесарев подчеркивает, что с военной стороны дела это «лишает возможности для наступающего держать связь между отдельными отрядами и вообще делает страну весьма пригодной для пассивного сопротивления. Гордый и свободолюбивый характер народа и огромная горная площадь вполне гармонируют с этим бездорожьем, делая страну очень трудной для завоевания, а особенно — для удержания во власти».

В начале 20-х годов проявилось стремление выработать такой внешнеполитический курс по отношению к Афганистану, который шел бы не от жестких схем «мировой революции», а учитывал реалии местного общества. Особый интерес в связи с этим представляет Инструкция наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина полпреду РСФСР в Кабуле Ф. Ф. Раскольникову (1921 г.). Подчеркивая, что и «внутренняя, и внешняя политика

Советской России суммируется в настоящее время единым словом «реконструкция», этот документ характеризует общие принципы, на которых, по мнению Чичерина, должны были строиться отношения между нашими странами в то время.

«...Мы не можем и не должны подходить к Афганистану с мерилami экономически развитых стран. Разумеется, ни на минуту мы не должны забывать и оставлять в тени громадное различие между программой коммунизма и между той программой, которая осуществляется и может осуществляться нынешним афганским правительством».

В целом Инструкция, написанная при непосредственном участии В. И. Ленина, представляет собой образец документа, в котором высокая научность сочетается с определением четкой внешнеполитической линии по отношению к Афганистану. К сожалению, в последующие годы эти категории стали постепенно расходиться.

В 20-е годы в науку вошло новое поколение ученых, стремившихся связать анализ афганской действительности с «самыми живыми вопросами современности». Его самым ярким представителем был Игорь Михайлович Рейснер (1899—1958), младший брат легендарной Ларисы Рейснер (прототипа комиссара в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского). Работы этой группы исследователей дали образцы во многом и до сих пор непрозволенного анализа проблем афганского общества. В то же время на них, безусловно, наложил свой отпечаток общий уровень советского обществоведения тех лет.

Прежде всего это касалось трактовки марксизма как метода, который в отличие от «буржуазной» науки якобы требует видеть во всяком социальном явлении проявление классовых противоречий и классовой борьбы. С середины же 20-х годов поиски «классовости», движимые до этого революционным энтузиазмом, стали насаждаться в директивном порядке. И это было чревато серьезными последствиями.

На место творческих дискуссий о природе восточных обществ постепенно приходила жесткая «пятичленная» схема, провозгласившая первообытнообщинный строй, рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм чуть ли не обязательными этапами исторического развития всех стран мира.

Марксова же концепция «азиатского способа производства» с ее особой ролью государства как регулятора не столько классовых, сколько межобщинных отношений, отсутствием частной собственности на средства производства оказалась явно «не ко двору», поскольку нарушала «теоретическую стройность» пятичленной конструкции, да и могла навести на нежелательные аналогии.

От догм к ярлыкам

В 1919—1929 годах в Афганистане правил эмир Аманулла. С его именем связаны и освобождение от английской «опеки», и курс на сотрудничество с СССР, и проведение радикальных реформ.

Афганистика 20-х годов трактовала роль афганского государства как выразителя интересов узкой правящей группы, связанной с внешней торговлей. Такое представление полностью соответствовало широко распространенной в то время концепции «торгового капитализма», приписывающей торговому капиталу несвойственную ему роль в историческом процессе. Общий курс Амануллы, особенно в сфере общественных отношений, оценивался как целенаправленная политика создания «национально-буржуазного государства». Хотя подобные схемы, отражающие уровень советского обществоведения того времени, безусловно, суживали возможности объективного исследования афганских реалий, общие условия 20-х годов, особенно их первой половины, оставляли еще достаточно широкие возможности для научного поиска. Именно в работах тех лет содержится чрезвычайно важный вывод, все значение которого проявилось лишь после апреля 1978 года: складывающееся помещичье землевладение в Афганистане на практике нередко маскировало сохраняющиеся или воспроизводимые в новых условиях общинно-племенные или патриархальные связи.

Большое внимание афганистика 20-х годов уделяла исламу и мусульманскому духовенству. Практически все авторы первой половины 20-х годов подчеркивали огромный антиимпериалистический потенциал ислама, его теснейшую связь с общинно-племенными структурами, большую роль духовенства в борьбе с английскими колонизаторами. В то же время насаждаемые с середины 20-х годов оценки любой религии, в любых условиях как «опиума для народа» вольно или невольно приводили к тому, что ислам априорно стал рассматриваться как реакционная идеология, а духовенство — как реакционное сословие. Это, безусловно, не могло не приводить к сильному искажению картины афганской действительности.

С середины 20-х годов все эти вопросы получили сугубо практическое значение. Эмир Аманулла, бывший при всех своих колебаниях внешнеполитическим союзником СССР, столкнулся с массовым антиправительственным движением (в котором участвовали как пуштуны, составляющие примерно половину населения, так и национальные меньшинства), поддержанным Англией. Казалось, выступление национальных меньшинств Афганистана и есть начало ожидаемого социального переворота, прорыва мировой революции на Восток.

На деле же оказалось сложнее. С одной стороны — широкое распространение в среде восставших требований о снижении налогов, лозунгов защиты ислама и «основ древней общины», полное отсутствие антипомещичьих тенденций наглядно продемонстрировали явное преувеличение степени социальной дифференциации в их среде, огромное влияние общинно-патриархальных структур, крепко спаянных мусульманской религией. С другой — тенденция к дезинтеграции страны, граничащей с советской Средней Азией, способствовала усилению влияния басмаческого движения по обе стороны афгано-советской границы. В этих условиях СССР пошел на укрепление своих военных связей с афганским государством. С 1928 года на службе у афганского эмира появились советские военные летчики, а в 1927 году советский военный атташе в Кабуле В. М. Примаков (1897—1937) стал военным советником афганского монарха.

Поскольку Примаков оказался в гуще событий, особый интерес вызывает его прогноз развития национальных отношений в Афганистане. В своей книге «Афганистан в огне» он подчеркивает, что «...если власть афганского правительства ослабнет, страна неминуемо распадется на группу мелких самостоятельных государств, которые не скоро откажутся от вражды между собой». Если же, писал он, «планомерное, глубокое вмешательство какого-нибудь мощного государства временно расчленил Афганистан по его национальным группам», то пуштунская народность, «которая сознает свой вес и познала все преимущества положения правящей народности, при первом случае возобновит борьбу за объединение страны в своих руках».

Хотя нужды советской внешней политики настоятельно требовали углубленного изучения причин свержения Амануллы в 1929 году, такого анализа сделано не было. Все списали главным образом на происки английского империализма. Резко усиливавшаяся в это время командно-административная система способствовала созданию наукообразной мифологии, догматических конструкций. Этот процесс, естественно, не мог не затронуть и афганистику. Практически все плодотворные идеи 20-х годов оказались либо забытыми (сохранение и воспроизводство общинных структур в форме помещичьего землевладения), либо третируются как «троцкистские» (способность афганского государства выступать самостоятельной силой) или правооппортунистические (возможность формирования помещичье-крестьянского антигосударственного блока).

Застой

В середине 50 — второй половине 60-х годов серьезные изменения во внутренней и внешней политике командно-административной системы породили необходимость изменений и в их теоретическом оформлении. Афганистан (правящие круги которого начиная с 30-х годов обычно рассматривались как проимпериалистическая сила) становится одним из крупнейших в мире получателей советской помощи. Советско-афганские отношения начиная с 1919 года провозглашаются образцом политики мирного сосуществования, предусматривающей широко-масштабное сотрудничество на базе невмешательства во внутренние дела друг друга. В этих условиях советская афганистика, казалось, обрела второе дыхание. Впервые после более чем двадцатилетнего перерыва стали появляться монографии и журнальные статьи, по количеству которых наша страна заняла одно из первых мест в мире.

Однако на стадии создания общей теории исторического развития Афганистана ситуация сложилась весьма неблагоприятно. Укрепившееся за прошедшие десятилетия представление о том, что главные задачи афганистики — соответствие формулируемым «наверху» идеологическим построениям и подтверждение правильности принимаемых там решений, привело к появлению так называемой «буржуазной» концепции. Суть этой концепции, опирающейся на «торгово-капиталистические» схемы 20-х годов, состоит в утверждении, что с конца XIX века в Афганистане начались процессы развития капитализма и постепенного перехода власти от феодалов в руки помещичье-буржуазного блока, который оставался у руля государства вплоть до 70-х годов. Вторая концепция — «феодалная», — опираясь на соответствующие схемы 40 — начала 50-х годов, утверждала, что все экономические и социально-политические сдвиги в этой стране, вплоть до апреля 1978 года, не смогли взломать ее феодальную структуру.

Сопоставление различных мнений, взглядов, как известно, благо для подлинной науки, стремящейся к познанию противоречий реальной действительности. Однако плодотворной дискуссии не получилось. Отношения между представителями различных концепций, по крайней мере на «московском направлении», с середины 60-х годов стали больше походить на междоусобную войну, чем на научный диспут. Наиболее весомыми «аргументами» служили не реалии афганской действительности, а административные возможности сторонника того или иного подхода. Захваченные логикой конфронтации приверженцы обоих подходов игнорировали то принципиальное обстоя-

тельство, что под помещичьим землевладением (вне зависимости от того, трактовать его в феодальном или буржуазном духе) во многих случаях скрывались видоизмененные патриархальные структуры. Не получили должного освещения ни возможность афганского государства выступать с самостоятельных позиций, ни религиозно-политический фактор, ни национальный вопрос. А ведь именно в это время регулярная армия впервые стала силой, способной противостоять ополчениям племен, заявил о себе исламский фундаментализм, а национальные отношения резко обострились.

Больше, чем ошибка

Все это привело к тому, что афганистика не смогла подготовить руководство и общественность СССР к апрельским событиям 1978 года, оказала тенденциозное влияние на теоретические выкладки руководителей ДРА. Наверное, не случайно в программе Народно-демократической партии Афганистана (1966 г.), провозгласившей лозунг создания общенационального демократического фронта, пользующиеся большим влиянием у населения общинно-племенные и религиозно-политические силы не были включены в состав ни демократических, ни антидемократических сил. Курс НДПА на монополизацию власти в своих руках после апреля 1978 года толкнул многих в лагерь оппозиции, ядром которой стали общинно-племенные и религиозно-политические силы. Воинственные традиции кровной мести и «священной войны за веру», которые глубоко укоренились в афганском обществе, предопределили кровавый характер начавшихся столкновений. Апрельский переворот, который, как ожидали, станет величайшим социальным сдвигом в истории страны, постепенно превращался в братоубийственную войну. На обломках прежней деспотической структуры власти и крупного помещичье-землевладения, никогда не имевших глубоких корней в афганском обществе, в смертельной схватке столкнулись силы не столько противоположные, сколько близкие в социально-классовом отношении.

Что касается советских афганистов, то в целом все мы активно развивали тезис тогдашнего руководства НДПА об обострении классовой борьбы в Афганистане, «спровоцированной вмешательством Запада и региональной реакции» (хотя такое вмешательство и имело место, его «вторичная» роль в афганском кризисе не вызывала сомнений).

Действительно, среди афганской оппозиции весьма распространены антисоветские, антикоммунистические настроения. Одна-

ко следует учитывать, что они проистекают не столько из противоположности объективных интересов, сколько из реакции патриархально-племенного, глубоко религиозного, многоэтнического общества на ошибки НДПА, да и, что греха таить, на наши собственные расчеты.

Анализируя политику НДПА до и после апреля 1978 года, нельзя не учитывать специфику идеологической ситуации в СССР с середины 60-х до середины 80-х годов, когда отчаянные попытки дряхлеющей командно-административной системы удержаться на плаву привели к активному насаждению тезиса о советско-американском соперничестве как проявлении глобального противостояния социализма и капитализма, в провозглашении пролетарского интернационализма основным принципом советской внешней политики. Все это не могло не оказать негативного воздействия на стратегию и тактику НДПА.

* * *

Как сложится новая структура власти в Афганистане теперь, после вывода советских войск, должно зависеть исключительно от соотношения сил внутри страны, степени дифференциации афганского общества, его желания избрать ту или иную модель развития.

Когда анализируешь действия нового руководства Советского Союза в афганском вопросе, невольно вспоминаешь слова из Инструкции Г. В. Чичерина полпреду в Кабуле Ф. Ф. Раскольникову: «Вы должны всячески избегать роковой ошибки искусственных попыток насаждения коммунизма в стране. Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у вас другой; у нас одни идеалы, у вас другие; нас, однако, связывает общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самостоятельности наших народов. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в самостоятельность вашего народа; мы оказываем содействие всякому явлению, которое играет прогрессивную роль в развитии вашего народа».

Хотелось бы подчеркнуть, что, какой бы выбор ни сделал афганский народ, какие бы деятели прежних режимов ни вошли в состав правительства, возвращение к доапрельской социально-экономической структуре уже невозможно ¹.

¹ 13 сентября 1991 г. в Москве было принято совместное советско-американское заявление по Афганистану. Стороны признали право афганского народа определять свою судьбу без вмешательства извне, подтвердили необходимость политического урегулирования в Афганистане, СССР и США согласились прекратить свои поставки оружия всем афганским сторонам. *Прим. ред.*

Люди

Владимир Соколов

«Я не признаю себя виновным»

Полпред СССР в Германии Николай Крестинский

«Я не признаю себя виновным», — мужественно заявил Н. Н. Крестинский на открытом судебном процессе в марте 1938 года, пройдя адово колесо «следствия». Кто же этот бесстрашный человек, который не побоялся тихо, но убежденно произнести эти слова перед лицом сталинских вершителей «правосудия» — Вышинским и Ульрихом.

* * *

Николай Николаевич Крестинский родился 13 (25) октября 1883 года в семье русских интеллигентов в г. Могилеве. Окончил юридический факультет Петербургского университета. С конца 1901 года он активно участвует в революционном движении. Член РСДРП(б) с 1903 года. Вел работу в партийных организациях Вильно (Вильнюса), Витебска, Ковно (Каунаса), Петербурга, Екатеринбурга и других городов Урала. С момента создания в апреле 1912 года легальной общерусской социал-демократической газеты «Правда» и до начала первой мировой войны Крестинский — неперенный сотрудник редакции. Одновременно он входил в состав юридической комиссии социал-демократической фракции III и IV Государственной думы. Н. Н. Крестинский, доносила охранка в 1914 году, «принадлежал к числу особо активных представителей Ленинской большевистской фракции РСДРП».

Неоднократно арестовывался. Сосланный в Екатеринбург, он в Октябрьские дни 1917 года стал председателем Екатеринбургского военно-революционного комитета, установившего Советскую власть на Урале.

VI съезд РСДРП(б), состоявшийся в июле — августе 1917 года в Петрограде, заочно избрал Н. Н. Крестинского членом ЦК партии.

Владимир Васильевич Соколов — кандидат исторических наук, заместитель начальника Историко-дипломатического управления МИД СССР.

В начале марта 1918 года в связи с переездом ЦК РКП(б) и Советского правительства в Москву было создано Петроградское Бюро ЦК РКП(б), в которое вошли Г. Е. Зиновьев, Н. Н. Крестинский, М. М. Лашевич, И. Т. Смилга, Е. Д. Стасова (секретарь Бюро), В. В. Шмидт, кандидат в члены ЦК А. А. Иоффе. Правда, уже 31 марта В. И. Ленин предложил на заседании ЦК решить вопрос о переезде Крестинского в Москву, но его предложение было отклонено до Пленума ЦК партии¹.

В августе 1918 года Н. Н. Крестинского назначают наркомом финансов РСФСР. На этом посту он оставался до осени 1922 года.

На VIII съезде РКП(б) было принято принципиальное решение о создании Политбюро ЦК, Оргбюро и Секретариата в качестве постоянно действующих органов. 25 марта 1919 года, сразу же после съезда, ЦК партии на своем заседании избрал первый состав Политбюро, в которое вошли В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, Л. Б. Каменев и Н. Н. Крестинский. На том же заседании Н. Н. Крестинский был избран в состав Оргбюро. Секретариат вначале состоял из технических сотрудников, кроме Е. Д. Стасовой. Но уже в сентябре 1919 года Н. Н. Крестинский стал секретарем ЦК РКП(б). До марта 1921 года Н. Н. Крестинский, будучи членом Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б), занимал важнейшие посты в партии, работал непосредственно под руководством В. И. Ленина.

Правда, не всегда и не во всем он соглашался с Владимиром Ильичем. Так, в период заключения Советской Россией Брестского мира с кайзеровской Германией и ее союзниками в начале 1918 года Н. Н. Крестинский занимает пассивную позицию, хотя и не выступает против В. И. Ленина. В совместном заявлении, подписанном им, А. А. Иоффе и Ф. Э. Дзержинским 23 февраля, указывалось, что они «считают невозможным подписывать мир с Германией». Но не желая своим голосованием усложнить положение, они воздерживаются от голосования по этому вопросу².

Не поддержал он точку зрения В. И. Ленина и в ходе предсъездовской дискуссии о профсоюзах и на X съезде партии. Тем не менее В. И. Ленин его очень ценил. Об этом свидетельствует тот факт, что Н. Н. Крестинский, уже будучи полпредом, принял участие в XI съезде РКП(б) и в работе одной из комиссий съезда, куда вошли многие руководящие деятели того времени: Л. Б. Каменев, Г. Л. Пятаков, А. И. Рыков, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин и др.

¹ См.: Известия ЦК КПСС, 1989, № 3. С. 107.

² См.: Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 268—269.

Впервые на дипломатическом поприще

После X съезда РКП(б) Николай Николаевич, не будучи избранным в руководящие органы партии, остался «без работы». И хотя он по-прежнему занимал пост наркома финансов, основную работу выполняли его заместители.

Воспользовавшись паузой, он выехал в середине апреля 1921 года на лечение в Германию. В годы гражданской войны времени на лечение не оставалось, работали на износ. Поэтому он был рад открывшейся возможности подлечить кишечник и приостановить прогрессирующую потерю зрения. Но приехав в Берлин, Н. Н. Крестинский сразу же подключился к советско-германским переговорам о заключении Временного соглашения между двумя странами по вопросу попечения военнопленных и развитию торговых отношений. Проект этого соглашения был подготовлен еще в феврале в Москве. Но тогда германское правительство, напуганное революционными событиями в своей стране, с одной стороны, и воодушевленное ожиданиями возможных перемен в России, вызванными антиправительственными выступлениями в Кронштадте и на Тамбовщине — с другой, решило несколько выждать дальнейшего развития событий. Подавление антисоветских выступлений и заключение 16 марта англо-советского торгового соглашения подтолкнуло немцев к форсированию переговоров с Советской Россией. 6 мая 1921 года Временное соглашение с советской стороны было подписано представителем Наркомфина А. Л. Шейнманом. Оно предусматривало восстановление отношений между РСФСР и Германией де-факто: создавались официальные представительства в столицах обоих государств, руководители представительств, аккредитованные при центральных ведомствах иностранных дел страны пребывания, имели право беспрепятственно пользоваться радиостанциями, шифрами, курьерами для поддержания связей со своими правительствами и т. д.

Участие Н. Н. Крестинского в переговорах позволило ему познакомиться с ведущими германскими дипломатами: заведующим восточным отделом Густавом Берендтом, легационным советником министерства Аго фон Мальцаном, юристом Фридрихом Гаусом, с которыми ему пришлось затем сотрудничать много лет. Да и опыт Николая Николаевича в финансовых и юридических вопросах оказался полезен советской делегации.

Весной 1921 года в только что созданном советском представительстве в Берлине сложилось довольно трудное положение, когда там ввиду предстоявшего отъезда уполномоченного

НКВД и НКВТ В. Л. Коппа* не оказалось подходящего руководителя.

В соответствии с решением Политбюро ЦК РКП(б) от 31 мая 1921 года торговым представителем РСФСР в Германии был назначен по рекомендации наркома внешней торговли Л. Б. Красина болгарин Б. С. Стомоняков, тесно связанный в прошлом с российским революционным движением. Однако этого было явно недостаточно. Требовался политический работник. Учитывая мнение наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина, В. И. Ленин предложил «подыскать еще кандидатов» теперь уже на пост полпреда РСФСР в Германии¹. Г. В. Чичерин назвал фамилию Н. Н. Крестинского. Чем руководствовался Георгий Васильевич, сказать трудно. Но как свидетельствуют документы, нарком за два дня до этого написал в Берлин заместителю торгпреда Ю. Х. Лутовинову и попросил его выяснить, согласен ли Крестинский принять пост полпреда в Германии, где требуется «выдающийся политик» и «Крестинский был бы незаменим для Берлина». Но Лутовинову лично переговорить с Николаем Николаевичем не удалось, так как тот уехал на юг Германии, и он направил к нему специального человека. Разговор дал мало утешительного.

9 июня в Москве был получено сообщение о состоявшейся беседе. Н. Н. Крестинский самым определенным образом доводил до сведения наркома о своем нежелании ехать в Берлин: «Удивляюсь Вашему предложению при наличии более подходящих кандидатур: А. Л. Шейнмана, Г. Я. Сокольникова и Я. А. Берзина. Меня все более тянет на местную работу — хозяйственную и административную, в частности на Урал. Если постановление ЦК о разрешении мне после отпуска ехать на Урал останется в силе, Ваше предложение категорически отклоняю. Если же мне придется работать в Москве, в Наркомфине, то я предпочитаю Берлин. Убедительно прошу не выступать инициатором пересмотра вопроса о моей поездке на Урал».

Огорчила Георгия Васильевича и супруга Крестинского Вера Моисеевна, которая, будучи в Москве и не сговариваясь с мужем, «ехала в Германию категорически отказалась». Но Г. В. Чичерин проявил в этом вопросе настойчивость, и его выбор оказался, несомненно, удачным.

Однако возникли новые препятствия... Ответственный сотруд-

* Виктор Леонтьевич Копп (1880—1930) жил долгое время в Германии. Активный участник социал-демократического движения, сторонник Троцкого, с которым вместе вступил летом 1917 года в РСДРП(б). В 1919 году его направили на работу в Наркоминдел, где он позже занимал крупные посты: был членом коллегии, полпредом СССР в Японии (1925—1927) и Швеции (1927—1930).

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 238.

ник представительства РСФСР С. И. Бродовский информировал 4 июля Москву о том, что баварские полицейские власти задержали Н. Н. Крестинского в санатории Бад-Киссингтон, подвергли обыску и аресту, а затем выслали из Баварии. Это был явно антисоветский жест.

Советское представительство заявило в связи с этой некорректной акцией энергичный протест германскому правительству в Берлине по поводу этого «возмутительного насилия».

Н. Н. Крестинский выехал из Берлина 30 июля 1921 года вместе с В. Л. Коппом и двумя товарищами, сопровождавшими дипломатическую почту. Он считал, что уезжает надолго. По дороге он остановился в Риге, где задержался на лечении еще на месяц. В Москве его ждала неожиданность: на хорошо знакомый Урал он так и не поехал.

21 октября 1921 года Н. Н. Крестинский был назначен полпредом РСФСР в Германии. Началась работа, которая стала важнейшим делом его жизни...

Конечно, к этой деятельности он специально не готовился. На вопрос анкеты при поступлении в НКВД: «Какие иностранные языки знаете?», он ответил четко и однозначно: «Никаких». Но уже менее чем через три года он записал: «Понимаю и немного говорю по-немецки, понимаю по-французски и по-польски».

Это свидетельствует о его блестящей общеобразовательной подготовке, громадной работоспособности и умении учиться всегда и везде.

Конечно, Н. Н. Крестинский, будучи членом Политбюро, секретарем ЦК РКП(б) и наркомом финансов, был к этому времени в курсе всех крупных внешнеполитических проблем, поскольку они непременно обсуждались в ЦК партии и на заседаниях Совнаркома при участии В. И. Ленина, Г. В. Чичерина, Л. М. Карахана, М. М. Литвинова и др. Знал он и многих руководящих работников Наркоминдела.

Николай Николаевич не считал, что его направляют в Германию, по образному выражению А. М. Коллонтай, «есть персики», то есть в ссылку. Свое назначение полпредом РСФСР в Германию он воспринял как должное, как новую работу, которую ему доверило Советское правительство.

Однако оказалось, что против его кандидатуры появились возражения... в МИД Германии.

В соответствии с существующей практикой Советское правительство поручило уполномоченному НКВД и НКВТ в Берлине запросить агреман на Н. Н. Крестинского. Через несколько дней представитель германского МИД дал неофициальным образом понять сотруднику советского представительства, что Н. Н. Крестинский является нежелательным лицом в качестве полпреда,

так как он занимает высокое положение в коммунистической партии.

Затронув в неофициальном порядке этот вопрос в беседе с сотрудником германского представительства в Москве Г. Хильгером, заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан заявил, что Советское правительство считает позицию германского МИД грубым оскорблением. Германское правительство, видимо, еще не уяснило себе, что коммунистическая партия является правящей партией в Советской России. Н. Н. Крестинский именно и выбран представлять свое правительство в Германии, потому что он видный член партии и обладает достаточным влиянием, чтобы и дальше развивать советско-германское сотрудничество на благо обеих стран. Вместо выражения признательности за добрые намерения Советского правительства, продолжал Л. М. Карахан, германские власти делают такой недружественный жест. Одновременно германскому МИД было дано недвусмысленно понять, что в Москве не могут принять главу германского представительства Виденфельда, пока не будет урегулировано «дело Крестинского». После этого немцы сняли свои возражения против кандидатуры Н. Н. Крестинского и не пожалели об этом.

В ноябре 1921 года Николай Николаевич прибыл в Берлин в здание полпредства на Унтер ден Линден. «Богатая, но казенная обстановка бывшего царского посольства», которая так поразила А. М. Коллонтай, не возбудила в нем эмоций. Осматривая помещения и залы, он как-то меньше всего думал о том, что здесь когда-то мог бывать знаменитый французский дипломат Талейран.

Он как раз думал о другом: о своей новой работе, о глубоких исторических корнях экономического взаимодействия между двумя странами, обусловленных географической близостью и дополняемостью экономик, о значительном притоке немецких специалистов в Россию, чему, несомненно, способствовали вековые династические связи. Все это не могло разом исчезнуть в результате войны и революции.

15 ноября полпред встретился с рейхсканцлером И. Виртом для вручения верительных грамот. Иозеф Вирт, который после второй мировой войны активно выступал против возрождения милитаризма в ФРГ, был членом Всемирного Совета Мира и получил в 1955 году Международную Ленинскую премию, примыкал тогда к числу левых в буржуазной партии Центра. Он был умным и гибким политиком и дипломатом. Рейхсканцлер высказал удовлетворение заявлением Н. Н. Крестинского о том, что Советское правительство желает поддерживать хорошие отношения с Германией, и заверил полпреда, что считает «своей

первейшей задачей по мере возможности содействовать усилиям, направленным на сотрудничество обоих народов».

Германия переживала в тот период большие экономические и политические трудности. Связанное путями Версальского мирного договора, германское правительство стремилось выйти из внешнеполитической изоляции, но действовало осторожно, с постоянной оглядкой на страны Антанты и США.

В отличие от Германии Советская Россия не была побежденной страной. После снятия странами Антанты экономической блокады РСФСР Советское правительство было готово нормализовать отношения со всеми странами, в том числе и с Германией, на основе равноправия и невмешательства во внутренние дела Советского государства.

С первых дней своей работы в Германии Н. Н. Крестинский активно включился в переговоры по экономическим вопросам. Он встречался с министрами, ответственными сотрудниками различных министерств и учреждений, представителями деловых кругов. Вместе с торгпредом Б. С. Стомоняковым он добивался получения кредитов под конкретные торговые сделки, заключения ряда концессионных договоров. Привлечение иностранного капитала и новейшей технологии для обновления и модернизации советских предприятий он считал одной из главных задач и находил в этом вопросе поддержку В. И. Ленина. Он постоянно помнил указание Владимира Ильича о том, что необходимо «по соображениям не только экономическим, но и политическим»¹ добиваться скорейшего заключения с немцами договоров о концессиях «именно теперь, перед Генуэзской конференцией»².

С начала 1922 года советская сторона приступила к интенсивной подготовке к первой международной экономической конференции в Генуе. Выход Советской России на международную арену сразу же ставил вопрос о ее юридическом признании, от которого уклонялись страны Антанты и США.

Позицию советской делегации на предстоящей Генуэзской конференции во всех ее деталях разрабатывала комиссия во главе с наркомом Г. В. Чичериним, созданная по решению Политбюро ЦК РКП(б). В нее вошли Г. М. Кржижановский, Н. Н. Крестинский, Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, А. М. Лежава, А. А. Иоффе, Г. Я. Сокольников и С. С. Пилявский (секретарь). Многие из членов этой комиссии выехали затем в составе советской делегации в Геную. Работа в комиссии требовала от Крестинского довольно частых поездок в Москву. В то же время он видел свою задачу как полпреда во всемерном содействии нормализации советско-германских отношений, в урегулировании нерешенных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 139.

² Там же. С. 135.

проблем, в частности в решении вопроса о германских претензиях к РСФСР за национализированные предприятия и о советских контрпретензиях к Германии, которые отчасти были даже признаны странами Антанты.

По пути в Геную советская делегация остановилась в Берлине. Глава советской делегации Г. В. Чичерин считал, что заключение советско-германского договора значительно укрепило бы позиции обоих государств на предстоящей Генуэзской конференции. Важность сближения с Москвой понимал и канцлер Иозеф Вирт. Но министр иностранных дел Вальтер Ратенау, бывший глава электротехнического концерна АЭГ, искавший сближения с Западом, колебался. Четыре дня встреч и бесед наркома, а также других членов делегации — Л. Б. Красина, М. М. Литвинова никакого результата не дали. Ждать уже было нельзя... Советская делегация уехала в Геную. Но германская делегация, оказавшаяся в изоляции на Генуэзской конференции, сама стала искать пути к возобновлению переговоров.

В пасхальную ночь, 16 апреля 1922 года, Г. В. Чичерин и В. Ратенау подписали исторический Рапалльский договор между Советской Россией и Германией, согласно которому стороны отказывались от взаимных материальных претензий и устанавливали нормальные дипломатические отношения. Началась рапалльская эра, «золотой век» в советско-германских отношениях.

Успехи рапалльской политики

Нормализация отношений между двумя странами означала также изменение правового статуса Н. Н. Крестинского: он становился полпредом в ранге посла и, как таковой, получал аккредитацию уже не при главе правительства, а при главе государства. Это повышало его личный престиж среди членов дипломатического корпуса.

Вручая 2 августа 1922 года президенту Германии Фридриху Эберту новые верительные грамоты, Н. Н. Крестинский изложил в своей речи программу дальнейшего улучшения советско-германских отношений. Он заявил:

— Мое правительство считает, что дальнейшим шагом, соответствующим хозяйственным интересам обеих стран, явилось бы распространение уже заключенного Рапалльского соглашения на другие советские республики, связанные с РСФСР в одном общем рабоче-крестьянском союзе. Мое правительство считает также желательным заключение торгового договора, который бы оживил и углубил экономические отношения...

Более ста тысяч берлинских рабочих прошли в те дни по Унтер ден Линден мимо здания советского полпредства, приветствуя мирной демонстрацией восстановление дипломатических отношений со Страной Советов.

В июне — июле 1922 года Н. Н. Крестинский впервые принял участие в международной конференции, которая состоялась в Гааге. Представители западных держав считали, что если в Генуе им не удалось навязать Советской России обязательства по уплате иностранных долгов и возмещение за национализированное имущество, то это можно будет сделать на новой конференции. Но они просчитались...

Советскую делегацию возглавлял заместитель наркома по иностранным делам М. М. Литвинов. Активное участие в конференции принимали Л. Б. Красин и другие специалисты.

«Да, Гаага резко отличалась от Генуи, — писал член советской делегации Г. М. Кржижановский. — Куда делись отточенное остроумие и дипломатические страсти! Колонки, колонки сухих цифр, выступления, похожие на бухгалтерские отчеты. Вместо глав правительств, принимавших участие на предыдущей конференции, — представители деловых кругов и бывшие владельцы национализированных советским народом предприятий, лично заинтересованные в получении «компенсации».

Однако советская делегация, выступавшая сплоченно, единым фронтом в различных комиссиях и подкомиссиях, совершенно четко заявила в ответ на многочисленные вопросы представителей Запада: о восстановлении прежних иностранных собственников в России в их правах не может быть и речи. В то же время она потребовала предоставления кредитов на восстановление народного хозяйства. Запад ответил отказом. Гаагская конференция кончилась безрезультатно. Но она показала, что капиталистические страны уже не могут в силу межимпериалистических противоречий навязать Советской России какое-то общее соглашение. В то же время это не исключало возможности заключения конкретных соглашений с отдельными странами.

Германия была наказана за Рапалльский договор. Ее не пригласили на Гаагскую конференцию. Но это означало, что она невольно становилась союзником Советской России. Другого выхода из международной изоляции у нее не было.

После Гаагской конференции советская делегация выехала 20 июля в Москву, а находившийся на лечении и отдыхе в Берлине нарком Г. В. Чичерин вместе с М. М. Литвиновым и полпредом Н. Н. Крестинским решил встретиться с рейхсканцлером И. Виртом. Обсуждались вопросы, связанные с наполнением Рапалльского договора конкретным содержанием.

Николай Николаевич, находясь в Берлине, оказался в центре европейской политики. Он наблюдал за различными тенденциями в политической жизни Германии, которая была очень непростой. Одни политические силы выступали за союз с Советской Россией, наиболее последовательным выразителем которых был германский посол в Москве граф У. Брокдорф-Ранцау, другие искали союза с западными державами путем вступления в Лигу Наций, ослабления пут Версальского договора и создания единого антисоветского фронта. Борьба этих противоположных тенденций обострялась внутривнутриполитическими трудностями (инфляция, вооруженное восстание германских рабочих в 1923 году в Гамбурге и др.) и некоторыми действиями, имевшими место в Советском Союзе (не всегда обоснованные аресты германских граждан, акции солидарности советских трудящихся с германским пролетариатом, деятельность Коминтерна).

Но несмотря на трудности, отношения между двумя странами успешно развивались. Уже в августе 1922 года был решен вопрос об открытии германского генерального консульства в Петрограде, а советского — в Гамбурге. Несколько позже, в январе 1923 года, был согласован вопрос об учреждении германских консульств в Ново-Николаевске (Новосибирске) и Владивостоке, а впоследствии в Харькове и Одессе. В свою очередь СССР получил право открыть консульство в Штеттине, Кенигсберге и Лейпциге.

5 ноября 1922 года Н. Н. Крестинский подписал договор о распространении Рапалльского договора на союзные с РСФСР советские республики. Это были первые успехи в реализации рапалльской политики.

Н. Н. Крестинский уделял много внимания начавшимся советско-германским торговым переговорам. Советскую делегацию возглавил Я. С. Ганецкий, член коллегии Наркомвнешторга, но в нее вошли и сотрудники НКВД. Переговоры продолжались около трех лет и велись в Москве и Берлине большей частью по дипломатическим каналам. Активное участие в них принимал нарком Г. В. Чичерин. Договор был подписан 12 октября 1925 года. Но независимо от переговоров торговля между двумя странами росла. Уже в 1923 году Германия вышла на первое место среди капиталистических стран в торговле с Советским Союзом. На ее долю в 1923 году приходилось 30 процентов советского экспорта и 36 процентов — импорта.

Были заключены договоры о создании ряда смешанных обществ, например «Дерулюфт» — общество воздушных сообщений между СССР и Германией, открывшее авиалинию Москва — Берлин, «Дерутра» — германо-русское транспортное общество, «Дероп» — общество по сбыту в Германии советских нефтепро-

дуктов, «Русгерторг» — торговое общество с участием фирмы Отто Вольф и др. Подписаны были также договоры о предоставлении концессий германскому капиталу. Так, фирма Ф. Крупп создала крупное сельскохозяйственное предприятие в Сальском округе Донской губернии, которое просуществовало до октября 1934 года и на базе которого позже возник совхоз «Гигант». Но в целом концессии не получили в дальнейшем большого развития, и это, по-видимому, было неправильно.

Много раз встречаясь в Берлине с наркомом внешней торговли Л. Б. Красиным, который вел с рядом фирм переговоры о заключении концессионных договоров и не всегда имел поддержку в Москве, Николай Николаевич с пониманием и одобрением относился к его мыслям о том, что нельзя дело строительства социализма в крестьянской стране возлагать на плечи одного поколения.

Н. Н. Крестинский был полностью согласен с ленинским положением: «Существование концессий есть экономический и политический довод против войны»¹. Поэтому в целях скорейшего подъема советской экономики он всемерно стремился к привлечению в СССР иностранного капитала, кадров специалистов и передовой технологии. Разумеется, он хорошо понимал, что за все это придется расплачиваться, но полагал, что выплачивать проценты на капитал потом будет легче, когда экономика страны с иностранной помощью достаточно окрепнет.

Новая дилемма: революция в Германии

Вслед за первыми успехами начались тяжелые испытания прочности рапалльского курса. Прежде всего рапалльская политика по-разному оценивалась в партии и Советском правительстве. Если М. М. Литвинов, А. А. Иоффе и др. видели в Рапалльском договоре лишь прагматическую цель — установление дипломатических отношений с Германией и модель соглашения, создающего прецедент в отношениях с другими государствами по урегулированию взаимных материальных претензий, то для наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина и его единомышленников Л. М. Карахана, Н. Н. Крестинского и др. этот договор представлял нечто большее, а именно «появление новых международных политических сил». Они считали, что Рапалло положил конец периоду «триумфа победителей» и стал одним из краеугольных камней новой советской внешней политики.

Проявлением этой новой политики была активная поддержка Советской Россией территориальной целостности Германии, когда в январе 1923 года французские и бельгийские войска под предлогом невыполнения Германией репарационных обязательств оккупировали Рурскую область. По предложению Г. В. Чичерина Советское правительство недвусмысленно осудило действия Франции как грубо нарушающие суверенитет германского народа, его право на самостоятельное развитие. 18 января было опубликовано обращение ВЦИК к народам всего мира, в котором выражался протест против агрессивных действий Франции. Более того, Советское правительство предприняло политические шаги, чтобы помешать Польше, действовавшей в союзе с Францией, вторгнуться в пределы Германии.

Эти шаги были должным образом оценены в Германии. Н. Н. Крестинский сообщил 28 марта в Наркоминдел о выступлении в рейхстаге германского министра иностранных дел А. Розенберга, с признательностью подчеркнувшего, что «Россия является единственной страной, которая открыто и резко осудила оккупацию Рурской области».

Но обстановка менялась.

Весной 1923 года стала нарастать внутривнутриполитическая напряженность в Германии, вызванная продолжавшимся экономическим кризисом, инфляцией, ухудшением материального положения трудящихся. Активизировалось рабочее движение. В связи с общим положением в стране значительно усилилось влияние компартии.

В сложившейся обстановке с особой силой вспыхнула в Москве надежда на мировую революцию. Развил свою деятельность аппарат Коминтерна. Советские люди, отдельные отраслевые профсоюзы и ВЦСПС в целом стремились оказать материальную помощь рурским и гамбургским рабочим, своим братьям по классу, направив в Германию два парохода с зерном и другими продуктами. Но это вызывало отрицательную реакцию германского правительства, рассматривавшего эти акции солидарности как «вмешательство во внутренние дела Германии».

Перед Н. Н. Крестинским как полпредом встала тяжелая дилемма: с одной стороны, он должен был активно сотрудничать с германскими правящими кругами по осуществлению Рапалльского договора, а с другой, как коммунист, — поддерживать революцию в Германии как важнейший этап будущей мировой революции, в которую он верил с юношеских лет. Однозначно решить эту дилемму он не мог. Приходилось учиться лавировать.

Николая Николаевича неоднократно вызывали в Москву, где тоже не было ясности в отношении нарастающего революционного подъема в Германии. Объяснялось это отсутствием единст-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 76.

ва в РКП(б), и особенно в Политбюро ЦК, большая часть которого вела активную борьбу против Л. Д. Троцкого. Эта внутрипартийная борьба отражалась на деятельности Коминтерна и германской компартии, где также наметился раскол на «левых» (Рут Фишер, Аркадий Маслов), «правых» (Г. Брандлер, А. Тальгеймер) и боевой центр — Эрнст Тельман. Побывавшие несколько раз в Москве руководители германской компартии так и не получили четких указаний от руководства Коминтерна (Г. Е. Зиновьев и др.) по вопросам стратегии и тактики борьбы. Нерешительность в характере Г. Е. Зиновьева, на которую указывал В. И. Ленин в своем «Завещании», полностью проявилась в новой обстановке. Видимо, не случайно, что в этот решающий момент, когда в Германии назревала революционная ситуация, Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев и Л. Д. Троцкий уехали в отпуск на Кавказ. Не было определенной позиции и у И. В. Сталина. Поддержав тезис Г. Е. Зиновьева о том, что германская социал-демократия есть левое крыло фашизма, он тем не менее понимал всю бесперспективность политики раскола рабочего класса. Но мыслить по-новому он не мог. Вся его тактика, изложенная в сентябре на совещании Исполкома Коминтерна, сводилась к тому, чтобы добиться раскола германской социал-демократии, дискредитации ее лидеров, привлечения социал-демократических рабочих на сторону коммунистов. Такая иезуитская политика могла только вызвать ответную враждебную реакцию. Но вероломство никогда не было чуждо Сталину. И все же в революцию в Германии он не верил и даже высказывался за то, чтобы не будоражить немцев. Его осторожность и скептицизм доходили до того, что он предложил германским коммунистам не участвовать в демонстрации в день борьбы против фашизма, назначенный на 29 июля, рассматривая ее как возможную ловушку. Правда, демонстрация не состоялась, так как была запрещена полицией.

Об отсутствии единства в вопросах революционной тактики свидетельствует ряд выступлений К. Радека, особенно его речь в защиту профашиста А. Шлагетера, убитого французами за саботаж на железных дорогах Рура. На страницах органа компартии «Роте фане» Радек договорился до возможности создания единого блока коммунистов и националистов. Не случайно после поражения революции К. Радек подвергся наиболее жесткой критике со стороны деятелей Коминтерна.

События в Германии нарастали бурно. В августе раздались первые выстрелы. Под давлением революционных событий правительство В. Куно ушло в отставку, успев, правда, всемерно ограничить въезд советских людей в Германию. Права въезда был персонально лишен Карл Радек, один из активнейших дея-

телей Коминтерна. Но это не помешало ему бывать в Германии нелегально. В своих воспоминаниях советник германского посольства в Москве Густав Хильгер писал: как только К. Радек появлялся после некоторого перерыва на очередном приеме в посольстве без усов и бороды, мы знали, что он только что вернулся из нелегальной поездки в Германию. Он там действительно провел большую часть года.

А Крестинский бывал в Берлине лишь наездами. Начавшиеся 26 июня советско-германские переговоры на уровне экспертов по осуществлению важнейших положений Рапалльского договора, в частности проекта консульского договора, конвенции о наследовании, соглашения о правовой помощи, о морском судоходстве и др., проходили нормально.

Возвратившись в начале июля в Берлин, Николай Николаевич ознакомился с проектом договора о консульской службе, который ему представил С. И. Бродовский. В переговорах наступил перерыв. Он воспользовался этим, чтобы провести ряд встреч и бесед с чиновниками германского МИД о ближайших планах Германии, в том числе о ее намерении вступить в Лигу Наций. Этот вопрос очень беспокоил Г. В. Чичерина. Но статс-секретарь А. Мальцан успокоил полпреда, сказав, что они не предпримут никаких шагов, не поставив об этом в известность Советское правительство.

23 июля 1923 года Наркоминдел нотифицировал германское посольство об образовании СССР и создании единой советской дипломатической службы. В начале августа в Берлин пришла на имя Н. Н. Крестинского новая верительная грамота. В связи с этим он вручил 18 августа от имени ЦИК Союза ССР свои новые верительные грамоты президенту Германии Ф. Эберту.

В своей речи при вручении он заявил:

— Уже почти два года я работаю на посту полпреда РСФСР при германском правительстве, отдавая все силы на всестороннее сближение между Германией и Россией. В этой работе мне постоянно оказывалась помощь со стороны германского правительства и также с Вашей стороны, г-н рейхспрезидент. Это дает мне повод выразить мое глубочайшее убеждение в том, что эта доброжелательная поддержка будет оказываться мне и в моей новой, более обширной деятельности — представительстве интересов всего Союза ССР.

Вручив верительные грамоты, Николай Николаевич 21 августа уехал в отпуск. Он был спокоен за рапалльскую политику, которую начали было хоронить. В Германии к власти пришло новое коалиционное правительство во главе с видным буржуазным деятелем Густавом Штреземаном. Правда, в состав правительства вошли представители германской социал-демократичес-

кой партии. Это обстоятельство несколько беспокоило его, потому что он испытывал глубокое недоверие к социал-демократическим лидерам. Видимо, это осталось у него еще с периода 1918—1919 годов, когда социал-демократы Ф. Шейдеман, Ф. Эберт, Л. Носке расстреляли его надежду на близкую мировую революцию, потопив германскую революцию в крови.

Приехав в Москву, он узнал, что вопрос о надвигающейся германской революции обсуждался 23 августа на заседании Политбюро ЦК партии. Как обычно, на нем возникла баталия между Г. Е. Зиновьевым и Л. Д. Троцким при «умиротворительной позиции» И. В. Сталина. Но Крестинского заинтересовало прежде всего решение Политбюро о посылке члена коллегии НКВД В. Л. Коппа в страны Прибалтики и Польшу с целью проведения зондажа о возможности получения гарантий о невмешательстве этих государств в германские дела, с одной стороны, и обеспечения беспрепятственного транзита между СССР и Германией — с другой.

Полпред был доволен. Эта акция соответствовала духу советско-германских договоренностей об оказании политической поддержки Германии, а в случае успешного хода революции открывала возможные пути для прямой связи с восставшим германским народом.

Отпуск пролетел быстро. Уезжая из Москвы, он знал, что уже несколько недель на совещании в Исполкоме Коминтерна в присутствии руководителей германской компартии идет спор о будущем развитии революции. Коммунистические лидеры двух стран продолжали дискутировать, а поезд уже ушел... События опережали их...

Возвратившись 17 сентября в Берлин, Н. Н. Крестинский принялся было за обычные текущие дела. А через неделю началось...

В номере от 25 сентября центральный орган социал-демократов газета «Форвертс» опубликовала заметку «Русско-коммунистические склады оружия». В заметке советское полпредство обвинялось в организации «складов оружия» «для целей гражданской войны в Германии». Называлась, в частности, фамилия некоего Петрова.

Николай Николаевич решил было какое-то время просто не реагировать на эти антисоветские выпады социал-демократической печати, дав лишь в день появления заметки в «Форвертс» краткое сообщение в берлинские вечерние газеты, что в полпредстве и торгпредстве имеется несколько Петровых и все они отрицают свою причастность к созданию складов оружия.

Более того, как выяснилось несколько позже и об этом Крестинский информировал Москву, свидетели, на высказываниях

которых «Форвертс» строил свои догадки, отказывались дать официальные показания. Английская газета «Дейли телеграф» сообщила тогда же о том, что дознание выяснило «непричастность советского полпредства к складам оружия». Эти склады являются, дескать, «действительно коммунистическими, но оружие закупалось самими германскими коммунистами». По сведениям корреспондента, «министерство иностранных дел выразило уже русскому послу сожаление по поводу имевшего место недружелюбного выступления газеты». Однако последнее утверждение было домыслом газеты.

При первой встрече с представителями нового германского правительства Н. Н. Крестинский выразил недоумение по поводу публикации совершенно непроверенного сообщения.

6 октября отдел печати Наркоминдела СССР сделал заявление, в котором подчеркнул, что Советское правительство прождало почти две недели, не предавая инцидент гласности, в надежде, что германское правительство отмежуетса от выступления «Форвертс». Но этого не произошло. Только под большим нажимом полпреда 19 октября правительство Г. Штреземана вынуждено было опровергнуть сообщение «Форвертс». Но инцидент на этом исчерпан не был.

В Германии началась долгожданная революция, которая на время затмила сенсационные газетные заметки. Дело было не до дипломатических тонкостей, когда решался вопрос о власти. 10 октября в Саксонии было создано единое левое правительство социал-демократов и коммунистов. Через несколько дней правительство с участием коммунистов было создано в другой земле — Тюрингии. Предполагалось, что левые правительства предпримут активные меры по улучшению положения трудящихся и вооружению рабочих, чтобы стать базой для боевых выступлений рабочего класса в других частях Германии.

Однако министры-коммунисты не проявили решительности в своих действиях. Даже подчиненная земельному правительству полиция продолжала свои репрессивные меры против революционных рабочих и коммунистической прессы. Один из лидеров германской компартии Г. Брандлер стремился лишь сохранить любой ценой коалицию с левыми социал-демократами.

В те дни газета «Роте фане» напечатала письмо Сталина одному из руководителей Компартии Германии:

«Дорогой товарищ Тальгеймер,

Приближающаяся германская революция является одним из самых важных событий наших дней. Победа революции в Германии будет иметь для пролетариата Европы и Америки большее значение, чем победа русской революции шесть лет тому назад.

Победа немецкого пролетариата, несомненно, перенесет центр мировой революции из Москвы в Берлин...»

А тем временем 13 октября германское правительство ввело чрезвычайное положение в стране и направило войска рейхсвера для «наведения порядка». И хотя социалистические земельные правительства в Саксонии и Тюрингии с участием коммунистов были созданы в строгом соответствии с конституцией, они были свергнуты воинскими частями, посланными туда президентом социал-демократом Ф. Эбертом. Этот уже не первый парадокс в истории вызвал отчуждение между коммунистами и социал-демократами на долгие годы.

Начавшееся 23 октября восстание в Гамбурге оказалось без поддержки других отрядов германского рабочего класса. Несмотря на героическое сопротивление, долго продержаться рабочие не могли. Э. Тельман ушел в подполье. Германская революция потерпела поражение.

Полпредство в Берлине жило в эти дни ожиданиями и надеждами. Н. Н. Крестинский вновь уехал в Москву.

Германское правительство потребовало после произошедших событий отзыва советского военного атташе Петрова. Николай Николаевич мало его знал. Вопреки его воле в составе полпредства появлялись иногда сотрудники, которые никакого отношения не имели к дипломатической службе. Так, он случайно узнал о негодовании германского посла в Москве У. Брокдорфа-Ранцау по поводу признания Троцкого, что тот лично включил Петрова в состав советского полпредства, ибо рассчитывал на близость революции в Германии. В случае французской оккупации Германии, заявлял будто бы Лев Давидович, в задачу Петрова входило бы вести работу по подрыву дисциплины во французских войсках и вести коммунистическую пропаганду.

Еще один удар нанесла Рут Фишер, вышедшая из германской компартии и опубликовавшая документы об участии советских эмиссаров в нелегальной коммунистической деятельности. Так называемое «Дело Чека» слушалось через 15 месяцев в Верховном суде в Лейпциге. По этому процессу проходил один из организаторов военного аппарата в германской компартии П. А. Скоблевский, который якобы распорядился создать германскую «Чека» для ликвидации провокаторов и других опасных лиц. Приговоренный к смертной казни, он позднее был обменен на двух немецких студентов, задержанных в СССР по обвинению в шпионаже.

В начале декабря нарком Г. В. Чичерин дал завтрак в честь германского посла Брокдорфа-Ранцау, на котором присутствовали члены коллегии, Крестинский и Радек. В состоявшейся после

завтрака беседе германский посол вновь указал на тесную связь Советского правительства с деятельностью Коминтерна.

Г. В. Чичерин примирительно заметил, что местопребывание III Интернационала в Москве является чистой случайностью. В конце концов, улыбнулся он, никому же не придет в голову возложить ответственность за деятельность II Интернационала на бельгийского короля Альберта только потому, что штаб-квартира II Интернационала находится в Брюсселе.

Все засмеялись... Но Крестинский-то знал, как трудно приходится ему парировать эти каверзные вопросы там, в Берлине, так как нельзя было объяснить разницу между членом Политбюро — руководителем Коминтерна и членом Политбюро, входящим в высший эшелон советского руководства.

К тому же в советской печати нередко появлялись оскорбительные выпады по адресу социал-демократов, являющихся официальными лицами, включая президента. Полпреду приходилось приносить извинения, что доставляло немалое удовольствие германским дипломатам, выходцам из буржуазных и аристократических семей, по поводу ссор в семье социалистов. Все это, естественно, отягощало советско-германские отношения.

«Изменническая связь» с рейхсвером

Николай Николаевич, став полпредом и получив соответствующие указания, с особым интересом приступил к возобновлению связей с генералами германского рейхсвера, установленные В. Л. Коппом с согласия и по прямому поручению наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого.

Прибыв в ноябре 1919 года в Берлин в качестве уполномоченного НКВД по делам военнопленных, В. Л. Копп сделал первые шаги для заключения конкретных торговых сделок и установления официальных торговых и политических отношений. Его встречи с различными представителями промышленных кругов вывели его на ряд лиц, заинтересованных в военном сотрудничестве с Советской Россией. Вопрос для него был не новый, поскольку о своих контактах с военными рассказывал ему, как всегда с юмором, Карл Радек. Но потребовалось два года, прежде чем удалась от общих разговоров перейти к практическим делам. Летом 1921 года уполномоченный германского военного министерства майор Оскар Риттер фон Нидермайер под псевдонимом Ноймана прибыл в Москву. Он посетил верфи и оборонные предприятия Петрограда. В этой поездке Нидермайера сопровождали В. Л. Копп и заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан. По всей видимости,

И. С. Якубович и др. сами стали полпредами в разных странах. Перешли на дипломатическую работу даже те, кто трудился в этот период в торгпредстве в Берлине, например А. А. Бекзаян и Б. С. Стомоньяков.

Трудились все, даже супруга полпреда Вера Моисеевна, врач по образованию и практической деятельности, знавшая прекрасно два иностранных языка — немецкий и французский. Она регулярно устраивала в полпредстве так называемые дипломатические четверги, когда к ней на чашку чая приходили многие видные представители германского МИДа со своими женами, деятели науки и культуры.

По свидетельству дочери Н. Н. Крестинского Натальи Николаевны, ее мать не могла сидеть без дела. Поэтому в свободное от протокольных обязанностей время она работала на общественных началах в берлинской детской больнице «Шарите».

Но этот рабочий ритм полпредства нередко нарушался различного рода неуклюжими действиями и антисоветскими кампаниями. Реакционные круги стремились столкнуть германское правительство с рапальского курса, курса на политическое и экономическое сотрудничество с Советским Союзом. Дополнительным источником всевозможных провокаций, осложнявших деятельность полпредства, стало то, что Берлин превратился в начале 20-х годов в крупнейший центр белой эмиграции, где «осели» примерно сто тысяч «бывших», бежавших из Советской России. Слепленные ненавистью, они готовы были пойти на крайние меры. Известно, что в Берлине готовилось убийство наркома Г. В. Чичерина, и только случайность помешала совершить этот злодейский акт.

Проявлением этой антисоветской линии в политике германского правительства была организация полицейского налета 3 мая 1924 года на помещение торгпредства СССР в Берлине. Провокационный обыск, в котором участвовало около 200 агентов уголовной и политической полиции, был произведен без разрешения руководителей торгпредства под предлогом розыска якобы скрывавшегося в здании некоего Боценгардта, объявленного «государственным преступником». Факты свидетельствовали о том, что полиция, взламывая ящики письменных столов, шкафов и двери кабинетов, искала не человека, а «коминтерновские материалы», так нужные реакционным кругам накануне выборов в рейхстаг.

Возглавлял торгпредство в те дни ввиду отсутствия Б. С. Стомоньякова, находившегося в составе советской делегации в Лондоне, Василий Васильевич Старков, соратник В. И. Ленина по «Союзу борьбы...» и ссылке. Он попытался было связаться по телефону с Н. Н. Крестинским и сообщить ему о бесчинствах полиции. Но полицейский комиссар не позволил ему сделать это,

приставив к нему двух полицейских. Под арестом оказался и другой заместитель торгпреда В. В. Туров.

Провокационная затея провалилась: полиция ничего не нашла, в чем и вынуждена была признаться.

На другой день, 4 мая, полпред СССР в Германии Н. Н. Крестинский заявил устный протест, а затем направил ноту министру иностранных дел Г. Штресеману, в которой выразил «самый решительный протест против обыска в торговом представительстве, вопиющего нарушения дипломатической неприкосновенности гг. Стомоньякова, Старкова, Турова...».

Переговоры по урегулированию этого неприятного инцидента продолжались около трех месяцев и завершились 29 июля подписанием соответствующего протокола, предусматривавшего признание германским правительством статуса неприкосновенности торгпредства.

1924 год принес вторую «полосу признания» СССР, когда вслед за соседними странами с Советским Союзом установили дипломатические отношения великие европейские державы — Великобритания, Италия, Франция и др. Несомненно, это означало дальнейший прорыв дипломатической блокады, укрепление внешнеполитических позиций СССР.

Объем работы в полпредстве значительно возрос. К Крестинскому все чаще стали обращаться дипломаты, которые до недавнего времени «не замечали» его. Теперь многие из них сами искали с ним встреч. Он относился к этому с должным пониманием, зная, что личное поведение того или иного дипломата зависит от позиции правительства, которое он представляет.

Выполняя указание руководства Наркоминдела о форсировании переговоров с представителями других стран, «добиваясь, по возможности, полного признания», Н. Н. Крестинский давал самым решительным образом понять, что СССР «платить за признание» не собирается.

Вслед за Англией и Италией на путь нормализации отношений с СССР вступило правительство Греции. Беседа с греческим посланником в Берлине Канеллопулосом, Николай Николаевич указал на политическое значение для Греции признания России. «Греция будет первым балканским государством, признавшим Советскую Россию, — говорил полпред, — и это, несомненно, увеличит политическое значение Греции». Поскольку спорных проблем между двумя странами не существовало, то уже в начале марта состоялся обмен нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и Грецией.

Переговоры и контакты с дипломатами других стран все более расширялись. Но полпреду пришлось их срочно прервать и выехать в Москву. Коллегия НКВД поручила Н. Н. Крестин-

кому 22 февраля 1924 года политически важное, ответственное дело: возглавить делегацию на советско-румынских переговорах в Вене.

Он выехал через Варшаву и Ригу в Москву. Рано утром 2 марта 1924 года в НКВД пришла из Риги телеграмма: «Сегодня (т. е. 1 марта.— В. С.) выехали дипкурьер Нетте и Крестинский».

Думал ли Николай Николаевич, что менее чем через два года Т. И. Нетте будет убит белогвардейцами на этом же маршруте при защите дипломатической почты.

Состоявшиеся в марте — апреле советско-румынские переговоры о нормализации отношений между двумя странами вновь, как и три года назад в Варшаве, окончились неудачей. Румынское правительство не проявило готовности решить основной вопрос, препятствовавший нормализации двусторонних отношений — вернуть Советскому Союзу Бессарабию, незаконно оккупированную в 1918 году румынскими войсками.

Возвратившись в Берлин, Николай Николаевич продолжил наряду с решением текущих вопросов советско-германских отношений переговоры с дипломатами других государств об установлении дипломатических отношений. Такие переговоры он вел с дипломатами Венгрии (и даже подписал соответствующий договор, который, правда, не был ратифицирован венгерским парламентом), Швейцарии, Мексики и других стран Латинской Америки. Настойчивые усилия Н. Н. Крестинского, в конечном счете, привели к успеху. Мексиканский посол в Берлине Ортис Рубио передал ему 4 августа памятную записку об установлении официальных дипломатических отношений с СССР. Были и другие латиноамериканские государства, желавшие установить дипломатические отношения со Страной Советов, но они опасались гнева своего могущественного соседа — США. Об этом откровенно говорил Н. Н. Крестинскому аргентинский поверенный в делах в Берлине Гуесалага: «В этом вопросе Аргентина не займет самостоятельной позиции и будет идти по стопам Северо-Американских Соединенных Штатов».

Встреча с Рерихом

Николай Николаевич и Вера Моисеевна живо интересовались культурной жизнью страны, бывали в театрах, встречались с деятелями науки и искусства. В начале 20-х годов в Берлине осела значительная часть эмигрировавшей русской творческой интеллигенции. По издательским делам в Берлин неоднократно приезжали А. М. Горький, В. В. Маяковский, С. А. Есенин.

Уже в 1922 году полпредство организовало в Берлине первую художественную выставку. Толпы берлинцев, представители всех слоев населения знакомились с новым искусством революционной России. И оно действительно покоряло зрителей своим жизнеутверждающим оптимизмом, которым полны были картины молодых тогда художников С. Герасимова, Б. Иогансона, М. Грекова. Были выставлены новаторские плакаты В. Маяковского из «Окон Роста», а также картины одного из основоположников абстрактного искусства В. Кандинского и входившего в моду М. Шагала.

Но у Николая Николаевича было немало незапланированных встреч. Однажды в конце декабря 1924 года ему доложили, что с ним хочет встретиться знаменитый русский художник и путешественник Николай Константинович Рерих. Полпред был хорошо знаком с его творчеством, следил за гуманитарной деятельностью его в Америке и Индии. Поэтому ему было крайне интересно, с чем приехал Н. К. Рерих. Во время длительной беседы, на которой присутствовал ответственный сотрудник полпредства Г. А. Астахов, художник подробно рассказал о цели своего визита, о том, что в Берлине он находится проездом, что он очень спешит подготовить и осуществить новую экспедицию в Азию по маршруту Лех — Хотан. Хотя формально он является главой американской художественно-археологической экспедиции, продолжал Н. К. Рерих, он просит покровительства русских дипломатических представителей в районе Центральной Азии. Он изъявил готовность предоставить в распоряжение Советского Союза все материалы, которые он соберет за время своего путешествия.

Н. К. Рерих сообщил полпреду много интересного о колониальной политике англичан в Индии, о проникновении английской агентуры в Тибет, об антисоветской пропаганде, ведущейся англичанами в этом районе Китая, о якобы жестоком преследовании национальных меньшинств в Туркестане и др. В противовес колониальной политике англичан он выступил в поддержку идеи «о тождестве коммунизма с учением Будды».

Н. Н. Крестинский обещал ему, что он сообщит о просьбе Рериха в Москву, с тем чтобы путешественнику были оказаны помощь и содействие со стороны советских консульств в Синьцзяне и Монголии. И действительно, 2 января 1925 года полпред направил наркому Г. В. Чичерину большое письмо, в котором рассказал о своей встрече с Н. К. Рерихом.

«Сейчас, пробыв недолго в Америке и Европе, — писал полпред, — Рерих снова на целый год уезжает на север Индии, уже в другое место. Настроен он совершенно советски и как-то буддийско-коммунистически».

Н. К. Рерих уехал, а Н. Н. Крестинский продолжал по печати следить за его гуманной просветительской деятельностью. Он был очень рад, когда узнал, что Н. К. Рерих после года странствований приехал наконец в начале июня 1926 года в Москву. Встретился там с наркомом Г. В. Чичериным, другими интересовавшими его людьми.

Но такие незапланированные свидания с заслуживавшими внимания деятелями науки и культуры происходили у него и в последующие годы. В этом отношении Берлин, будучи в 20-е годы центром многих советско-германских встреч ученых, деятелей культуры и искусства, предоставлял широкие возможности. Организаторами таких конференций, симпозиумов и семинаров являлись «Германское общество изучения Восточной Европы» и общество «Культура и техника».

Пребывание в Германии блестящей плеяды выдающихся представителей советской науки и культуры давало Н. Н. Крестинскому редкую возможность познакомиться с достижениями отечественной науки, оценить, что имелось интересного в Германии, поскольку советские ученые были хорошо осведомлены о состоянии научных исследований в других странах.

За годы пребывания на посту полпреда Николай Николаевич неоднократно беседовал с приезжавшими в Берлин широко эрудированными деятелями: наркомом просвещения РСФСР А. В. Луначарским, наркомом здравоохранения Н. А. Семашко, заместителем наркома просвещения РСФСР М. Н. Покровским, председателем Госплана Г. М. Кржижановским, с академиками С. Ф. Ольденбургом, Н. Я. Марром, А. Н. Крыловым, А. Ф. Иоффе, П. П. Лазаревым, А. Е. Ферсманом, президентом Академии наук СССР А. П. Карпинским.

Советские ученые «выводили» его на своих немецких коллег и давали возможность познакомиться со знаменитым физиком Максом Планком, директором Берлинского института по изучению мозга проф. О. Фогтом, ректором Йенского университета проф. Герлянд и др.

В июле 1928 года Н. Н. Крестинский открыл «Советскую историческую неделю» в Берлине. Она была организована ВОК-Сом совместно с «Германским обществом изучения Восточной Европы». Наряду с полпредом на открытии недели выступили М. Н. Покровский и проф. Хегч.

Подписание Берлинского договора

В субботу, 21 ноября 1925 года, Николай Николаевич встретился с министром иностранных дел Г. Штреземаном.

Н. Н. Крестинский хорошо знал Густава Штреземана, умного, гибкого буржуазного политика, тесно связанного с крупным ка-

питалом. Они встречались уже более трех лет, и тогда, когда Штреземан был еще только одним из лидеров Немецкой народной партии, и потом, когда в 1923 году он на три месяца стал рейхсканцлером, а затем ряд лет занимал пост министра иностранных дел. Николай Николаевич испытывал к этому 47-летнему мужчине определенное доверие, поскольку чувствовал, что тот дорожит достигнутым уровнем советско-германских отношений. Вот и на этот раз в беседе, как обычно, обсуждался широкий круг вопросов.

Полпред поинтересовался ходом ратификации в рейхсрате и рейхстаге советско-германского торгового договора, а затем перешел к вопросу о необходимости заключения дополнительного политического соглашения. Изложив кратко историю вопроса, он высказал германскому министру соображения Советского правительства о дальнейшем развитии взаимоотношений двух стран в духе Рапалльского договора. Предлагалось принять взаимные обязательства «не совершать прямых нападений или какого бы то ни было ряда других недружелюбных действий друг против друга и не вступать ни в какие политические или экономические блоки, договоры, соглашения или комбинации с третьими державами против другой договаривающейся стороны».

В советских предложениях особо оговаривалось: «Если предусмотрено в Локарно вступление Германии в Лигу Наций состоится, то германское правительство в качестве члена Лиги Наций и Совета Лиги Наций обязуется принимать все зависящие от него меры против возможного применения против СССР военных и экономических санкций».

Штреземан, задав ряд уточняющих вопросов, сказал, что он затребует от своего эксперта Ф. Гауса юридического заключения по советскому проекту соглашения.

С начала 1926 года Н. Н. Крестинскому все больше приходилось «влезать» в переговоры о предоставлении долгосрочного кредита Советскому Союзу группой немецких промышленников и банкиров, которые вел уполномоченный наркома по делам внешней и внутренней торговли Б. С. Стомоняков. Они с Борисом Спиридоновичем были очень дружны еще со времени его работы торгпредом в Берлине и действовали в полном взаимном контакте. Николай Николаевич всегда стремился помочь Стомонякову, когда возникала потребность дать новый импульс экономическим переговорам или же оказать определенный нажим на политическом уровне.

Его беспокоило, что банковский концерн, стоявший за спиной промышленников, серьезно ухудшил условия кредита, о которых договорился Б. С. Стомоняков, как в смысле сокращения

сроков его погашения, так и в смысле повышения процентов. Н. Н. Крестинский решил повидаться с министром и поговорить с ним, чтобы разрядить создавшуюся обстановку.

В беседе, на которой присутствовал Б. С. Стомоняков. Н. Н. Крестинский со всей определенностью заявил Г. Штреземану:

— Мы на кабальные условия кредита не пойдем. Кредитная сделка, выгодная обеим сторонам, обеспечивающая за германской промышленностью на многие годы русский рынок в области оборудования нашей промышленности, может сорваться из-за неумеренных аппетитов частных банковских групп.

В последующие дни Николай Николаевич встречается со многими руководящими чиновниками МИД с целью добиться поддержки советской позиции.

К переговорам по крупным политическим и экономическим проблемам нередко примешивались неожиданно новые вопросы. Так, в январе 1926 года произошел инцидент с германской консульской почтой, которая временно затерялась на пути из Тифлиса в Москву. Пришлось НКВД СССР приносить германскому посольству официальное извинение за этот случай.

11 февраля 1926 года Н. Н. Крестинский и министр иностранных дел Г. Штреземан обменялись в Берлине ратификационными грамотами советско-германского торгового договора от 12 октября 1925 года. Министр, обращаясь к полпреду, высказал надежду, что ратификация торгового соглашения и обмен грамотами «вновь послужит укреплению дружественных отношений в духе Рапалльского договора».

Эта акция послужила дальнейшей активизации советско-германских политических переговоров. 25 февраля полпреду были вручены новые германские предложения по заключению договора о нейтралитете, которые шли навстречу пожеланиям советской стороны. И хотя они еще и не во всем удовлетворяли Н. Н. Крестинского, это был шаг в нужном направлении. Поэтому полпред считал возможным настаивать перед Москвой как можно быстрее дать принципиальное согласие на проект договора. Детали же, он полагал, можно будет еще обсудить.

Аргументируя свою позицию, Н. Н. Крестинский в письме заместителю наркома М. М. Литвинову писал:

«Я считаю, что заключение этого соглашения, во-первых, подтверждает и усиливает Рапалльский договор, делая это после Локарно и тем самым подчеркивая перед широким общественным мнением Германии, что Рапалло остается в силе. Во-вторых, в договоре имеется пункт 3, предусматривающий невступление во враждебные экономические соглашения...

С другой стороны, если бы мы отказались от заключения договора, в то время как о наших переговорах, несмотря на их секретность, были уже сообщения в прессе, то это произвело бы впечатление разрыва между нами и Германией, чего в действительности нет, и впечатление от этого вовне было бы для нас политически неблагоприятное».

В дальнейшем переговоры свелись в значительной степени к обсуждению статьи 2 немецкого проекта, в которой говорилось, что стороны сохраняют нейтралитет в случае нападения третьей державы, если оно произошло «без провокации» со стороны другого участника договора. При этом подразумевалось, что Германия сама должна была решать, является ли СССР нападающей стороной или нет. Естественно, что Советское правительство высказалось против такой трактовки статьи 2.

Германское правительство приняло во внимание позицию Советского правительства. Министр иностранных дел Г. Штреземан пригласил 21 апреля к себе Н. Н. Крестинского и сообщил, что он предлагает компромиссную формулировку для статьи 2 договора, а именно: вместо слова «неспровоцированного» сказать «несмотря на миролюбивый образ действий». Эта формулировка была принята.

В субботу, 24 апреля 1926 года, в 12.30 полпред СССР в Германии Н. Н. Крестинский и министр иностранных дел Германии Г. Штреземан подписали Берлинский договор о ненападении и нейтралитете. Это был важный политический документ.

Договор исходил из того, что основой взаимоотношений между двумя странами остается Рапалльский договор. Правительство обязывалось «поддерживать дружественный контакт с целью достижения согласования всех вопросов политического и экономического свойства, касающихся совместно обеих стран». Стороны брали на себя обязательство соблюдать нейтралитет в течение всего конфликта, если одна из сторон подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав.

Подписание Берлинского договора способствовало укреплению торгово-экономических связей. Полпреду вместе с Б. С. Стомоняковым пришлось обсуждать эти вопросы на всех уровнях, но все же впервые удалось добиться в июне 1926 года предоставления СССР германских сравнительно долгосрочных кредитов в сумме 300 млн марок. Кредит предоставлялся банками из расчета 9,4 процента годовых и частично гарантировался германским правительством. Он давал новый импульс расширению советских заказов в Германии и тем самым росту советско-германской торговли.

Надвигался мировой экономический кризис, и советские заказы имели все возрастающее значение для загрузки германских промышленных предприятий, для сохранения занятости немецких рабочих. В то же время импорт германского промышленного оборудования имел не меньшее значение для всестороннего развития советского народного хозяйства.

Швейцария осуждает убийство Воровского

В январе 1927 года правительство Швейцарии на своем заседании рассмотрело информацию, полученную из германских журналистских кругов, в которой говорилось о возможных путях урегулирования конфликта Швейцарии с СССР. В Европе все шире обсуждалась проблема международного экономического сотрудничества, начинались переговоры по разоружению, а Советское правительство не могло в них принять участие, так как большинство конференций проходило в Швейцарии. Это становилось ненормальным, что, безусловно, понимали крупнейшие политики Европы.

Конфликт произошел в 1923 году в связи с убийством белогвардейцами советского дипломата В. В. Воровского на Лозаннской международной конференции. Беспрецедентным было также и то, что швейцарский суд оправдал убийц, похваливавшихся своим злодеянием.

Вспоминая те трагические дни, Н. Н. Крестинский как бы вновь увидел адресованное ему Воровским письмо, написанное четким почерком за несколько часов до преступления. Об убийстве Воровского и ранении находившихся с ним сотрудников М. А. Дивильковского и Ж. Л. Аренса Николай Николаевич узнал из газет. Это страшное письмо он получил позже. В нем как бы с того света Вацлав Вацлавович пригвождал швейцарские власти к позорному столбу:

«За этими хулиганствующими мальчишками слишком ясно чувствуется сознательная рука, возможно, даже иностранная. Швейцарское правительство, хорошо об этом осведомленное, ибо все газеты полны этим, должно нести ответственность за нашу неприкосновенность. Поведение швейцарского правительства есть позорное нарушение данных в начале конференции гарантий, и всякое нападение на нас в этой архиблагоустроенной стране возможно только с ведома и попустительства властей».

Николай Николаевич принимал тогда самое непосредственное участие в похоронах: гроб с телом В. В. Воровского везли через Берлин. На прощальной церемонии в Москве у него непрочно текли слезы.

Но жизнь продолжается... и политические интересы государства требовали нормализации советско-швейцарских отношений. В 1924 году, в период «полосы дипломатических признаний» СССР, советские дипломаты Х. Г. Раковский, Н. Н. Крестинский и др. предприняли было попытку нормализовать отношения со Швейцарией, но она оказалась неудачной. Швейцария еще не была готова осудить убийство Воровского. Безуспешной оказалась попытка французского правительства в январе 1926 года осуществить посредничество.

И вот в начале 1927 года этот естественный вопрос встал вновь. 15 марта Н. Н. Крестинский встретился на квартире германского тайного советника, председателя правления АЭГ Ф. Дейча со швейцарским посланником в Берлине Г. Рюфенахтом. Согласно имеющимся инструкциям, швейцарский посланник готов был вести переговоры только об отмене бойкота, проводимого Советским правительством. Советский же полпред поставил вопрос об юридическом признании Швейцарией СССР. Встретив уклончивую позицию, Н. Н. Крестинский ответил: «Ну что же, мы можем подождать».

Николай Николаевич настойчиво проводил мысль о том, что швейцарское правительство должно недвусмысленно осудить убийство В. В. Воровского, предоставить его дочери Нине Воровской материальную помощь, которая будет уточнена при установлении дипломатических отношений между двумя странами. На замечание швейцарского посланника о том, что Воровская вышла замуж и больше не нуждается в помощи, полпред заявил, что дело не в деньгах, а в том, что швейцарское правительство готово пойти на такую финансовую компенсацию как особую форму выражения сожаления.

Переговоры продолжались с перерывами еще месяц, в ходе которых швейцарская сторона учла советские пожелания. Наконец, 14 апреля 1927 года в Берлине состоялся обмен нотами между Н. Н. Крестинским и швейцарским посланником Г. Рюфенахтом, которые от имени своих правительств сделали следующие заявления:

«Оба правительства объявляют урегулированным конфликт, существующий между их странами, а взаимные ограничительные меры отмененными».

Но это было только урегулирование конфликта, связанного с убийством В. В. Воровского. Потребовалось еще почти двадцать лет, прежде чем между двумя странами были восстановлены дипломатические отношения.

Дипломатические зондажи с целью освобождения А. Грамши и Бела Куна

Н. Н. Крестинский строго соблюдал указания наркома Г. В. Чичерина избегать всего того, что могло бы послужить обвинением полпредства в поддержке коммунистической деятельности. Но иногда возникали проблемы, связанные с попытками освобождения отдельных руководящих деятелей из братских партий, жизни которых грозила серьезная опасность. Выполняя поручения Наркоминдела, он в этом случае ставил эти вопросы и обсуждал их на официальном уровне.

В конце сентября 1927 года полпред получил шифрованную телеграмму, в которой заместитель наркома М. М. Литвинов кратко сообщил, что тюремный священник якобы посоветовал А. Грамши согласиться на обмен его на польских ксендзов, находящихся будто бы в тюрьме в СССР. Крестинскому поручалось установить контакт с папским нунцием в Берлине Э. Пачелли и дать согласие на обмен, если такое предложение действительно подтвердится.

Николай Николаевич знал руководителя итальянских коммунистов Антонио Грамши, встречался с ним, когда тот приезжал на заседания Президиума Коминтерна и жил в 1922—1923 годах в Москве. Его радовало, что сторонники Грамши одержали победу в 1924 году и он стал руководителем Коммунистической партии Италии.

Однако в ноябре 1926 года фашистская полиция бросила в тюрьму Антонио Грамши, Умберто Террачини и некоторых других итальянских коммунистов. Над руководителями итальянских коммунистов нависла серьезная опасность.

Не медля ни минуты, Крестинский связался с дипломатическим представителем Ватикана в Берлине Э. Пачелли, с которым обычно тесных контактов не поддерживал, так как между двумя государствами не было дипломатических отношений. Уже 1 октября 1927 года полпред с огорчением мог сообщить в Москву, что папскому нунцию ничего не известно о предполагаемом обмене Грамши.

Позже, в наши дни, когда были открыты некоторые архивы, удалось выяснить, что папский нунций в Берлине, который в 1939 году стал римским папой Пием XII, проинформировал Ватикан о своей встрече с Крестинским или, как он выразился, об инициативе «посольства Советов». В свою очередь Святой престол через представителя иезуитского ордена П. Т. Вентури прозондировал этот вопрос в кругах, близких к Муссолини. Скоро

в Ватикане был получен ответ фашистского диктатора: помилование Грамши невозможно.

Все это Н. Н. Крестинскому тогда было неизвестно. Он продолжал добиваться у папского нунция скорейшего положительного ответа. В начале 1928 года полпред все же вынужден был констатировать в телеграмме в НКВД: «По вопросу об обмене Грамши и Террачини у Пачелли нет ничего нового».

Позже Советское правительство и руководство Коминтерна не раз предпринимали попытки добиться освобождения А. Грамши. В 1934—1935 годах Крестинскому приходилось заниматься этим вопросом уже в качестве заместителя наркома. Велась дипломатическая переписка, шли переговоры, как обычно через третьих лиц. Итальянское посольство в Москве даже пыталось оговорить, что в случае освобождения А. Грамши и выезда его в СССР, где у него находилась семья, он не должен будет заниматься политической деятельностью. Но спасти А. Грамши так и не удалось. Он умер в апреле 1937 года.

Прошло немного времени, и Крестинский занимается уже вызволением из тюрьмы другого видного деятеля Коминтерна, Бела Куна.

В начале 1928 года Бела Кун нелегально прибыл в Австрию для подготовки очередного пленума ЦК Компартии Венгрии. Опытная австрийская полиция сумела выследить его, и 26 апреля он был арестован вместе с рядом своих венгерских соратников. В печати появились сообщения о возможной выдаче Б. Куна тогдашнему венгерскому правительству Хорти. С такими требованиями выступил ряд реакционных политиков. Это были тревожные сообщения. Конечно, Советское правительство не могло оставаться безучастным, поскольку дело касалось одного из видных деятелей Коминтерна и венгерской компартии.

Полпред СССР в Вене К. К. Юренев поинтересовался у министра иностранных дел Австрии Ф. Петера, с которым встретился 1 мая на обеде у турецкого посла, какова будет реакция правительства на случившееся. Министр довольно откровенно ответил полпреду, что, хотя австрийское правительство чрезвычайно недовольно происшедшим, оно решило вести «вполне корректную» линию в отношении СССР. Ф. Петер сообщил, что «Кун будет выслан; ведутся переговоры с Германией о его транзите».

Эту позицию австрийского правительства подтвердил в беседе с К. К. Юреневым и канцлер И. Зейпель, заявивший, что Советское правительство может быть спокойно за судьбу Б. Куна, он не будет выдан венграм. «Австрийское правительство, — продолжал он, — заботится главным образом о том, каким путем переправить его в СССР».

Со своей стороны, Советское правительство дало указание своим дипломатическим представителям оказать всемерное содействие переправе Б. Куна в СССР.

5 июня Н. Н. Крестинский встретился с заместителем статс-секретаря МИД Германии К. Кепке и высказал просьбу к германскому правительству разрешить проезд Б. Куна через Германию. Объясняя трудности решения этого вопроса, Кепке сказал, что, согласно германскому внутреннему законодательству, разрешение на проезд через Германию лиц, высылаемых из других стран, зависит не от центрального правительства, а от правительств земель. Если Бела Куну будет разрешено ехать через Чехословакию, то тогда его маршрут в Германии пройдет через Саксонию и Пруссию, с которыми германскому правительству легче договориться по этому вопросу. Если Чехословакия откажет в пропуске Б. Куна, то придется договариваться с баварским правительством, которое ввиду его симпатий к Венгрии будет, возможно, чинить трудности и отказывать в разрешении.

Николай Николаевич внимательно выслушал собеседника и высказал мнение, что германская сторона сама знает, как лучше ей поступить. В связи с этим Кепке сделал «предположение», что до образования нового кабинета этот вопрос вряд ли удастся скоро решить.

В конце июня было сформировано новое германское правительство во главе с социал-демократом Германом Мюллером.

К этому времени был вынесен и судебный приговор Б. Куну, который признавался виновным в организации «тайного общества» и прописке по подложному документу. Он был приговорен к трем месяцам строгого ареста, которые он фактически отбыл в камере предварительного заключения.

7 июля полпред Крестинский встретился с австрийским посланником в Берлине Франком. В ходе беседы Франк подтвердил, что он имеет поручение официально поставить вопрос перед германским правительством о пропуске Б. Куна. Австрийский посланник информировал полпреда, что он уже обратился по этому поводу к статс-секретарю МИД Германии К. Шуберту, который обещал поставить этот вопрос на заседании правительства.

После второй встречи с Франком Н. Н. Крестинский писал 16 июля в НКВД Г. В. Чичерину:

«Вчера у меня был австрийский посланник Франк. Он приходил информировать меня о ходе дела Бела Куна. Я с самого начала сказал ему, что хотя собирался после нашего с ним разговора навестить Шуберта, но раздумал и не сделал этого. Франк сказал, что я поступил очень хорошо, так как, по его

мнению, Шуберту приятнее и легче провести дело, если он будет и в кабинете, и в разговоре с Баварией ссылаться только на просьбу Австрии, не упоминая о нас. Из этого я вывел заключение, что Шуберт сам просил Франка информировать меня, чтобы избежать моего разговора на тему о Бела Куне.

Германскому правительству,— продолжал полпред,— очень хотелось бы получить разрешение Чехословакии, так как тогда не нужно было бы вести неприятный разговор с Баварией. Поэтому продолжают разговоры с Прагой. Бенеш за пропуск Бела Куна, минвнудел — против. Через пару дней выяснится, удастся ли уломать минвнудел. Если удастся, дело в шляпе. Если нет, тогда Аусамт* будет разговаривать с Баварией...»

В конце концов правительство Чехословакии дало свое согласие с условием, что Б. Кун проедет их страну ночью.

Сразу же после освобождения из тюрьмы вечером 27 июля Бела Кун в специальном санитарном вагоне выехал из Вены и, миновав границы трех государств, прибыл в Свинемюнде (Свиноуйсьце). Там в это время находился советский пароход «Герцен». Рано утром 31 июля 1928 года Бела Кун прибыл на этом пароходе в Ленинград, где его встречали делегации рабочих, венгерские политэмигранты, представители МОПРа (Международной организации помощи борцам революции).

Н. Н. Крестинский мог быть доволен: свою лепту он тоже вложил в освобождение Б. Куна.

Немало забот вызывало у Николая Николаевича длительное пребывание наркома Г. В. Чичерина на лечении в Германии. Недруги Советской власти распространяли всяческие неправдоподобные слухи о якобы нежелании Чичерина возвратиться в СССР. В начале августа 1929 года в беседе с Крестинским этот вопрос затронул и министр иностранных дел Г. Штреземан.

«Я сказал ему,— писал полпред,— что выздоровление Георгия Васильевича идет не таким быстрым темпом, как мы это раньше думали. В этом отношении более правым оказался сам Чичерин, относившийся к своей болезни и темпу лечения менее оптимистично. Я надеюсь, однако, что т. Чичерин сравнительно скоро закончит лечение в Висбадене и после краткого дополнительного лечения поедет в СССР.»

Полпред выразил надежду, что Г. В. Чичерин, вероятно, скоро вернется к работе. Осенью 1929 года у Георгия Васильевича побывал его друг Лев Михайлович Карахан, который посоветовал ему во избежание разного рода кривотолков поскорее возвратиться на родину. В январе 1930 года Г. В. Чичерин возвратился в Москву.

* Аусамт — Министерство иностранных дел.— Прим. ред.

С Троцким не по пути

Н. Н. Крестинский в Москве бывал часто, порой по несколько раз в году. Да и в Берлине бывало много ответственных товарищей из Москвы, одни проездом, другие — для переговоров. Положение в стране и в партии он представлял довольно хорошо. Сам же Николай Николаевич сознательно отошел от активного участия в делах высшего эшелона партии. Он хорошо знал, как немцы ревностно следят за советскими дипломатами, и старался не давать какого-либо повода для обвинений в «коммунистической пропаганде». Тем более материала для различного рода антисоветских вылазок буржуазной печати жизни давала немало. Одно дело, когда антисоветские акции инспирировались реакционными буржуазными кругами или полицией, и другое, когда поводом для них служили непродуманные или неоправданные действия советских официальных органов. А такие случаи бывали... Особенно часто их создавали различными необоснованными арестами германских граждан органы ОГПУ, что вело к осложнению советско-германских отношений.

Он еще не совсем понимал, что нагнетание шпиономании является одним из средств борьбы Сталина за власть, поскольку она давала повод для усиления органов ОГПУ, более активного использования их в политической борьбе при подавлении своих политических противников.

Из своего заграничного «далеко» Н. Н. Крестинский видел, как с помощью партийного аппарата и органов подавления Сталин укрепляет режим своей личной власти. Этому способствовали ленинский и октябрьский призывы в партию, которые обеспечили приход в партию молодых, прошедших гражданскую войну передовых рабочих и крестьян, людей революционных, нетерпеливых, не имеющих большого образования, но желающих скорее построить социализм. Им импонировали установки Сталина на быстрее построение социализма, они привыкли решать задачи кавалерийским наскоком. Да и сама сталинская речь, простая и доходчивая, без этих «интеллигентских штучек» была им ближе, чем речи лидеров оппозиции, которые порой сами точно не знали, что они хотели.

Н. Н. Крестинский, хорошо зная Троцкого, в общем-то его не любил. Ему чужды были позерство и самолюбование этого блиставшего своим красноречием претендента на власть. Он никогда не был последовательным сторонником Троцкого.

В октябре 1927 года ехавшие на пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) полпред СССР в Италии Л. Б. Каменев и полпред СССР во Франции Х. Г. Раковский остановились у Крестинского в полпредстве. Они знали друг друга много лет, нередко спорили,

а бывали случаи, когда вместе выступали против Ленина. И на этот раз их спорам не было видно конца. Николай Николаевич слушал их жалобы на «термидор», на умелое использование Сталиным механизма партийной бюрократии в борьбе с оппозицией и понимал, что их дело проиграно, они не те люди, которые могут противостоять Сталину. Он пытался их переубедить, изменить тактику борьбы, критиковал Раковского за то, что он смешивает дипломатическую работу с внутрипартийной борьбой, за что его справедливо объявили персоной нон грата. Но он понял, что его аргументы не доходят до них. Их уязвленное самолюбие, что какой-то Сталин мог определять положение, диктовало им другой тип поведения.

Состоявшийся в конце октября 1927 года пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) исключил Г. Е. Зиновьева и Л. Д. Троцкого из партии.

Не сумев убедить Л. Б. Каменева и Х. Г. Раковского в необходимости прекращения борьбы против руководства партии, Н. Н. Крестинский написал 27 ноября 1927 года письмо Л. Д. Троцкому, в котором недвусмысленно отмежевался от его позиции. В своем письме он, в частности, писал:

«По моему глубокому убеждению, тактика оппозиции за последние полгода была глубоко ошибочной, вредной для целей самой оппозиции, можно сказать, трагически неправильной.

Смешно говорить о сохранении кадров, когда они уже фактически уничтожены неправильной политикой самой оппозиции. Нельзя ведь считать кадрами пару сотен исключенных и поставленных вне закона товарищей. Это — кадры для тюрьмы и ссылки, а не для продолжения внутрипартийной борьбы. Еще смешнее говорить о сохранении влияния на массы... А ведь для всякого не ослепленного ясно, что преждевременные, обреченные на неудачу выступления и последующее полное поражение есть результат ошибок плохого, неверного руководства».

Крестинский полагал, что «медленно, постепенно, упорной работой внутри партии и в советском аппарате можно восстановить, вновь заработать доверие масс и влияние на них».

Состоявшийся в декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) в своей резолюции по отчету ЦК партии заявил, что принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганда ее взглядов являются несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б). Оппозиция, однако, отвергла это требование съезда.

В документе от 3 декабря, подписанном 121 членом партии, оппозиция отстаивала право на свободное высказывание своих взглядов и их защиту. Но их позиция была охарактеризована как меньшевистская.

Через неделю, 10 декабря, в комиссию съезда поступили два

документа, один из которых был подписан Х. Г. Раковским, Н. И. Мураловым и К. Б. Радеком, а другой — Л. Б. Каменевым и др. Авторы писем вновь доказывали необходимость сохранения права каждого члена партии иметь свои собственные взгляды и на их пропаганду. Видимо, они были настолько наивны, что не учитывали в корне изменившуюся обстановку при Сталине. Все они в числе других 100 наиболее активных деятелей оппозиции были XV съездом ВКП(б) исключены из партии.

Н. Н. Крестинский очень сожалел об этом. Среди исключенных были многие из его близких товарищей.

ЦК ВКП(б) обратился после съезда ко всем полпредам с запросом об их отношении к бывшим лидерам оппозиции. Отвечая на этот запрос, Н. Н. Крестинский совершенно искренне сообщил 22 марта 1928 года в ЦК партии, что никаких связей с оппозицией он не поддерживает. В качестве подтверждения своего ответа он переслал в ЦК партии копию своего письма о разрыве с Л. Д. Троцким.

Несколько позже, в апреле 1928 года, выдержка из письма Н. Н. Крестинского в ЦК ВКП(б) была опубликована в газете «Экономическая жизнь».

Но своих друзей он не забывал. Летом 1929 года Николай Николаевич переслал Х. Г. Раковскому, находившемуся в Саратове в ссылке, письмо, в котором просил его вернуться в партию, что тот и сделал. Но было ли это лучше...

Девять лет на Унтер ден Линден

21 июля 1930 года ЦИК СССР удовлетворил просьбу Г. В. Чичерина об освобождении его от обязанностей наркома по состоянию здоровья. Конечно, причина была не только в этом. По его собственному признанию, если бы не постоянная моральная поддержка со стороны его заместителя Л. М. Карахана, он ушел бы со своего поста еще в 1926 году. Главное состояло в той атмосфере, которая сложилась в НКВД и вокруг него после смерти В. И. Ленина.

Новым наркомом стал М. М. Литвинов, который в течение нескольких лет в связи с болезнью Г. В. Чичерина фактически руководил наркоматом. Он пользовался в тот период особым доверием И. В. Сталина.

В связи с новым назначением М. М. Литвинова освободилась должность первого заместителя наркома. На этот пост ЦК партии и ЦИК Союза ССР выдвинули Н. Н. Крестинского. Его назначение не было случайным. К тому времени, проработав девять лет на важнейшем посту советского полпреда в Германии,

он стал одним из самых опытных дипломатов. Вторым заместителем наркома остался Л. М. Карахан.

Заняв кабинет М. М. Литвинова в здании НКВД на Кузнецком мосту, Николай Николаевич перенял от него и обязанности по курированию дел, связанных с отношениями СССР со странами Запада. В отличие он наркома, который был сух и даже резок в обращении с работниками аппарата НКВД (видимо, сказывался опыт ежедневного общения с И. В. Сталиным), Н. Н. Крестинский был очень демократичен и доступен, помнил имена и отчества многих сотрудников, нередко вызывал их к себе, минуя их непосредственных начальников. Он обладал феноменальной памятью и исключительной работоспособностью. Врожденная интеллигентность Николая Николаевича и его слабое зрение, делавшее его иногда беспомощным, когда он оказывался без своих толстых очков, вызывали к нему особую симпатию со стороны сотрудников.

Заместитель наркома... Н. Н. Крестинский живет в Кремле. Он окупился в повседневную жизнь. Встречи с иностранными дипломатами, приемы, обеды и ужины... Рабочий день затягивался за полночь. Он остро почувствовал новую, какую-то тревожную обстановку, сложившуюся в высших кругах руководящих работников, где ему приходилось теперь часто бывать. Особенно его поразило отсутствие интеллигентности у многих недавно назначенных лиц, которые своей грубостью пытались возместить не только недостаток знаний, но даже гордились своей необразованностью.

В этом отношении работа давала ему хорошую отдушину. Международная обстановка усложнялась. Продолжался мировой экономический кризис. Приходилось много думать, анализировать, давать оценку новым событиям, происходящим в мире.

Новый полпред в Германии Л. М. Хинчук сообщал: «С 1928 г. мы видим оглушительный рост «наци», и перелома в настоящее время трудно ожидать». Н. Н. Крестинский это знал, но считал необходимым более активно использовать заинтересованность германских промышленных кругов в укреплении двусторонних отношений.

С другой стороны, он, выполняя поручения ЦК партии, стремился к укреплению отношений СССР с Францией, где начали постепенно осознавать растущую опасность со стороны германского фашизма.

Вопросы создания системы коллективной безопасности в Европе, заключения так называемого Восточного пакта, противодействия агрессии в Испании и проблемы разоружения стали основными в его деятельности на протяжении 30-х годов.

Но скоро жизнь в стране пошла по другому руслу...

Процесс над «врагом народа»

В вихре каждодневных будней Н. Н. Крестинский с тревогой наблюдал за всеразрастающейся вакханалией политических преследований, арестов и убийств. Он работал, как обычно, много, часто исполнял обязанности наркома в связи с выездами М. М. Литвинова за границу, давал указания полпредам, отвечал на письма, ходил на официальные приемы в иностранные посольства, встречался с дипломатами, аккредитованными в Москве. Но за спокойным тоном его писем и бесед проскальзывала глубокая горечь. Он, как мог, успокаивал уполномоченного НКВД СССР при правительстве УССР С. И. Бродовского, представителя НКВД в Харькове И. П. Калину и других советских дипломатов, которые жаловались на многочисленные аресты советских и иностранных граждан, особенно на аресты служащих учреждений НКВД на периферии, которые трудно было объяснить. Конечно, живущие в Советском Союзе советские дипломаты больше видели и знали и острее чувствовали несправедливость творящегося произвола, чем те, которые работали за рубежом. Они еще не знали, что очередь дойдет до многих из них. Письмо советского полпреда Ф. Ф. Раскольниковца Сталину, где он как бы подводит итог преступлениям «вождя», так и не будет им известно.

«Вы разрушили дотла весь аппарат народного комиссариата иностранных дел. ...Вы истребили во цвете лет талантливых и многообещающих дипломатов».

Николай Николаевич понял раньше многих руководящих работников Наркоминдела, да и других советских и партийных работников, в каком направлении идет развитие. Уже первые процессы 1936 — 1937 годов показали, что о правосудии в полном смысле слова не может быть и речи. А ему как юристу по образованию весь этот механизм был хорошо известен. Он не стал, как Карл Радек, проклинать публично «троцкистско-зиновьевскую банду», этих «злейших врагов народа», с «которыми может быть только один разговор — расстрел». Но, возможно, именно поэтому он был «взят» в Наркоминделе одним из первых.

Формально 29 марта 1937 года Николай Николаевич получил новое назначение — заместителя наркома юстиции. Этому назначению предшествовала его встреча со Сталиным. Как-то в начале марта 1937 года, вспоминает дочь Крестинского Наталья Николаевна, они были на даче НКВД, которая находилась рядом с домом отдыха НКВД в поселке Клязьма. Отец, как бы между прочим сообщил ей, что его вызывал Сталин и сказал, что ему, видимо, следует перейти на другую работу.

— Неудобно как-то, — доверительно, по словам отца, говорил Сталин, — держать человека, который когда-то был близок

к кругам оппозиции, на посту, где имеются такие широкие связи с иностранцами.

Отец согласился с ним, рассказывала Наталья Николаевна, и мы оба не почувствовали за этим новым назначением какого-то коварства.

Н. Н. Крестинский в конце марта отправился в Наркомат юстиции. Посещение нового наркомата произвело на него угнетающее впечатление. Назначенный в 1936 году наркомом юстиции СССР Н. В. Крыленко ходил под влиянием царящего в судах произвола как в воду опущенный. Он никого не принимал... По словам заместителя председателя Верховного суда СССР С. С. Пилявского, Николай Васильевич, этот честный человек, видный деятель революции, входивший в состав первого Советского правительства, понемногу спивался... в окружении близких друзей.

Назначение Н. Н. Крестинского в новый наркомат было довольно обычным приемом Сталина: не надо давать объяснений. В одном наркомате написали приказ об увольнении в связи с переходом на другую работу. В другом наркомате еще не успели написать никакого приказа.

20 мая 1937 года поздно вечером за ним в его кремлевскую квартиру приехали работники НКВД. Он был спокоен. Видимо, к этому «визиту» он давно в душе подготовился. Простился с женой, которая только что пришла с работы. Испуганной шестнадцатилетней дочери Наташе, сидящей на своей кровати и наблюдавшей за обыском и торопливыми сборами отца, Николай Николаевич спокойно сказал: «Учись, дочка. Знай, я ни в чем не виноват».

Для такого заявления у него были все основания. Только два года назад на вопросы анкеты, связанной с очередной проверкой членов партии: «Подвергался ли партвызысканиям за время пребывания в ВКП(б)?» — он написал: «Не подвергался».

Но теперь его объявили «врагом народа» еще до того, как начался суд.

Судебный процесс по делу так называемого антисоветского «правотроцкистского блока» проходил в Октябрьском зале Дома союзов и продолжался недолго, с 2 по 13 марта 1938 года. Обвинялся 21 человек. Только трое из них потребовали защитников. Они еще верили в какую-то законность и справедливость. Большинство же обвиняемых, и среди них Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, Н. Н. Крестинский, Х. Г. Раковский и др., от защитников отказались.

Председательствующий судебного присутствия Военной коллегии Верховного суда Союза ССР Ульрих дал команду огласить обвинительное заключение. В нем говорилось:

«Обвиняемый Крестинский Н. Н. по прямому заданию врага народа Троцкого вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1921 году».

После прочтения обвинительного заключения, говорится в отчете о заседании, председательствующий опросил каждого подсудимого в отдельности, признает ли он себя виновным. Все подсудимые, за исключением Крестинского, полностью признали себя виновными в предъявленных им обвинениях.

Поэтому государственный обвинитель Вышинский начинает допрос не с Крестинского, а с других подсудимых, чтобы всячески опорочить бывшего заместителя наркома. При этом он не утруждает себя поиском фактов, аргументов и доказательств. Каждое слово Вышинского — ложь и искажение фактов. Он, видимо, рассчитывал на молчаливую толпу, не знающую даже известных событий недавней истории. Да и кто ему мог возразить? Оказывается, мог. Это сделал Н. Н. Крестинский, несмотря на громадное психологическое давление и бесцеремонный характер ведения допроса.

Как прокурор ни лез из кожи, стремясь «уличить» Крестинского, тем не менее последний смог показать, что «свидетели» просто-напросто лгут, что сам он на следствии дал фальшивые показания, бросив тем самым открыто вызов в отношении практиковавшихся методов следствия.

В ходе процесса Вышинский продолжал избегать непосредственного допроса Николая Николаевича, а пытался обвинить его в троцкистской деятельности устами «свидетелей» — подсудимых С. А. Бессонова, Г. Ф. Гринько, Х. Г. Раковского, А. П. Розенгольца и др.

Да и трудно было обвинению доказывать заведомую неправду, хотя оно и манипулировало фактами, как хотело. Ведь Вышинский и суд знали, что Н. Н. Крестинский имел дело в 1921 году не с «врагом народа» Л. Д. Троцким, а с членом Политбюро ЦК РКП(б), наркомом по военным и морским делам, председателем Реввоенсовета Советской Республики и т. д. И вступил он, как рассказывалось выше, не «в изменническую связь с германской разведкой», а в официальные контакты с рейхсвером по прямому указанию Советского правительства, будучи полпредом СССР в Германии.

Можно только удивляться, с какой циничностью обвинение использовало любой действительно существовавший исторических факт или эпизод, переворачивало его с ног на голову для огульных обвинений подсудимых в государственной измене, шпионаже, терроризме. Доказательств не требовалось. Суд не ставил под сомнение голословные утверждения прокурора, не требовал проведения экспертизы документов, обоснования фак-

тов. Все обвинение покоилось лишь на «показаниях» и «признаниях» подсудимых на предварительном следствии. Как выколачивались эти признания, теперь нам известно. Но даже в этой обстановке Н. Н. Крестинский выступил против предъявленных обвинений:

— Я не признаю себя виновным. Я не троцкист. Я никогда не был участником «правотроцкистского блока», о существовании которого я не знал. Я не совершал также ни одного из тех преступлений, которые вменяются лично мне, в частности, я не признаю себя виновным в связях с германской разведкой... Я до ареста был членом ВКП(б) и сейчас остаюсь таковым.

После этого заявления Н. Н. Крестинского в заседании суда был объявлен перерыв. Допрос Крестинского перенесли на следующий день. Можно только догадываться, какой «обработке» он подвергся, какие физические и моральные муки пришлось ему перенести, если на следующем судебном заседании он признал себя виновным. Допрошенная в качестве свидетеля бывший начальник санчасти Лефортовской тюрьмы Розенблюм в 1956 году показала: «...Крестинского с допроса доставили к нам в санчасть в бессознательном состоянии. Он был тяжело избит, вся спина его представляла из себя сплошную рану, на ней не было ни одного живого места. Пролежал, как я помню, он в санчасти дня три в очень тяжелом состоянии».

В наше время рассказывают различные версии этого вынужденного признания, в том числе и о том, что на самом деле Крестинского подменили двойником. Но что бы там ни было, мужество таких людей, как Н. Н. Крестинский, Н. И. Бухарин и др., явилось не только вызовом сталинским извергам, но и лучом света и надежды на возрождение поруганной чести и достоинства советских людей, отвергающих насилие и утверждающих законы справедливости и демократии.

Георгий Драгунов

Новые факты о гибели В. В. Воровского

Массивный, с богатым декором отель «Сесиль» в Лозанне. Там же — псевдоготической постройки замок Уши. С виду ничем не примечательный дом на Пляс дю Сирк в Женеве... Волею судеб эти три здания 10 мая 1923 года оказались связанными одной цепочкой с трагической страницей истории — убийством Вацлава Вацлавовича Воровского. Это преступление оборвало жизнь соратника Владимира Ильича Ленина, государственного деятеля и революционера, выдающегося советского дипломата, высокообразованного человека и замечательного публициста. Оно привело также к острому советско-швейцарскому конфликту, надолго омрачившему отношения между обеими странами.

20 ноября 1922 года в замке Уши открылась конференция, целью которой были подготовка мирного договора с Турцией и установление режима черноморских проливов. В Лозанне она была созвана не случайно. Благодаря политике постоянного нейтралитета Швейцария еще с XIX века оставалась в стороне от бушевавших в Европе войн, в связи с чем ее города нередко избирались для международных переговоров по урегулированию различных политических конфликтов. А с 1919 года Женева стала резиденцией Секретариата Лиги Наций, местом проведения сессий Ассамблей и заседаний Совета Лиги.

Хотя официально целью Лозаннской конференции было объявлено «окончательное восстановление мира на Востоке», на самом деле страны Антанты, прежде всего Англия, Франция и Италия, намеревались уже не военным, а экономическим и политическим путем закабалить новую, кемалистскую Турцию. Для этого был создан объединенный дипломатический фронт союз-

ных держав. Чтобы изолировать Анкару, они сперва попытались устранить от участия в конференции Советскую Россию, которая, откликаясь на просьбу Кемалю Ататюрку о помощи, подписала в 1921 году советско-турецкий Договор о дружбе и братстве. А когда замысел Лондона и Парижа не удался, они заявили, что допустят советских представителей лишь на тот период работы конференции, на котором будет обсуждаться вопрос о черноморских проливах.

22 ноября 1922 года в Лозанну прибыл из Рима, где он был полпредом, В. В. Воровский, назначенный членом делегации, а 1 декабря — вся единая делегация РСФСР, Украины и Грузии во главе с народным комиссаром иностранных дел Г. В. Чичериним. Не останавливаясь подробно на ходе конференции, упомянем лишь, что в феврале — середине апреля 1923 года в ее работе наступил перерыв, связанный с отказом Анкары принять ультимативные требования английского министра иностранных дел лорда Керзона, врученные от имени Антанты. Советская делегация заняла на конференции благожелательную в отношении законных интересов Турции позицию, разоблачала империалистическую политику союзных держав и отстаивала такой проект режима проливов, который гарантировал бы безопасность и интересы всех черноморских стран без исключения.

Разумеется, сообщения о позиции Страны Советов попадали в международную печать и создавали определенное настроение у мировой общественности, сильно раздражавшее Париж и Лондон. Для отношения делегатов Англии, Франции и некоторых их союзников к нашей стране на самой конференции были характерны враждебные выпады, демонстративный отказ рассматривать наши предложения, советских представителей не допускали к участию в работе экспертов. Эта обструкция широко рекламировалась буржуазной печатью.

При возобновлении в апреле работы конференции «приглашающие державы» не оповестили об этом официально Москву. Как заявил секретариат конференции (чему опять же была дана умышленная огласка), Россия может участвовать в заседаниях только в том случае, если заранее возьмет на себя обязательство подписать конвенцию о режиме проливов на условиях Запада. (Напомним, что этот режим продержался недолго и был изменен на конференции в Монре́ в 1936 году.)

Прибывший снова в Лозанну в качестве полномочного представителя РСФСР, Украины и Грузии Воровский, вопреки нормам международного права, был лишен дипломатических привилегий, причем французское агентство Гавас поспешило сделать этот факт общеизвестным. Разумеется, все это содействовало раздуванию антисоветских страстей, в том числе и в Швейцарии.

Георгий Петрович Драгунов — журналист-международник, в 1963—1969 и 1979—1983 годах работал заведующим отделением ТАСС в Женеве.

Печатается по: Международная жизнь, 1989, № 4. С. 130—141.

Зловещую роль сыграл и так называемый «ультиматум Керзона» от 8 мая 1923 года, его вызывающий характер и тон требований, предъявленных Советскому правительству.

Таковы некоторые обстоятельства, связанные с Лозаннской конференцией и той международной обстановкой, которая предшествовала убийству Воровского и сделала его возможным. Но были у этой страницы истории и другие аспекты.

В то время в Женеве, на Пляс дю Сирк, 3, размещалось «представительство русского Красного Креста» во главе с Г. Лодыженским. Учрежденное еще царской Россией, оно фактически уже никого не представляло и было совершенно неправомочным, ибо отказывалось признавать Советскую власть. Более того, с 1918 года уже был назначен официальный уполномоченный Российского общества Красного Креста при Международном комитете Красного Креста С. Ю. Багоцкий. Вместе с В. И. Лениным он прошел через трудные годы швейцарской эмиграции и пользовался большим его доверием*.

«Представительство» же Красного Креста царской России стало центром притяжения реакционных белоэмигрантских сил в Швейцарии. «По совместительству» оно представляло также в Швейцарии и при Лиге Наций Русский национальный комитет — одну из антисоветских организаций, тесно связанную с Врангелем. С последним Лодыженский (в прошлом офицер царской армии, бежавший в 1920 году с врангелевцами из Крыма) находился в постоянной переписке. Отсюда, с Пляс дю Сирк, тянулись нити к колчаковским военным миссиям в Швейцарии, Германии и Чехословакии, предпринимались попытки вербовать в белые армии солдат из бывшего русского экспедиционного корпуса во Франции.

В феврале 1921 года Лодыженский обратился в Белград к Врангелю с просьбой направить к нему «заслуживающего полного доверия» сотрудника, и Врангель незамедлительно прислал такого человека — Аркадия Полунина. Капитан царской армии, он вступил после революции добровольцем в армию генерала Алексеева, действовавшую на Дону, был там назначен начальником контрразведки дивизии, которой командовал генерал Крейтер, затем служил в разведке генерала Деникина. С Врангелем же Полунин бежал из Крыма. В галлиполийском лагере, на берегу

* В октябре 1921 года МККК, штаб-квартира которого находилась в Женеве, официально признал Российское общество Красного Креста и Багоцкого как его представителя. После разрыва в ноябре 1918 года дипломатических отношений со Швейцарией он оставался на протяжении двух десятков лет единственным официальным лицом Советского государства в этой стране.

Дарданелл, где разместились после бегства из Крыма остатки белых армий, он, по словам Лодыженского, входил в боевую организацию, руководимую «правой рукой» Врангеля — генералом Кутеповым, которая засылала свою агентуру в Советскую Россию.

«Человеку, заслуживающему полного доверия», Лодыженский положил ежемесячный оклад в 800 швейцарских франков, что по тем временам было немалой суммой. Как выяснилось впоследствии, Полунин прибыл в Женеву, одержимый мыслью «поубивать всех советских руководителей». И случай вскоре представился. Именно с Пляс дю Сирк, образно говоря, был нацелен револьвер, из которого стреляли в Воровского.

Сначала белоэмигрантский центр в Женеве и те, кто им управлял из Белграда и Парижа, из высших эшелонов белого движения, намечали убийство главы советской делегации в Лозанне Г. В. Чичерина*. Но этот замысел по различным причинам не получил развития, возможно, из-за того, что наша делегация на первой фазе конференции была довольно многочисленной. К тому же ни организаторы конференции, ни швейцарские власти еще не ставили ее тогда вне общего дипломатического статуса, включая вопросы безопасности делегатов.

Другое дело — покушение на Воровского. Когда он прибыл в апреле в Лозанну в сопровождении лишь двух сотрудников и одного журналиста — представителя РОСТА (Российского телеграфного агентства), организаторы конференции фактически дали понять, что советский дипломат остается без защиты. Швейцарские власти поддержали пущенную в оборот ложную версию об «отсутствии дипломатических прерогатив» у Воровского (Берн отказал, например, во въездных визах советским дипкурьерам, которые везли для него почту). Лодыженский и Полунин (хотя первый и отрекся на суде от того, что знал о готовящемся покушении на Воровского) наверняка приняли это во внимание.

Но, конечно, лейтмотивом преступления в Лозанне было другое. В белогвардейском руководстве и во враждебных Советской России кругах Запада, в том числе в среде швейцарской реакции, несомненно, понимали значение личности Воровского как политического и государственного деятеля, как дипломата, знали о его роли и в СССР, и на международной арене.

Вацлав Вацлавович Воровский родился 15 (27) октября 1871 года в Москве, в семье инженера-железнодорожника. По оконча-

* Об этом говорил автору почетный председатель Швейцарской партии труда Жан Венсан, который был помощником адвоката Дикера, защищавшего на суде интересы семьи Воровского.

нии гимназии поступил на физико-математический факультет Московского университета, а затем перешел в Московское высшее техническое училище. Из-за участия в революционном движении и репрессий царских властей ему пришлось завершать высшее образование в Мюнхене. С созданием в 1894 году московского «Рабочего союза» он вступил в его ряды. Несколько лет провел в тюрьме и ссылке. Находясь в эмиграции за границей, продолжал активную революционную работу. После Февральской революции был избран в Заграничное бюро ЦК РСДРП (большевиков).

Блестяще образованный человек (знавший много иностранных языков), талантливый публицист, Воровский был автором не только политических статей, но и ряда литературно-критических работ. После Октябрьской революции раскрылся его талант дипломата. Он был полпредом в скандинавских странах, а на Генуэзской конференции — генеральным секретарем советской делегации. В 1921 году стал первым советским полпредом в Италии, с которой, несмотря на разнuzданную антисоветскую кампанию, ему удалось наладить нормальные политические и экономические отношения.

По словам итальянского социалиста Ф. Маффи, выступавшего свидетелем на процессе по делу об убийстве Воровского, советский дипломат пользовался большим уважением итальянского правительства, а также Ватикана.

Проявляя дипломатический такт и выдержку в самых сложных обстоятельствах (например, в 1918 году, во время трудных переговоров между РСФСР и Финляндией, или на Лозаннской конференции), Воровский твердо и последовательно отстаивал интересы Советского государства, был острым полемистом, умел налаживать контакты с потенциально возможными союзниками в дипломатической среде.

Какова же была политическая атмосфера в Швейцарии тех лет? Это важно для того, чтобы знать, что содействовало преступлению в Лозанне, и для того, чтобы понять, в каких условиях был вынесен 16 ноября 1923 года оправдательный приговор убийце Воровского Конради и его вдохновителю и сообщнику Полуину.

Хотя Швейцария оставалась вне первой мировой войны, ее население испытало серьезные тяготы, связанные с ней. Весть о победе русской революции всколыхнула трудящиеся массы. 15 ноября 1917 года в крупнейшем промышленном центре страны Цюрихе состоялось торжественное собрание по случаю победы Октября и подписания Лениным Декрета о мире. С пением «Интернационала» его участники направились к двум военным заводам. По их призыву «Ни снарядов, ни пуль для продолжения

войны!» рабочие покинули цеха. Произошли столкновения с полицией.

Швейцарская буржуазия обрушилась с яростными нападками на рабочее и демократическое движение в стране, а заодно и на Октябрьскую революцию. Возникшие «беснорядки» были объявлены заранее обдуманном большевистским выступлением, которым руководили из-за границы. С конца 1917 и по ноябрь 1918 года в стране не прекращались забастовки, митинги и демонстрации. Впервые в истории Швейцарии забастовка нескольких тысяч банковских служащих парализовала деятельность Цюриха — одного из финансовых центров Европы.

А с 11 по 14 ноября 1918 года страну охватила всеобщая забастовка, в ходе которой выдвигались не только экономические, но и политические требования. Буржуазные газеты распространяли панические слухи о том, будто «красные вот-вот захватят власть», настраивали население против бастующих. Закончившаяся по ряду причин безуспешно, общенациональная забастовка стала сильнейшим потрясением для властей Швейцарии.

Крайне неблагоприятно развивались в тот период советско-швейцарские отношения, причем не по вине нашей страны. 10(23) ноября 1917 года Советское правительство обратилось к группе нейтральных государств, в том числе к Швейцарии, с просьбой довести до сведения воюющих сторон предложение Советской России о заключении мира без аннексий и контрибуций. В этом обращении к Швейцарии проявилось уважение новой России к стране, которая может сыграть определенную роль в международной жизни в силу своего статуса.

Несколько позже РСФСР обратилась к Швейцарии с предложением выработать новый торговый договор взамен утратившей силу (еще при Керенском) русско-швейцарской конвенции 1872 года¹. 17 января 1918 года Наркоминдел довел до сведения Федерального совета (правительства) Швейцарии о желании назначить в Берн своего представителя, и 1 июня туда прибыла дипломатическая миссия во главе с Я. А. Берзиным.

А как действовала другая сторона? Начальник политического департамента (МИД Швейцарии) Ф. Калондер в инструкциях швейцарским посланникам крайне отрицательно отзывался о новом режиме и информировал их, что Берн будет поддерживать с этим режимом «минимум отношений», да и то лишь потому, что в ряде городов России именуются швейцарские граждане.

В первой же беседе с полпредом Берзиным Калондер заявил, что сношения с правительством России «могут быть только

¹ См.: Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 22—23, 432—433.

деловыми, официально швейцарское правительство не может признать ни Советского правительства, ни его дипломатической миссии». В Берне продолжало существовать посольство Временного правительства, а политический департамент демонстративно внес фамилии представителей Керенского в список дипкорпуса.

Официальный Берн, пишет швейцарский буржуазный историк А. Сени, всячески препятствовал деятельности миссии Берзина, мешал нормальному функционированию советской службы дипломатов, вел полицейскую слежку за Берзиным и его сотрудниками и т. д.

Подстрекаемый лидерами Антанты и швейцарскими реакционными кругами, Федеральный совет искал повода для антисоветских акций. 20 марта 1918 года швейцарский посланник в Петрограде Ожье выступил инициатором демарша представителей семи западных стран в защиту собственности граждан этих государств, подпавшей под национализацию. Другой коллективный протест этих семи стран — против мер Советского правительства по борьбе с контрреволюционными элементами от 5 сентября — был квалифицирован НКВД РСФСР как грубое вмешательство во внутренние дела республики. Когда же в ноябре 1918 года в Швейцарии разразилась «великая стачка», власти не придумали ничего лучшего, как изобразить Советскую Россию, ее миссию в Берне виновниками этой мощной акции швейцарского рабочего и демократического движения. На основании беспочвенных инсинуаций о причастности миссии Берзина к событиям в Швейцарии она была выслана 12 — 14 ноября из страны (членов миссии вывезли на военных автомашинах под конвоем конных драгун).

Проявляя большую выдержку, советская сторона не ответила репрессалиями на этот акт, швейцарская миссия в РСФСР действовала до февраля 1919 года и выехала по собственному почину. Шумную антисоветскую кампанию развернули правые печати и политические группировки. Изобретались различные слухи о «пронсах Москвы», выдвигались требования применить санкции к советской миссии. Эта кампания не прекращалась вплоть до 10 мая 1923 года.

Распоясались и участники профашистской «Национальной лиги», штаб-квартира которой находилась в Лозанне. С начала мая они повели яростную пропаганду против пребывания В. В. Воровского в Лозанне. 5 мая в местных газетах появился такой материал: «Из сообщения, сделанного секретариатом конференции политическому департаменту, вытекает, что в настоящее время Россию нельзя больше рассматривать как приглашенную принять участие в конференции».

Члены лиги, несомненно, восприняли подобную публикацию как своего рода индульгенцию. 6 мая несколько «активистов» явились в гостиницу «Сесиль», где жила советская делегация, и затеяли с ее участниками провокационный разговор. На другой день они заявили журналистам, что силой заставят русских большевиков уехать из Швейцарии, вывезут их на лодке на французский берег Женевского озера. 7 и 8 мая газеты поместили много откликов на этот инцидент, давая понять: поскольку власти не реагируют на выходы членов лиги, значит, советская делегация практически беззащитна.

Сообщая 9 мая в полпредство РСФСР в Берлине об очередной антисоветской вылазке, В. В. Воровский писал: «За этими хулиганскими мальчишками слишком ясно чувствуется чужая сознательная рука, возможно, даже иностранная. Швейцарское правительство, хорошо об этом осведомленное, ибо все газеты полны этим, должно нести ответственность за нашу неприкосновенность. Поведение швейцарского правительства есть позорное нарушение данных в начале конференции гарантий, и всякое нападение на нас в этой архиблагоустроенной стране возможно только с ведома и попустительства властей»¹.

Так завязались, сплелись в один роковой узел обстоятельства, приведшие к лозаннской трагедии.

Нашелся и непосредственный исполнитель террористического акта — белогвардеец Мориз Конради. Его дед, родом из швейцарского кантона Граубюнден, перебрался в Россию еще в XIX веке. Семья Конради владела шоколадной фабрикой в Петербурге, фабрикой в Москве, магазинами, в том числе на Невском проспекте, имела дом на Васильевском острове². Во время первой мировой войны Конради вступил в русскую армию. После Октябрьской революции бежал к белым в Яссы, а оттуда с отрядом генерала Дроздовского попал к Деникину на Кубань. В 1920 году вместе с остатками врангелевской армии капитан Конради через Крым попадает в галлиполийский лагерь белых. В 1921 году он оказывается в Цюрихе, где служит чертежником.

В 1918 году предприятия семьи Конради в Петрограде были национализированы, арестованы его отец и дядя, причем последний, со слов племянника, был расстрелян. Поддерживая связи с белогвардейским офицерством в эмиграции, Конради вышел в Женеве на Лодыженского и Полунина. Полунин, служивший в той же воинской части, что и Конради, легко нашел с ним общий язык. Конради, получившему от своих покровителей денежную поддержку, внушалась мысль убить «какого-нибудь из

¹ Документы внешней политики СССР. Т. VI. М., 1962. С. 285—286.

² См.: Весь Петроград, 1917.

видных большевиков». С таким замыслом он ездил в Германию и Польшу, однако совершить там террористический акт ему не удалось.

7 мая Полуниин едет из Женевы на разведку в Лозанну, где подробно знакомится с подходами к замку Уши и гостинице «Сесиль». На другой день он шлет Конради в Цюрих срочным переводом 200 франков «на необходимые расходы», заверяя будущего убийцу в том, что «Воровского практически никто не охраняет». Конради теперь не только знает, где и когда искать Воровского. Полуниин разъяснил ему, что убийство такого видного дипломата не только нанесет удар усилиям Советской России добиться признания де-факто, но и помешает в будущем большевикам принимать участие в международных конференциях, созываемых в Швейцарии, ибо «они не забудут, что там был убит один из них»*.

9 мая Конради садится в ночной поезд, надрезав кончики пули своего браунинга, чтобы сделать рану в большей степени смертельной. С утра 10 мая на лозаннском вокзале он «подкрепляет» себя водкой, а вечером в гостинице «Сесиль» садится за один из столиков ресторана, то и дело вынимая из кармана снимок советской делегации, вырезанный из журнала. Метрдотель, дважды приносивший ему коньяк, заявил на следствии: «Конради так нервничал, что я сказал директору ресторана, что этот человек мне не нравится».

В 20 часов 45 минут в зал вошли В. В. Воровский и два других члена делегации — Аренс и Дивильковский*. Сели за стол. Вскоре, кроме них и Конради, в зале остались только два посетителя да еще оркестр. Внезапно Конради подошел к Воровскому и выстрелил ему почти в упор в затылок. Воровский умер фактически мгновенно. Затем Конради четырежды выстрелил в Аренса, ранив его в плечо и в бедро. Дивильковский, пытавшийся обезоружить убийцу, был ранен двумя пулями в грудь.

Сказав метрдотелю: «Я убил русских собак! Я сделал хорошее дело!», Конради отдал ему оружие, затем направился к оцепеневшим от ужаса музыкантам и цинично потребовал, чтобы те играли траурный марш Грига. Когда же оркестранты отказались, Конради хладнокровно подошел к портье, купил у него иллюстрированный журнал и стал его листать. Вскоре прибежали два врача, вызванные дирекцией гостиницы. Полиция появилась только через 25 минут.

* Из показаний Полуниина и Конради на следствии.

** Иозеф (Исидор) Израилевич Аренс с 1921 года служил в Наркоминделе. Во время Лозаннской конференции — корреспондент РОСТА. В 1927—1930 годах был сотрудником посольства СССР во Франции, затем работал в Канаде.

Максим Анатольевич Дивильковский работал в Наркоминделе с 1921 года. Член советской делегации на Лозаннской конференции.

Вот как описал это трагическое событие М. А. Дивильковский (в журнале НКВД «На смену» в № 1 за 1923 год): «Когда я теперь вспоминаю эту сцену, огненными чертами прошедшую перед глазами, передо мной опять и опять встает тот же вопрос: почему мы, уже предупрежденные выступлениями фашистской «делегации», погромными выходками всей черносотенной печати, не остереглись этого фронтально одетого человека, одиноко сидевшего за столиком рядом с нами... Мы вставали в эту минуту. Вацлав Вацлавович, сидевший налево от меня, складывал салфетку и что-то рассказывал. Вдруг над моим ухом раздался выстрел, и он, как-то удивленно раскрыв рот, опустился к стене... Я вскопчил, одновременно грянул второй выстрел и раздался крик: «Вот для коммунистов!»... Вацлав Вацлавович сидел, опершись головой о стену и издавая слегка слышимый хрип. Аренс лежал лицом к земле по другую сторону стола...» «Когда мы, подложив под голову Вацлава Вацлавовича табуретку, разложили его на полу, никакого признака жизни мы уже не могли в нем найти. Десять минут я провел, сидя на полу около убитого в ожидании врача. И когда наконец пришел врач, я не мог встать из лужи крови, образовавшейся вокруг нас...»

Конради — в лозаннской тюрьме, начато следствие. Одним из первых документов подшивается найденная в гостинице «Эроп» (где он остановился) своеобразная декларация убийцы — «Мое признание», где он в канун преступления выставлял себя «справедливым мстителем» и заявлял, что будущие поколения будут ему «благодарны». Тут же другой документ: письмо из Женевы от Полуниина за его подписью на адрес гостиницы и опять с деньгами. Конради уже не успел получить это письмо, и оно выдало связь убийцы с Полуниным. Последний, не зная точно, как будут разворачиваться события, решил на всякий случай запастись визой во Францию, собрал вещи, но уехать не успел, хотя судебный следователь — он располагал документом Полуниина уже 11 мая — выдал ордер на его арест лишь 13 мая.

По словам «Журналь де Женев» от 15 мая 1923 года и по свидетельским показаниям Лодыженского на процессе, обыск в кабинетах «представительства русского Красного Креста» в Женеве носил «поверхностный характер». В бумагах Полуниина полиция «не нашла» письма от Конради, из которого явствовало, что оба белогвардейца уже длительное время были в контакте. Лодыженский без стеснения указывает, что после ухода полиции он тут же нашел компрометирующие бумаги в лапках Полуниина и уничтожил их.

Швейцарский историк Анетта Гаттикер, которая в 70-х годах исследовала преступление в Лозанне, следующим образом оценивает действия полицейских властей Женевы. «Полуниин, — кон-

стирует она,— оставил (на Пляс дю Сирк) исключительно компрометирующие документы, и если агенты службы безопасности, один из которых даже знал русский язык, ушли с пустыми руками, то это потому, что они проявили недопустимую небрежность». Но только ли в ней дело?

По всей Советской стране прокатилась мощная волна гневных протестов против преступления в Лозанне. В НКВД поступили соболезнования от правительств Афганистана, Италии, Германии, Швеции, Турции, Персии (Ирана), Литвы, Латвии, а также из Ватикана. Все газеты Швеции, где Воровский проработал некоторое время полпредом РСФСР, напечатали некрологи. Как писала правительственная «Свенска дагбладет», Воровский пользовался всеобщими симпатиями. Его дипломатические заслуги отметила и «Стокгольмс-тиднинген». «Редко пуля убийцы попала в более благородное сердце»,— подчеркнула «Социалдемократен».

16 мая правительство РСФСР направило правительству Швейцарии ноту, указав, что швейцарскими властями «не были приняты самые элементарные меры предосторожности для охраны Российского делегата и его сотрудников». В ноте содержалось требование строжайшего расследования преступления, суда над преступниками, принятия мер в отношении всех должностных лиц, виновных в попустительстве убийству¹.

Но Федеральный совет пошел по иному пути. В ответной ноте от 19 мая, составленной в раздраженных тонах, швейцарское правительство снимало с себя всякую ответственность за гибель советского дипломата, заявляло, что ему-де «не в чем себя упрекнуть».

Чтобы показать, что он не придает убийству советского дипломата того значения, как правительство РСФСР, Федеральный совет сообщил, что дело Конради как ординарное уголовное дело будет разбираться в суде кантона Во, а не в федеральном суде. «Исполнительная власть,— говорилось далее,— не может вмешиваться в действие судебной власти». И хотя формально это верно, но в данном исключительном случае, когда имело место политическое убийство иностранного дипломата, такое подчеркнутое «невмешательство» давало всем понять, что Федеральный совет просто умывает руки.

Правая печать Швейцарии, ободренная позицией Федерального совета, сразу после шока (ведь это было первым убийством иностранного дипломата за всю историю страны!) перешла в наступление. После убийства, вспоминает М. А. Дивильковский,

«началась кампания швейцарских буржуа против жертв ими же посланного убийцы. (...) Поступок Конради восхвалялся как благородный жест возмущенного человека против угнетателей его родины».

Позиция Федерального совета, антисоветская кампания, развернутая правой печатью и подхлестываемая из-за рубежа,— все это, конечно, воздействовало на умонастроения швейцарского обывателя, особенно в кантоне Во, где предстоял суд над убийцами. Дело дошло до того, что владельцы отеля «Сесиль» предъявили советской делегации счет... за посуду, разбитую во время покушения.

Вечером 10 мая гроб с телом Воровского был установлен в часовне на кладбище Монтуа. В знак уважения к памяти покойного там присутствовали делегаты Турции, Германии и Греции на Лозаннской конференции. Однако фашиствующие молодчики из «Национальной лиги» не унимались: стало известно о их намерении выбросить гроб из часовни, надругаться над прахом. Работая в 60-х годах в Швейцарии, я встретился с двумя коммунистами из предместья Лозанны, людьми преклонного возраста, рассказавшими, как они дежурили ночью в осажденной активистами лиги часовне, от охраны которой полиция устранилась.

На траурной церемонии 14 мая выступили председатель КПШ Франц Велти, прибывший из Берлина советский дипломат А. Устинов и представитель советского Красного Креста в Италии д-р Шефтель, приехавший из Рима вместе с тяжелобольной Дорой Моисеевной Воровской. Затем траурный кортеж двинулся на вокзал. Несмотря на проливной дождь, на перроне собралось много людей, чтобы отдать последний долг покойному. Служба порядка обеспечивалась швейцарскими коммунистами. Полиция следила за тем, чтобы никто ни выступал с речами и не пел «Интернационал».

В Берне и Цюрихе к поезду пришли делегации рабочих с красными флагами. В Шафхаузене будущий член парламента и мэр этого города В. Брингольф произнес речь, резко осуждавшую убийц. Когда поезд прибыл в Берлин, на вокзале и вокруг него собрались тысячи людей. Под звуки «Интернационала» гроб был покрыт большим советским флагом и поставлен на утопавший в цветах катафалк. В течение всего дня множество людей шли в советское посольство поклониться праху покойного. Венок был возложен и от имени германского правительства.

20 мая в Москве от Виндавского (Рижского) вокзала до Красной площади 500 тысяч человек провожали в последний путь Воровского. С речами выступили Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Г. В. Чичерин. Воровский был погребен у Кремлевской стены.

¹ Документы внешней политики СССР. Т. VI. С. 313—315.

Через год на небольшой площади на пересечении Кузнецкого моста с улицей Дзержинского перед зданием, где до 50-х годов находился Наркоминдел, ему был установлен памятник. Постамент памятника сооружен из мраморного блока, присланного в дар итальянскими рабочими. Именем Воровского были названы предприятия и улица в Москве и других городах, военный корабль. Союз журналистов СССР учредил премию имени Воровского за лучшие работы в области международной журналистики. Имя Вацлава Воровского вошло в историю советской дипломатии.

Судебный процесс по делу об убийстве Воровского состоялся в Лозанне 5 — 16 ноября 1923 года. В Советской России надеялись, что справедливость восторжествует и швейцарский суд сурово покарает убийцу и его сообщников. На процесс был направлен из Москвы член коллегии защитников Сергей Борисович Членов. Вместе с тремя адвокатами-швейцарцами он представлял гражданский иск — интересы вдовы и дочери Воровского. Его коллегами были Франц Велти, адвокат из Базеля, председатель КПШ и два женеvских адвоката — Поль Маньена, член партии радикалов, бывший начальник департамента юстиции и полиции кантона Женева, и Жак Дикер, член СДПШ (в свое время он эмигрировал из России в связи с преследованиями за революционную деятельность и натурализовался в Швейцарии). Все адвокаты — люди разных политических убеждений — отказались от вознаграждения за свой труд, считая делом чести защиту интересов семьи Воровского.

Готовилась к процессу и другая сторона. Лодыженский собирал «подходящих людей» в качестве свидетелей защиты. В Париже ему была обещана помощь от одного из сподвижников генерала Кутепова князя Трубецкого, от военного министра Временного правительства, лидера октябристов А. Гучкова, других представителей белоэмигрантских кругов. По указанию Врангеля Лодыженскому направлялись в Женеву различные материалы с целью очернить Советскую Россию. Недаром адвокат Полунина заявил: «Этот процесс будет не процессом по делу Конради и Полунина, а процессом по делу большевизма».

Защищать Конради взялся лозаннский юрист С. Шолфер, член партии радикалов, депутат парламента страны. Адвокат Полунина — Т. Обер из Женевы, член административных советов ряда компаний, лидер «международной Антанты против III Интернационала» (ее называли также «лигой Обера»). Позднее, в 30-х годах, выступая в берлинском «Шпортпаласт» перед девятью тысячами гитлеровцев, он призвал их к войне против СССР.

Но мало было найти во всей Европе подходящих по духу адвокатов и свидетелей защиты, надо было накалить антисоветские страсти в Швейцарии, добиться того, чтобы предубеждения, если не ненависть к новой России, обуяли обывателей кантона Во, в том числе и девять потенциальных присяжных заседателей на процессе.

Чтение протоколов судебных заседаний воссоздает картину острой схватки адвокатов обеих сторон. Обер и Шолфер беззастенчиво делали грубые выпады политического и личного характера против Членова, Велти и Дикера. Председатель суда приказал однажды вывести Велти из зала. В трудных условиях мобилизации вокруг процесса сил белогвардейской и швейцарской реакции защитники пострадавшей стороны подготовили такой отпор, какого их противники не ожидали.

Вызванный ими в качестве свидетеля генерал Добровольский, бывший командир корпуса деникинской армии и военный губернатор Крыма при Врангеле, обрисовал на суде картину белого террора в России. На издевательские реплики о «предательстве» Добровольский ответил: «Я считал бы за честь вступить в Красную Армию, которая действительно является национальной армией России... Как патриот, я считаю, что только нынешний режим может привести Россию к возрождению». А бывший министр иностранных дел в правительстве Колчака, известный ученый-юрист (в 1923 году профессор Московского университета) Ю. Ключников подчеркнул в своих показаниях, что красный террор начался лишь в ответ на белый террор, размах которого был устрашающим. Анри Барбюс из-за болезни не смог приехать, но на суде было оглашено его заявление. Проводя параллель между убийствами Воровского и Жана Жореса, знаменитый писатель требовал наказать убийцу, исходя из принципа уважения самой человеческой жизни.

Со своей стороны, адвокаты убийц Воровского пытались изобразить Конради и Полунина «справедливыми мстителями», доведенными до отчаяния «террором большевиков». Их речи были преисполнены такой ненавистью к Воровскому и к Советской России, что даже прокурору пришлось просить их умерить свой пыл. Публика в зале была наэлектризована, раздавались выкрики: «Оправдать героев!» И радители бесчестного дела добились своего: 16 ноября суд вынес оправдательный приговор Конради и Полунину. Их присудили лишь к уплате судебных издержек, а у Конради был... конфискован пистолет, из которого он стрелял в Воровского.

Международная демократическая общественность была глубоко возмущена решением лозаннского суда. Недоумение «слепотой Фемиды» выражали даже органы буржуазной печати, в том

числе влиятельный американский журнал «Форин афферс». По словам итальянской газеты «Мессаджеро», «противники Советской России не сумели объективно судить об этой стране, которая оправляется от своих ран и имеет самое прочное в Европе правительство». Швейцарский посланник в Мадриде сообщил в Берн, что испанское общественное мнение не одобряет оправдание убийц Воровского. Компартия и соцпартия Швейцарии заклеймили этот судебный фарс.

В 1925 году, когда Лига Наций приняла решение о проведении конференции по разоружению, был приглашен и СССР (в то время наша страна еще не была членом Лиги Наций) участвовать в работе подготовительной комиссии, а также и самой конференции. В ответ на это приглашение Советское правительство нотой от 16 января 1926 года известило председателя Совета Лиги Наций, что оно «должно констатировать невозможность посылки своих делегатов в комиссию и на конференции, заседающие на территории Швейцарии, до разрешения его конфликта с последней».

Правительство Франции, заинтересованное в тот период в участии СССР в конференции, предложило свое посредничество в ликвидации советско-швейцарского конфликта из-за убийства Воровского. Приняв это предложение, СССР сообщил свои требования к Швейцарии: 1. Прямое и недвусмысленное выражение сожаления по поводу убийства В. В. Воровского. 2. Манифестация этого сожаления путем назначения денежной компенсации дочери В. В. Воровского.

Однако швейцарское правительство не проявляло стремления к примирению. Поэтому, когда поступило новое приглашение от Лиги Наций, Москва еще раз подтвердила категорический отказ участвовать в какой-либо конференции, созываемой на территории Швейцарии. В связи с этим и в значительной степени под давлением других стран Берн был вынужден занять иную позицию. Швейцарское правительство пошло на непосредственные переговоры с СССР, в результате чего 14 апреля 1927 года был подписан протокол о ликвидации советско-швейцарского конфликта. В нем Федеральный совет заявлял, что он «всемерно осуждает» убийство В. В. Воровского и покушение на его спутников, выражает сожаление по этому поводу и готов предоставить дочери Воровского материальную помощь. Оба правительства заявляли, что конфликт считается ликвидированным.

ЦИК и СНК СССР постановили прекратить экономический бойкот Швейцарии. Советские делегаты уже в мае 1927 года приняли участие в международной экономической конференции в Женеве, а также в работе подготовительной комиссии к конференции по разоружению. Но дипломатические контакты между

СССР и Швейцарией были восстановлены лишь в 1946 году, после того как был полностью оздоровлен политический климат в их отношениях. С тех пор советско-швейцарские взаимосвязи и обмены развивались по восходящей, в интересах обеих стран и упрочения мира во всем мире.

В замке Уши у подножия лестницы надпись на гранитной доске напоминает о том, что в 1922 — 1923 годах там проходила конференция по Ближнему Востоку, в которой «приняли участие Соединенные Штаты, Британская империя, Франция, Греция, Италия, Япония, Румыния, Турция, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Болгария и Россия».

«И Россия...» — эти слова вызывают горькое воспоминание о гибели в расцвете творческих сил прекрасного, яркого человека, выдающегося советского дипломата.

В гостинице «Сесиль» ныне разместились частная клиника, но на фронтоне дома осталось прежнее название. В отделе рукописей Кантональной и университетской библиотеки Лозанны хранятся тома протоколов следствия и процесса по делу об убийстве Воровского. По некоторым данным, стенографическую запись процесса организовал за свой счет С. Б. Членов. Против показаний метрдотеля «Сесиль» на полях документа написано: «Это противоречит заявлению Конради о том, что он хотел убить лишь одного Воровского». Есть ли в СССР экземпляр этих стенограмм, сохранился ли личный архив С. Б. Членова? Ведь по этим документам можно было бы проследить, как в труднейшей политической обстановке упорно боролись за торжество справедливости советский адвокат и его швейцарские коллеги.

Ранее уже упоминалось об изданной в 70-х годах книге швейцарской исследовательницы А. Гаттикер. Пользуясь строго документированными материалами и широким кругом источников, она стремилась объективно рассмотреть обстоятельства, связанные с убийством Воровского. Новой попыткой непредвзято оценить эти события является историко-документальный фильм швейцарских режиссеров Т. Масло и Ш. Понсе, продемонстрированный 19 августа 1988 года по телевидению романской Швейцарии. Оценивая этот фильм, женевская газета «Курье» заключила: «Он показывает, что швейцарское правосудие того времени было не на высоте и Советской Республике было чем возмущаться».

Владимир Соколов

О жизни и дипломатической работе
Я. А. Берзина (Берзиньш)

Ян Антонович Берзин — активный участник латышского революционного движения, советский государственный деятель и дипломат.

В революционном движении

Ян Берзин родился 29 сентября (11 октября) 1881 года в семье бедного латышского крестьянина в Фегенской волости тогдашней Лифляндской губернии. С раннего возраста ему пришлось работать пастухом и батраком. Учился только зимой, нередко с перерывами, в приходской и волостной школах. Семнадцати лет, получив казенную стипендию, Ян поступил в учительскую семинарию в Риге. Учился прилежно. Здесь же он стал изучать социал-демократическую литературу на латышском и русском языках, получаемую от старших товарищей. Постепенно начал участвовать в деятельности местной социал-демократической организации, распространять листовки и воззвания. В 1901 году, окончив семинарию, Ян Берзин получил место народного учителя в Цирстенской волости.

В начале 1902 года Я. А. Берзин организационно связал свою жизнь с партией. По заданию социал-демократической группы он провел осенью того же года по тем временам довольно широкую агитационную кампанию среди новобранцев в городе Венден, обратившись к ним с воззванием «Внимание солдат». За это весной 1903 года подвергся первому аресту. Через несколько месяцев он был освобожден из тюрьмы «на поруки родителей». Но прошел год, и Берзин был снова арестован и сослан в административном порядке на пять лет в Олонекскую губернию под гласный надзор полиции. В ссылке Ян Антонович впервые узнал о расколе в РСДРП и сразу же примкнул к большевикам. Через год, в июле 1905 года, он бежал из ссылки за границу. Это первое его пребывание в «эмиграции» оказалось недолгим, всего два

месяца. В России начиналась революция, и он не мог отсиживать-ся за рубежом.

В начале августа 1905 года Я. А. Берзин выехал из Берлина в Ригу. В течение пяти месяцев, живя нелегально, он вел активную революционную работу: писал прокламации и статьи, вместе с товарищами печатал их на гектографе и распространял среди рабочих, выступал на многочисленных митингах, был среди руководителей забастовки железнодорожников в уездном городе Валке. В середине декабря Берзин был арестован карателями. Ему грозил военно-полевой суд. Но поскольку он скрывался под чужой фамилией, то для выяснения личности его передали в руки жандармов. 8 августа 1906 года он был освобожден снова «на поруки родителей».

В сентябре 1906 года Я. А. Берзин приехал в Петербург и с головой окупнулся в революционную работу. Сначала он был пропагандистом «латышского района» петербургской организации РСДРП, а затем и секретарем Петербургского комитета. Весной 1907 года его избрали делегатом на Лондонский съезд партии. В конце 1906 — начале 1907 года Берзин нелегально жил в Финляндии. Здесь он впервые встретился с В. И. Лениным, с тех пор у них завязалась большая, крепкая дружба.

После V съезда РСДРП Ян Антонович участвовал в работе съезда латышских социал-демократов. По завершении съезда по поручению ЦК РСДРП Ян Антонович едет в Гельсингфорс (Хельсинки), где занимается подготовкой протоколов Лондонского съезда.

Осенью 1907 года, писал позднее Ян Антонович, «я снова вернулся в Петроград, но работать пришлось недолго, так как крупные провалы среди товарищей из военной организации, с которыми я был тесно связан, сделали невозможным дальнейшее пребывание в России и мне пришлось уехать за границу».

Этот период эмиграции длился для него нелегких десять лет.

Короткое время он живет в Финляндии, Дании и Германии, а весной 1908 года переезжает в Швейцарию (г. Цюрих). Осенью 1909 года Ян Антонович, по его словам, «перекочевал в Париж», где в январе 1910 года участвовал в работе пленума ЦК РСДРП. Он был избран членом Заграничного бюро ЦК, принимал участие в работе Комиссии по организации партийной школы в деревне Лонжюмо под Парижем. Здесь В. И. Ленин читал лекции по политической экономии, аграрному вопросу, по теории и практике социализма. Ян Антонович пытался посещать лекции в Цюрихском университете и завершить образование в Сорбонне, но все увеличивавшийся объем партийной работы и необходимость зарабатывать на жизнь властно потребовали от него отказаться от этих замыслов.

Я. А. Берзин писал статьи для большевистской печати, газеты «Пролетарий» и центрального органа РСДРП «Социал-демократ», выступал в дискуссиях с меньшевиками и бундовцами.

Но особенно активно работал он в заграничных организациях латышской социал-демократии. В противовес захваченному меньшевиками центральному органу «Циня» («Борьба») он создал свой орган «Бюллетень», вокруг которого сплотились латышские большевики, находившиеся в эмиграции.

На состоявшемся в Брюсселе в январе 1914 года съезде латышских социал-демократов победило большевистское крыло во главе с Я. А. Берзиным, М. И. Лацисом и др. В работе съезда принял участие В. И. Ленин, специально приехавший в Брюссель по просьбе Я. А. Берзина. Съезд избрал Яна Антоновича одним из редакторов центрального органа «Циня», членом Бюро заграничных групп латышских социал-демократов и представителем в Международном социалистическом Бюро.

Вся работа велась в тесном контакте с В. И. Лениным, другими руководящими деятелями партии. Ян Антонович принимал участие в Циммервальдской конференции и содействовал созданию так называемой «Циммервальдской левой», положившей начало Коммунистическому Интернационалу. В годы первой мировой войны Я. А. Берзин энергично ведет антивоенную деятельность. Вместе с будущим наркомом, большевиком М. М. Литвиновым, он выступил по поручению В. И. Ленина в феврале 1915 года на Лондонской конференции социалистических партий стран Антанты со специальной антивоенной декларацией. В этот период Владимир Ильич неоднократно писал Я. А. Берзину, часто встречался с ним, они были единомышленниками.

Умный, чуткий, доброжелательный, писал в своих воспоминаниях известный советский дипломат И. М. Майский, Берзин невольно привлекал к себе всех, кто с ним сталкивался. Его жена, добрая, отзывчивая, умеющая расположить к себе собеседника, своими качествами в немалой степени способствовала этому.

И далее И. М. Майский продолжал: в годы эмиграции мы просто любили Берзина и его семью как милый, теплый дом, где можно было собраться, дружески побеседовать, приятно провести время и услышать от хозяина что-либо умное или интересное¹.

Видимо, за эти душевные качества Владимир Ильич сохранил привязанность к Яну Антоновичу на всю жизнь.

В августе 1916 года Я. А. Берзин, почувствовав за собой слежку, выехал из Англии, где жил около года, в Соединенные Штаты. Документы Особого отдела Департамента полиции пока-

¹ См.: Майский И. М. Воспоминания советского посла. Кн. I. М., 1964. С. 293—294.

зывают, что российские жандармы постоянно следили за деятельностью Берзина. Им были хорошо известны многие его партийные клички: Винтер, Зиёмелис, Земель, Норд.

В США Ян Антонович стал редактором латышской газеты «Страднекс». Одновременно он сотрудничал в нью-йоркском издании «Новый мир», много ездил по стране, выступал с рефератами, содействовал объединению левых элементов американского рабочего движения в «Лигу Социалистической пропаганды», ставшую впоследствии основой Коммунистической партии США.

При первом известии о революции в России Я. А. Берзин поспешил на родину. Летом 1917 года он прибыл в Петроград, участвовал в VI съезде РСДРП(б) и был избран членом ЦК партии. Во время разгула контрреволюции в столице Берзин переехал в Латвию, где его избрали членом ЦК латышской социал-демократии.

Накануне Октябрьского вооруженного восстания Я. А. Берзин был вызван в Петроград. Второй Всероссийский Съезд Советов избрал его членом ВЦИК. В течение трех месяцев он участвовал в работе его организационной и агитационной комиссий.

В феврале 1918 года Ян Антонович был назначен в заграничную комиссию ВЦИК. Ему и А. М. Коллонтай поручалось выехать в Швецию и там вместе с В. В. Воровским наладить информационную работу о созидательной деятельности Октябрьской революции. Но выехать из революционной Финляндии ему не удалось. Тем не менее судьба его была предопределена: ему предстояло заняться дипломатической деятельностью.

Миссия в Швейцарию

В середине апреля 1918 года Я. А. Берзин был назначен полпредом Советской России при правительстве Швейцарской Республики. В ноте от 17 апреля временно исполняющий обязанности наркома по иностранным делам Г. В. Чичерин просил швейцарского консула в Москве «доставить об этом назначении до сведения швейцарского правительства». Но этому событию предшествовали другие важные шаги, которые предприняло Советское правительство, чтобы выйти из внешнеполитической изоляции.

Прежде всего, выполняя Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов, Советское правительство вывело Россию из войны, заключив, хотя и на кабальных условиях, мирный договор с Германией и ее союзниками. В соответствии с Брестским мирным договором были установлены дипломатические отношения с Германией. В Берлин выехал первый советский полпред А. А. Иоффе.

Одновременно в Лондоне начал действовать в качестве официального представителя не признанного английскими властями Советского правительства находившийся там в эмиграции М. М. Литвинов.

Тем самым была облегчена задача одного из первых организаторов НКВД И. А. Залкина, отправившегося в Берлин провести зондаж о возможности приезда советского официального представителя в Швейцарию. Если вначале один из членов швейцарского правительства (Федерального совета) заявлял: «Швейцария — страна маленькая, мы зависим от больших держав», то после открытия советского полпредства в Берлине и «Русского посольства» в Лондоне все возражения швейцарцев отпали. В ноте швейцарского МИД (политического департамента) от 19 апреля 1918 года выражалось согласие выдать визу Я. А. Берзину, в его личном качестве, но одновременно отмечалось, что «эта виза не означает признание его швейцарскими властями в качестве официального представителя Советской власти».

Отъезд затягивался... Но по настоянию В. И. Ленина было решено, что Я. А. Берзин со штатом своей миссии выедет в Берлин, где через советского полпреда А. А. Иоффе будет добиваться согласия швейцарского правительства на въезд в страну не в качестве частного лица, а как официального представителя Советской России.

Вечером 3 мая 1918 года Ян Антонович и другие сотрудники миссии (всего 18 человек) выехали из Москвы. В его дипломатический паспорт, подписанный Л. М. Караханом, были вписаны супруга Роза Абрамовна и дочь Майя. Вспоминая впоследствии свои беседы с В. И. Лениным накануне отъезда, Ян Антонович отмечал, что Владимир Ильич считал, что в то время чисто дипломатической работы будет немного. Чрезвычайное значение он придавал работе информационного характера и считал, что Швейцария является как раз тем местом, откуда можно будет знакомить страны Запада со всем, что происходит в России. При этом он не переставал повторять: «Нужно работать так, чтобы вас не могли обвинить в пропаганде. В Швейцарии как-никак свобода и демократия, там мы всегда находили приют, будучи эмигрантами, и свободно издавали свои органы. Там не может быть легальных препятствий для интервью в газеты, для статей, для издания брошюр о России и т. д. Он смущался, — вспоминал Берзин, — когда я ему указывал, что одно дело — свобода для частных граждан, а совсем другое — для дипломатического представителя»¹...

В Берлине Ян Антонович столкнулся с первым препятствием:

ему лично был разрешен въезд в Швейцарию, что же касается сотрудников его миссии, то виз для них не было. В этих условиях Я. А. Берзин отказался выехать в Берн. Об этом полпред А. А. Иоффе сообщил в Москву. Наркоминдел одобрил действия Берзина. 15 мая глава швейцарской миссии в Берлине информировал Яна Антоновича, что вопрос о визах для его сотрудников решен, но предупредил, что визы будут даны при условии, что члены миссии не будут вмешиваться во внутренние дела Швейцарии и заниматься агитацией. Через два дня Ян Антонович со всем составом миссии прибыл в столицу Швейцарии.

Неделю спустя, 24 мая, Я. А. Берзин был принят президентом республики Ф. Калондером, который со всей определенностью, несмотря на внешнюю любезность, заявил, что отношения с Советской Россией «могут быть только деловыми, официально швейцарское правительство не может признать ни Советского правительства, ни его дипломатической миссии». Со своей стороны, полпред высказал надежду, что «фактическое» признание только по форме будет отличаться от официального, и выразил готовность временно согласиться с этим, оставив открытым вопрос об официальном признании.

В ходе беседы Ян Антонович поставил перед собеседником ряд вопросов и добился обещания, что в будущем швейцарское правительство не будет поддерживать отношения с бывшей российской дипломатической миссией. «А можете ли Вы, — спросил Ф. Калондер, — подтвердить, что все члены Вашей миссии не будут вести политической агитации в Швейцарии?»

Мы приехали не для политической агитации, — ответил Берзин, — а для восстановления дипломатических, финансовых и торговых сношений, и во внутренние дела Швейцарии вмешиваться не намерены. Мы приехали не с целью выступать на митингах и собраниях, но так как про Советскую Россию распространяется на Западе, в том числе и в Швейцарии, слишком много ложных сведений и против нас ведется самая беспардонная клеветническая кампания, то я буду считать своим долгом опровергать ложные сведения и содействовать распространению правдивой информации о России.

27 мая в швейцарских газетах было опубликовано короткое сообщение о состоявшейся беседе, в котором подчеркивался неофициальный характер установленных отношений с Советской Россией. В инструкции швейцарским посланникам за рубежом Ф. Калондер в качестве начальника политического департамента информировал их, что Берн будет поддерживать с советским режимом «минимум отношений».

Официальный Берн, отмечал швейцарский историк А. Сени, всячески препятствовал деятельности миссии Берзина, мешал

¹ См.: Правда, 1925, 21 января.

нормальному функционированию советской службы дипкурьеров, вел полицейскую слежку за Берзиным и его сотрудниками.

Но все это не смущало сотрудников миссии, которые были готовы к антисоветской кампании со стороны русских белогвардейских газет и антантофильских органов печати Швейцарии. «Наш приезд,— писал Ян Антонович в одном из своих первых писем в НКВД,— для маленькой республики явился, конечно, великим событием. Можно, пожалуй, с уверенностью сказать, что никогда еще швейцарская печать не уделяла столько внимания приезду дипломатического представителя, как в данном случае». Конечно, каждый последующий шаг миссии вызывал массу кривотолков, а то и просто брани по адресу советских представителей.

Прежде всего после официального визита к президенту перед Берзиным встал вопрос о ликвидации старой дипломатической миссии Временного правительства. Царский посланник А. М. Ону пользовался поддержкой влиятельных правительственных и экономических кругов. Полпред потребовал передать здание и все принадлежащее России имущество сотрудникам полпредства Н. М. Любарскому, И. А. Залкиндю и А. Д. Петерсону. Посланник высокомерно отказался. Пришлось вновь обратиться за помощью к официальным швейцарским властям.

Я. А. Берзин нанес визит министру иностранных дел Швейцарии Ч. Р. Паравичини и попросил оказать содействие в получении имущества и архивов старой миссии. Однако из беседы с министром скоро выяснилось, что царский посланник уже успел побывать у министра и просил у него защиты. Поэтому министр заявил полпреду:

— Швейцарское правительство не могло обещать ему такой защиты, но оно не может и Вам оказать никакого содействия, так как обе миссии находятся в приблизительно одинаковом положении.

— Ваши рассуждения,— возразил полпред,— существенным образом противоречат заявлению г-на Президента, который заверил, что наша миссия будет единственной представительницей России.

Прошло несколько недель, и до Яна Антоновича стали доходить сведения о том, что бывший посланник А. М. Ону производит «чистку» архивов. Полпред вновь заявил протест министру иностранных дел, указав, что ответственность за пропажу документов или за растрату денег, находящихся на счету старой миссии, ляжет на швейцарское правительство.

Ввиду протестов советского полпреда швейцарское правительство постановило опечатать имущество и все дела старой миссии, чтобы возвратить их дипломатическому представительству официально признанного российского правительства.

Это было начало деятельности полпредства. Связь с Москвой была затруднена. Многое ему приходилось решать самому, лишь посоветовавшись с товарищами на месте. Советских дипкурьеров задерживали под различными предлогами на германо-швейцарской границе. Яна Антоновича беспокоило, правильно ли он решает возникающие задачи. И он запрашивает НКВД: «Очень Вас прошу, товарищи, сообщите мне, одобряете ли Вы принятые мною шаги?»

Ответ он получил от Г. В. Чичерина несколько позже, а тогда до него в первую очередь дошли нетерпеливые письма и записки В. И. Ленина.

Ленин торопит и предостерегает

Владимир Ильич писал 2 июня в записке Я. А. Берзину или Г. Л. Шкловскому: «Дорогие друзья! Удивляюсь, что от Вас до сих пор ни звука»¹.

Поскольку Ян Антонович, занятый организационными делами миссии, не сразу смог выполнить его поручения, Владимир Ильич, выражая свое недовольство, писал полпреду в Берлине А. А. Иоффе: «Удивлен и возмущен крайне отсутствием вестей из Швейцарии. Говорят, туда еженедельно курьеры. И ни слова!

Что делают Берзин и Шкловский?

Перешлите им, пожалуйста, это письмо и примите меры к получению ответа»².

Владимир Ильич перечислил в этом письме конкретные документы, брошюры и газетные материалы, которые он хотел бы срочно получить из Швейцарии³.

Успокоился Владимир Ильич лишь тогда, когда от Яна Антоновича стала поступать регулярная информация. «За письма спасибо,— писал он Берзину 3 августа.— Работаете Вы, видимо, энергично. Привет!»

В то же время он не преминул сообщить об истинном положении в стране. «Здесь критический момент,— писал Ленин,— борьба с англичанами и чехословаками, и кулаками. Решается судьба революции»⁴.

Уже 14 августа 1918 года В. И. Ленин пишет Яну Антоновичу совершенно в другом тоне: «Дорогой тов. Берзин! Пользуюсь оказией, чтобы черкнуть пару слов привета. Благодарю за издания от всей души».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 89.

² Там же. С. 102.

³ См. там же. С. 102—103.

⁴ Там же. С. 135.

К записке он делает приписку: «Шлите по экземплярчику интересных газет (с отзывами о бе-ках) и новые брошюры, все и всякие: английские, французские, немецкие и итальянские. Не жалейте денег»¹.

Через неделю Владимир Ильич повторяет свою просьбу².

А тем временем Ян Антонович уделяет большое внимание судьбе русских граждан, оказавшихся в Швейцарии. В первую очередь он старается оказать помощь политическим эмигрантам и интернированным солдатам, многие из которых были больны. С горячим сочувствием Берзин сообщал в НКВД о том, как солдаты ждали и с настоящим восторгом встречали сотрудников советской миссии. Полпред предпринимает энергичные меры по репатриации русских солдат на родину.

25 июля 1918 года Я. А. Берзин добился новой встречи с президентом Швейцарии. В ходе беседы он поставил вопрос об улучшении отношения швейцарских властей к российским солдатам, бежавшим из Франции, Австрии и Германии. Президент, указав на определенные сложности этой проблемы, в том числе на недисциплинированность русских солдат, тем не менее выразил готовность швейцарских властей в деле прискания работы для русских солдат, улучшения их материального положения и скорейшей отправки на родину.

Ян Антонович поднял в этой беседе еще ряд вопросов, в том числе о непризнании в ряде кантонов паспортов, выданных советской миссией, об антисоветской травле в швейцарской печати, где особенно выделялась «Газет де Лозанн» и др. Президент, со своей стороны, поинтересовался возможностью возобновления или продления на год договора о торговле и проживании, расторгнутого правительством Керенского. Полпред обещал довести эти предложения до сведения Советского правительства³.

Реакция Москвы была довольно быстрой. В ноте от 23 августа 1918 года нарком Г. В. Чичерин сообщил швейцарскому посланнику Э. Одьё о готовности советской стороны вести переговоры по выработке нового договора о торговле со Швейцарией. Одновременно нарком затронул вопрос о транзите через Швейцарию русских солдат, возвращающихся из Франции. Уже на другой день швейцарское правительство дало на это свое согласие. Вопрос о возвращении русских солдат на родину был разрешен.

Но Ян Антонович не забывает о главной цели своей миссии, на что ему неоднократно указывал В. И. Ленин, — информационной. Он внимательно изучает печать европейских стран, пишет длинные аналитические письма в НКВД, Ленину, доводит до

сведения широких общественных кругов Европы содержание декретов Советской власти, мирных инициатив Советского правительства, издает брошюры со статьями и выступлениями В. И. Ленина и его соратников. Он пытается найти подходы к влиятельным деятелям стран Антанты, чтобы начать с ними на нейтральной территории переговоры о мире. Но страны Антанты взяли курс на войну и вмешательство во внутренние дела Советской России. И в Швейцарии работать становилось все труднее. К тому же...

Напряженная работа сказывалась на слабом здоровье Яна Антоновича, и, когда нервная нагрузка увеличивалась, организм его не выдерживал. Не способствовала улучшению здоровья и склока, возникшая среди руководящих работников миссии. Узнав об этом, Владимир Ильич писал Я. А. Берзину: «Слышал про то, что у Вас все перессорились. Шкловского и Залкинда возьмем.

В случае чего пишите; я буду подписывать Ваши *приказы* (подчиненным Вам лицам), чтобы не смели сориться и исполняли строго Ваши *приказы*»¹.

Постоянно заботясь о здоровье Яна Антоновича, Ленин советовал ему: «Лежите и лечитесь *строго*; жить Вы должны *не* в Берне, а в горах на солнце, где есть и телефон и железная дорога, а в Берн посылать секретаря и ездить должны к Вам».

В то же время Владимир Ильич не преминул предупредить Берзина: «Все приготовить на случай, что Антанта заставит Швейцарию Вас выслать. *Bereit sein* *!!»².

Ян Антонович предвидел такую возможность. Еще раньше он писал в НКВД об усиливающейся с каждым днем травле против большевиков. «Более всего, конечно, достается при этом нам, — отмечал он, — чем мы особенно гордимся!»

Находившаяся в тот период в Швейцарии известная деятельница международного социалистического рабочего движения Анжелика Балабанова писала в своих воспоминаниях: «К тому времени, в связи с событиями в Германии, на фронте и в тылу, к побежденной стране и ее «союзникам» начали относиться соответствующим образом. Ввиду этого и к представительству РСФСР отношение стало резко изменяться. Когда я приехала в Берн 7 ноября на празднование годовщины нашей революции, в воздухе уже чувствовались всякого рода «осложнения». Уже начинали поговаривать о нежелательности пребывания в Швейцарии русской миссии»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 201.

* Будьте готовы! (нем.). — Прим. ред.

² Там же. С. 201.

³ Балабанова А. Из личных воспоминаний циммервальдца. М.; Л., 1925. С. 182.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 150.

² См. там же. С. 161—162.

³ См.: Вестник МИД СССР, 1988, № 16. С. 44.

И действительно, 12 ноября 1918 года швейцарское правительство под давлением стран Антанты выслало из Швейцарии советскую миссию во главе с Я. А. Берзиным.

Этой «трагикомической высылке» предшествовало решение Федерального совета Швейцарии, обвинившего миссию в пропаганде и подрывной деятельности в связи с проходившей в те дни в стране «великой стачкой». Правда, комиссия Федерального совета Швейцарии, расследовавшая этот инцидент, в своем заключении в 1920 году решительно отвергла это обвинение, но тогда, в ноябре 1918-го, Яну Антоновичу пришлось навсегда покинуть страну. На советско-германской границе Я. А. Берзин встретился с полпредом в Берлине А. А. Иоффе, которого выслали из Германии. Стало ясно, что дело не в забастовке и не в каком-то ошибочном шаге со стороны миссии. Просто мировой империализм после поражения в войне кайзеровской Германии перешел в широкое наступление против молодой Советской республики.

По приезду в Москву Яну Антоновичу прямо на вокзале сообщили, что его просил захватить Владимир Ильич. Вспоминая об этой встрече с В. И. Лениным, Берзин писал:

«Он меня встретил чрезвычайно радушно, помню, мы опять с ним расцеловались. Отмечаю это потому, что, по моим наблюдениям, Владимир Ильич не любил подобных изъятий чувств, и я не видел, чтобы он когда-либо и с кем-либо поцеловался. Но в его отношениях ко мне я всегда чувствовал не только товарищеское, но и какое-то отцовское чувство.

В другой комнате шло какое-то заседание, куда должен был пойти Владимир Ильич, но он попросил подождать его, долго не отпускал меня. Он подробнейшим образом расспрашивал о нашей швейцарской работе, об оставшихся там товарищах, о росте революционного движения в странах союзников и т. д. А когда я его как-то в разговоре спросил о его ране, где именно у него застряла пуля, он заявил с какой-то застенчивостью: «Это все пустяки, легко сошло. Рукой только двигать не очень удобно...»¹

После короткого отдыха Я. А. Берзин был направлен в январе 1919 года в Латвию, где он вошел в состав Советского правительства в качестве наркома просвещения. Время было трудное, и ему приходилось заниматься всеми вопросами, которые вставали в тот период перед страной.

В мае 1919 года он вошел в состав Исполкома Коминтерна, а потом стал и его секретарем. Личное знакомство со многими деятелями международного революционного движения, знание иностранных языков очень помогали ему в работе, когда обсуж-

дались и согласовывались общие позиции представителей различных партий в Коминтерне.

Но прошло немного времени, и Ян Антонович по предложению В. И. Ленина вновь был направлен на дипломатическую работу.

Полпред в Финляндии

В апреле 1920 года Ян Антонович получает новое дипломатическое поручение. Его назначают главой советской делегации на переговорах о заключении перемирия с Финляндией. В состав делегации вошли также Платон Михайлович Керженцев, главный редактор РОСТА (Российского телеграфного агентства), видный публицист, с которым Берзин не раз встречался в Англии и США еще до революции, а также профессиональный революционер Николай Сергеевич Тихменев. Это были их первые дипломатические поручения, но далеко не последние.

Переговоры проходили в г. Юрьеве (Тарту). Политическая обстановка вокруг полпредства и мирной делегации оставалась сложной. В Эстонии осела значительная часть белогвардейцев из разбитой под Петроградом армии Юденича.

Вечером 22 июня 1920 года, когда Я. А. Берзин с женой и секретарем делегации А. С. Черных совершал прогулку на лодке в окрестностях города Юрьева, по нему было сделано три выстрела. К счастью, никто не пострадал. Как выяснилось, покушение совершил капитан эстонской армии Кликс с террасы кафе «Отиула». По указанию наркома Г. В. Чичерина, полпредство вручило эстонскому правительству в связи с этим официальную ноту протеста. После проведенного расследования 7 сентября министр иностранных дел Эстонии Бирк выразил в ноте на имя Г. В. Чичерина свое глубокое сожаление.

Да и на самих переговорах финляндская делегация, получавшая инструкции от своего правительства, пришедшего к власти после разгрома с помощью иностранных интервентов «красных» в Финляндии, стремилась максимально ущемить интересы Советской страны, навязав РСФСР невыгодные условия. «Наиболее трудным вопросом мирной конференции, — отмечал П. М. Керженцев, — был вопрос о границах». Финляндские правящие круги мечтали присоединить к Финляндии до 70 тысяч квадратных километров советской территории.

После трехмесячных интенсивных переговоров 13 августа 1920 года был подписан договор о перемирии между двумя странами сроком на 31 день с последующим затем автоматическим продлением, если ни одна из сторон не заявляла о желании расторгнуть соглашение.

¹ Правда, 1925, 21 января.

Переговоры были продолжены, и 14 октября 1920 года Я. А. Берзин от имени РСФСР подписал мирный договор с Финляндией. Финскую делегацию возглавлял будущий президент Финляндии Юхо Кусти Паасикиви.

Советское правительство, стремясь поскорее выйти из войны и дать народу мирную передышку, вынуждено было пойти на значительные территориальные уступки (область Печенги на севере, часть Карельского перешейка и др.).

26 лет спустя президент Ю. К. Паасикиви назвал этот «успех» Финляндии «роковым» для своей страны. Он заявил, что Россия никогда не допустит того, чтобы ее граница проходила в двух десятках верст от Петрограда, Россия не может обойтись без Выборгской губернии. «Но в 1920 году мы, в том числе и я, не были столь дальновидными», — продолжал он.

«Однако в 20-х и 30-х годах существовавшая граница была приемлемой, ибо Советская Россия была тогда слаба. В Финляндии полагали, что Советская Россия будет всегда находиться в таком состоянии и должна быть оттеснена в восточный угол Финского залива, который настолько узок, что, как нам говорили русские в Тарту, в нем крупный военный корабль вряд ли может повернуться»¹.

Но даже этот невыгодный для Советской России договор не устраивал наиболее воинственные круги Финляндии. Уже в 1921 году была предпринята попытка вооруженным путем «пересмотреть» некоторые статьи Юрьевского договора, по которым Финляндия признавала исконное право России на Восточную Карелию.

Согласно статье 36 заключенного мирного договора, между двумя странами немедленно устанавливались дипломатические и консульские отношения. Первым полпредом РСФСР в Финляндии стал Ян Антонович Берзин, который 20 февраля 1921 года вручил свои верительные грамоты президенту Финляндской Республики.

Но до этого важного события была попытка направить Яна Антоновича советским представителем в Рим, где, как полагало Советское правительство, он мог бы не только представлять интересы Советской России, но и поправить свое здоровье в благоприятном климате Италии. Однако итальянское правительство не дало своего согласия на въезд Я. А. Берзина. Вместо него в Италию поехал В. В. Воровский, которому пришлось пережить и антисоветский шабаш фашистов, и грандиозный успех советской делегации в Генуе, и злонамеренную провокацию российских бандитов в Швейцарии, приведшую в мае 1923 года к его преждевременной гибели.

¹ Линия Паасикиви. Статьи и речи Ю. К. Паасикиви. 1944—1956. М., 1958. С. 73.

А Ян Антонович с небольшим составом своей миссии прибыл в Хельсинки, несмотря на все попытки финляндских властей как-то задержать и затруднить ее работу: то предлагалось советским дипломатам пройти медицинское освидетельствование, то карантин и т. д.

В своем первом письме президенту Финляндии К. Ю. Стольбергу советский полпред писал:

«Господин Президент,

Разрешите мне от имени Российского Советского Правительства выразить Вам мои чувства глубокого удовлетворения, вызванные установлением дипломатических отношений между Россией и Финляндией. Русский народ, проникнутый искренней симпатией к трудолюбивому и высококультурному финляндскому народу, горячо желает поддерживать с ним мирные и дружественные отношения. С подписанием в октябре прошлого года Мирного договора открывается новая эра в истории отношений этих двух стран.

Советская Россия, приступающая в настоящий момент к мирному восстановлению своей экономической жизни, глубоко заинтересована в установлении самых тесных экономических и культурных связей с Финляндией. Мы уверены в том, что такое сближение, основанное на Мирном договоре, равным образом отвечает жизненным интересам Финляндии».

Ян Антонович заверил, что все свои заботы в качестве первого дипломатического представителя РСФСР в независимой Финляндии он направит на обеспечение дружбы и добрососедских отношений между двумя странами.

Однако неделю спустя после этого письма в Кронштадте возник контрреволюционный мятеж. 7 марта 1921 года нарком Г. В. Чичерин предупредил финляндское правительство, что руководители мятежа могут воспользоваться созданным положением для создания осложнений в отношениях между двумя странами.

Вопросы, связанные с последствиями кронштадтского мятежа, неожиданно обрушились на Яна Антоновича. После разгрома мятежников к 18 марта часть их нашла убежище в Финляндии. Но мятежники не только укрылись сами, но и вывезли значительное количество советского государственного имущества. В течение нескольких дней Я. А. Берзин вел переговоры с министром иностранных дел Р. Холсти, а затем изложил требования Советского правительства в соответствующей ноте, а именно:

— полное разоружение кронштадтских повстанцев, нашедших убежище на финляндской территории,

— возвращение Советской России государственного имущества, вывезенного беженцами в Финляндию,

— переселение повстанцев в местности, отдаленные от советской границы.

Это были спокойные, разумные и обоснованные требования. Правительство Финляндии в принципе приняло их, но в своей ответной ноте указало, что оружие мятежников будет временно сохранено в качестве гарантии покрытия расходов, причиненных беженцами финляндскому государству.

Буржуазная печать ряда стран, в том числе и Финляндии, широко использовала события вокруг кронштадтского мятежа для активизации антисоветской пропаганды. По поручению наркома Я. А. Берзину приходилось опровергать фальшивки, разъяснять представителям финляндской прессы истинное положение дел.

Но реакционные круги находили другие поводы, чтобы обострить советско-финляндские отношения. Так, после того как стало известно, что приходы Реполы и Пораярви вновь отошли по Мирному договору к Советской России, буржуазная пропаганда стала делать все, чтобы воспрепятствовать «обратному включению» обоих приходов в состав России.

Полпред неоднократно заявлял протест против антисоветской кампании, в которой принимали участие и официальные лица Финляндии. Выступая 8 апреля перед представителями печати, Я. А. Берзин рассказал о тех усилиях, которые предпринимала советская миссия по налаживанию торговых отношений между двумя странами, что предусматривалось Мирным договором. Однако финляндское правительство отказалось пропустить в страну советскую торговую делегацию, увязав этот вопрос с совершенно не относящейся к нему проблемой репатриации из России финляндских граждан. Согласившись в конце концов в результате переговоров на приезд советской торговой делегации, правительство Финляндии настолько урезало ее состав, что деятельность торговой делегации стала невозможной. Тем самым развитию советско-финляндских отношений был нанесен новый удар. В ноте от 11 апреля 1921 года нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин даже спросил, «считает ли еще себя финляндское правительство связанным условиями Мирного договора».

С лета 1921 года начались продолжавшиеся полтора года прямые налеты с финляндской территории бандитских групп на приграничные советские селения, где они совершали грабежи и насилия, уводили лошадей, рубили лес и т. д. Я. А. Берзин заявлял протесты, которые игнорировались властями Финляндии. Только через год, 1 июня 1922 года, между РСФСР и Финляндией было подписано соглашение о мерах по укреплению неприкосновенности границы. Но к этому времени Яна Антоновича уже не было в Финляндии.

24 июня 1921 года он был освобожден с поста полпреда РСФСР в Финляндии, где его заменил А. С. Черных, с которым они вместе работали в Швейцарии, а затем и в Финляндии.

Три года в Великобритании

Ян Антонович в конце июля 1921 года отправился в Лондон. Назначение его не было случайным. Отношения с Великобританией после подписания 16 марта англо-советского торгового соглашения имели для Советской России все более растущее значение. Вслед за Великобританией, учитывая ее роль в мировых делах, на путь признания РСФСР де-факто встали Германия, Австрия, Норвегия и другие государства. Официальным представителем РСФСР в Великобритании был опытейший, образованнейший человек, Леонид Борисович Красин, дипломат, нарком внешней торговли, соратник В. И. Ленина по революционной борьбе. Но из-за чрезмерных перегрузок он не всегда мог находиться в Лондоне. Требовался заместитель, который бы уверенно руководил работой советского представительства или, как оно официально называлось, «Российской торговой делегацией», на время отсутствия Л. Б. Красина. Обычно Л. Б. Красин оставлял в качестве своего заместителя Н. К. Клышко, старого члена партии, приобретшего значительный опыт в торговых делах. Но узнав об этом, В. И. Ленин выразил Леониду Борисовичу свою озабоченность. В мае 1921 года он писал Л. Б. Красину:

«Обратите сугубое внимание. Клышко не болтлив ли? Дипломат должен уметь молчать и говорить так, чтобы ничего не сказать. Умеет ли Клышко? Понимает ли он это?»¹

И хотя Н. К. Клышко по-прежнему оставался в Лондоне, должность еще одного заместителя официального представителя РСФСР в Великобритании была предложена согласно желанию В. И. Ленина Яну Антоновичу Берзину.

Я. А. Берзин в Лондоне бывал неоднократно, жил там в период эмиграции. Это, конечно, очень помогло ему быстро включиться в новую работу. А дел было немало. В связи с небывалым неурожаем и возникшим голодом в Поволжье и других районах страны приходилось вести переговоры о закупке хлеба, заниматься поиском финансовых средств, содействовать общему развитию советско-британских отношений.

Так, уже 16 августа 1921 года он подписал от имени правительства РСФСР Соглашение с Генеральным директором почт

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 183.

Великобритании о поддержании телеграфной связи между двумя странами.

Жизнь ставила перед ним все новые проблемы, которые он решал совместно с Л. Б. Красиным и Н. К. Клышко. Британские правящие круги выражали недовольство политикой Советской России на Востоке, болезненно реагировали на антиимпериалистическую пропаганду. Они воспрепятствовали нормализации отношений РСФСР с Канадой, с представителями которой была достигнута предварительная договоренность о посылке туда советской миссии во главе с П. Л. Войковым. Под крылышком британской администрации в Египте и ряде других районов проводилась вербовка русских солдат и отправка их на Дальний Восток в белую армию.

Ян Антонович обращал внимание на эти неблагоприятные действия, направлял ноты протеста против необоснованных действий британских властей. В то же время он стремился сохранять нормальные рабочие отношения с чиновниками Форин офиса, политическими деятелями Великобритании.

Большая дипломатическая и политическая работа отнимала много сил. Он часто болел. К тому же Я. А. Берзин никогда не прекращал своей журналистской деятельности.

11 октября в газете «Правда» за подписью «Я. Павлов» появилась его статья «Письмо из Англии № 1», в которой говорилось об отношении различных классов Англии к Советской России, давался анализ рабочего движения, положения в Компартии Англии и т. д.

В. И. Ленин, отвечая 15 октября на полученную им от Берзина записочку, отреагировал очень быстро на вышеупомянутую статью, осторожно обратил внимание на соблюдение Яном Антоновичем дипломатической этики:

«Кстати. Видел я статью Я. Павлова в «Правде». Вероятно, Я. Павлов будет у Вас дня на два. Скажите ему: не лучше ли без имени и без даты и без места жительства появляться в печати? Боюсь, что иначе не пойдет.

Ваше мнение?»¹

И, конечно, зная слабое здоровье Я. А. Берзина, Владимир Ильич неизменно советует:

«Надо лечиться как следует. Обязательно. И вылечиться... Лечитесь, пожалуйста, постоянно и пишите изредка»².

Не довольствуясь вышеприведенной запиской, В. И. Ленин пишет официальному представителю РСФСР в Великобритании Л. Б. Красину:

«Надо лечить и вылечить т. Берзина. Работник ценный.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 271.

² Там же. С. 270, 271.

Нервы надорвал»¹.

Но наступили горячие дни, связанные с подготовкой Генуэзской конференции, и на лечение времени не оставалось. Ян Антонович отчетливо понимал значение предстоявшей встречи. Впервые Советская Россия выходила на международную арену как равноправная великая держава, без которой не могут быть решены вопросы экономического восстановления Европы.

Л. Б. Красин, вошедший в комиссию Политбюро ЦК РКП(б) по подготовке Генуэзской конференции, а затем в состав советской делегации сначала в Генуе, а затем и на конференции в Гааге, надолго покинул Лондон, бывая там только наездами.

Я. А. Берзин в этих условиях все больше работы брал на себя. В письме заместителю наркома М. М. Литвинову 26 января 1922 года он констатировал: «Все наше внимание в ближайшее время должно быть сосредоточено на подготовке к конференции». Не зная еще оценку Советским правительством условий, выработанных в Каннах Верховным советом Антанты, он, высказывая свое личное мнение, со всей определенностью отмечал, что «ничего абсолютно неприемлемого для нас в этих условиях нет». Он предлагал разработать советскую позицию по всем вопросам, которые могут возникнуть в Генуе, и наметить те направления и области, к которым мог бы проявить интерес иностранный капитал в России.

Соображения Я. А. Берзина внимательно изучались в Москве. Но Наркоминдел требовал все новых и новых материалов. Ян Антонович создал в представительстве специальную комиссию по оперативной подборке необходимых документов и литературы. В письме Г. В. Чичерину он докладывал: «Все Ваши запросы относительно материалов и документов для Генуэзской конференции постараемся выполнить по мере сил и возможности»².

Генуэзская конференция, в ходе которой был подписан Рапалльский договор с Германией о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами, провозглашены основные концепции Советского государства о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем, о всеобщем и полном разоружении, о необходимости экономического равноправного сотрудничества и др., оценивалась Яном Берзиным как большой успех советской дипломатии.

Видимо, растущий авторитет Советской России после Генуи побудил правительства Англии и ее доминиона Канады выступить с инициативой о распространении действия англо-советского торгового соглашения от 16 марта 1921 года на Канаду, что не удавалось сделать несколько месяцев назад. По поручению

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 271.

² Вестник МИД СССР, 1988, № 16. С. 45.

Советского правительства Я. А. Берзин обменялся 3 июля 1922 года соответствующими нотами с исполняющим обязанности министра иностранных дел Великобритании А. Дж. Бальфуrom по этому вопросу. Настоящее соглашение положило начало развитию советско-канадских отношений. Однако потребовалось много времени, прежде чем советские представители смогли прибыть в Канаду.

Иногда для него возникали вопросы неожиданные. Вдруг стало известно, что англичане установили своего рода блокаду черноморских проливов, запретив проход через проливы всем торговым судам, идущим из Черного моря или в черноморские порты. В связи с этим заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан направил 30 сентября 1922 года ноту Великобритании, Франции и Италии, в которой потребовал «отмены блокады проливов и всех ограничений, касающихся свободы прохода торговых судов через Дарданеллы и Босфор, которые были изданы и применяются Великобританией и ее союзниками».

Заместитель официального представителя РСФСР в Великобритании Я. А. Берзин сообщил 4 октября в НКВД, что Форин офис ограничился устным заявлением о том, что формальной блокады проливов нет, но что возможны обыски пароходов, проходящих через проливы. Получив это сообщение, Л. М. Карахан дал указание Я. А. Берзину добиваться более четкого и письменного ответа. Это необходимо было, поскольку зарубежное радио и печать продолжали сообщать, что блокада фактически существует. В связи с новыми демаршами Берзина помощник министра Великобритании Грегори передал ему 21 октября ноту, в которой говорилось, что «никакой блокады не устанавливалось, и русские советские суда могут также беспрепятственно проходить проливы».

И хотя возникший конфликт был улажен, обсуждение этого вопроса оказалось полезным, так как 20 ноября 1922 года открылась Лозаннская конференция, которая наряду с урегулированием ближневосточных проблем рассмотрела вопрос о режиме черноморских проливов. В работе второй части Лозаннской конференции приняла участие советская делегация во главе с наркомом Г. В. Чичериным.

Еще ранее, в мае 1922 года, Ян Антонович уведомил английское правительство об изменениях в составе правления Российского Добровольного флота в Москве. Одновременно он сообщил, что представителями Добрфлота в Лондоне являются Леонид Красин и Ян Берзин.

В середине ноября 1922 года В. И. Ленин получил письмо от супруги Яна Антоновича, Розы Абрамовны Берзин, которая

сообщала о плохом состоянии здоровья ее мужа и о необходимости предоставления ему трехмесячного отпуска. Ее просьба была направлена в ЦК РКП(б), и Секретариат ЦК удовлетворил ее. Длительный отпуск и лечение позволили Я. А. Берзину несколько поправить свое здоровье.

Возвратившись весной 1923 года в Лондон, он заметил, как резко изменилось за это время отношение правящих кругов страны к Советскому Союзу.

Ультиматум Керзона

Лозаннская конференция показала глубокий антисоветизм британской политики, личную враждебную позицию в отношении СССР британского министра иностранных дел лорда Дж. Керзона. Наступление английской реакции шло по всем линиям. В британской столице стали поговаривать о предстоящем разрыве англо-советских отношений и аннулировании англо-советского торгового соглашения от 16 марта 1921 года.

Предвосхищая такое развитие событий, Я. А. Берзин и Н. К. Клышко написали совместное письмо на имя главного организатора парламентской фракции лейбористской партии А. Гендерсона, в котором показали злонамеренный характер ширившейся антисоветской кампании в британской печати и те отрицательные последствия, которые повлечет за собой разрыв англо-советских отношений. Лейбористская партия, находившаяся в тот период в оппозиции, предприняла ряд шагов перед правительством с целью приглушить разрастающийся конфликт. Но реакционные круги Великобритании продолжали вести линию на обострение отношений. 8 мая 1923 года английский представитель в Москве вручил М. М. Литвинову ноту, которая вошла в историю как «ультиматум Керзона». Суть этого ультиматума состояла в том, чтобы Советское правительство в 10-дневный срок удовлетворило ряд требований английского правительства, а именно: освободило британские траулеры, задержанные в советских территориальных водах за незаконный лов рыбы, прекратило «антибританскую пропаганду в Афганистане, Персии, Индии» и преследование религиозных деятелей в СССР, выплатило компенсацию по делам пострадавших в России британских подданных и др.

Этот ультиматум вызвал резко отрицательную реакцию не только в СССР, но и в самой Великобритании. Лидер лейбористской партии Р. Макдональд писал наркому Г. В. Чичерину: «Сегодняшнее правительственное сообщение о посылке канонерки к мурманским берегам с приказом применить силу... вызывает

серьезное беспокойство». Парламентская фракция лейбористской партии просила Советское правительство воздержаться от любых выступлений, которые могли бы ускорить возникновение войны. Со своей стороны, лейбористы заверили, что они используют все способы, чтобы решить возникшие проблемы путем переговоров.

11 мая Советское правительство ответило очередной нотой на «ультиматум Керзона». Телеграфируя в тот же день лидеру лейбористской партии Р. Макдональду, заместитель наркома М. М. Литвинов писал:

«Считаю нужным заверить Вас, что Советское правительство, хотя не может подчиняться ультиматумам и угрозам, готово все русско-британские споры разрешить в миролюбивом духе, как это доказывает его решение освободить захваченные траулеры».

Ян Антонович пережил тяжелые дни. Антисоветская кампания, упоминание имени его товарища по представительству Николая Клышко в «ультиматуме Керзона» создало нервную обстановку вокруг представительства. А из Швейцарии пришло страшное известие об убийстве В. В. Воровского, советского дипломатического представителя в Италии и на Лозаннской конференции, человека, которого он хорошо знал, с которым работал в печати еще до революции. Горестные дни...

Но движение протеста в Англии против антисоветских акций все нарастало. 13 мая на Трафальгарской площади в Лондоне состоялся митинг, проходивший под лозунгами: «Долой войну!», «Англо-русское торговое соглашение должно быть сохранено!» Активную работу в пользу нормализации англо-советских отношений проводил комитет «Руки прочь от России!». Во многих районах Великобритании создавались советы действия из представителей местных рабочих организаций. Важную роль в этой кампании солидарности сыграла лейбористская партия.

В Лондон срочно приехал Л. Б. Красин, и Ян Антонович почувствовал себя уверенней. 17 мая Леонид Борисович встретился с министром иностранных дел лордом Керзоном. Когда-то этот лорд, только пересиливая себя, подавал по требованию Ллойд Джорджа руку знаменитому большевику. Теперь за три года он сумел оценить деловой характер Леонида Борисовича. И хотя они по-прежнему были противниками, но уважали друг друга.

В ходе беседы Л. Б. Красин заявил, что притязания английского правительства означают нарушение суверенитета Советской страны и что «Советское правительство не может принять требования, предъявленные ему, без надлежащего рассмотрения или же без предоставления ему возможности сделать контрпретензии». Лорд Керзон вначале настаивал на своих ультимативных требованиях, но, столкнувшись с твердой позицией Красина,

вынужден был согласиться на продолжение переговоров. Тем самым с языком ультиматума было покончено.

19 мая в английской печати появилось интервью Я. А. Берзина, в котором он, опровергнув утверждения, что разрыв отношений между двумя странами якобы не повлияет отрицательно на торговлю, со всей определенностью указал: «Разрыв торгового соглашения означал бы конец всей торговле между Британией и Россией в данное время, и деловые круги не должны допустить, чтобы тенденциозные заявления и высказывания, появившиеся в заинтересованных кругах, в прессе и где бы то ни было, заслоняли от них этот факт».

В последующие месяцы Ян Антонович уделял по-прежнему основное внимание нормализации советско-английских отношений, много занимался информационной работой, встречался с различными политическими деятелями.

В конце июля Л. Б. Красин был отозван с поста официального представителя СССР в Великобритании. Он должен был сконцентрировать свои усилия на улучшении работы наркомата внешней торговли, которым руководил уже несколько лет и значение которого возрастало в условиях нэпа. Конечно, и здоровье его не могло переносить таких нечеловеческих нагрузок...

Новым официальным представителем СССР в Великобритании был назначен Христиан Георгиевич Раковский, болгарин по национальности, видный деятель РКП(б) и международного революционного движения. Я. А. Берзин хорошо знал его еще до установления Советской власти в России, когда они вместе участвовали в различных международных конференциях, включая Циммервальдскую. После революции Ян Антонович редко встречался с Раковским, который занимал важные посты Председателя СНК и наркома иностранных дел Украины, выезжал в составе советской делегации в Геную. Перед назначением в Великобританию Х. Г. Раковский был назначен заместителем наркома иностранных дел, но в этой должности фактически не работал, и Ян Антонович понимал, что это назначение имело прежде всего дипломатический смысл, чтобы англичане не подумали, что СССР сознательно снижает уровень представительства после «ультиматума Керзона» и отъезда наркома Л. Б. Красина.

Характер работы для Яна Антоновича несколько изменился. Смелый, энергичный и в то же время тактичный Раковский, находившийся постоянно в Лондоне, многое делал сам. Уехал Н. К. Клышко, который возглавил советскую делегацию на пограничных переговорах с Румынией. Стали прибывать новые работники. А Ян Антонович несколько почувствовал себя не у дел.

Он уехал в отпуск, используя его одновременно для продолжения курса лечения. Смерть В. И. Ленина в январе 1924 года, хотя он и знал о его болезни, буквально потрясла его. Берзин долго не мог свыкнуться с мыслью, что Ильича больше нет. Успокоение давала только работа...

Как всегда, по прибытии в СССР он активно сотрудничал в «Правде». Тем временем в Великобритании впервые в истории парламентским путем к власти пришло лейбористское правительство, возглавляемое Р. Макдональдом. 1 февраля 1924 года оно признало СССР де-юре и установило с ним дипломатические отношения. Тем самым была начата «полоса признаний» СССР, поскольку вслед за Великобританией дипломатические отношения с Советским Союзом установили Италия, Австрия, Норвегия и ряд других государств.

После создания полпредства Я. А. Берзин получил новую должность — советника. Сам же Х. Г. Раковский стал поверенным в делах. Правительство Великобритании никак не желало установить дипломатические отношения в полном объеме, то есть обменяться послами. Потребовался еще год и новый, последний приезд Л. Б. Красина.

А тогда, весь 1924 год, был подчинен у Яна Антоновича работе советской делегации, которая во главе с Х. Г. Раковским вела переговоры с английским правительством по выработке Общего договора между СССР и Великобританией. 8 августа договор был подписан, но в силу так и не вступил. Консерваторы, пришедшие осенью к власти, отказались представить на ратификацию подписанный договор.

Ян Антонович живо откликнулся на призыв XIII съезда РКП(б) о передаче подлинников ленинских писем в только что созданный Институт Ленина. Таких писем и записок у него было более десяти. Приехав в конце 1924 года в Москву, он опубликовал в «Правде» в первую годовщину со дня смерти В. И. Ленина свои воспоминания о Владимире Ильиче.

Полпред в Австрии

Весной 1925 года советский полпред в Австрии А. А. Иоффе, ссылаясь на тяжелую болезнь, а это действительно было так, попросил ЦК партии и Советское правительство освободить его от занимаемого им поста, хотя он пробыл в Вене менее полугода. Возможно, кроме болезни, у Адольфа Абрамовича Иоффе, ближайшего сторонника Л. Д. Троцкого, были и другие соображения, в том числе и внутрипартийного порядка, продиктованные их борьбой против И. В. Сталина и его окруже-

ния. Этого Ян Антонович не знал. Тем более для него было совершенно неожиданным последовавшее предложение поехать вместо А. А. Иоффе полпредом в Австрию. Казалось, что кто-то специально высылал его из Москвы как человека, который в течение многих лет был близок к Ленину. А ведь Берзин никак не мог похвастаться хорошим состоянием здоровья.

Готовясь к поездке, знакомясь с документальными материалами недавней истории и анализируя их, Ян Антонович пришел к выводу, что австрийские правящие круги заинтересованы, несмотря на все зигзаги политики, в поддержании нормальных политических и экономических отношений с СССР. Основа такой политики была заложена еще в советско-австрийском Копенгагенском договоре 1920 года, в котором был впервые провозглашен частичный нейтралитет Австрии. В последующие годы положения о нейтралитете Австрии нашли отражение в Женевских протоколах 1922 года и других международно-правовых документах.

Поэтому отдельные неприятные эпизоды советско-австрийских отношений, такие, как заявление министра иностранных дел Австрии Генриха Матайи 20 мая 1925 года, в котором советское полпредство в Вене обвинялось в «большевистской пропаганде», препятствия, чинимые делегации 50 австрийских рабочих-железнодорожников во въезде в Советский Союз, непринятие мер по закрытию в Вене мастерской по изготовлению антисоветских фальшивок, принадлежащей некоему Якововичу, — все это не определяло характер советско-австрийских отношений, и им, по мнению Берзина, не стоило придавать преувеличенного значения. Справедливость рассуждений нового полпреда скоро подтвердила циркулярная телеграмма заместителя наркома М. М. Литвинова от 3 июня, в которой он кратко сообщал: «Возникший на почве речи Матайи конфликт с Австрией улажен».

Приехав в сентябре 1925 года в Вену и вручив 19 сентября верительные грамоты президенту Республики, Берзин в тот же день дал интервью солидной австрийской газете «Нойе Фрайе Прессе», в котором подчеркнул значение хозяйственных успехов СССР для будущего экономического сотрудничества. Он назвал те товары, которые экспортирует Советский Союз, привел данные о закупках австрийских товаров и выразил надежду, что Австрия скоро станет мостом между СССР и другими странами Центральной и Юго-Восточной Европы.

14 октября 1925 года полпред СССР в Австрии Я. А. Берзин информировал НКВД о предполагаемом созыве совещания представителей крупнейших австрийских банков для обсуждения вопроса об учете векселей советских хозяйственных органов. Некоторые венские банки уже и раньше учитывали советские

векселя, но делали это на свой страх и риск, так как Национальный банк не принимал их для переучета. Этим в значительной степени затруднялось получение кредитов для торговых операций СССР в Австрии. «Теперь,— писал полпред,— Национальный банк под давлением австрийских промышленников, заинтересованных в торговле с Советским Союзом, решил переменить свою тактику и принимать в будущем к переучету векселя».

Австрийская печать, отмечал полпред, «приветствовала почти единодушно» это постановление Национального банка. Однако против этого проекта выступило лондонское Сити, которое через «Файнэншл ньюс» и «Таймс» пригрозило Австрии лишить ее кредитов, если «Национальный банк займется финансированием советской торговли».

Угрозы английских газет напугали австрийцев, и только в конце ноября 1925 года австрийский Национальный банк принял решение об учете векселей советских хозяйственных органов.

Более активно стали развиваться советско-австрийские торговые связи. Если в 1924 году советский экспорт в Австрию носил несколько случайный характер, то с января 1925 года он стал более планомерным. По некоторым категориям товаров, отмечалось в отчете НКВД, Советскому Союзу удалось завоевать 60—80 процентов всего австрийского импорта. В связи с успешным развитием торговых отношений в австрийских правящих кругах стал обдумываться вопрос о заключении торгового договора с СССР. Однако реализовать эту идею не удалось.

В связи с ухудшившимся состоянием здоровья Я. А. Берзин был отозван из Вены. В апреле 1927 года коллегия НКВД постановила предоставить ему трехмесячный отпуск и пособие на лечение (неврастеническая депрессия высокой степени).

Не спасают архивные стены

С заграничной дипломатической службой было покончено... Решением Совнаркома Союза ССР в июне 1927 года Я. А. Берзин был утвержден уполномоченным НКВД при правительстве УССР. Он выехал в Харьков, тогдашнюю столицу Украины. Яна Антоновича избрали членом ЦК КП(б) Украины. В его задачу входило поддержание связей с иностранными консульскими представителями в Киеве, Харькове, Одессе, оказание им соответствующей помощи, осуществление посредничества между иностранными представителями, НКВД и местными властями. Работа эта деликатная, требовавшая большого умения, гибкости и такта.

Начавшиеся после XV съезда ВКП(б) массовые чистки партии на местах, произвол, который совершался в отношении видных, заслуженных деятелей партии, действовали на него удручающе. Росло число дел против советских граждан, работавших в иностранных консульствах. Его бессилие помешать действиям ОГПУ вызывало стремление поскорее куда-нибудь от всего этого скрыться. Он все чаще болеет, просит ЦК ВКП(б) предоставить ему для лечения дополнительный отпуск.

Коллегия НКВД СССР на своем заседании 15 мая 1929 года постановила откомандировать Я. А. Берзина в распоряжение ЦК ВКП(б) после сдачи дел Сергею Сергеевичу Александровскому, только что вернувшемуся из Финляндии с должности полпреда.

ЦК ВКП(б), учитывая пожелание Яна Антоновича, направил его на издательскую работу, которой он так много занимался до революции. В 1929—1932 годах Я. А. Берзин занимает должности заместителя главного редактора Большой Советской Энциклопедии и заместителя председателя Комиссии ЦИК СССР по изданию дипломатических документов.

Но прошло три года, и он получил в 1932 году новое назначение: возглавить Центральное архивное управление СССР. Это решение ЦК ВКП(б) и Советского правительства, пожалуй, в наибольшей степени соответствовало его тогдашнему умонастроению и склонностям к научной работе.

Он полагал, что необходимо спокойно переждать наступившее сталинское лихолетье и в этом ему помогут архивные стены. Конечно, «криминала» по тем временам за ним числилось много, хотя бы то, что он лично знал всех лидеров оппозиции и со многими из них поддерживал самые добрые отношения. Надеялся, что, возможно, его просто забудут.

Не забыли...

Его увезли в конце 1937 года, а в 1938 году был «суд» за закрытыми дверями.

Ян Антонович Берзин погиб 12 марта 1941 года в тюрьме.

XX съезд КПСС принес, как и тысячам других советских граждан, посмертную реабилитацию Я. А. Берзину. Надо полагать, что, находясь в тюрьме, Ян Антонович имел возможность оценить ту систему насилия, которая была навязана стране, и осознать роковые ошибки, которые совершила партия при строительстве социализма. Но мы об этих раздумьях никогда не узнаем.

Зиновий Шейнис

Судьба дипломата

Штрихи к портрету Бориса Штейна

Передо мной фотография. Апрель 1922 года. На ней изображена вся советская делегация на международной конференции в Генуе: глава делегации Георгий Васильевич Чичерин, его заместитель Максим Максимович Литвинов, другие известные дипломаты Советской России, советники, эксперты и технический состав. На фотографии запечатлена страница истории Наркоминдела и страны.

Как мы безразличны к своему прошлому, к тому, что составляет поистине уникальную эпоху. Ведь до сих пор не создана история Народного комиссариата иностранных дел, в сущности история первых двух десятилетий Советского государства. История Наркоминдела не может быть вырвана из контекста всей нашей жизни, она органически входит в нее. Она столь же трагична, как другие главы нашей жизни.

...Они остались здесь, на фотографии, навечно: Ян Эрнестович Рудзутак, по предложению В. И. Ленина введенный в состав руководства советской делегации в Генуе. Ему шел в ту пору тридцать второй год, он был членом ЦК РКП большевиков, а после возвращения из Генуи избран секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро.

На фотографии он сидит рядом с Красиным, Литвиновым, Чичериним. Главе делегации шел тогда пятидесятый год. Во втором ряду еще один «старик», Александр Артемьевич Бекзадян, тогда председатель Совнаркома Армении, а в последующие годы полпред Советского Союза в Норвегии, в Венгрии. Как и Рудзутак, он стал жертвой сталинских репрессий, погиб в 1937 году...

Не буду называть всех убиенных наркоминдельцев. Мысленно обращусь к тем, кто избежал сталинских лагерей. Мне посчастливилось встречаться с этими людьми, не раз беседовать с ними, и каждый раз эти встречи и беседы были открытием, погружали

в мир удивительных событий, интересных личностей. Нет, они не были святыми и ничто человеческое не было им чуждо — любовь, горечь разлуки, разочарование, обиды, но над всем была верность идеалам. То было утро Советской России, формировавшей человека новой эпохи, каким он виделся не только мечтателям, томившимся в казематах Шлиссельбурга, каторжных тюрем Нерчинска и Акатуя. То были «дети трудных лет России». Я знал Николая Николаевича Любимова, эксперта Наркоминдела на Генуэзской конференции, шифровальщика делегации Николая Яковлевича Клименкова, прошедшего много лет в сталинских лагерях, Елену Васильевну Голубеву, сотрудницу советской делегации. Но дольше всех я общался с Борисом Ефимовичем Штейном (на указанной фотографии Штейн в верхнем левом углу. Он в кепке). Он избежал ареста, умер в своей постели. О нем даже опубликована справка в «Дипломатическом словаре». Ее стоит привести полностью:

«Штейн Борис Ефимович (1892—1961), советский историк-международник и дипломат. Имел ранг чрезвычайного и полномочного посла.

На дипломат. работе находился с 1920. Заведовал Торгово-полит. отделением, Отделом Польши и Прибалтики, Отделом Центральной Европы, Отделом международных вопросов НКВД РСФСР (с 1923 — СССР); был секретарем советских делегаций на Генуэзской и Гаагской конференциях 1922; в 1927 — генеральный секретарь делегации СССР на международной экон. конференции в Женеве; в 1927—32 — генеральный секретарь делегации СССР в Подготовительной комиссии к Всеобщей конференции по разоружению 1932—34, затем на самой конференции; в 1932—34 — полпред СССР в Финляндии; в 1934—39 — полпред СССР в Италии; в 1934—38 — член делегации СССР в Лиге Наций; в 1940—45 — на научной и педагогической работе в ВДШ (Высшей дипломатической школе. — Авт.) НКВД СССР; в 1945—52 — на ответственной работе в центральном аппарате НКВД (с 1946 — МИД) СССР; в 1952—59 — на научно-педагогической работе.

Доктор ист. наук, профессор.

Автор ряда работ по вопросам внешней политики СССР и международных отношений». (Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 3. С. 587—588.)

Официальная справка вобрала в себя всю жизнь дипломата. В ней есть неточности. Например, Штейн в Генуе был заместителем генерального секретаря делегации Вацлава Вацлавовича Воровского. Но простим эти прегрешения составителям справок. Ведь они шли от анкеты. Жизнь оставалась за рамками бумаги, сочиненной канцеляристом.

Жизнь была другой. О ней речь.

Впервые я увидел Штейна в марте 1940 года. Накануне в редакцию газеты «Труд», который был тогда официозом Наркоминдела, позвонил генеральный секретарь Наркоминдела Аркадий Александрович Соболев и сказал:

— Тут у нас находятся безработные полпреды, можете их использовать.

На следующий день безработные полпреды пришли в редакцию. Это были Александр Антонович Трояновский, в прошлом первый полпред Советского Союза в Соединенных Штатах Америки, и Борис Ефимович Штейн, полпред Советского Союза в Италии.

Я знал, что еще в 1937 и 1938 годах по кадрам Наркоминдела прошел смерч; одних расстреляли, другие были направлены в места, не столь отдаленные.

В моем сознании слово «полпред» было очень значительным, имена этих людей были известны всей стране: Довгалевский, Коллонтай, Карахан, Суриц, Аралов, Берзин... Иных полпредов уже не было, но их имена прочно засели в моей памяти. Я знал, что полпреды — это известные партийные деятели, прошедшие царскую каторгу, тюрьмы, побег, эмиграцию. Знал, что это высокообразованные люди, владеющие многими иностранными языками; короче говоря, опытные государственные деятели.

И вот передо мной, молодым человеком, оставившим год назад скамью в Коммунистическом институте журналистики, оказались два полпреда. В тот холодный мартовский день Трояновский пришел чуть раньше. На нем было драповое пальто, на шее кашне, он был в шляпе, которую снял, как только вошел в комнату, в руке палка-стек.

Что я знал о нем? Очень мало: бывший артиллерийский офицер царской армии, рано ушедший в революцию. Работа в российском подполье, слежка полиции, эмиграция. До назначения полпредом в Соединенных Штатах Америки Александр Антонович был председателем Госторга. Потом полпредом в Японии. Ему удалось установить хорошие отношения с этой страной.

Штейн появился через несколько минут после Трояновского. Прекрасно одетый, высокого роста, он почему-то казался похожим на богатого парижского рантье, влюбленного в жизнь, но усталого от всех и вся. Мне бросилось в глаза, что Штейн внутренне насторожен и даже скован.

Два чрезвычайных и полномочных посла, вручавших верительные грамоты королям, президентам, императорам, прошедшие через многотрудные дипломатические сражения и снискавшие своей стране авторитет и уважение и чудом избежавшие ареста, сидели в небольшой редакционной комнате в здании

газеты «Труд» на Кузнецком мосту в Москве, выжидательно смотрели на меня.

Можно себе представить, что чувствовал я в тот день. Что я мог сказать им? Лишь несколько подробнее раскрыть цели и задачи Иностранного отдела газеты, рассказать о ближайших задачах редакции. Только что закончилась война с Финляндией. Она породила бурю протестов во всем мире, от нас отвернулись многие друзья, особенно из среды западной интеллигенции. Они не могли понять, почему мировая держава — Советский Союз вел войну против малой соседней страны. СССР был исключен из Лиги Наций.

Когда я затронул тему Финляндии, Штейн, казалось, окаменел. Ему, бывшему полпреду в этой стране, дипломату, который помогал Литвинову открыть нашей стране дверь в Лигу Наций, было особенно ясно, сколь безосновательна была эта несчастная война.

Вскоре Борис Ефимович дебютировал на страницах «Труда». Весной 1940 года резко обострились отношения между Италией и Югославией. Фашистский режим Муссолини готовился к агрессии против этой славянской страны. Помню, как-то я попросил Штейна дать оценку создавшейся ситуации. Он охотно принял предложение и написал статью. Вернее, не написал, а продиктовал стенографистке, ярко и образно вскрыл сущность агрессивных притязаний Италии. Сказался журналистский опыт Штейна. В бытность членом советской делегации в Лиге Наций, Борис Ефимович регулярно публиковал в «Известиях» статьи и корреспонденции из Женевы, освещал ход международных конференций по разоружению, на которых ему неизменно доводилось бывать в качестве помощника Литвинова.

В тот же день я подготовил статью к набору, но обратил внимание на то, что Штейн не поставил свою подпись под статьей. Я позвонил Борису Ефимовичу домой, спросил, в чем дело, почему он так поступил?

— Я как-то не решился вам сказать... объяснить, что своим именем не могу подписать... тут есть много причин, не только дипломатического характера.

Помедлив, Штейн сказал:

— Знаете что, поставьте под статьей псевдоним, ну хотя бы «Доктор исторических наук...».

— А дальше? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Штейн.

Эту внезапно возникшую проблему надо было решать, я спросил Штейна:

— В каком городе вы родились?

— В Александровске, нынешнем Запорожье.

— Ну вот, — сказал я, — отныне вы, Борис Ефимович, доктор исторических наук Б. Запорожцев.

На следующее утро статья увидела свет. В тот же вечер ко мне пришел Штейн. Он был взволнован, растерян, более того — мрачен.

— Может быть, пройдемся? — предложил Борис Ефимович.

Я охотно согласился. Мы вышли из редакции и направились в сторону Трубной площади. На Рождественском бульваре мы присели на скамейку. Борис Ефимович нервно оглянулся — не подслушивают ли нас?

— Что с вами? — спросил я. — Объясните. Если вас волнует статья, то с ней все в порядке. Я проконсультировался с заместителем наркома иностранных дел Лозовским, против статьи нет возражений. Из-за границы пока отклики не поступили, но и здесь, я думаю, даже если они будут весьма разные, вполне нас устроят... Кстати, звонили из Академии наук, спросили, кто такой доктор исторических наук Запорожцев? В списках академических институтов такой доктор не значится. Я ответил, что, видимо, у них не полные списки.

— Дело не в статье, — ответил Штейн. — Тут все в порядке.

Помолчав, Борис Ефимович сказал, что прошел почти год, как он отозван из Италии. Назначения не дают. Но это еще полбеды.

— А в чем все же беда? — спросил я.

— Мне не возвращают партийный билет. Он хранится в ЦК. Ведь каждый дипломат, и не только дипломат, уезжающий на работу за границу, сдает в соответствующий отдел ЦК партийный билет. После возвращения из Италии в Москву я пришел за билетом. Мне сухо ответили: — Ваш партийный билет остается в ЦК. — Я хотел попасть на прием к Молотову, поговорить с ним, выяснить, в чем дело? Но он не принял меня.

Мы долго засиделись в этот вечер на Рождественском бульваре. Уже наступила ночь. Борис Ефимович не торопился уходить. Тогда я еще не знал, что происходило в доме у Красных ворот, где жил Штейн. Это был кооперативный дом НКВД. Еще в 1937 году здесь были арестованы многие сотрудники Наркоминдела. Аресты продолжались и после 1937 года. Штейн каждую ночь ждал, что за ним придут, во двор въедет «черный ворон», раздастся звонок в дверь, войдут агенты НКВД и его увезут на Лубянку или в Лефортовскую тюрьму...

Я пытался успокоить Бориса Ефимовича, говорил, что все уладится, хотя сам не верил в это. В ту светлую апрельскую ночь Борис Ефимович предложил мне безумный план: он хочет заново вступить в партию. И мне, заместителю секретаря партийной организации редакции, подаст заявление с просьбой рассмотреть

вопрос о его приеме в партию. Я объяснил Борису Ефимовичу всю несурзность его просьбы. Такой поворот дела может только ухудшить положение, привлечь излишнее внимание. Впрочем, Штейн и сам все прекрасно понимал: план не только нереален, но даже и опасен. Борис Ефимович метался в поисках выхода. Он с ужасом думал об аресте, что станет тогда с женой и дочерью, ведь Инна еще ребенок...

Человек привыкает ко всему. Партийный билет Штейну все не возвращали. Работа в редакции «Труда» оставалась для него спасительным якорем, и я все делал для того, чтобы статьи Бориса Ефимовича чаще появлялись на страницах газеты. Я раскрыл Соломону Абрамовичу Лозовскому литературный псевдоним Штейна. Полагал, что он, при случае, сообщит об этом Молотову, и это было, пусть призрачной, но все же, как нам казалось, гарантией, что за Штейном ночью не придет «черный ворон».

Когда мы поближе познакомились, Борис Ефимович начал урывками рассказывать мне о своем прошлом. Жизненный путь его не был типичным для революционера. Он не скрывался в подполье, не эмигрировал, как многие молодые революционеры, да и с рабочим движением не был связан. Вот запись, сделанная рукой Штейна:

«Я родился в 1892 году в городе Александровске, нынешнем Запорожье. В 1908 году поступил в Коммерческое училище в городе Екатеринославе, нынешнем Днепропетровске, и в 1910 году окончил это училище.

За время пребывания в институте занимался исключительно наукой. Поддерживал литературные связи с народническими кругами, группировавшимися вокруг журнала «Русское богатство».

После Февральской революции примкнул к Трудовой группе. В мае 1917 года на съезде Трудовой группы был избран членом Центрального комитета.

Октябрьскую революцию не понял. Участвовал в демонстрации, организованной городской думой Петрограда и направленной к Зимнему дворцу. Работал в ЦК Трудовой группы до отъезда из Петрограда в конце декабря или в начале января 1918 года. После одного из собраний был арестован и сидел несколько дней в Петропавловской крепости.

В начале января уехал в свой родной город Запорожье. Вскоре город был занят немецкими оккупантами. Как только в городе стала выходить общесоциалистическая газета «Друг народа», я был избран ее редактором.

Летом 1918 года я вышел из состава Трудовой группы.

После петлюровского переворота осенью 1918 года в Запорожье вернулась к власти «демократическая городская дума», и я был избран членом городской управы.

С момента занятия Запорожья Красной Армией (январь 1919 г.) я был назначен членом Коллегии народного образования.

В апреле 1919 года вступил в местную организацию РСДРП (меньшевиков). В июне 1919 года после захвата Запорожья денкинцами я был арестован, сидел в камере смертников 12 дней. По ходатайству «общественных деятелей» (я об этом ничего не знал) меня освободили из тюрьмы, но в тот же день вновь арестовали и выслали под конвоем в г. Ставрополь. В сентябре 1919 года я получил возможность уехать из Ставрополя и переехал в Харьков, где работал секретарем Совета кооперативных съездов. После занятия Харькова Красной Армией был назначен временно управляющим делами Губернского Совета Народного Хозяйства. В феврале 1920 года после занятия Запорожья Красной Армией переехал туда, болел сыпным тифом до апреля 1920 года. В апреле Ревком Запорожья назначил меня Завед. Отделом народного образования. В это время я уже был очень близок к РКП(б), но все же в партию еще не вступал. В должности зав. Отделом народного образования я провел летом 1920 года уездный съезд учительства. Выступал на нем и проводил резолюцию РКП.

После занятия города Запорожья Врангелем переехал в Москву и в августе 1920 года поступил в НКВД. В октябре 1920 года вступил в партию кандидатом. С 1926 года состою членом ВКП(б).

В 1920 году дипломаты переехали в здание на Кузнецком мосту. Там же, в правом крыле, поселились в коммунальных комнатах сотрудники, Штейна же определили на постой в гостиницу «Метрополь», а потом дали комнату в доме на Кузнецком мосту, где он жил с женой, тещей, бабушкой и родившейся дочкой до 1929 года, когда в Хоромном тупике у Красных ворот был построен на трудовые денешки кооперативный дом.

К тем, первым годам своей работы в Наркоминделе Штейн возвращался с какой-то затаенной грустью. Мы вечерами подолгу задерживались в редакции, и я понял, что Борис Ефимович неохотно возвращается домой. Потом я узнал, что в доме Наркоминдела ночью увезли и неизменно понятого, дворника Павла Сиротина. Когда пришли за очередной жертвой, Сиротин не выдержал, крикнул:

— Ироды, что же вы хороших людей губите!

Но было прошлое, возвращавшее Штейна к светлым дням, незабываемой поре, когда Советская Россия все энергичнее выходила на европейскую арену, и Борис Ефимович чувствовал свою

причастность к историческим событиям. Он часто вспоминал тот апрельский день 1922 года, когда советская делегация приближалась к Генуе. Италия и весь дипломатический мир Европы готовились к конференции. Через две недели был подписан знаменитый Рапалльский договор, столь счастливо изменивший международное положение Советского государства.

Борис Ефимович рассказывал о том, как Москва готовилась к Генуэзской конференции, о творческой атмосфере, царившей в Наркоминделе, об удивительном подъеме духа, оптимизме, вере в то, что голос новой дипломатии будет услышан и понят народами. Он вспоминал о совещаниях, которые проводил Георгий Васильевич Чичерин. Там обдумывались и обсуждались всевозможные варианты предстоящих событий, дискуссий, предложений и контрпредложений, которые могли возникнуть. Но с особым чувством он рассказывал о школе, к которой оказался причастен весь Наркоминдел, — о совещаниях у Ленина в дни перед Генуэзской конференцией. Борис Ефимович уже был назначен заместителем секретаря делегации, его пригласили на совещание к Ленину. И вот отрывок из воспоминаний Штейна:

«Эта работа нашей делегации проводилась примерно так: заседания устраивались три раза в неделю, и почти на каждом заседании Чичерин зачитывал целый ряд записок, указаний, отдельных разработок Владимира Ильича, который с исключительной заботливостью руководил этой работой и, как гениальный стратег, указывал линии нашего поведения и отдельные тактические приемы, которые следует принять для того, чтобы осуществить наши основные задачи.

А какие были основные задачи? Они заключались в том, чтобы пробить тот единый фронт, который создавался против нас во время Лондонской конференции экспертов в марте 1922 года. И Владимир Ильич ставил десятки вопросов, учитывал всевозможные положения; подобно шахматному игроку он рассчитывал на этой большой доске не только свои ходы, но и ходы противника и продумывал, как отразить тот или иной его ход.

Так создавался золотой фонд дипломатической учебы, которая заключается в этих записках и предложениях, оставленных Владимиром Ильичем».

Штейн написал брошюру о Генуэзской конференции, она была издана небольшим тиражом. Владимир Ильич заинтересовался брошюрой, прочитал ее, оставил в своей личной библиотеке.

После возвращения из Генуи Штейн до сентября 1922 года остается в должности заведующего торгово-политическим отделом Наркоминдела. Осенью Георгий Васильевич предлагает ему перейти в экономически-правовой отдел на должность помощника заведующего.

Чичерин хотел испытать молодого дипломата на новом прище. В короткий срок Штейн возглавляет три ведущих отдела внешнеполитического ведомства: отдел Прибалтийских стран, отдел Центральной Европы, а затем отдел международных вопросов. В декабре 1932 года Президиум Центрального Исполнительного Комитета по представлению уже не Чичерина, а Литвинова, который с 1928 года в связи с болезнью Чичерина исполнял обязанности народного комиссара, назначил Штейна полпредом в Финляндии.

В те первые годы знакомства я мог лишь догадываться, как складывались отношения у Бориса Ефимовича с Чичериным и Литвиновым. Эти отношения определяло время, эпоха. К 30-м годам во всем советском, государственном, партийном аппарате резко изменились отношения между начальством и подчиненными, родилось понятие: кто чей человек. В Утро Революции — были, конечно, и тогда исключения — главным была не приверженность к тому или иному начальству, а преданность делу, самоотдача, верность идеалу. Следует иметь в виду, что и в верхних эшелонах страны и партии товарищеские, принципиальные отношения были нормой. Николай Николаевич Любимов, один из старейших деятелей Наркоминдела, эксперт на Генуэзской конференции, а в последние годы профессор Института международных отношений, характеризуя отношения между Чичериным и Литвиновым, сказал мне о них: они были эквивалентны друг другу.

Как же в той обстановке нашел свое место Штейн? Он черпал опыт, знания из обоих «источников». Георгий Васильевич поражал своей эрудицией, эмоциональностью, умением строить глобальные концепции в международных отношениях. Он раскрывал подчас свою душу перед «подчиненными», часто приглашал Штейна к себе и, сев за рояль, предавался бесконечно любимому Моцарту, играл Бетховена. В сущности, Чичерин был трагедийной фигурой в советской истории — и в личном и в более широком плане. Ему был органически чужд и отвратителен сталинский метод руководства во всех его проявлениях. Георгий Васильевич отошел от Наркоминдела уже в 1926 году, уехав на лечение в Германию, а в 1928 году, снова вынужденный уехать за границу, больше к своим обязанностям не вернулся.

Литвинов был «скроен» из другого материала, более крепкого, на первый взгляд менее эмоциональный и лучше умеющий скрывать свое настроение. Человек очень сильной воли, он мог переносить превратности судьбы, более резко и жестко отстаивать свою точку зрения. Черная из обоих «источников», Штейн выработал в себе те качества, которые при его способностях

и знаниях выдвинули его на авансцену дипломатической борьбы. Уже в 1927 году Литвинов включает Штейна в состав советской делегации на конференциях по разоружению. В 1934 году Штейна назначают членом советской делегации в Лиге Наций.

В 1932 году, когда Борис Ефимович приехал в Хельсинки, ему исполнился 41 год. Возраст по тем временам вполне зрелый. Да и страна, в которую его послали, сложная, если учесть ее историческое прошлое и тот факт, что Финляндия свято оберегает свой суверенитет и достоинство. Здесь нужно быть в высшей степени корректным, тонким политиком.

В короткий срок Штейн делает первые, но важные шаги с целью завоевать если не симпатии, то, по крайней мере, терпимое отношение к своей персоне. Он устанавливает контакты не только с официальными лицами, но и с общественными кругами, в первую очередь с интеллигенцией. Особой популярностью в ту пору начинает пользоваться писательница Хелли Вуолийоки. Она часто выступает в газетах, журналах под псевдонимами Юхани Тервапяя и Феликс Тули, ее произведения довольно широко расходятся по стране, известны в Скандинавии. Она еще не написала пьесу «Женщины Нискавуори», сделавшую имя автора известным далеко за пределами Финляндии. Лишь через много лет пьеса «Женщины Нискавуори» («Каменное гнездо») будет поставлена на сцене Малого театра в Москве и надолго останется в его репертуаре.

Штейн не ждет знакомства с писательницей на официальных приемах, он едет к Вуолийоки, и через нее завязывает еще более широкие связи в кругах интеллигенции.

В предвоенные годы отношения между СССР и Финляндией были далеко не радужные. Позже они еще больше осложнились и привели к «зимней войне». К тому времени Штейн уже был практически отстранен от дипломатической деятельности. Но характерно следующее: обращаясь к прошлому отношений между Финляндией и Советским Союзом, финны вспоминают двух советских дипломатов, которые сумели завоевать симпатии их страны: Александру Коллонтай (она играла выдающуюся роль, способствовала выводу Финляндии из двух войн с Советским Союзом: в 1940 году и в период второй мировой войны) и Бориса Штейна. В этом я мог лично убедиться во время пребывания в Финляндии и беседуя с государственными и общественными деятелями этой страны.

Особое место в дипломатической биографии Штейна занимает его деятельность на посту полпреда Советского Союза в Италии. Она длилась пять лет, до 1939 года, когда Борис Ефимович был отозван из Рима. Предшественником Штейна на посту полпреда в Италии был В. П. Потемкин.

Политическая обстановка в Италии в середине 30-х годов, когда полпредом был назначен Штейн, была весьма сложной. Это определялось общей ситуацией в Европе и мире. После захвата власти нацистами в январе 1933 года в Германии можно было без труда предположить, что между двумя тоталитарными режимами произойдет сближение и оно неизбежно перерастет в союз двух агрессивных государств: гитлеровской Германии и фашистской Италии.

Европа и мир приближались к новой войне: в 1935 году Италия начинает агрессию против Эфиопии (Абиссинии).

Советский Союз встал на защиту жертвы агрессии. Пресса разоблачала империалистическую политику итальянского фашизма. Штейн внимательно следил за развитием событий. Во время встречи с заместителем министра иностранных дел Италии Сувичем тот уверял советского полпреда, что итальянская акция в Эфиопии, в частности, «направлена против японской экспансии, которая стремится сделать из Абиссинии свой опорный пункт для дальнейшего продвижения к Средиземному морю через Бабель-Мандебский пролив».

Советский полпред, проводя линию Советского правительства, стремился довести принципиальную политику своей страны не только до дипломата, но и до широких общественных кругов, хотя это было не легко сделать в Италии. Советский Союз, заявлял Штейн, не имеет ничего общего с борьбой за передел мира, а война против Эфиопии — это попытка вновь перекрыть карту мира. Отношение Советского Союза к итальянскому нападению на Эфиопию определяется двумя основными моментами. Советский Союз — противник колониальной эксплуатации, с чьей бы стороны она ни исходила. Советский Союз против всего, что развязывает силы мировой войны. Исходя из этого, СССР за усиление сотрудничества тех держав, которые готовы защищать мир и готовы дать отпор силам войны.

В 1936 году вспыхивает фашистский мятеж в Испании, начинается гражданская война. Муссолини и Гитлер превращают Испанию в полигон для испытаний новейшего вооружения, направляют на Пиренейский полуостров пехоту, авиацию, танки. На Мадрид, Барселону, Валенсию падали бомбы, Гернику эскадрилья Рихтхофена превратила в груды развалин, а из Италии в Испанию отправляли новые части и вооружение. Был создан Международный комитет по невмешательству, Литвинов в Женеве на заседаниях Лиги Наций вел отчаянную борьбу за спасение Испанской Республики, а через Париж в Испанию прибывали наши добровольцы — танкисты, летчики, из Одессы в порты Аликанте и Валенсию направлялись советские пароходы с продовольствием для республики.

Как-то поздно вечером, когда мы задержались в редакции и Борис Ефимович не торопился домой, я спросил у него, как он чувствовал себя в этой обстановке?

Обстановка со всех точек зрения была сложной, не только с политико-дипломатической. По установкам, которые исходили не от Литвинова, не только сотрудникам посольства, но даже полпреду было не легко общаться с итальянской интеллигенцией. Но Штейн в тех условиях считал это одной из своих важнейших задач, много внимания уделял делам Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). В начале 1936 года из Италии в Эрмитаж поступила просьба разыскать портреты членов Савойской династии. Штейн обратился к директору Эрмитажа Лиловой с просьбой сделать все возможное, чтобы пожелание итальянской стороны было выполнено.

Третьего января 1936 года Лилова писала Штейну: «В Эрмитаже были перерыты все архивы, чтобы добыть Савойских родственников. В результате были обнаружены портреты принцев Савойского дома: Йосиф Бенедикт, граф; Виктор Амадей III; Карл Эммануил III; Мария Антония, жена Виктора Амадея III; Бюст короля Неаполитанского (с орденом Золотого руна на груди; в военном мундире с эполетами)».

Штейн пригласил директора Эрмитажа Лилу в Рим. Позже она писала Борису Ефимовичу: «Я много раз вспоминаю блаженные дни, проведенные тихо и спокойно в Риме, наши чудесные путешествия на виллу Мадама, Пьяццу Навона. Я делала два доклада о моем путешествии нашим научным работникам... Прошу передать мои самые теплые приветствия Анне Семеновне и Вашей милой дочери».

Трудности, с которыми сталкивался советский полпред, отражены в переписке Штейна с Иваном Ивановичем Межлауком, который в ту пору был председателем Комитета по делам высшей школы. 26 августа 1936 года Межлаук послал Штейну письмо, в котором просил сообщить данные относительно Римского университета: каковы учебные планы на отдельных факультетах, программы, как поставлена научно-исследовательская работа, каковы отношения между кафедрой и научно-исследовательскими институтами. Межлаук просил ответить и на некоторые другие вопросы.

Вот строки из ответного письма Штейна: «Всякая моя попытка получить какие-либо интересующие нас сведения характера официального и даже в области культурной беретя немедленно под большое подозрение. Здесь атмосфера все более и более сгущается. Мы находимся как бы в крепости... За последнее время происходит масса инцидентов, о которых ты, вероятно, знаешь... С величайшим трудом добился разрешения на демон-

страцию в кино нашего фильма «Цирк», да и то только по приглашениям.

Как ты живешь и работаешь? Как здоровье? Своим похвалиться не могу: последние три недели непрерывные головные боли неизвестного происхождения. Страшно завидую всем живущим и работающим в Москве».

А между тем усиливалась антисоветская кампания в прессе. В Королевском Восточном институте выступил с докладом некий профессор Онацкий. Доклад изобиловал выпадами против Советского Союза. Газеты подхватили доклад Онацкого. Штейн заявил протест по этому поводу. Королевский комиссар института поспешил ответить: «Прошу Ваше превосходительство учесть, что в данный момент, без сомнения, имеются элементы, стремящиеся вызвать недоразумения между СССР и Италией. Но, к нашему счастью, СССР представлен в Италии Вашим превосходительством, который обладает высокими знаниями как итальянского языка, так и итальянской нации, в связи с чем я убежден, что такого рода попытки названных элементов не будут иметь успеха».

Все же выпады против СССР продолжали усиливаться. В Москву Штейн направил подробный обзор итальянской прессы. Пришлось обратиться к министру иностранных дел Чиано в связи с тем, что особенно злобными выпадами отличился белогвардеец Пастухов. Письмо Штейна подействовало. Чиано в присутствии советника полпредства предложил министру печати и пропаганды Альфиери запретить газетам писать что-либо против Советского Союза. Но фашистская пропаганда продолжала свою линию, которую особенно рьяно проводил рупор Муссолини, известный в ту пору журналист Гайда.

Да и встречи с министром иностранных дел графом Чиано носили редкий и сугубо официальный характер. Лишь один раз Чиано нарушил «протокол». Это произошло в 1938 году. В нацистской Германии была организована так называемая «хрустальная ночь» — еврейские погромы, прокатившиеся по всей стране. Погромы вызвали возмущение во всем мире. Негодование нацистской акцией было заметно даже в Италии. Дело в том, что Гитлеру, несмотря на все потуги, не удалось насадить антисемитизм в Италии.

В те дни — это было в воскресенье — Штейн отправился к морю на пляж. Неожиданно из рядом стоявшей кабины вышел Чиано и, подойдя к советскому полпреду, начал высказывать свое негодование по поводу нацистских погромов в Германии. Было ли это высказывание графа Чиано обычной дипломатической уловкой? Вряд ли.

Задачи полпреда в тоталитарных странах Германии и Италии

были очень сложными. Найти опору в общественном мнении было крайне трудно. По сути дела, там его и не было. К тому же Москва категорически запрещала общение с населением, а значит — с интеллигенцией. Это не способствовало укреплению наших позиций в Италии. Да и время было чрезвычайно сложное. Наша пресса, естественно, все время атаковала фашистскую агрессивную политику, разоблачала ее. В Комитете по невмешательству в испанские дела представителем Италии был Гранди, а нацистской Германии — Риббентроп. Они были излюбленной мишенью для наших карикатуристов. В «Известиях» была опубликована карикатура Бориса Ефимова. Он изобразил двух обезьян, качающихся на качелях и ведущих провокации против Комитета по невмешательству. Подпись под карикатурой была такая: «Риббенди и Грандентроп». Фашистская пресса буйствовала...

Изредка удавалось «расшевелить Штейна», склонить его к воспоминаниям, как проходили его встречи с Муссолини. Ведь дуче был главой правительства, и официальные переговоры с ним, особенно по поручению Литвинова, были иногда часты. Ведь мы делали попытки вбить клин между Гитлером и Муссолини. Не всегда Муссолини, по крайней мере внешне, был согласен с планами Гитлера. К примеру, аншлюс Австрии отнюдь не вызвал восторга у дуче.

В моих записях остался рассказ Штейна о том, как началась его деятельность в Италии, и о первой встрече с Муссолини.

Это было в январе 1935 года. Борис Ефимович должен был вручить верительные грамоты королю Виктору-Эммануилу III.

Во дворец по протоколу полагалось приезжать не на автомобиле, а в карете, запряженной дугом из шести коней. Как и полагается, новый посол отправился во дворец в сопровождении своих ближайших сотрудников, их полагалось представить королю.

Когда карета подъезжала ко дворцу, советник полпредства, заикаясь, сообщил Штейну, что верительные грамоты он... оставил в кабинете полпреда на камине.

Решение надо было принимать незамедлительно.

— Прикажете кучеру обогнуть площадь и мчаться назад в полпредство,— сказал он обомлевшему советнику.

На глазах у изумленной королевской стражи шестерка коней бешеным галопом промчалась мимо дворца и исчезла в прилегающих улицах.

За две минуты до назначенного приема советский дипломат предстал перед гофмаршалом и был сопровожден к королю Италии. После официальной церемонии вручения верительных грамот король Виктор-Эммануил дал официальную аудиенцию,

увлек полпреда своими рассказами о роли Кавура в объединении Италии, интересовался историей России, особенно эпохой Павла I, в частности деталями, как император был задушен в своей опочивальне, в то время как сын — наследник, будущий император Александр I Благословенный — находился рядом в комнате, прилегающей к спальне своего отца...

А потом был прием у Муссолини. Дуче любил спектакли. Его кабинет во дворце выглядел следующим образом: длинный, огромный зал с двумя рядами бесконечных колонн делал кабинет еще длиннее. Вдоль колонн стояли зеркала, в которых отражались стены, как бы отодвигавшиеся все дальше и дальше. Стол Муссолини с одним-единственным телефоном стоял в конце зала. Зеркала создавали такой эффект, что посетителю казалось: он никогда не дойдет до стола, за которым сидит Муссолини, выпятив свою бульдожью челюсть и, как удав, глядя на приближающегося к нему человека.

После успеха советской дипломатии на мировой арене в начале 30-х годов, а особенно после того, как Соединенные Штаты Америки признали Советский Союз, Муссолини высказывал стремление улучшить отношения Италии с Советским Союзом. До итальянской агрессии в Испании Штейн максимально использовал эти возможности.

Москва понимала роль советского полпреда в Италии: в 1936 году Штейн был избран членом Центрального Исполнительного Комитета СССР. Но уже в 1937 году он почувствовал, что возможности Литвинова ограничены, и его директивы полпредам кем-то скованы. Литвинов не разрешает Штейну приезжать в Москву, даже в отпуск. Рим и Женева — вот города, между которыми он часто совершает «челночные» операции. В Женеве, где идет борьба против итало-германской агрессии в Испании, он чувствует себя причастным к мировым событиям, становится деятельным помощником Литвинова на этом важном дипломатическом плацдарме.

Первые признаки надвигающихся изменений в Москве Штейн остро почувствовал еще в 1936 году, хотя его личное положение после избрания членом ЦИК кажется незыблемым. В те дни неожиданно в Рим приехал Федор Раскольников. Он часто уединялся со Штейном. Можно лишь предполагать, о чем они говорили и, главное, что сказал Штейну Раскольников, за которым неусыпно следил из Москвы Ежов и возвращения которого в Союз все настойчивее требовала Москва. Но одно известно точно: во время беседы на квартире Штейна Раскольников, этот железный человек, известный стране своим беспримерным героизмом и мужеством, плакал. Из комнаты, где они уединились с Раскольниковым, доносилась его сбивчивая речь, прерывавшаяся судорожными всхлипываниями (это свидетельство дочери Штейна, Инны Борисовны).

Потом приехал Лев Карахан. Не один, вместе с женой, балериной Мариной Семеновой. Не знал тогда Карахан, что это последний его отпуск и последний год жизни. Вскоре после возвращения в Москву он был арестован, объявлен «врагом народа» и расстрелян.

Штейн старался понять, что происходит в Москве, несколько раз обращался к Литвинову за разрешением приехать в Москву. Максим Максимович отвечал решительным отказом: «Вы нужны в Риме, проезд запрещают».

Штейн решил отправить в Москву жену и дочь.

В канун отъезда из Лондона в Рим неожиданно приехал сотрудник советского полпредства. Узнав, что Штейн отправляет на родину жену и дочь, помолчал, потом, не выдержав, сказал Штейну:

— Борис Ефимович, что вы делаете, вы с ума сошли. Вы себе крылья обрезаете... Разве не знаете, что там происходит?

Штейн резко ответил:

— Мы вас не понимаем!

Анна Семеновна с Инной уехали в Москву. Вскоре Литвинов пригласил их к себе на дачу в Фирсановку. Анна Семеновна сказала Литвинову:

— Максим Максимович, почему вы не разрешаете мужу приехать в Москву, ведь ему так необходимо сменить обстановку. Нервы никуда не годятся. Пусть приедет хоть на две-три недели, проведет с нами отпуск.

Литвинов помолчал, усмехнулся, ответил:

— Пусть лучше сидит там, чем сядет здесь.

Он знал, чем кончаются приезды полпредов, запрещал приезжать, всячески отговаривал, объяснял, как мог, что они нужны не в Москве, а в столицах, где аккредитованы.

Через несколько дней после отъезда жены и дочери в Москву Штейну пришлось выехать в Женеву. Нервы Бориса Ефимовича были напряжены до предела. Пришлось пойти к врачу, услугами которого он пользовался во время пребывания в Швейцарии. Врач долго и внимательно исследовал пациента, сказал:

— Месяц, при таком нервном напряжении вам совершенно необходима разрядка. Советую вам: раз в месяц разбивайте севрский сервис. Изюм всех сил в ярости бросайте его об пол. Это поможет вам выпустить пар.

Шел к концу 1938 год. Завершалась трагедия Республиканской Испании. Генерал Франко готовился к въезду в испанскую столицу.

В Москве как будто все шло как и год назад. Правда, аресты поутихли. Ежова убрали, наркомом внутренних дел стал Берия. Прошел пленум ЦК, там было сказано о «перегибах» с арестами. Кое-кого выпустили из тюрем, «либерализм» всячески приписывали новому наркому внутренних дел.

Но это спокойствие было кажущимся, обманчивым. За кулисами нарастали события, и то, что там происходило, свершалось в глубокой тайне.

Штейн уже не нужен был в Лиге Наций, но еще не знал и не мог знать, что идут последние дни его пребывания в Риме на посту советского полпреда. Осенью 1938 года Бориса Ефимовича вызвали в Москву. Он шел по коридорам здания Наркоминдела, которое так хорошо знал. Здесь, в сущности, прошла вся его сознательная жизнь, годы незабываемых встреч и бесед с Чичериным, Красиным, Коллонтай, Крестинским, Караханом. Здесь, в кабинете Литвинова, обсуждались и решались важнейшие вопросы внешней политики страны. Здесь были друзья, с которыми, казалось, навсегда свела его жизнь.

Никого из старых друзей уже не было. Изредка в коридорах появлялись какие-то люди в полувоенной форме, в сапогах. Они пристально рассматривали его, как человека с того света...

Литвинов, казалось, не изменился, был, как всегда, спокоен, приветлив, сдержан, те же скупые жесты. Штейна встретил приветливо, расспросил о положении в Италии, настроении сотрудников полпредства.

Борис Ефимович ждал, что скажет ему нарком. Ведь он приехал в отпуск, может быть, следует скорее вернуться в Рим.

— Отпуск может затянуться, — сказал Литвинов. — Думаю, что вы туда больше не вернетесь.

Штейн хотел спросить: «А что дальше?»

Не спросил. Сказалась сдержанность, выработанная годами. Он никогда не задавал вопросов, особенно когда знал, что не получит на них ответа.

Нет ничего хуже, чем ждать, не зная, что происходит за кулисами. Нет, он не разбивал севрские сервизы, чтобы ослабить до предела напряженные нервы. Не потому, что у него никогда их не было. Он собрал всю волю и продолжал ждать. Понимал, что произойти может все — мыслимое и немыслимое.

А потом был этот неожиданный вызов. В Кремль.

Поздно вечером в доме № 2/6 по Хоромному тупику раздался телефонный звонок. Штейн спал в соседней комнате. Трубку взяла дочь Инна.

Мужской голос прозвучал резко и повелительно:

— Штейна!

— Папа спит, — ответила дочь.

— Позовите Штейна, — еще энергичнее последовал приказ. — Это говорит Поскребышев.

Откуда шестнадцатилетней девушке, почти не жившей на родине, было знать, кто такой Поскребышев, всесильный личный секретарь Сталина, его доверенное лицо, перед которым лебезят даже члены Политбюро. Она ответила:

— Поскребышев? Ну и что, я же сказала: папа спит.

— Девочка, немедленно позови папу. Это Поскребышев от товарища Сталина...

О той, первой и единственной встрече со Сталиным Борис Ефимович мне не рассказывал. О ней я узнал позже.

Когда Борис Ефимович прибыл в Кремль, в кабинете Сталина уже находился Литвинов. Беседа была довольно продолжительной и нелегкой. Штейну было предложено выехать в Хельсинки, встретиться с финскими государственными деятелями. Сталин знал, что Борис Ефимович в годы пребывания в Финляндии на посту советского полпреда обрел признание и авторитет в кругах финской общественности и в правительственных сферах. Судя по всему, Сталин уже вынашивал планы, вскоре приведшие к войне с Финляндией, и направил Штейна в Хельсинки, чтобы прояснить обстановку. В Финляндии Борис Ефимович пробыл около полутора месяцев. Это была секретная миссия, и в газетах о ней не было сказано ни слова.

Преданные гласности архивы Министерства иностранных дел проливают свет на события той поры, позволяют оценить и роль Б. Е. Штейна.

Борис Ефимович прибыл в Хельсинки 10 марта 1939 года, а на другой день состоялась его первая беседа с министром иностранных дел Финляндии Эркко.

Миссия советского дипломата заключалась в том, чтобы выяснить и уточнить намерения финского правительства в связи с рядом предложений, выдвинутых Советским правительством. В апреле 1938 года Москва в неофициальном порядке предложила Финляндии начать переговоры о заключении пакта о взаимопомощи. Это предложение финская сторона отвергла.

В марте 1939 года в Москву прибыла финская делегация для ведения торговых переговоров. Это было использовано для того, чтобы поставить перед финляндским правительством вопрос о сдаче в аренду Советскому Союзу островов Суурсаари, Лавенсаари и других с целью обеспечить безопасность морских путей на Ленинград. Но дальше события развивались следующим образом: 8 марта посланник Финляндии в Москве Ирри-Коскинен заявил М. М. Литвинову, что его правительство не может принять к рассмотрению советское предложение об аренде финских островов. Вот тогда-то и было решено направить Штейна в Фин-

ляндию, а вечером, очевидно это было 9 марта, прозвучал повелительный голос Поскребышева: «Штейна!»

Из записи беседы Б. Е. Штейна с министром иностранных дел Финляндии Эркко.

«Хельсинки, 11 марта, 1939 г.

После обмена обычными любезностями я перешел к интересующей теме. Я сказал Эркко, что приехал провести часть своего отпуска в Хельсинки и очень рад возможности снова увидеть Финляндию, поскольку от пребывания здесь у меня остались очень хорошие воспоминания».

После обмена любезностями начался сложный и нелегкий разговор. Он касался не только упомянутых островов в Финском заливе. Штейн по поручению Москвы заявил: «Я говорю о проблеме Аладских островов. Мы считаемся с возможностью, что в один прекрасный день острова эти добровольно или не добровольно будут переданы Германии и, следовательно, их укрепление может быть обращено против наших интересов».

Беседа была довольно длительной, но не привела к конкретным результатам, хотя, как признал Эркко, аргументы советского дипломата произвели на него хорошее впечатление.

Б. Е. Штейн еще несколько раз встретился в Хельсинки с Эркко. Беседы проходили с глазу на глаз, не только в кабинете министра, но и во время обеда, на который Штейн приглашал Эркко. В центре бесед снова были острова. Тема угрозы со стороны нацистской Германии присутствовала во время бесед.

Из беседы с Эркко 17 марта 1939 года: «Я заметил Эркко, что урок чехословацких событий должен подействовать на ряд малых народов. Теперь совершенно очевидно должно быть, что попытки отгородиться от агрессора декларацией нейтралитета никакого успеха иметь не могут. Единственное спасение продолжает оставаться в коллективной безопасности и объединенных усилиях в деле создания преграды на пути агрессоров. Эркко на это мое замечание не возражал».

Штейн, в меру сложившихся возможностей, выполнил поручение и возвратился в Москву.

После возвращения из Хельсинки Штейн оставался в Москве. Нового посла в Рим не назначали, а Борису Ефимовичу не предложили ехать в Италию. Но и о том, что он остается в резерве Наркоминдела, ему тоже ничего не говорили. Он терялся в догадках.

Четвертого мая 1939 года утром он узнал, что Максим Максимович Литвинов смещен с поста Народного комиссара иностранных дел и наркомом назначен Молотов... В конце мая новый заместитель наркома иностранных дел Деканозов, ближайший сотрудник Берии, сообщил Штейну, что он освобожден

от обязанностей полпреда в Италии и пока остается в резерве Наркоминдела.

Что же в действительности происходило за кулисами, какие цели преследовали, оставляя его на воле? Штейну было в ту пору 48 лет — время расцвета творческих сил. За его плечами остались девятнадцать лет дипломатической деятельности. Что будет дальше? С какой целью новое наркоминдельское начальство «пристроило» крупного дипломата в газете «Труд». Больше того: Штейну разрешили преподавать в Высшей дипломатической школе. Но партийный билет по-прежнему не возвращали.

Лишь через много лет после войны, исследовав жизнь и судьбу Максима Максимовича Литвинова, проведя годы в архивах, опросив государственных деятелей, среди них Молотова, Микояна и дипломатов Майского, Рубинина, Аралова и других видных послов, я начал понимать, что, в сущности, происходило. Когда ознакомился с семейным архивом Штейна, который предоставила мне его дочь, Инна Борисовна, припомнил беседы с Борисом Ефимовичем, я оказался в состоянии выстроить ясную и четкую картину тех давних событий.

Выше я привел биографические данные, которые Штейн в 1937 году представил Москве по требованию НКВД. В 1940 году НКВД возвращается к фактам его биографии. После ночной беседы со мной на Рождественском бульваре, когда Борис Ефимович высказал безумную просьбу о приеме его в партию, но убедился в абсолютной бесперспективности таким путем решить вопрос, Штейн начал догадываться, что он в тупике. Он подает заявление в партийное бюро Высшей дипломатической школы с просьбой о восстановлении его в партии. Это была последняя попытка выяснить свое положение.

Об этом рассказывают пожелтевшие и полуистлевшие листки протоколов заседаний партбюро ВДШ. Штейну предъявляют анкету, написанную его рукой в 1937 году, и обвиняют — цитирую протокол — «в антисоветской деятельности в 1918 году». От него требуют отчета о содержании газеты «Друг народа», редактором которой он был в Запорожье в 1918 году.

Партком ВДШ создает комиссию для расследования «антисоветской деятельности» Штейна. Комиссия работает весь 1940 год. Потом создается еще одна специальная комиссия для расследования «ошибок», которые Штейн «протаскивал» в своих лекциях в Высшей дипломатической школе. На заседании комиссии ему предъявляют еще одно обвинение: оказывается, он «ослабил общественную деятельность в профсоюзной организации». Это тоже «криминал».

Машина клеветы, инсинуаций запущена на полный ход. На одном из заседаний комиссии партбюро от него требуют, чтобы

он честно признался, почему «он так настойчиво добивался у Литвинова разрешения на приезд из Италии в Советский Союз». Это строки из протокола от 18 июня 1941 года, то есть за три дня до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. И снова требуют признания, по какой причине он «ослабил общественную деятельность в профсоюзной организации».

Почему Берия не упрягал Штейна в Лефортовскую тюрьму или на Лубянку? Почему он в те предвоенные годы избежал участи Карахана, Берзина, Стомонякова, Бехзадяна, Антонова-Овсенко, Аросева и других дипломатов ленинского дипломатического штаба?

Ответ на этот вопрос однозначен: готовился процесс против «врага народа» Максима Максимовича Литвинова. Берия на Лубянке пыгал Евгения Александровича Гнедина, заведующего Отделом печати Наркоминдела. Из него выколачивали показания против Литвинова.

На подготовлявшемся процессе Берия и его подручные готовились выставить и других «свидетелей» с целью разоблачения Литвинова. Их держали пока на свободе. Одним из этих «свидетелей» должен был стать уважаемый во внешнем мире дипломат Борис Ефимович Штейн. Но процесс все откладывался. Вот почему «черный ворон» не приехал за Штейном к дому у Красных ворот.

Но почему Сталин тянул с процессом против Литвинова? Даже самая страшная тайна в конце концов начинает раскрываться. В советской прессе появились сообщения о готовившемся убийстве Литвинова. Это признал Берия на допросе в подвалах Московского военного округа после ареста в июне 1953 года. В своих «Воспоминаниях» Н. С. Хрущев дополнил это сообщение: Литвинова должны были убить, когда он проезжал по дороге на подмосковную дачу близ Фирсановки. Возможно, вариант убийства был такой же, какой позже применили к народному артисту СССР Соломону Михозлсу: его вытащили из машины и раздавили грузовиком.

Почему же был приостановлен подготовленный злодейский акт? При всей своей уверенности, что ему удастся перехитрить Гитлера, на каком-то этапе, в какой-то только ему, Сталину, ведомый момент он решил, что в этой страшной игре, которая велась с нацистским главарем, может возникнуть ситуация, при которой Литвинов понадобится. Убийство не было совершено. Процесс против «врага народа» Литвинова приостановлен.

Парадоксально, но факт: война спасла Литвинова. Она спасла и Штейна.

Шестнадцатого октября 1941 года, в тот день, когда над городом носились тучи пепла от сжигаемых документов и архи-

вов, Штейн ушел из столицы вместе с толпой стариков, женщин и детей, ушел по Горьковскому шоссе, запруженному повозками, колясками, тележками, набитыми всяким скарбом.

Трудными голодными путями войны он добрался до спасительной в ту пору Ферганы, а оттуда перебрался в Ташкент. Там Штейн устраивается на работу в Ташкентский университет. Это далось ему нелегко. Ведь партийный билет так и не вернули. Все же ректор согласился зачислить Штейна на кафедру истории внешней политики. В Ташкенте Штейн защитил докторскую диссертацию.

Из Ташкента Штейн продолжает свою «малую войну» за возврат в ряды партии, к которой он принадлежал с 1926 года. Он разыскивает всех, кто знал его на протяжении многих лет по дипломатической работе, шлет письма. Он пишет письма Николаю Григорьевичу Пальгунову. Ведь тот так хорошо знает его. Когда Штейн был полпредом в Финляндии, Пальгунов работал в Хельсинки корреспондентом ТАСС, был секретарем партийной организации советской колонии. Теперь Пальгунов занимает высокий пост, до последнего времени он заведовал Отделом печати Наркоминдела, а недавно назначен генеральным директором ТАСС.

Николай Григорьевич, человек осмотрительный, осторожный, все же ответил Штейну и выслал в Ташкент документ: «Справка. Тов. Штейн за все время своего пребывания в Хельсинки не отрывался от местной партийной организации. Н. Г. Пальгунов». Справку в Ташкент прислал и заместитель наркома иностранных дел Соломон Абрамович Лозовский: «Штейн правильно, по партийному освещал внешнюю политику Советского Союза».

Справки не помогли. Переписка с парткомом Наркоминдела длилась еще два года. Лишь в 1944 году, когда шла к концу Великая Отечественная война, закончилась и «малая война». Штейну возвратили партбилет, пролежавший пять лет в сейфе Административного отдела ЦК ВКП(б).

Жизнь продолжалась. Он был почти счастлив. В сущности, ему 52 года. Его возвращают на профессорскую должность в Высшую дипломатическую школу, приглашают в Академию общественных наук прочитать курс лекций по внешней политике. Бориса Ефимовича приглашают к Мологову и сообщают, что он включен в советскую делегацию в качестве заместителя Делегата. Он едет в Нью-Йорк, принимает участие в сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

Всегда сдержанный, он не может на этот раз скрыть своей радости, необычным для него, почти торжественным тоном сооб-

щает жене о своем назначении. Анна Семеновна рада повороту судьбы, но не впадает в эйфорию, не желая охладить неожиданную радость. Она замечает:

— Понадобились твои знания. Слава богу, будем надеяться, это теперь надолго.

Осенью 1946 года советские дипломаты отправились на первую сессию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в Нью-Йорк. Молотов вылетел самолетом, Вышинский и другие члены делегации и сотрудники отправились в США на океанском лайнере. Впереди шесть прекрасных дней. Океан спокоен, можно насладиться его просторами, сидя в шезлонге на палубе, отрешившись от всего, что омрачало жизнь последние годы, бездумно смотреть на облака. Вот только Вышинский все время маячит перед глазами, напоминая о том, что есть другая жизнь. Андрей Януарьевич быстрыми шажками семенит по палубе, изредка бросая пронзительный взгляд на Штейна, отрешенно лежащего в своем шезлонге. Неожиданно останавливается рядом, будто продолжая мысль, которая не дает ему покоя, мысль давно выношенную, сформулированную и отточенную, как клинок. Однажды он бросает Штейну:

— Дали бы мне Литвинова... я бы его, — яростно сжимает кулак и мелкими шажками удаляется.

Два года продолжалась работа Штейна в Организации Объединенных Наций. Он готовил предложения и речи для советского первого делегата. Молотов был доволен. Похвалы от него нельзя было ждать, но изредка все же цедил сквозь зубы: не плохо, не плохо!

В Организации Объединенных Наций начали обсуждать вопрос о будущем государстве Израиль. Вновь назначенному представителю Советского Союза в Совете Безопасности Андрею Андреевичу Громыко Москва поручила поддержать эту идею, выступить за создание нового государства. Речи надо обосновать исторически, политически, юридически, сказать о страданиях еврейского народа, который два тысячелетия находился в диаспоре — рассеянии.

Речи перепоручили подготовить Штейну. Громыко не скупился на похвалы Борису Ефимовичу...

В 1948 году Борис Ефимович окончательно вернулся в Москву. Он еще числился советником МИДа в ранге посла. Но это формальность. Ему разрешили преподавать в Высшей дипломатической школе. Теперь, пожалуй, можно вернуться к любимому делу: подумать о книге. На Западе вышли исследования, посвященные второй мировой войне. В них явно принимают вклад

Советского Союза в дело разгрома нацистской Германии. Ведь Советский Союз внес решающий вклад в великую победу, понес неисчислимые людские и материальные потери. Кому, как не ему, Штейну, старому дипломату, ответить западным историкам. И он решает: главное — это книга. Госполитиздат уже выпустил в свет две его работы, но этот труд станет делом его жизни.

Четыре года Штейн работал над книгой. Перечитал на английском, французском, немецком, итальянском языках огромную литературу, прессу, работал в архивах. Четыре года напряженного труда, бессонные ночи, трудные переговоры с издательствами, рецензентами, редакторами, всяческим начальством. Но и это далеко еще не все. Когда рукопись была готова, начались обсуждения, предложения, замечания, пожелания.

Наконец книга написана. Ей дали звучное название: «Буржуазные фальсификаторы истории». Как он был рад! Наконец-то оценят его знания, бескорыстие, преданность. Теперь можно хоть немного отдохнуть. Сказываются трудно прожитые годы, пошатывает сердце. Да, надо поехать в санаторий Академии наук «Узкое», здесь рядом, под Москвой. Там он встретится с учеными, друзьями. И он пишет заявление новому министру иностранных дел Вышинскому:

«Прилагая при сем заключение кремлевской поликлиники и консультанта поликлиники МИДа, проф. Вотчала, прошу Вашего согласия на предоставление мне отпуска по болезни».

Бывший генеральный прокурор привык действовать быстро, энергично. И он накладывает резолюцию: «Что значит «по болезни»? А. Вышинский».

Ничего не поделаешь, придется обойтись без санатория. Можно и подождать, скоро очередной отпуск, тогда он и поедет в «Узкое». Кстати, даже хорошо, что Вышинский отказал. Сейчас надо быть в Москве. В научных кругах уже обсуждали его книгу, было приятно выслушать добрые отзывы, поздравления. Скоро предстоит еще одно обсуждение, поговаривают, что книга будет переиздана, кто-то из друзей намекнул, что не исключена Сталинская премия. Может быть, и впрямь, высоко оценят труд всей его жизни...

Прекрасным летним днем вдруг все померкло. Его охватил ужас, казалось, что наступило солнечное затмение, непредсказанное астрономами. Голос в телефонной трубке был сух и официальный:

— Штейн, вы уже читали?

Он не сразу понял, о чем идет речь, что он должен был прочитать?

— Журнал «Большевик»...— пояснила телефонная трубка.

Строчки прыгали перед глазами, когда он читал рецензию и вывод в конце статьи, сделанный рецензентом. Это был приговор: «Книга Штейна оправдывает империалистическую политику Соединенных Штатов Америки».

Позже стали известны подробности. Кто-то из высоконачальства прочитал книгу, доложил Сталину, сказал, что это «вредная», «антисоветская стражня». Сталин дал указание журналу «Большевик» опубликовать «партийную оценку вредному труду».

Каток был запущен, и никто и ничто его уже не могло остановить. События развивались с космической скоростью:

Штейна изгоняют из Министерства иностранных дел.

Изгоняют из Академии общественных наук.

В Высшей дипломатической школе экстренно созывается партийное собрание. Все проявляют бдительность. Штейна Бориса Ефимовича, имеющего ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла, исключают из партии. Последний удар наносит начальник Управления кадров Министерства иностранных дел М. А. Силин. Приказом по МИДу Штейн изгоняется из Высшей дипломатической школы, где он тринадцать лет был в должности профессора.

Потрясенный, раздавленный морально, Штейн пишет покаянное письмо редактору журнала «Большевик» С. М. Абалину, заканчивает его следующими словами: «Признавая допущенные мной серьезные ошибки, всеми силами буду стараться сделать из них единственный достойный коммуниста вывод — дальнейшей творческой работой исправить эти ошибки».

Его исключили из партии, но он считает себя коммунистом по убеждению. Но о какой «творческой работе» может идти речь? Да кто же теперь, после разгромной статьи в «Большевике», приклеившей ярлык «антисоветчика», будет его печатать? Теперь ночами он прислушивается к стуку лифта, въезжающей во двор автомашины, к каждому шороху на лестничной клетке, скрипу тормозов, доносящихся с улицы.

Вот свидетельство его дочери, Инны Борисовны:

— Как-то поздно ночью раздался пронзительный звонок. Из комнаты вылетели отец и мать. У отца в руке был револьвер, он держал его у виска. Мама, стараясь быть спокойной, громко спросила:

— Кто там?

— Ломовские здесь живут?

— Нет, они живут выше этажом, над нами.

Мама не сказала, что Ломовского нет, он уже был арестован.

Все имеет свой конец. Умер Сталин. Арестовали Берия.

25 июля 1953 года Бюро Московского городского комитета партии отменило решение партийного собрания Высшей дипломатической школы об исключении Б. Е. Штейна из КПСС. Предъявленное Штейну обвинение об «оправдании империалистической политики США» было признано ложным. Штейну на всякий случай объявили «выговор за ошибки, допущенные при написании книги «Буржуазные фальсификаторы истории».

После заседания Бюро Московского горкома партии он помялся за город, где в поселке жила его дочь. Он бежал по улице и кричал: «Победа! Победа!» Люди оборачивались, с участием смотрели на старика, на его обезумевшие глаза и сочувственно качали головами: рехнулся, бедняга!

Последняя встреча со Штейном произошла у Большого театра. Это было незадолго до его кончины. Мне говорили, что он тяжело болен. Штейн не узнал меня. В глазах его промелькнул проблеск мысли. Он подошел ко мне совсем близко:

— А, это вы... Знаете, меня восстановили...

Глаза его снова потухли. Пошатываясь, он двинулся дальше и исчез в шумном человеческом потоке...

Борис Старков

О тех, кто сражался против смерти

Из истории советской военной разведки

Одновременно с Рабоче-Крестьянской Красной Армией возникла и советская военная разведка. Она собирала и изучала сведения о планах вероятного противника, военно-политической обстановке в капиталистических странах, о вооруженных силах, военно-экономическом потенциале, составе, состоянии и намерениях основных группировок сил российской белой эмиграции. Первоначально этой работой руководило так называемое Регистрационное (позже Разведывательное) управление Красной Армии. Во главе его стоял А. И. Нарраевский.

Каковы были взаимоотношения разведуправления с другими учреждениями Советского государства, в частности Иностранным отделом ОГПУ? Когда-то белоэмигранты, а позже буржуазные историки много писали (и пишут) о взаимном недоверии и конкуренции. Так ли обстояло дело? В двадцатые годы Иностранный отдел ОГПУ возглавлял профессиональный революционер М. А. Трилиссер. В пору революции и гражданской войны судьба свела его на Дальнем Востоке с русским разведчиком А. Н. Луцким, который дал Трилиссеру первые профессиональные уроки. Трения между ведомствами поначалу не было. Лишь во второй половине двадцатых и особенно в тридцатые годы положение изменилось. Тогда руководитель ОГПУ Г. Г. Ягода не раз предлагал ликвидировать разведуправление, передав его кадры в распоряжение ОГПУ. Вот что сообщает в своих частично опубликованных записках Г. А. Агабеков*: «...отношения Разведупра и ОГПУ официальные. Они заключаются в обмене информацией и материалами. ОГПУ часто конкурирует с Разведупром и все время поднимает перед ЦК вопрос о ликвидации Разведупра и передаче его функции и бюджета ОГПУ. Однако ЦК не идет на это. За границей все зависит от личных отношений. Однако тесная дружба не одобряется...»

Советскую военную разведку создали талантливые, яркие личности. В том числе разведчики-профессионалы, офицеры старой

Борис Анатольевич Старков — кандидат исторических наук. Печатается по: Знание — сила. 1989. № 5. С. 41—46.

* Был начальником Восточного сектора Иностранного отдела ОГПУ; в начале тридцатых годов отказался вернуться на родину.

русской армии и разведчики-интернационалисты, коммунисты, прошедшие суровую школу гражданской войны, для которых смыслом жизни была защита Страны Советов.

Алексей Николаевич Луцкий родился в 1883 году в семье городского нотариуса. Учился в духовной семинарии, потом — в Тифлисском военном училище. В январе 1905 года сражается в Маньчжурии против японцев. Увидев, насколько хорошо поставлена разведывательная служба в японской армии — при постоянном отсутствии необходимых сведений у командования русской армии, — он решил посвятить свою жизнь военной разведке. Закончил японское отделение военных курсов при Восточном институте во Владивостоке, потом два года работал в Японии. В 1917 году А. Н. Луцкий — уже штабс-капитан — назначается начальником Харбинского контрразведывательного отделения. Октябрьскую революцию признает сразу, вступает в большевистскую партию, становится членом Харбинского Совета. В ноябре 1917 года он смог вовремя узнать о готовящемся в Харбине контрреволюционном перевороте, предупредил об этом председателя Харбинского Совета М. Н. Рютина — и первая попытка переворота была сорвана. Но уже в декабре вторая попытка силам контрреволюции удалась. Руководители Харбинского Совета с трудом спаслись.

В январе 1918 года А. Н. Луцкий нелегально выехал в Иркутск, оставив в Харбине созданную им разведывательную сеть. По рекомендации М. Н. Рютина, командовавшего тогда Иркутским военным округом, ЦИК Советов Сибири назначает Луцкого заместителем начальника штаба этого округа. Уже упоминавшийся М. А. Трилиссер стал здесь же начальником пограничного отдела.

В начале 1918 года в Иркутске совместными усилиями Луцкого и Трилиссера было разгромлено японское шпионское гнездо.

В Сибири восстали белочехи, началась военная интервенция. А. Н. Луцкий, вынужденный уйти в подполье, в ноябре 1918 года по доносу провокатора был арестован белогвардейской контрразведкой. Лишь в феврале 1920 года вышел на свободу и вошел в военный совет временного правительства Приморской областной земской управы. 5 апреля того же года японцы устроили в Приморье военный переворот. Арестованные ими члены военного совета, в том числе С. Г. Лазо и А. Н. Луцкий, были убиты. Разведсеть, созданная Луцким в Харбине, успешно выполняла задания Советского правительства в двадцатые годы.

После окончания гражданской войны белоэмигрантские войсковые соединения разместились на Балканах — в основном в Турции, Болгарии, Югославии, — в Польше, Прибалтике, Корее, Северной Маньчжурии, Японии. В белоэмигрантских штабах

вынашивались новые планы вооруженной борьбы против Советской республики. Эти планы надо было знать.

27 декабря 1921 года заместителем начальника Регистрационного управления штаба РККА был назначен профессиональный революционер Ян Карлович (Павел Иванович) Берзин, бывший до этого начальником Особого отдела 15-й армии.

Я. К. Берзин — настоящее его имя Петерис Кюзис — родился в семье бедного латышского крестьянина. Активный участник первой русской революции, он в пятнадцать лет взял в руки винтовку, чтобы бороться против баронов в рядах «лесных братьев». К 1917 году он был уже закаленным в боях революционером: три ранения, три ареста, приговорен к смертной казни, замененной тюрьмой, позже — к вечной ссылке в Сибирь. После революции он сначала командует стрелковым подразделением, затем работает в ВЧК. В тридцать лет у него совершенно седая голова и дружеское прозвище «Старик». Свою новую работу Берзин начал с поездки в Западную Европу, туда, где обосновались штабы белоэмигрантских организаций.

В начале двадцатых годов в Западной Европе начинался новый революционный подъем. Особенно активно выступал рабочий класс в Болгарии, Италии и Германии. Ряд политических групп явно пошел тогда, а антисоветским партиям угрожал раскол. XII Всероссийская конференция РКП(б) в августе 1922 года специально обсуждала эти вопросы. Разведывательное управление РККА и информотдел ОГПУ подготовили для Центрального Комитета партии необходимые материалы. Однако докладчик, председатель исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьев, сильно преувеличил размах революционных процессов, сделав в результате вывод о возможности в ближайшее время мировой социалистической революции.

События 1923 года поначалу, казалось, подтверждали правильность зиновьевской оценки. В сентябре началось вооруженное восстание в Болгарии, в октябре — в Германии, в ноябре — в Польше. Л. Д. Троцкий требовал решительно поддержать «мировую революцию», в частности освободительным походом Красной Армии в Западную Европу. Но трезвый расчет, объективные данные советской разведки убедительно доказывали нереальность, авантюристичность этого плана.

В 1923 году в журнале «Политработник» была опубликована большая статья А. И. Нарраевского «Контрреволюционные русские военные силы за границей ко дню пятилетия Красной Армии». Начальник Разведывательного управления РККА блестяще анализировал соотношение сил, показывал, с каким реальным врагом придется столкнуться Красной Армии при походе в Западную Европу. Ведь только на западных границах СССР

были сосредоточены белоэмигрантские воинские формирования общей численностью 45 тысяч человек. Они были отлично вооружены, экипированы и готовы драться. Врангель, находившийся в это время в Югославии, направил в Польшу большую группу боевых офицеров и генералов. На западных границах СССР активизировались банды Петлюры, Савинкова, Булак-Булаховича, на Дальнем Востоке — остатки белой армии Дитерихса и казачьи соединения, находившиеся в Китае.

В марте 1924 года Берзин становится начальником Разведывательного управления штаба РККА. Он собирал в советской военной разведке отнюдь не традиционных для спецслужб капиталистических стран «рыцарей плаща и кинжала», а прежде всего идейных, преданных делу коммунизма людей.

В 1927 году советские разведчики перехватили план вторжения белокитайских, японских и белоэмигрантских воинских формирований на территорию советского Дальнего Востока и Забайкалья. Составил этот план бывший начальник Академии генерального штаба старой армии генерал-лейтенант А. И. Андогский. А в конце 1927 года советская разведка смогла получить фотокопию знаменитого меморандума Танаки, излагавшего экспансионистские планы японской военщины. «Имея в своих руках все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага*, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы...» говорил в этом меморандуме.

Самой яркой фигурой среди наших разведчиков на Дальнем Востоке был тогда, безусловно, Христофор Интович Салнынь. Многие десятки лет провел он за границей, и ни разу империалистические контрразведки не вышли на его след. В белоэмигрантских кругах его знали как преуспевающего коммерсанта, он был и инструктором по разведке в войсках маршала Фын Юйсяна в Китае.

Х. И. Салнынь (кличка «Гриша») родился в Латвии в 1885 году. Его отец — рабочий, потом — профессиональный революционер, член социал-демократической партии с 1898 года. Сын пошел по стопам отца, в 1902 году вступил в РСДРП. С сентября 1905 года — на нелегальном положении, позднее эмигрант. Он принимает участие в нападении на рижскую центральную тюрьму, в эмиграции ведет работу по посылке транспортов с оружием в Россию. Октябрь 17-го застал его в Америке, сразу после возвращения он на ответственной работе в советской военной разведке.

Летом 1929 года китайские милитаристы повели курс на развязывание вооруженного конфликта в районе КВЖД. Вот строки из военно-политического бюллетеня Разведывательного

* Имеется в виду Индонезия.

управления РККА от 20 сентября 1929 года: «Белые продолжают деятельность по формированию отрядов... Количество всех активных белых в Северной Маньчжурии достигает пяти-шести тысяч человек. Работу по формированию белых ведут в основном с бело-китайцами или пытаются создать партизанские отряды для переброски на нашу территорию. Случаи таких перебросок в состав небольших отрядов уже неоднократно имели место, по нашим контрмерам быстро ликвидировались. Переброски в составе крупных отрядов в последнее время не отмечались. Белых формируют как самостоятельных отрядов в китайских войсках. Отмечаются лишь небольшие группы белых в китайских войсках и совместные действия против наших пограничников. В штабах китайских войск имеются белые офицеры в качестве советников.

По последним данным, в связи с появившейся возможностью для безработных устроиться на службу на КВЖД и с нашими ответными мероприятиями (решительный отпор всем попыткам белоотрядов проникнуть на нашу территорию) среди белоотрядов наблюдается развал, приток добровольцев в белоотряды идет слабо. Имеются сведения о прибытии в Шанхай для следования в Маньчжурию белых офицеров из Парижа. Следует отметить вместе с тем ряд случаев вынесения китайским населением пограничной полосы резолюций с просьбой о применении арестов в отношении белобандитов и прекращении их активной деятельности».

Советская военная разведка сыграла немалую роль в обеспечении успешных военных действий Особой Дальневосточной Красной Армии во время разыгравшегося конфликта.

В первой половине тридцатых годов международное положение резко обострилось. Эти годы стали апогеем успехов советской разведки в предвоенное время. Именно тогда в Северную Маньчжурию была направлена разведывательная группа легендарного Рихарда Зорге, позже перебравшаяся в Японию. В Италии обосновывается и начинает высокоэффективную работу «Этьен» — Л. Е. Маневич. В Швейцарии создается база для группы разведчиков Шандора Радо. Разными путями пришли эти люди в советскую военную разведку. Но все они были коммунистами и верили, что своей работой приближают победу мировой социалистической революции.

В сентябре 1935 года советская военная разведка выяснила, что ведутся сверхсекретные переговоры между Японией и Германией. Их начали японский военный атташе в Германии генерал-лейтенант Хироси Осима и Иоахим фон Риббентроп, в то время фактически ведавший иностранными делами рейха. Советской военной разведкой в Западной Европе руководил тогда В. Г. Кривицкий — «Вальтер». Судьба этого человека сложилась

трагически, хотя он — один из немногих кадровых разведчиков, соратников Берзина, уцелевших в годы большого террора.

Родился В. Г. Кривицкий в 1899 году. В 1919 году стал большевиком. Учился на специальных курсах Генштаба РККА. В начале 1923 года направлен в Германию, где работал в Руре, оккупированном французами, в Саксонии и Силезии. После возвращения в СССР занимал ряд ответственных должностей в Разведуправлении РККА, в 1925 году получил звание комбрига. В июне 1926 года вновь командирован в Германию. В 1928 году награжден золотым оружием с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции от Реввоенсовета Советского Союза». В феврале 1931 года за образцовое выполнение ответственных правительственных заданий награжден орденом боевого Красного Знамени и получил очередное воинское звание комдива. В 1933 году стал директором Института военной промышленности. Однако ввиду резко обострившейся международной обстановки в 1934 году направлен сначала в Австрию, затем в Германию. Именно тогда он, знакомясь с советской разведывательной сетью, обнаружил, что один из агентов напал на след переговоров между Японией и Германией.

Впрочем, предоставим слово самому «Вальтеру».

«Я решил, что эти переговоры являются предметом такой первостепенной значимости для Советского государства, что требуют исключительного внимания с моей стороны. Следить за их ходом будет непростой задачей. Для этого необходимы были наиболее смелые и надежные люди, которые работали в нашей системе.

Эти переговоры велись в обход обычных дипломатических каналов. Посол Японии в Берлине и министерство иностранных дел Германии в них не участвовали. Чрезвычайный уполномоченный Гитлера фон Риббентроп вел секретные переговоры с японским генералом. К концу 1935 года информация, находившаяся в моем распоряжении, не оставляла тени сомнений в том, что переговоры прогрессировали шаг за шагом, приходя к определенной цели. Мы, конечно, знали, что главной целью предстоящей сделки был Советский Союз.

Мы также знали, что в течение ряда лет японская армия искала пути приобретения планов и моделей специального авиационного оружия и другого современного военного снаряжения у Германии. Военные круги Токио демонстрировали свое желание пойти на все, лишь бы получить из Берлина все последние технические патенты на оружие и военное снаряжение. Это было отправным пунктом германо-японских переговоров.

Москва оказывала давление, требуя документального подтверждения соглашения. Мои люди в Германии рисковали жизнью,

сталкиваясь с неимоверными трудностями в попытке добыть эти доказательства... Нам было известно, что нацистская секретная служба перехватывала и, следовательно, имела в своем распоряжении копии всех зашифрованных посланий, которыми обменивались во время переговоров генерал Осима и Токио.

В конце июля 1936 года... полная подборка всей конфиденциальной корреспонденции была получена в переснятом виде нашими людьми в Берлине...

После декодирования у меня оказалась целая стопка переписки Осимы с Токио, где последовательно сообщалось обо всех переговорах с фон Риббентропом, с рекомендациями правительства Японии. Генерал Осима сообщал, что его переговоры ведутся под личным контролем со стороны Гитлера, который часто совещался с фон Риббентропом и давал последнему необходимые инструкции.

Корреспонденция показала, что целью переговоров было заключение секретного пакта и координация всех шагов, предпринимаемых как Берлином, так и Токио в Западной Европе, а также в Тихом океане. В корреспонденции, охватывающей период переговоров, превышающий год, не было ссылок на Коминтерн или каких-либо предложений по международным действиям, направленным против Коминтерна. В рамках секретного соглашения Япония и Германия брали на себя обязательства урегулировать между собой все проблемы в отношении Советского Союза и Китая, не предпринимать шагов ни в Европе, ни на Тихом океане без консультаций друг с другом. В то же время Берлин согласился внести свой вклад в модернизацию вооружений Японии и обменяться военными миссиями.

Оставалось урегулировать одну проблему: как замаскировать секретный пакт?.. Антисоветская «дымовая завеса» была разработана после совершения сделки и стала наиболее действенным средством в дезориентации мирового мнения. 25 ноября в присутствии всех посланцев иностранных держав в Берлине, за исключением Советского Союза, антисоветский пакт был подписан официальными представителями правительств Японии и Германии. Этот пакт, направленный против Коминтерна, является документом, состоящим из двух пунктов. За ним скрывалось секретное соглашение, о существовании которого никто не догадывался».

Конечным итогом блестящей акции советской военной разведки стало разоблачение перед всем миром этих сверхсекретных переговоров. О них рассказал нарком иностранных дел М. М. Литвинов на VIII Чрезвычайном съезде Советов 28 ноября 1936 года. Какой переполох был тогда в Берлине!

К этому времени советская военная разведка — в зените успехов. Вот лишь некоторые факты. Рихард Зорге сумел проник-

нуть в святая святых генерального штаба японской императорской армии. Лев Ефимович Маневич работает в фашистской Италии. Даже после провала, оказавшись в тюрьме, он сумел налаживать сбор информации, передачу ее в Москву. Такого поистине не знала ни одна разведка мира. Позднее, уже в фашистских концлагерях, он стал одним из руководителей Сопротивления. Шандор Радо из Швейцарии смог информировать Москву о принятых в Берлине решениях в течение всего двадцати четырех часов после того, как эти решения бывали приняты. Многие же из героев «тихого фронта» остаются неизвестными.

В апреле 1935 года корпусной комиссар Берзин был неожиданно назначен на должность заместителя командующего Особой Дальневосточной Красной Армией. Начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА стал С. П. Урицкий (племянник М. С. Урицкого), активный участник социалистической революции и гражданской войны. Его заместителем назначается А. Х. Артузов, прежде работавший в контрразведывательном отделе ОГПУ. Из ОГПУ он был в 1934 году удален, потому что не соглашался с мнением членов Политбюро, прежде всего Сталина, относительно перспектив советско-польского союза. Когда впоследствии его прогноз подтвердился, он вернулся на прежнюю работу, но вскоре был репрессирован — едва ли не первым среди руководства ОГПУ — в мае 1937 года.

Берзин в конце 1936 года под именем генерала Гришина стал главным военным и политическим советником в Испании. Вместе с ним работает большая группа сотрудников из разведупра: И. Винаров, В. Г. Кривицкий, Х. И. Салнынь, Х.-У. Д. Мамсуров, И. Г. Старинов и многие другие. «Старик» и его ученики делали все, чтобы помочь республиканской Испании отразить первый натиск фашизма. А в СССР начиналась очередная волна необоснованных репрессий.

Но дело было не только в них лишь. Разведчики с риском для жизни добывали и переправляли информацию, а им не верили, объявляли агентами империалистических государств. В декабре 1936 года В. Г. Кривицкий получил приказ заморозить нашу разведывательную сеть в нацистской Германии, то есть принудить агентов к бездействию. Руководитель советской службы в Западной Европе был обескуражен таким странным приказом руководства. В своих опубликованных на Западе воспоминаниях он утверждал, несколько позже ему стало известно, что к этому времени личный представитель Сталина Давид Канделаки, который официально был торговым представителем в Германии, вступил в совершенно секретные переговоры с Гитлером. В марте 1937 года в Москву был доставлен подготовленный Давидом Канделаки проект соглашения между Сталиным и Ги-

тлером. Вот как описывал это сам Кривицкий. «Канделаки,— отмечает Кривицкий в своих записках,— добился успеха там, где другие советские разведчики оказались бессильными. Он вел переговоры с нацистскими лидерами и даже удостоился личной аудиенции у самого Гитлера». (Следует помнить, что этот наш рассказ основан на материалах Кривицкого, опубликованных за рубежом.) Истинная природа миссии Канделаки была известна только полудюжине человек. Сталин считал это триумфом своей личной дипломатии, так как теперь в течение многих лет он мог один контролировать ход развития Советского государства. Лишь немногие из его помощников находились в курсе переговоров. Наркомат иностранных дел, Совет Народных Комиссаров и Центральный Исполнительный Комитет не принимали участия в игре «Сталин — Канделаки». Трагически сложилась судьба советских разведчиков, работавших в Германии. Их отзывали в СССР, а здесь репрессировали. Так погиб руководитель советской военной разведки в нацистской Германии Макс Максимов-Уншлихт. В течение трех последних лет он возглавлял этот наиболее ответственный и рискованный пост в Разведуправлении. Последним, кто его видел, был тот же генерал Кривицкий. «Ежедневно исчезали друзья и коллеги, а также родственники Уншлихтов. Среди них было много генералов и комиссаров. «Почему они арестовали генерала Якира? Почему схватили генерала Эйдемана?» — я задавал Максиму такие вопросы, чтобы пролить свет на то, что происходит в стране. Однако Макс был убежденным сталинцем, защищал чистку, не давая мне удовлетворительных ответов. «Это грозное время для Советского Союза,— бывало, говорил он,— кто против Сталина, тот против революции». (М. Уншлихта арестовали через несколько дней после этого разговора. Когда Кривицкий попытался вступить, ответственный работник кратко ответил ему: «ОГПУ арестовало Макса. Следовательно, он враг. Я ничего не могу сделать для его жены».)

Не менее трагичной была и судьба руководителей разведки. В мае 1937 года Я. К. Берзин отозван из Испании. За выполнение правительственного задания его наградили орденом Ленина, присвоили звание армейского комиссара второго ранга, приказом наркома обороны он назначен на пост начальника Главного разведывательного управления РККА. А затем арестован как шпион и заговорщик. Одна из его сотрудниц, отказавшись давать показания против Берзина, потребовала очной ставки с ним. Она увидела перед собой сломленного морально и физически человека, который с готовностью подтверждал самые нелепые обвинения следователя и заискивал перед ним. 29 июля 1938 года Ян

Карлович Берзин был расстрелян как «враг народа». Такая же судьба постигла его преемника С. П. Урицкого. Трагедия затронула всех — от рядового до генерала и маршала.

Атмосфера всеобщей подозрительности и шпиономании была использована и настоящими врагами. Известно, что разведка гитлеровской Германии приложила руку к фальсификации «заговора в Красной Армии». Воспользовались удобной ситуацией и остатки антисоветской эмиграции. В частности, такая белоэмигрантская организация, как Российский общевойсковой союз — РОВС, через свое подразделение — Внутреннюю линию, которая занималась разведкой и контрразведкой,— усилила провокационные акции против СССР, политически дискредитировала отдельных советских представителей за рубежом.

Очень показательна трагическая история советского военного атташе в Болгарии В. Т. Сухорукова

Этот талантливый военный дипломат создал во второй половине тридцатых годов на Балканах широкую антифашистскую организацию, в состав которой входили представители военного командования фактически всех балканских государств. Своей главной задачей эта организация ставила противодействие германской экспансии на Балканах. По прямому заданию гитлеровских спецслужб штабс-капитан Ю. Фосс подбросил фальшивку, обвинявшую В. Т. Сухорукова в связях с нацистской разведкой. Он был отозван в СССР и репрессирован. Сухоруков провел в лагерях восемнадцать лет. Его не освободили даже тогда, когда с началом Великой Отечественной войны люди, входящие в его организацию, вступили в неравную схватку с фашизмом.

В конце мая 1937 года Кривицкий вернулся из Москвы в Гаагу. 29 мая встретился здесь со своим заместителем Игнацем Рейссом, много лет проработавшим в советской военной разведке, человеком, искренне преданным делу коммунизма. Рейсс, обескураженный происходящим в Советской России, видел в сталинской политике признаки перерождения в фашизм. «Я использовал весь запас аргументов,— вспоминал позднее Кривицкий,— и вновь остановился на старой теме: мы не должны уклоняться от борьбы. Советский Союз был все еще единственной надеждой рабочих мира, настаивал я. Сталин может ошибаться. Сталины придут и уйдут, а Советский Союз останется. Наш долг — оставаться на посту». Однако это не убедило Рейсса. Он был убежден, что Сталин ведет страну к катастрофе.

В июле 1937 года в Западную Европу прибыл с особо секретной миссией заместитель начальника Иностранного отдела Главного управления государственной безопасности Шпигельгасс. Ежов дал ему полномочия проводить чистку зарубежных служб,

не останавливаясь ни перед чем. При встрече с Кривицким представитель Ежова предъявил письмо Рейсса, адресованное Сталину: «Наши пути разошлись! Тот, кто хранит молчание в этот час, становится пособником Сталина и предателем дела рабочего класса и социализма. С двадцатилетнего возраста я боролся за социализм. Теперь, на пороге своего пятидесятилетия, не хочу жить милостями Ежова. За моими плечами шестнадцать лет подпольной работы — это не мелочь. Однако у меня еще достаточно сил, чтобы начать все сначала...»

В свое время Кривицкий рекомендовал Рейсса в партию и предложил принять его на работу в разведку. Теперь от Вальтера потребовали участия в убийстве старого товарища. Впрочем, тогда Рейссу удалось скрыться. Он погиб позднее, 4 сентября, в Швейцарии.

Судьба самого Кривицкого теперь также была решена: его срочно вызвали в Москву. Это означало смерть. И он принял решение не возвращаться. Измена служебному долгу, предательство? Но его ждали только пытки и обвинение в том же предательстве. Кривицкий выбрал путь борьбы против сталинизма.

В ноябре 1937 года он несколько раз встречался с сыном Троцкого, Л. Л. Седовым-Троцким. 5 декабря Кривицкий передал ему текст открытого письма в рабочую печать, которое несколько позже было опубликовано в «Бюллетене оппозиции», а также в ряде американских социалистических газет.

«Письмо в рабочую печать.

Восемнадцать лет я преданно служил Коммунистической партии и советской власти в твердой уверенности, что служу делу Октябрьской революции, рабочего класса. Член ВКП(б) с 1919 года, ответственный военно-политический работник Красной Армии в течение многих лет, затем директор Института военной промышленности, я в течение двух последних лет выполнял специальные миссии Советского правительства за границей. Руководящие партийные и советские органы постоянно оказывали мне полное доверие, я был дважды награжден (орденом Красного Знамени и почетным оружием).

В последние годы я с возрастающей тревогой следил за политикой Советского правительства, но подчинял свои сомнения и разногласия необходимости защищать интересы Советского Союза и социализма, которым служила моя работа. Но развернувшиеся события убедили меня в том, что политика сталинского правительства все больше расходится с интересами не только Советского Союза, но и мирового рабочего движения вообще.

Через московские публичные — и еще больше через тайные — процессы прошли в качестве «шпионов» и «агентов гестапо» такие выдающиеся представители старой партийной гвардии: Зиновьев, Каменев, И. Н. Смирнов, Бухарин, Рыков, Раковский

и др., лучшие экономисты и ученые — Пятаков, Смилга, Пашуканис и тысячи других, перечислить их здесь нет никакой возможности. Не только старики, все лучшее, что имел Советский Союз среди октябрьского и пооктябрьского поколений, те, кто в огне гражданской войны, в голоде и холоде строил советскую власть, подвергнуты сейчас кровавой расправе. Сталин не остановился перед тем, чтобы обезглавить Красную Армию. Он казнил ее лучших полководцев, ее наиболее талантливых вождей: Тухачевского, Якира, Уборевича, Гамарника. Он лживо обвинил их, как и все свои другие жертвы, в измене. В действительности же именно сталинская политика подрывает военную мощь Советского Союза, его обороноспособность, советскую экономику и науку, все отрасли советского строительства.

При помощи методов, которые еще станут известны (например, при допросе Смирнова и Мрачковского), кажущихся невероятными на Западе, Сталин — Ежов вымогают у своих жертв «признания», и инсценируются позорные процессы. Каждый новый процесс, каждая новая расправа все глубже подрывают мою веру. У меня достаточно данных, чтобы знать, как строились эти процессы, и понимать, что погибают невинные. Но я долго стремился подавить в себе чувство отвращения и негодования, убедить себя в том, что, несмотря на это, нельзя покидать доверенную мне ответственную работу. Огромные усилия понадобились мне — я должен это признать, — чтобы решиться на разрыв с Москвой и остаться за границей.

Оставаясь за границей, я надеюсь получить возможность помочь реабилитации тех десятков тысяч мнимых «шпионов» и «агентов гестапо», в действительности преданных борцов рабочего класса, которые арестовываются, ссылаются, убиваются, расстреливаются нынешними хозяевами режима, который эти борцы создали под руководством Ленина и продолжали укреплять после его смерти.

Я знаю — я имею тому доказательства, — что голова моя оценена. Знаю, что Ежов и его помощники не остановятся ни перед чем, чтобы убить меня и тем заставить замолчать, что десятки на все готовых людей Ежова рыщут с этой целью по моим следам.

Я считаю своим долгом революционера довести обо всем этом до сведения мировой рабочей общественности. В. Кривицкий (Вальтер). 5 декабря 1937 года».

В марте 1938 года, когда в Москве проходил процесс по делу Бухарина и Рыкова, к Вальтеру — Кривицкому обратился Борис Суварин, в прошлом член французской компартии, редактор «Фигаро». А несколько позже — еще и Гастон Берже, депутат Национального собрания Франции, один из инициаторов франко-

советского договора. По их просьбе Кривицкий вскрыл механику «признаний» на московских процессах. Ряд его статей был опубликован в «Социалистическом вестнике», органе меньшевиков, часть этих материалов была перепечатана в шведской и норвежской социал-демократической печати.

В том же 1938 году Кривицкий переехал жить в США. Там он работал над книгой «Я был агентом Сталина». (Выдержки из нее были опубликованы в «Литературной газете» 3 августа 1988 года.) Позднее он покончил жизнь самоубийством. Или его убили...

Справедливость требует, чтобы об этой незаурядной личности знали, как и о других советских разведчиках... Не менее трагично сложилась судьба и тех, кто в это время продолжал оставаться на заграничной работе. Группа Рихарда Зорге, оставшись в конечном итоге без поддержки, на свой страх и риск продолжала собирать, анализировать и переправлять информацию. Однако теперь этой информации не верили.

Все сведения о систематическом наращении на советских границах вооруженных сил Германии и ее союзников Сталин рассматривал как провокационные, специально подбрасываемые Советскому правительству, чтобы заставить СССР дать повод Гитлеру для обвинений. По воспоминаниям современников, новый начальник Главного разведывательного управления Ф. И. Голиков являлся на доклады к Сталину с двумя папками, в каждой из которых лежали разведывательные донесения. Узнав от работников секретариата Сталина о настроении «хозяина», Голиков решал, какой из папок он воспользуется.

Были объявлены вредительскими и преданы забвению все разработки Берзина и других теоретиков. Специалистами в этой области стали считаться Л. П. Берия и его подручные. Главную задачу советской разведки видели в разоблачении «врагов народа».

Заключительный акт этой трагедии разыгрался накануне и в самом начале Великой Отечественной войны. Советские разведчики сообщали о движении к советской границе фашистских войск, называли точную дату вторжения. Но им просто отказывались верить.

Советские разведчики, даже утратив связи с центром, лишены часто моральной и материальной поддержки, продолжали свою нелегкую работу. Службы безопасности гитлеровской Германии и ее союзников были обескуражены, когда уже в день нападения на Советский Союз с территории их стран начали работать десятки радиопередатчиков, посылавших сведения, от которых уже нельзя было отмахнуться и в Москве.

Лоллий Замойский
Юрий Нежников

У роковой черты

Советская разведка накануне войны

Сорокалетию Победы — повод для размышлений о пройденном пути, о судьбах народа, ответственности политиков в переломные моменты истории. Радость Победы возвращает нас к истокам событий, к той июньской ночи, когда огнем и кровью взорвалась государственная граница Советского Союза и начался тот долгий путь борьбы, неимоверных жертв и лишений, который привел нас к 9 мая 1945 года.

Война перепахала миллионы судеб, на многие поколения наложила свой трагический отсвет. И думая о том, какой ценой досталось освобождение, как дорого обошлись просчеты и ошибки, хочется знать больше и полнее об уроках того времени. Почему наша армия в первые месяцы оказалась в столь критическом положении? Какой суммой знаний располагали Сталин и советское руководство в канун нападения Гитлера? Насколько понимали, что оно было неизбежным, что это дело месяцев, недель, дней?

Возникает и сакраментальный вопрос: куда смотрела разведка? Ведь если верить некоторым телесериалам, советские разведчики чуть ли не контролировали каждый шаг нацистского государства... От художественных обобщений хочется перейти к насущному хлебу исторической правды. А дать ее могут, наряду с мемуарами участников, военачальников, чекистов, наши архивы, реальные документы того времени.

Нельзя, конечно, преуменьшать того, что мы уже узнали о самоотверженной работе Рихарда Зорге, «Красной капеллы», Кима Филби. Но сколько еще остается за рамками конспирации, запретов, которые, видимо, со временем устаревают. Кое-что уже напечатано из материалов военной разведки. Но ведь активно действовала и разведка политическая, та, которой руководил НКВД — КГБ.

Лоллий Петрович Замойский — журналист-международник. Юрий Михайлович Нежников — историк.

Вот почему обрадовала возможность заглянуть в предвоенные архивы «компетентного ведомства».

Выцветшие от времени папки лежат на современных столах читального зала. Выглядят секретные архивы обыденно, как-то по-бухгалтерски, в своих картонных обложках с черными трафаретами, фиолетовыми чернильными штампами и номерами. Некоторые папки толстые, даже очень. Одна насчитывает более восьмисот страниц. Другие — потоньше. На той, что поближе, надпись синим карандашом: «Разные материалы по Германии. 1931—32 годы». Все эти приготовленные дела лежат в папках.

Очень корректный, подтянутый и несколько даже щеголеватый молодой человек, родившийся, очевидно, уже намного позже окончания войны, представился сотрудником научно-исследовательского подразделения разведки, сказал, что изучает период, который нас интересует, и готов, если мы захотим, ответить на те вопросы, которые возникнут.

Вопросы у нас были. Мы их обсудили по пути в тот уединенный уголок Москвы, где находится архив.

— Когда возникла политическая разведка? Вместе с ВЧК?

— Несколько позже. В период гражданской войны на первый план выдвигались контрразведывательские задачи. А с ее окончанием интересы стали передвигаться за кордон, откуда засылались бандитские формирования, совершались набеги на нашу территорию.

В сентябре 1920 года в постановлении Политбюро ЦК РКП(б) было отмечено в связи с этим: «Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов велепую». А 20 декабря того же года Дзержинский подписал приказ № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК. Эту дату считают днем рождения советской разведки. Но фактически она стала оформляться с 1921 года. Обстановка диктовала задачи борьбы с подрывной деятельностью контрреволюционных организаций и иностранных разведок. И только с июня 1922 года перед Иностранным отделом, или, как его стали называть, ИНО, были впервые сформулированы задачи ведения политической разведки.

— Если не секрет, каковы были первые задания?

— Помочь подготовке Генуэзской конференции, выявить планы Антанты, позиции ведущих европейских стран, в первую очередь Германии и Англии, а затем и Франции, замыслы эмиграции.

— Удалось?

— Были добыты сведения о подготовке покушения на наших делегатов, в чем участвовал Борис Савинков. Перехвачена переписка эмиграции. Петлюра писал Шульгину: «Господин министр,

обращаю Ваше внимание на то, что конференция в Генуе может или де-факто или де-юре признать правительство Советов и поэтому перед нашим правительством встает важная задача вредить намерениям правящих кругов Европы в этом вопросе». Выявились и различия позиций западных стран. Это позволило Чичерину точно определить слабые места собеседников. А в конечном итоге подписать Рапалльский договор с Германией. Это был прорыв дипломатической блокады страны.

— О том, что Германия готовит против нас войну, мы узнали, видимо, после прихода к власти нацистов?

— В основном да. Правда, первые сигналы поступили раньше.

Наш архивариус раскрыл папку материалов о Германии 1931—1932 годов.

Из спецсообщения ИНО ОГПУ от 7 июня 1932 года: «Образование нового германского правительства во главе с фон Папеном и германским министром иностранных дел фон Нейратом вызвало большие дискуссии по вопросу о политике германского правительства в отношении Восточной Европы, и в частности в отношении СССР, поскольку известно, что фон Папен является сторонником борьбы с советской властью и коммунизмом.

Папен считает, что «мягкотелость» германского правительства в отношении Восточной Европы должна быть резко изменена...»

Другой документ.

Из сообщения в Центр от 14 июня 1932 года:

«Папен считает, что эпоха расширения взаимоотношений между СССР и капиталистическим миром кончилась. Наступает период усиленной подготовки к борьбе двух систем, и германское правительство должно быть подготовлено к такой борьбе».

— Объясните, пожалуйста, что это за тексты: обзоры, заключения?

— В основе лежат агентурные донесения. Скажем, второе сообщение было получено от человека, который слушал доклад редактора журнала «Ринг» фон Глейхена. Он был известен близостью к фон Папену и знал о его взглядах. А вот другое сообщение от 24 июня того же года. Эти сведения поступили из окружения влиятельного предпринимателя Флик-Штегера. Речь идет о переговорах фон Папена с Парижем о возможности тайного соглашения между Германией, Польшей и Францией против СССР.

«За уступки Германии Польшу обещают вознаградить в широкой мере в сторону Советской Украины.

Если вообще последует крестовый поход против СССР, то он начнется как раз по направлению Украины... Как сказал Флик-Штегер, Англия, видимо, вначале останется доброжелательным

наблюдателем в случае союза Франции, Германии и Польши против Советского Союза, но, если эти страны пойдут походом на Украину, Англия постарается захватить Кавказ и под видом освобождения Грузии овладеть нефтеносными районами Кавказа. В этом отношении в Лондоне продолжается обработка грузинских и других кавказских эмигрантов, а Детердинг (известный нефтепромышленник. — *Ред.*) приобрел старые акции кавказских нефтяных полей и предприятий».

Возможности использовать трудности, связанные с коллективизацией, голод, поразивший население ряда районов СССР, особенно на Украине, не прошли мимо тех, кто замыслил такого рода планы. Не прошли они в свою очередь и мимо внимания наших разведчиков. В следующем сообщении ИНО от 1 июля 1932 года отмечается: «Рейхсканцлер фон Папен ведет в Лозанне тайные переговоры, конечная цель которых объединить европейские страны и Англию для похода против СССР с целью свержения Советской власти. Хотя сейчас и незаметно непосредственной опасности нападения на СССР, но, как утверждал информатор, война против СССР не заставит себя долго ждать».

Комбинаций и союзов антисоветского направления в Европе было немало, но их расстраивали и разногласия и соперничество. Однако вскоре произошло событие, которое дало стержень милитаристским силам, готовившим не только поход «на Восток», но и войну за новый передел мира. Гитлер и нацисты пришли к власти.

Локомотив войны запущен

— С 1933 года разведка стала готовиться к работе в военных условиях. Пик ее достижений приходится на 1935—1936 годы.

— Известно, что в эти годы в Англии начал сотрудничать с нами знаменитый Ким Филби, ряд других влиятельных лиц. А в Германии?

— Может быть, и не в такой степени, как пишут наши романисты, но позиции, которые занимали наши источники информации в нацистской партии, ряде министерств, в вооруженных силах Германии, ее разведке и контрразведке, действительно были солидными.

— Кому направлялась информация, которая лежит в этих папках?

— На многих документах обозначена рассылка. Большею частью агентурные донесения шли на самый верх. Вот смотрите — ЦК ВКП(б), тов. Сталину, СНК СССР, тов. Молотову,

НКО СССР, тов. Тимошенко, НКВД СССР, тов. Берия. Некоторые адресовались только в Наркомат обороны.

— То есть нельзя утверждать, что высшие лица в государстве были в неведении относительно того, что им сообщала политическая разведка?

— Сведения доводились до них с большой полнотой.

— Тогда другой вопрос. В нужной ли мере советская разведка выполняла свой долг перед войной, имея такие возможности. Как она, например, работала в предгрозовую 1938 год и в 1939 году, когда решалось очень многое: Мюнхен, переговоры между СССР, Англией и Францией, договор о ненападении с Гитлером, когда началась мировая война?

— У вас будет возможность самим посмотреть, что и как сообщалось в предвоенные годы. Не хотелось бы предрешать ваши впечатления. И все же разрешите предупредить, что ряд этих лет разведка была заметно ослаблена.

— Репрессии?

— Они начались еще в 1935 году. В 1937—1938 годах руководящий состав был буквально растерзан. Так был репрессирован начальник разведки А. Х. Артузов, затем — руководители практически всех рангов. У нас, в разведке, есть кабинет чекистской славы. Там установлена мемориальная доска, на которой выбиты имена наиболее выдающихся разведчиков. Почти вся верхняя половина списка — репрессированные. Посмотрите, вот спецсообщения за 1937 год. В первом полугодии их подписывало руководство разведки. А в конце года сообщения на имя Сталина, Молотова, Ворошилова шли уже за подписью даже не начальников секторов, а исполняющих обязанности или помощников. Некому было подписывать сообщения даже Сталину. Вот каков был масштаб репрессий в разведке. Были отозваны почти все резиденты, большинство опытных работников. Они причислялись к врагам народа, и судьбу их нетрудно представить. Этим была перечеркнута большая работа, о которой мы говорили.

Потери состава были столь катастрофичны, что из разведки в инстанции в 1938 году не поступило ни одного сообщения в течение 127 дней подряд! Вчитайтесь в этот документ.

«Сов. секретно»

ОТЧЕТ

О РАБОТЕ I Управления НКГБ СССР за период с 1939 года по апрель месяц 1941 года

Организационная работа

К началу 1939 года в результате разоблачения вражеского руководства в то время Иностранного отдела почти все резиден-

ты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке.

Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи. Задача состояла в том, чтобы, наряду с созданием аппарата самого Отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном».

Далее излагались меры, направленные на то, чтобы хоть как-нибудь восполнить чудовищный ущерб в период, когда война стучалась и в нашу дверь.

Мы углубились в кладези разведывательных сведений. Это были в большинстве донесения из европейских столиц — сообщения агентов, дипломатические депеши, справки по экономическому положению стран, развитию их военной технологии, торговым устремлениям. С разных сторон раскрывались побудительные мотивы капиталистических государств, обстановка, в которой они все больше вползали в мировой конфликт.

Германия, отвергнув военные ограничения Версальского договора, создавала вооруженные силы. Муссолини устремился в Северную Африку, на Балканы. Гитлер ревниво следил за итальянской экспансией и флиртом Рима с Лондоном, сам предлагая англичанам свои авансы. Но вскоре определился совместный полигон для вооруженных сил фашистских государств — Испания.

Англия и Франция не возражали, когда Гитлер растил свой потенциал, угрожающий восточным соседям, в конечном итоге Советскому Союзу, втягивался в гонку вооружений, которая, как они надеялись, разорит Германию. Но на юге Европы и в Африке создавалась реальная угроза их собственным позициям.

В самой Испании они опасались утверждения левых сил. Здесь, собственно, постепенно перемещаясь в Центральную Европу, и наметились контуры политики уступок, поощрения агрессоров, в основе которых лежало все то же желание канализировать экспансию на Восток.

Интересно читать сообщения американских послов, пока еще ощущающих себя как бы над начинающейся схваткой. Посол США в Германии Додд докладывает из Берлина в Вашингтон 15 декабря 1936 года: «Германское правительство убеждено, что возвращение колоний восстановит престиж Германии и увеличит ее влияние на международные дела. Я уверен, что это является единственной причиной, толкнувшей Берлин на испанскую авантюру».

Посол США в Италии Филлипс докладывает из Рима: «Недав-

но Чиано (министр иностранных дел Италии, зять Муссолини. — *Ред.*) мне признался, что Лондон так же, как Рим и Берлин, против коммунистического режима в Испании. Чиано был приятно поражен сговорчивостью английского правительства. Это замечание вполне обоснованно. Британский капитал слишком заинтересован в Испании, чтобы желать там установления левого правительства».

Франция занимает иную позицию в отношении интервенции против Испанской Республики. Намечается взаимопонимание Парижа с СССР. Это тревожит Лондон больше, чем фашистская агрессия. Посол США сообщал из Парижа в госдепартамент в январе 1937 года: «Английский посол... пытается убедить представителей французского правительства, что спасение положения требует безоговорочного сотрудничества с Англией и ревизии франко-советского союза... Я впервые услышал от авторитетного источника, что французское правительство обдумывает вопрос о кредитах и колониях для Германии. Я узнал, что Иден во время последней поездки в Германию поднял вопрос о возвращении ей ряда колоний в обмен на гарантию мира».

А вот уже напрямую английский посол в США заявляет госсекретарю: «Иден думает, что Германию и Италию можно убедить одним аргументом, который будет приемлем для обеих: деньги и кредит. Франция может прийти к взаимопониманию с Германией, в то время как Лондон предложит Риму давно запрашиваемый заем. Высказывается надежда, что Вашингтон примет участие в подобном рода соглашениях». Госдепартамент обещал «серьезно обсудить» английское предложение, хотя и выразил сомнение в его осуществлении.

Приводим эти фрагменты из дипломатических депеш, добытых советской разведкой в те годы, чтобы было ясно — советское руководство (материал докладывался Сталину и Молотову) было в курсе попыток умиротворения наци-фашистов, видело желание, в первую очередь Англии, направить агрессию против СССР, что позже особенно ярко проявилось в мюнхенскомговоре, когда в жертву Гитлеру принесли Чехословакию. Но вернемся к 1937 году.

Донесение посла США в Париже, январь: «По предложению Идена Франция должна опубликовать декларацию с указанием некоторых ограничений ее военных обязательств по отношению к СССР. Иден того мнения, что Франция должна прийти на помощь СССР только в том случае, когда представители Англии, Италии, Германии и нейтральных держав, избранные Советом Лиги Наций, выяснив положение, большинством голосов решат, что СССР является жертвой агрессии. (То есть потенциальные агрессоры сами должны определять, виноваты ли они или

СССР.— *Ред.*) Блюм (премьер-министр Франции.— *Ред.*) отверг это предложение, заявив, что такой план действий неприемлем для Франции, так как он представляет собой косвенную отмену всей ее дружбы с Москвой...

Здесь известно,— продолжал посол США,— что Лондон допускает возможность германских действий в Чехословакии. Имеются сведения от хорошо осведомленного источника, что Чехословакия была одной из главных тем разговоров Геринга в Риме».

Примерно в то же время, 10 февраля 1937 года, Сталину, Молотову и Ворошилову поступают сведения — в виде изложения доклада военного атташе США в Берлине от 4 декабря 1936 года — о практическом обсуждении в Германии планов войны против СССР: «В своем докладе майор Смит сообщает, что ему удалось добыть данные о совещании германского военного министерства, состоявшегося в последних числах ноября 1936 года. На совещании был поставлен вопрос о «германской ориентации на Востоке и стратегической позиции Германии». На совещании выступили Бломберг, Фрич, Геринг, которые изложили несколько вариантов войны против СССР и критику этих вариантов.

В своем заключительном слове Фрич заявил, что «никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос создания базы для операций в самой Восточной Польше». С этим заявлением согласились все, кроме Геринга.

Резюмируя, майор Смит сообщает, что «можно совершенно точно сказать, что ни одна группа, имеющая здесь значение в военном министерстве, не верит в возможность ведения войны против СССР без важной политической перемены в Варшаве». Крупная роль в плане отводится диверсии, которая должна быть проведена «нашими друзьями на юге».

О том, что в Вашингтоне серьезно восприняли сообщение военного атташе и складывающуюся в Европе обстановку, советское руководство узнало из донесения разведки от 17 февраля 1937 года. В нем говорилось о переговорах президента США Рузвельта со специальным представителем Англии Рэнсименом. «Содержание главной части переговоров было посвящено вопросу о нейтралитете США, ибо Лондон ждет войны не позднее 1938 года, и если получение военных материалов из США не представляется возможным, то необходимо начать постройку больших заводов в Англии, Франции и Чехословакии... Рузвельт заявил Рэнсимену, что Америка прилагает усилия к тому, чтобы как можно дольше сохранять нейтралитет. Если произойдет вооруженный конфликт между демократией и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придер-

живаться другой позиции, и по настоянию Рузвельта Америка сохранит свой нейтралитет. Если СССР окажется под угрозой германских, чисто империалистических, т. е. территориальных устремлений, тогда должны будут вмешаться европейские страны, и Америка станет на их сторону...»

Иными словами, США ставят свою позицию в зависимости от поведения Англии в будущем конфликте. А поведение Англии и Франции отмечено бездействием в ответ на аншлюс Австрии, сговор в Мюнхене, отдавший агрессорам Чехословакию. Отказ от совместных с СССР действий по отпору агрессорам, открытие шлюзов для «дранг нах Остен» привело мир и самих умиротворителей к той грани, откуда не было возврата. Дело историков анализировать ошибки и потерянные возможности мировой дипломатии, включая советскую, в этот сложный период, но важно не упрощать обстановку, ясно видеть движущие силы агрессии, не валить, как сейчас нередко случается, все камни в свой огород. Там их и так хватает.

В то же время приведенные сообщения показывают уровень информации, которую поставляла руководству советская разведка в тот момент, когда на нее обрушились жестокие удары. Был нанесен урон не только в человеческом плане, Сталин и Берия, те, кто организовывал расправы, лишали Советское государство эффективной помощи самого надежного инструмента, предостерегающего против «случайных ходов вслепую» в наиболее переломный период мировой ситуации.

За несколько часов до рассвета

План нападения Германии на Польшу («Вайс») в первом варианте был подписан Гитлером 4 марта 1939 года, за пять с лишним месяцев до подписания советско-германских договоров (о ненападении, о дружбе и границе). Иными словами, открытие военных действий Германии на польской границе предрешилось Гитлером безотносительно к состоянию отношений с СССР. Следующим этапом становилась подготовка к войне против СССР.

Если общий курс Германии, контуры которого очерчивались еще в «Майн кампф» и доктрине «жизненного пространства», наступления на Восток, внушенных Гитлеру и Гессу теоретиком геополитики Хаусхофером, были достаточно известны, как не вызывало сомнений, что Германия взяла курс на войну, то другое дело — практические планы развязывания агрессии.

Из просмотренных нами материалов советскому руководству должно было быть ясно, что Гитлер и его окружение усиленно готовят механизм войны, не считаясь с жертвами.

С 1934 года разведка докладывала об увеличении Германией производства чисто военной продукции, переводе все большего числа гражданских предприятий на военное производство. В 1935 году в министерстве хозяйства Германии был создан отдел по мобилизации промышленности и внешней торговли во время войны. Была получена техническая документация, образцы по самолетостроению, военной оптике, радиотехнике, по боевым отравляющим веществам, по артиллерийским полевым и зенитным системам, реактивным гранатометам, новым видам бронетранспортеров и танков и т. д. Уже в 1937 году (!) докладывалось о показательных стендовых испытаниях ракеты инженера Брауна и ее тактико-технических характеристиках. Надежный источник присутствовал на этих испытаниях среди почетных гостей и получал исчерпывающие объяснения на свои вопросы. В 1938 году разведка продолжала информировать инстанции о ходе работы над этой ракетой, а также над другой военной техникой, причем не только в Германии, но и в других странах.

Когда общее направление событий относительно ясно, когда прослеживаются маневры агрессивной страны или группы стран по расширению позиций и плацдармов, важно поймать момент, когда стратегические планы перерастают в оперативные, обретают варианты, начинается отсчет даты нападения.

Такое нападение всегда готовится в условиях глубочайшей конспирации. Чем крупнее и опаснее, авантюричнее замыслы, тем более оснащены они отвлекающими, дезинформирующими атрибутами. Тем труднее распознать, где и когда будет нанесен решающий удар.

Эффект внезапности — большой козырь нападающего. Вот почему Гитлер потребовал, разумеется неофициально, прекращения разведывательной деятельности СССР на германской территории. К тем, кого подозревали в этой деятельности, подводили «доброхотов», сообщающих ложные сведения. И разумеется, самым беспощадным образом «подчищали» контингент подозреваемых в симпатиях к Советскому Союзу, арестовывая группы, уже находившиеся под контролем. Эта работа проводилась столь тщательно, что Гейдрих накануне войны доложил Гитлеру: Германия чиста, «как новая монета».

Гитлер и его окружение не скрывали радостного удивления от зрелища избития в СССР опытных военных кадров накануне войны. Можно представить, как бы ликовали они, зная о том, какие потери потерпела советская разведка, какой им преподнесен подарок.

И в этих условиях, с раздерганной агентурной сетью, на которую тогда легла тень ложных подозрений, советской разведке предстояло решать самые ответственные, гигантские задачи, которые поставила перед ней история.

Главный вопрос, который возник перед чтением документов, относящихся к заключительной фазе подготовки нападения, мы сформулировали перед нашим любезным архивариусом следующим образом:

— Могла ли столь ослабленная разведка противостоять военно-политической машине гитлеровской Германии? На что она опиралась? Кто ею руководил в последние годы?

— В январе 1939 года в берлинской резидентуре после учиненного разгрома из 16 работников остались только двое. До середины сентября они работали без резидента. Тот прибыл в Берлин, когда Гитлер напал на Польшу и мировая война уже началась. Но его приезд вряд ли мог заметно поправить дела. Выдвиженец Берии, Амаяк Захарович Кобулов, не был профессиональным разведчиком. Окончивший всего пять классов тбилисской торговой школы, энергичный, но самоуверенный, он допустил немало крупных ошибок, направляя Сталину наряду с ценной информацией, добытой работниками резидентуры, стратегическую дезинформацию нацистов. Он взялся лично работать с агентом по кличке Лицеист, которого подставило гестапо.

Такие попытки ведомство Гимmlера предпринимало и раньше. К тому времени были разоблачены уже две «подставы». Настораживающие моменты были в поведении «Лицеиста», о чем Центр предупреждал Кобулова. Стало известно, что еще в Латвии (Лицеист был выходцем из Прибалтики) он пропагандировал идеи национал-социализма, был настроен антисоветски. Кобулов не внял предупреждению, регулярно направлял сочинения гестапо, переданные агентом, наверх.

Впрочем, к заслугам Центра надо отнести то, что большая часть этих сообщений отводилась от доклада руководству и квалифицировалась как дезинформация.

В мае 1947 года майор абвера, бывший гестаповец Зигфрид Мюллер на допросе показал: «В августе 1940 года Кобулову был подставлен агент германской разведки латыш Берлинкс, который по нашему заданию длительное время снабжал его дезинформационными материалами».

На вопрос, действительно ли им удавалось обмануть Кобулова, Мюллер категорично утверждал: «Я твердо уверен, что Кобулов не подозревал об обмане. Об этом свидетельствует тот факт, что в беседах с Берлинксом он выбалтывал ему некоторые данные о политике Советского правительства в германском вопросе... Сведения из бесед с Кобуловым... докладывались Гитлеру и Риббентропу».

Сам агент удивлялся словоохотливости Кобулова и заявлял, что тот поступает весьма неосторожно. «Последний рассказывал

Берлинксу даже о том, что его доклады направляют лично Сталину и Молотову».

Разумеется, эту информацию Берия похоронил в архивах. А его ставленник Кобулов, которого он в мае 1941 года отозвал из Берлина и назначил наркомом внутренних дел Узбекистана, дослужился до звания генерал-лейтенанта. В 1952 году Кобулов был арестован и позже приговорен к высшей мере наказания.

Таков был руководитель резидентуры. Добавлю, что из Москвы прислали ряд других работников, по большей части честных и преданных людей. Увы, почти все они, кроме опытного А. М. Короткова, не были профессионалами и о разведке знали до этого главным образом из книг. В Берлине они учились на ходу. Но самоотверженность нередко восполняла недостаток опыта. Кое-что удавалось сделать, несмотря на все эти беды.

— О тех, кто им помогал, говорить еще рано?

— Думаю, что в общих чертах это можно. Конечно, и сейчас есть вещи, которые не следует рассказывать, поскольку разведка есть разведка, она хранит многие свои секреты. Все же о некоторых из лиц, которые отмечены в делах псевдонимами, сказать можно. Наиболее солидные сведения были в состоянии передавать нам «Корсиканец» и «Старшина» — Харро Шульце-Бойзен и Арвид Харнак*. Первый был сотрудником штаба ВВС, имел связи в окружении Геринга, в руководстве партии нацистов. Второй — выходец из старинной семьи, доцент Гессенского университета, также имел влиятельных друзей. По убеждениям являлся коммунистом. Был сотрудником министерства хозяйства. Можно назвать жену ответственного сотрудника МИД Германии, сочувствовавшую нашей стране, ряд технических и научных специалистов.

Одним словом, хотя ценные агенты были и в других резидентурах, в канун войны в Германии удалось воссоздать работоспособную сеть по добыче нужной информации. Две трети всех сообщений разведки о военных приготовлениях Германии против

* Харро Шульце-Бойзен, внучатый племянник адмирала фон Тирпица, был женат на внучке принца Филиппа фон Эленберга. Герман Геринг являлся свидетелем на их свадьбе. В 1936 году Шульце-Бойзен создал группу, являвшуюся ядром подпольной антифашистской организации. Его друг, Арвид Харнак, происходивший из аристократической семьи прибалтийских немцев, с 1939 года вошел в состав группы. Перед нападением Гитлера на СССР связь с руководителями группы осуществлял А. М. Коротков. С июля 1941 года связь поддерживалась через резидентуру военной разведки в Бельгии, руководимую Л. Треппером. Через год гитлеровцам удалось расшифровать радиogramмы группы, названной ими «Красным оркестром», или «Красной капеллой». В августе — сентябре 1942 года руководители группы были арестованы. 22 декабря 1942 года супруги Шульце-Бойзен, Арвид Харнак и еще семь участников группы были казнены. Несколько позже — 16 февраля 1943 года — была казнена супруга Харнака Милдред, гражданка США.

СССР в 1940—1941 годах были составлены на основании материалов берлинской резидентуры.

Перед тем как дать слово документам разведки, напомним стадии подготовки к нападению на СССР, известные из трофейных документов.

18 декабря 1940 года в директиве № 21 Гитлер указывал: «Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока операции. Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15. 05. 41». В директиве от 31 января 1941 года уточнялось, что «подготовительную работу нужно провести таким образом, чтобы наступление (день «Б») можно было начать 21 июня». Практически дата нападения была предопределена, но еще не подтверждена. И лишь 10 июня 1941 года, то есть менее чем за две недели, было дано распоряжение главнокомандующего сухопутных войск считать днем начала операции «Барбаросса» 22 июня.

Известно, что при определении даты начала атаки были некоторые колебания. Выказывалось мнение осуществить нападение в конце апреля, с тем чтобы «Сталин не смог сжечь урожай». Фактор истощения пищевых и других ресурсов играл возрастающую роль по мере того, как пушки стали заменять масло, а моторизованная техника начала пожирать горючее в огромных масштабах. Понятия «хлеб Украины», «марганец Никополя», «уголь Донбасса» пестрят во многих секретных докладных того времени, призывающих возможно скорее оккупировать советскую территорию и начать грабить ресурсы СССР. Учтем это при знакомстве с донесениями советской внешнеполитической разведки. Итак, слово — документам.

«Сов. секретно
« » октября 1940 г.
[точная дата отсутствует]

НКВД СССР сообщает следующие агентурные данные, полученные из Берлина:

1. Наш агент «Корсиканец»... в разговоре с офицером штаба Верховного командования узнал, что в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом к началу военных операций явится военная оккупация немцами Румынии...

Целью войны является отторжение от Советского Союза части европейской территории СССР от Ленинграда до Черного моря и создание на этой территории государства, целиком зависящего от Германии. На остальной части Советского Союза,

согласно этим планам, должно быть создано «дружественное Германии правительство».

Наш агент за достоверность этих данных не ручается.

2. Офицер штаба Верховного командования заявил нашему источнику (бывший русский князь), что по сведениям, полученным им в штабе, примерно через шесть месяцев Германия начнет войну против Советского Союза.

Разослано т. Сталину
т. Молотову
т. Ворошилову
т. Тимошенко

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия»

Заметим ответственное отношение к делу агента, который «не ручается» за сообщаемые другими сведения. Тем не менее первый прикидочный срок ясен — весна 1941 года. Проходит более двух месяцев, и народный комиссар государственной безопасности СССР Меркулов 8 февраля 1941 года посылает новое сообщение «Корсиканца». Оно уже прямо именуется: «О подготовке войны против СССР».

Сталину, Молотову, Тимошенко и Берии адресовано сообщение того же лица 6 марта 1941 года.

«В высших руководящих немецких инстанциях якобы серьезно обсуждается возможность поворота фронта на Восток против Советского Союза».

Эти планы в значительной степени обоснованы чрезвычайно серьезным продовольственным положением Германии и оккупированных областей... Несколько работников комитета по четырехлетнему плану получили срочное задание составить расчеты запасов сырья и продовольствия, которые Германия может получить в результате оккупации европейской части Советского Союза.

Тот же информатор сообщает, что начальник Генштаба сухопутной армии генерал-полковник Гальдер рассчитывает на безусловный успех и молниеносную оккупацию немецкими войсками Советского Союза, и прежде всего Украины. Гальдер считает легкой задачей также оккупацию Баку и нефтяных его промыслов».

Сообщение от 14 марта 1941 года:

«По сведениям, полученным от референта штаба германской авиации аэрофотосъемки советской территории проводятся полным ходом. Немецкие самолеты совершают полеты на советскую территорию с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и Киркенессе

(Сев. Норвегия) и производят фотографирование с высоты 6000 метров. В частности, немцами заснят Кронштадт. Съемка дала хорошие результаты...»

Германский журналист, профессор высшей политической школы в Берлине, располагающий большими связями в службе безопасности и во внешнеполитическом отделе национал-социалистической партии, сообщил, что от двух германских генерал-фельдмаршалов ему якобы известно, что немцами решен вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года. Немцы рассчитывают, что русские при отступлении не в состоянии будут уничтожить (поджечь) еще зеленый хлеб.

Старший правительственный советник (идет имя) сообщил, что, по мнению генштаба, Красная Армия сможет оказывать сопротивление только в течение первых 8 дней, а затем будет разгромлена. Оккупация Украины должна лишить СССР его основной производственной базы. После этого немцы предполагают... отторгнуть Кавказ и двинуться на Урал, который может быть достигнут в течение 25 дней.

Ритм донесений нарастает. «Составляются планы бомбардировки важнейших объектов Советского Союза... Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга, Киева, Ясс». «Все прибалтийские немцы, знающие русский язык, мобилизованы министерством пропаганды».

«Старшина» сообщает: план бомбардировок предусматривает удары по Харькову, Валуйкам, Льгову, Курску, Касторной, Брянску, Туле, Сухиничам, Гомелю и другим городам. Мелькает сообщение, что немецкая комиссия, ознакомившаяся с советскими авиазаводами, была поражена видом более трехсот боевых самолетов на одном из заводов, их летными качествами. Референт Геринга заверил последнего, что «русские умышленно» собрали столько самолетов, чтобы произвести впечатление. Граф фон Гаген в беседе с друзьями отметил, что «украинское самостоятельное государство, руководимое немцами, при немецкой технике и организованности, может в течение двух ближайших лет не только покрыть потребность Германии, но и нужды европейского континента».

Сведения о военных приготовлениях в апреле — мае начинают поступать практически из всех союзных с Гитлером стран. «Вопрос о выступлении против Советского Союза считается решенным», — так завершается сообщение от 30 апреля 1941 года.

В начале мая «Старшина» приводит высказывание Гитлера перед молодыми офицерами-выпускниками: «В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намечаем, являются государ-

ственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой».

Это тот самый май, когда Гесс с согласия Гитлера и Гимmlера перелетает за Ла-Манш, чтобы убедить англичан не двигаться с места, если фюрер пойдет на СССР. Сам Гитлер в расчете на то, что его слова дойдут до нужных адресатов в Англии и США, заявлял (по тем же данным советской разведки): «Рузвельт и Черчилль удерживают меня от того, что я хочу сделать в их же пользу. У меня имеются планы, которые не заденут интересов Америки и Англии». Что касается полета Гесса, то в одном из сообщений говорится: ознакомившись с предложениями Гесса — Гитлера, англичане обратились к американцам за ответом, вступят ли они в войну на их стороне, давая понять, что, если это не произойдет, «Англия заключит сепаратный мир на условиях, привезенных Гессом». Как было на самом деле? Недавно англичане продлили срок секретности документов о контактах с Гессом до середины будущего века. Вряд ли бы они пошли на такую меру, если бы там не содержались крайне неприятные для них сведения.

Но вернемся к финальным, наиболее трагическим вестям, когда берлинская, а вместе с ней и другие резидентуры буквально бомбардировали руководство СССР сообщениями о близости войны. Они делали это, несмотря на то, что понимали: эти сообщения могут выставить их «паникерами» и «агентами Англии», «provокаторами», как отозвался Сталин о видном разведчике, доносившем, что война у ворот. Думается, что он и сам понимал, что это так. Но силится доказать другим и самому себе, что кое-кто хочет «поссорить нас с Германией», страшась конфликта, в который наша армия должна была вступить обезглавленной. Ирония судьбы, но копии сообщений о приготовлениях Гитлера к нападению складывались в папке с кокетливым названием «Затея». Видимо, это была дань боязни перед людьми Берия, которые подыгрывали деланному скептицизму «Верховного».

Вот одно из таких сообщений (май 1941 года):

«Германская армия в Румынии продолжает приготовления, которые указывают на возможность военных операций против СССР в недалеком будущем».

Германские офицеры говорят, что война начнется в середине июня». И еще одно: «Немцы, проживающие в Москве, скупили драгоценности в комиссионных магазинах».

Сведения начинают поступать от рядовых немцев, которые встречаются с советскими гражданами в Германии. 10 мая 1941 года. Берлин сообщает:

«Работник завода пластмасс в Биттерфельде сообщил нашему

приемщику, что среди рабочих завода усиленно циркулируют слухи о предстоящей войне между Германией и СССР. Аналогичные слухи распространены на станкостроительном заводе в Ганновере».

В полпредство поступило анонимное письмо:

«Товарищам Сталину и Молотову. Очень спешно. Будь настороже Россия, так как скоро Гитлер нападет на вас... Вся Восточная Пруссия наполнена войсками. Дорогие товарищи Сталин и Молотов, освободите нас от коричневой чумы. Здесь в Германии мы жаждем свержения Гитлера»...

Есть примечание: Тов. Деканозову о вышеизложенном доложено. Деканозов, еще один человек Берии, возглавлял наше посольство в Берлине.

И вот последние послания. Июнь 1941 года.

Сообщение из Шанхая. «Прибывший сюда токийский корреспондент «Франкфуртер цайтунг» Зорге сообщил «Другу» о крайней напряженности отношений между СССР и Германией и неизбежности вооруженного конфликта в ближайшие недели.

Зорге рассматривается японцами как информированный человек».

Зорге, безусловно, был информирован. 15 июня он сообщил точную дату нападения. Видимо, и тут, не очень надеясь, что его сообщению поверят в Москве, он «продублировал» его, догадываясь наверно, что оно дойдет и до коллег из соседней разведки. Сам он был, как известно, советским военным разведчиком.

12 июня 1941 года. Сообщение из Берлина т. Сталину, т. Молотову, т. Берия.

«Старшина» сообщает:

«В руководящих кругах германского министерства авиации утверждают, что вопрос о нападении Германии на Советский Союз окончательно решен. Будут ли предъявлены какие-либо требования Советскому Союзу, неизвестно, и поэтому следует считаться с возможностью неожиданного удара».

Главная штаб-квартира Геринга переносится из Берлина, предположительно в Румынию. 18 июня Геринг должен явиться в новое место расположения. Воздушные силы второй линии к этому же сроку должны быть переведены из Франции в район Познани.

Переговоры о совместных действиях между германским, финским и румынским генштабами ведутся в ускоренном порядке.

По документам, проходящим через руки источника, видно, что объектами главного удара первоначально должны явиться Мурманск, Вильно, Белосток, Кишинев и что германское командование будет стремиться путем обхода с севера, из Восточной Пруссии, и с юга, из Румынии, создать клещи, которые постепенно

но будут смыкаться в целях окружения Красной Армии на границе Генерал-губернаторства (принятое тогда обозначение оккупированной немцами Польши. — *Ред.*)».

17 июня 1941 года. Сообщение «Старшины» и «Корсиканца». Исполнитель Рыбкина (она заведовала информационным отделом разведки. Ныне — известная детская писательница Зоя Воскресенская).

«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и, удар можно ожидать в любое время». Это, собственно, уже не сообщение, а крик души — «готовьтесь!». В нем и указания о том, что будут бомбить немцы и как двигаться.

Не будем перечислять, сколько в эти дни шло дезинформирующих сигналов от Гитлера. Там работал целый штаб по обману нашей разведки. Все это заслуживает отдельного разговора. Но главное — советские разведчики и их немецкие друзья-антифашисты сумели разгадать планы Гитлера, совершили невозможное.

И не их вина, что другие не сделали того, что должны были сделать.

Эльмар Гусейнов, Владлен Сироткин

Лицо и маски Карла Радека

Как писал Радек в автобиографии, он начал участвовать в социал-демократическом движении с 14 лет, за что и был исключен из гимназии. В 1904 году в поисках заработка и возможности продолжать образование, начатое в Краковском университете, едет в Швейцарию. Здесь знакомится с русским рабочим движением. После первой российской революции начинает активную работу публициста в центральном органе польско-литовской социал-демократии — газете «Трибуна» в Варшаве, ведет агитацию среди варшавских пролетариев. Здесь он с оружием в руках вместе с рабочими участвует в захвате типографии для издания рабочей газеты, впервые попадает под арест.

В революционный Петроград Радек приехал спустя несколько дней после Октябрьского восстания. Соратник Бухарина, Дзержинского, Ленина, он был одним из тех, кто после Февральской революции 1917 года вел переговоры с немецкими властями о пропуске через территорию Германии вагонов, в которых ехали в Россию В. И. Ленин, Ю. О. Мартов и другие российские социал-демократы (большевики, меньшевики и др.).

В 1919 году по предложению В. И. Ленина Карл Радек заочно избирается в ЦК РКП(б). В марте 1920 года становится исполнительным секретарем III Интернационала, на II конгрессе летом того же года избирается членом ИККИ, то есть является, по сути, одним из главных лиц, определявших политику Коминтерна и тактику мирового коммунистического движения этого периода. При жизни Ленина у Радека не было расхождений с вождем. Радек был одним из немногих в руководстве Коминтерна и в ЦК РКП(б), который поддержал ленинскую новую экономическую политику.

Эльмар Евгеньевич Гусейнов — кандидат исторических наук, специальный корреспондент газеты «Известия». Владлен Георгиевич Сироткин — доктор исторических наук.

Печатается с сокращениями по: Московская правда, 1989, 14 мая.

Спустя несколько лет после смерти Ленина Радек попадает в число «левых» уклонистов.

...В январе 1928 года, как и многих других «троцкистов», Радека отправят в ссылку в Томск. В 1929 году он покается, будет возвращен из ссылки и восстановлен в партии как «разоружившийся троцкист». «Покаянное письмо» К. Радека от 6 июля 1929 года (в «Правде» 18 июля того же года был опубликован его урезанный вариант) настолько понравилось Сталину, что по его указанию В. Молотов 9 июля на X пленуме ИККИ (теперь уже громившем «правых» в Коминтерне) процитировал всю заключительную часть письма, специально оговарив, что это — не только «платформа разоружения» троцкиста Радека, но и его бывших единомышленников Смилги и Преображенского.

Вот что писал Радек в своем «покаянии»: «Самый важный вывод, который мы делали из политики ЦК партии, заключался в том, что эта политика неизбежно ведет на определенной стадии к скату от диктатуры пролетариата и ленинского пути к термидорианскому перерождению власти и ее политики и к сдаче без боя завоеваний Октябрьской революции...

Эта наша установка по отношению к ЦК ВКП и его политике была ошибочна... Исходя из вышесказанного, мы снимаем наши подписи с фракционных документов, заявляем о полной солидарности с генеральной линией партии и просим принять нас обратно в ее ряды».

Выяснить перипетии сложной внутрипартийной борьбы тех лет — задача будущих исследователей. Сам Радек свою позицию достаточно четко определил еще на XIII партконференции 1924 года, на которой он, обращаясь к большинству ЦК, заявил: «...если бы без демократии мы могли научиться так, чтобы не бить посуды, то демократия не была нужна... Вы ставите вопрос о снятии т.т. из оппозиции с постов. Этот пример, данный партией наверх, пойдет по всей партии до низовых ячеек. И вы доиграетесь до лицемерия в партии, когда люди будут прятать мысли для того, чтобы избежать таких последствий». Кто, знающий итог событий 30-х годов, не назовет эти слова пророческими? Но пророческими оказались и другие слова — из его речи на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна 20 июня 1923 года — о принципиальной возможности сотрудничества коммунистов и национал-социалистов против «империализма Антанты». По сведениям сбежавшего на Запад советского разведчика В. Кривицкого, «разоружившийся троцкист» Радек в 1933—1934 годах стал тайным посредником между Гитлером и Сталиным на дальних подступах к пакту Риббентроп — Молотов в 1939 году.

И это при том, что Сталина Радек не любил, чего и не скрывал, хотя неприязнь эта зачастую принимала шутовские формы. В ссылке в Томске, условия которой, кстати, были не очень тяжелые, он любил напевать незамысловатую песенку: «Добрый вечер, дядя Сталин, ай-яй-яй. Очень груб ты, нелоялен, ай-яй-яй. Ленинское завещанье спрятал, ай-яй-яй. Глубоко в кармане, ай-яй-яй».

Каким он был в жизни, Карл Радек? В быту — скромен до аскетичности. Единственной роскошью, которую Радек позволял себе, были книги. Они занимали почти целиком две комнаты, отведенные под рабочие кабинеты.

Любил сочинять и рассказывать анекдоты, обмениваться ими с друзьями. Их было много, ближайшие — Н. Бухарин, И. Смилга, Н. Преображенский, с которыми дружили домами. Иногда, зачитавшись очередным романом Дюма, мог явиться в международный отдел «Известий» в краге, обутой... на одну ногу (вторая — в домашнем тапочке), вызвав удивление своих коллег.

Кстати, удивлять он любил, по-мальчишески радуясь эффекту. В Томске, куда был выслан, разгуливал по городу в черном с драконами китайском шелковом халате, приводя в изумление жителей, принимавших его — к вящему удовольствию самого Радека — за китайца. Гурманом не был, много курил, в последние годы перед арестом начал пить.

Любил детей, своих и чужих. Не делал разницы между приемным сыном (ребенком от первого брака жены Розы Маврикиевны), родной дочерью Софьей и маленьким сыном домработницы.

Внешне он был некрасив — невысок ростом, щупл. Носил пышные бакенбарды — в честь любимого поэта Мицкевича, как объяснял знакомым. Была в нем какая-то неистребимая веселость, готовность посмеяться над всем — над собой, впрочем, в первую очередь, неизменные находчивость и блестящее остроумие. Может быть, поэтому, несмотря на более чем скромную внешность, нравился женщинам. Ярким эпизодом в его жизни осталась большая взаимная любовь к известной писательнице Ларисе Рейспер, бывшей жене Ф. Раскольникова, трагически погибшей в 1926 году. При всем этом он умел оставаться хорошим семьянином, любящим мужем и отцом. Его переписка с женой в 1919 году — для Радека это было трудное время, он сидел в берлинской тюрьме Моабит — полна нежной заботы о ней и о только что родившейся тогда дочери.

Перебирая все эти черты и черточки характера, невольно задумываешься над тем, как должен был раздражать Сталина и его окружение, склонное к показному ригоризму и подчеркнутой внешней опрошенности, этот веселый, подчас рассеянный, яркий и талантливый человек!

После возвращения из ссылки в 1929 году Радек трудился в «Известиях». Много писал, главным образом — по внешнеполитическим вопросам. Очерки его тех лет блестящи по стилю, насыщены энергией.

Именно к этому времени относится и ставший печально известным очерк «Зодчий социалистического общества», которым открывался 2-й том последнего издания сочинений Радека, вышедших в 1934 году. Этот безудержный панегирик Сталину принят теперь — и вполне заслуженно — всячески осуждать. Но не будем забывать, что автором его являлся человек, презиравший Сталина. В текст очерка как бы вмонтированы «подводные камни», разбивающие стройный корабль славословия в адрес «гениального вождя». Вчитаемся внимательно в первые строки «Зодчего...»: «Вы можете спросить: что ж удивительного в том, что после свержения буржуазии, отстояв Советскую власть от интервенции, восстановив вчерне промышленность и сельское хозяйство... советский пролетарий построил фундамент социализма? Вы, может быть, скажете, что выполнение той задачи является, правда, великим историческим подвигом, но что этот подвиг не требовал ничего качественно нового ни от пролетариата, ни от его вождей» — так, надевая маску простака, доносит Радек свою мысль до читателя и дальше сам с обезоруживающей «наивностью» отвечает на поставленные вопросы: «Но это коренная ошибка, которую надо устранить, если вы хотите понять все величие сталинского периода... историческое величие наследника Ленина — Иосифа Виссарионовича Сталина».

Вместе с Н. Бухариным Радек принял участие в составлении проекта «сталинской» конституции 1936 года. Но прав писатель А. Рыбаков: «Сталин ни Бухарину... ни Радеку не верил, хотя использовал их в 1934—1936-х годах «на полную катушку»: «...через неделю (после выступления Бухарина в феврале 1935 г. на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников, где он превозносил Сталина.— *Авт.*) «Правда» опубликовала статью Радека «Полководец пролетариата», где Радек по части славословий обогнал даже Бухарина. «Бухарин и Радек ревелись», — пишет А. Рыбаков, художественно моделируя мысли Сталина.

«Резвились» в эти годы не они одни. В той безысходности массового террора против ленинской гвардии что они могли, «покаявшиеся» оппозиционеры, противопоставить жуткой машине террора? Только свое печатное слово, тот эзоповский язык, который, как они надеялись, прочтут потомки. И потомки прочли!

Радек в 1934 году под маской простака издевается над «полководцем пролетариата», Бухарин на процессе 1938 года бросает Вышинскому: «Признания обвиняемых есть средневековый юри-

дический принцип», а Раковский на том же процессе доводит свои «признания» до абсурда. Сказав, что с 1926 года он являлся английским, а с 1936 года — японским «шпионом», Раковский далее полностью дезавуирует свои показания очередным «признанием»: оказывается, японцам он передавал данные об отмене карточной системы и промфинплана, а англичанам — текст составленной Бухариным и Радеком «сталинской» конституции (все это открыто публиковалось в советских газетах!).

Был ли Радек сильным человеком? Вряд ли, хотя справедливости ради скажем, что умирать на поле боя или от пыток перед лицом откровенного врага несравненно легче, нежели быть затравленным теми людьми, которые считались твоими товарищами по партии, единомышленниками. Но по дьявольскому замыслу устроителей политических процессов 30-х годов именно на эту голгофу пришлось взойти многим старым большевикам. Радеку же — как, впрочем, и многим другим — горькую чашу унижения пришлось испить дважды.

Август 1936 года. В газетах публикуются материалы процесса над группой Зиновьева — Каменева. Члены ленинского Политбюро сознаются во всем: в государственной измене, организации террористических актов, убийстве Кирова. 21 августа в «Известиях» появляется статья Радека, где подсудимые называются «фашистской бандой», «мразью», «бандой кровавых убийц», для которых автор статьи требует смертной казни. Знал ли Радек, когда писал эту статью, что на газетной полосе она появится рядом с признаниями Каменева, превращающими его, Радека, в одного из членов «заговора»?

За Радеком пришли дождливой сентябрьской ночью. Уходя, он успел крикнуть дочери: «Что бы про меня ни говорили — не верь».

На процессе, проходившем в январе 1937 года, он признал все. И то, что был агентом японской разведки, и что готовил убийство Сталина, и что договорился с Троцким отдать Украину немцам и реставрировать капитализм.

Родная газета «Известия» написала о нем: «...непревзойденный циник, растленный, искусившийся в измене Родине, сделавший своей профессией шпионаж в пользу фашистских государств...» Так бумеранг лжи и малодушия, пущенный когда-то Радеком в подобной же статье, вернулся и ударил его самого.

Сегодня еще закрыты архивы по тем процессам, но мы знаем кто и как допрашивал Радека. Это был молодой, лет двадцати семи следователь, сын известного чекиста Кедрова. (Пройдет несколько лет, и он погибнет вместе с отцом под колесами все той же машины террора.) Допрос сводился к оскорблениям

и угрозам — крики «контрреволюционер», «гадюка» перемежались с обещаниями скорого расстрела. Потом, чтобы сломить окончательно, знакомили с показаниями товарищей, уже во всем сознавшихся.

Радеку дали 10 лет лагерей. На единственном свидании с женой после процесса он ответил на ее недоуменные вопросы: «Так было нужно». Узнав, что дочь прийти на свидание отказалась, промолвил: «Я это знал». Писатель А. Рыбаков ошибся — Радека не расстреляли в 1939 году.

Его убили в лагере подсланные уголовники спустя два года после процесса. Карлу Радеку не было тогда и 55 лет.

Григорий Полегаев

Югославы и Коминтерн

В 30-е годы сталинские репрессии обрушились на политических эмигрантов из Югославии. Из 900 югославов, живших тогда у нас, было репрессировано около 800. Данные эти, сказать по совести, весьма приблизительные, ибо до сих пор историки двух стран затрудняются назвать точную цифру. Известно, например, что в застенках НКВД погибли 25 членов ЦК КПЮ. Жертвами репрессий стали основатели Компартии Югославии Филип Филипович и Сима Маркович, генеральный секретарь ЦК партии Милан Горкич. Несколько руководящих деятелей КПЮ, как полагают югославские историки, были уничтожены в Испании, когда они сражались в рядах республиканцев. До сих пор существуют разные версии гибели в Испании члена Политбюро ЦК КПЮ Благое Паровича.

...В разное время и при разных обстоятельствах в СССР в те годы оказались представители нескольких поколений югославских революционеров. Одни учились в России еще в царское время, были близки к российским социал-демократам и не порывали связи с революционным движением на родине. Другие (их оказалось большинство), попав в плен в годы первой мировой войны, были свидетелями Октября и активно в нем участвовали. В гражданскую войну они сражались в Красной Армии. Например, в 1920 году в Ташкенте находилось несколько сотен югославов. Они издавали газету на сербскохорватском языке, поддерживали связь со своими соотечественниками в Самарканде, Омске, Семипалатинске, Иркутске, с партийной организацией югославов в Москве. Потом многие из них вернулись на родину, включились в деятельность компартии. И снова, теперь уже по заданию КПЮ, они приезжали в СССР. Наконец, были и представители самого молодого поколения, коммунисты, выросшие в тяжелейших условиях нелегальной работы. Чтобы уберечь их от арестов в королевской Югославии и подготовить к предсто-

Григорий Аркадьевич Полегаев — журналист-международник, член редколлегии журнала «Эхо планеты».

ящей борьбе, партия направляла их на учебу в Москву, на работу в Коминтерн.

Замечу, что среди репрессированных югославов были не только политэмигранты, но и те, кто в свое время в поисках хлеба насущного уехал за океан. В годы первых пятилеток они приехали к нам, чтобы помочь становлению экономики первого в мире социалистического государства. Работали, в частности, и на строительстве московского метро. В период чисток многие из них были арестованы и расстреляны. Югославские историки полагают, что было их более 200.

Когда советско-югославские отношения были нормализованы, Н. С. Хрущев направил Тито список югославских деятелей, реабилитированных в 1956 году Верховным судом СССР. В списке было более 100 человек. В конверты с документами были вложены некоторые личные вещи невинно осужденных. Сам Тито, по словам его биографа Владимира Дедиера, не любил говорить о том мрачном периоде и старался избегать ответов на конкретный вопрос: как это было? Видимо, потому, что первая седина появилась у него в Москве, в 1938 году...

В 1919 году, когда была создана Компартия Югославии, ее первому руководителю Филипу Филиповичу (партийный псевдоним Бошкович) исполнился 41 год. К тому времени это был закаленный революционер-марксист, известный публицист и ученый. Скрываясь от преследований полиции, в начале века он приехал в Россию. Закончил Петербургский университет, примкнул к «искровцам», был арестован, сидел в «Крестах». Незадолго до выстрела в Сараево вернулся домой, был избран в руководство Сербской социал-демократической партии. Впоследствии это была одна из немногих партий, занявших принципиальную позицию в отношении «мировой бойни».

После образования КПЮ в югославском рабочем движении наступил перелом. Легально партия действовала больше года, но за этот короткий промежуток времени ей удалось добиться значительных успехов. В 1920 году коммунисты участвовали в парламентских выборах, нанеся чувствительный удар по буржуазным партиям. По итогам выборов КПЮ оказалась третьей по значению политической партией в стране. Коммунисты получили 58 депутатских мандатов. Среди депутатов были Филип Филипович, Сима Маркович, Владимир Чопич, Джуро Цвинч, Джуро Джакович... Результаты выборов повергли королевское правительство в панику. Под предлогом, что коммунисты готовят государственный переворот, власти в ночь с 29 на 30 декабря 1920 года издали закон, запрещающий деятельность КПЮ. Депутаты-коммунисты были арестованы...

Филип Филипович вышел из тюрьмы в сентябре 1923 года

и сразу активно включился в политическую работу. Он возглавил деятельность Международной красной помощи. В то время в КПЮ развернулась борьба между «левыми» и «правыми» вокруг национального и крестьянского вопросов. На III конференции КПЮ, проходившей в январе 1924 года в Белграде в глубоком подполье, «левые» оказались в большинстве: их представители Филип Филипович и Владимир Чопич были избраны в руководство партии. Летом 1924 года Филип Филипович приезжает в Москву, участвует в работе V конгресса Коминтерна. На конгрессе, где Филиповича избрали членом Исполкома Коминтерна (ИККИ), он полемизировал с Д. З. Мануильским, который выступил с докладом по национальному и колониальному вопросу.

В те годы руководитель КПЮ многое делает, чтобы нормализовать обстановку в партии, которой грозил раскол. После совещания руководящих кадров КПЮ в Москве в марте 1928 года он возвращается в Югославию, чтобы организовать обсуждение Открытого письма Коминтерна и начать подготовку к IV съезду партии. Коминтерн в Открытом письме членам КПЮ осудил «беспринципность и оппортунистические ошибки» двух фракций. На период до съезда Коминтерн решил распустить руководство КПЮ и образовать временное, во главе с Филиповичем. IV съезд КПЮ состоялся в ноябре 1928 года в Дрездене. От Коминтерна на съезде присутствовали П. Тольятти и Д. З. Мануильский. Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ) представлял Милан Горкич. Среди 26 делегатов съезда были представители и «левых», и «правых»: Филип Филипович, Сима Маркович, Джуро Цвинч, Джуро Джакович. Не хватало лишь Владимира Чопича, который в это время был на учебе в Москве. Но разногласий между фракциями на съезде так и не удалось преодолеть.

На съезде в Дрездене по «совету» Коминтерна были избраны новые руководители партии. В основном они были из рабочих. Политическим секретарем стал Йован Малишич (партийный псевдоним Мартинович). (Он родился в 1902 году, в СССР приехал в 1923 году, через год вступил в ВКП(б). В 1927 году окончил Военно-политическую академию в Москве. В 1932—1935 годах учился в Институте красной профессуры, преподавал философию в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), воевал в Испании. После второй мировой войны, пытаясь выяснить судьбу брата, сестра Йована Малишича приезжала в Советский Союз. Здесь ей сообщили, что Йована приговорили к 15 годам и он умер в лагере.) Кроме Малишича в руководство КПЮ были избраны также известные деятели югославского рабочего движения, как Джуро Джакович и Джуро Салай.

6 января 1929 года король Александр под предлогом «всеми средствами сохранить единство государства и народа» совершил государственный переворот. Конституция 1921 года была отменена, Народная скупщина — распущена. Деятельность всех политических партий объявлялась вне закона. Вся власть сосредоточилась в руках короля. Премьером был назначен его бывший адъютант генерал Петар Живкович. В создавшихся условиях новые лидеры КПЮ призвали коммунистов к вооруженному восстанию. Но такое решение имело трагические последствия: 56 членов партии были убиты, 923 — замучены в полицейских участках, 9325 — арестованы. В период «белого» террора погиб один из руководителей партии Джуро Джакович. В мае 1930 года ИККИ признал, что лозунг о вооруженном восстании был ошибкой. Йована Малишича сняли с поста политсекретаря ЦК КПЮ. Была избрана Центральная руководящая инстанция КПЮ во главе с Филиповичем. На этом посту, как отмечала недавно газета «Борба», Филипович «буквально блистал знанием и опытом старого партийного работника и руководителя, далекого от фракционной борьбы».

В начале 30-х годов отношения между КПЮ и Коминтерном осложнились. Видимо, дала о себе знать атмосфера подозрительности и недоверия, насаждавшаяся Сталиным. В апреле 1932 года Филипович (тогда он был членом Президиума ИККИ) был вызван в Москву. До этого, 27 марта 1932 года, ИККИ принял решение отозвать Филиповича с поста руководителя партии. «Дело» Филиповича было начато летом 1933 года. Он, впрочем, как и другие руководители КПЮ, был подвергнут «особой проверке» в Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Затем его отстранили от партийных дел и перевели на работу в Международный аграрный институт старшим научным сотрудником, где он опубликовал несколько интересных работ. Это учебное заведение было превращено в прибежище для коммунистов-иностранцев, впадших в немилость. Лишь благодаря настойчивым усилиям Владимира Чопича он получил возможность вернуться к партийным делам, но ненадолго. В апреле 1938 года его арестовали и приговорили к смертной казни как «участника троцкистского заговора». Арест Филиповича обескуражил живших в Москве югославов, знавших, что он всегда придерживался «линии» Коминтерна. Когда молодые югославские коммунисты подтрунивали над ним, он всегда отвечал: «Я, товарищи, думаю, как Коминтерн». В аресте Филиповича, как считали его товарищи, сыграло свою роль то, что однажды он выразил протест против арестов сподвижников Ленина. Видимо, нашлись те, кто поспешил донести об этом Сталину...

Имя Симы Марковича было надолго вычеркнуто из истории

югославского рабочего движения. Лидера «правого» крыла в КПЮ считали «раскольником», возлагали на него ответственность за поражения, которые терпела партия. Лишь в последние годы, когда из истории Югославии одно за другим стираются «белые пятна», вновь заговорили о деятельности этого видного революционера.

Сима Маркович (партийный псевдоним Семич) родился в Крагуеваце 8 ноября 1888 года в семье преподавателя географии и директора гимназии Милоша Марковича. Отец Симы был учеником Светозара Марковича, создателя и лидера Сербской радикальной партии. В своей биографии Сима Маркович писал: «Отец воспитывал нас в духе непримиримости к реакции. В 1903 году (после убийства сербского короля, последнего из династии Обреновичей) политическая жизнь в Сербии начала бурно развиваться. Возникло массовое движение университетской молодежи. В литературном обществе в гимназии я написал свой первый политический реферат на тему «В чем спасение балканских народов?». В нем я соглашался с идеей создания союза балканских народов против вмешательства русского царизма и австро-венгерской монархии в дела Балкан».

После окончания гимназии Сима Маркович поступил в Белградский университет, изучал философию и математику. В 1907 году он стал членом Сербской социал-демократической партии, поддерживал ее левое крыло, возглавлял молодежную организацию партии. Во время первой мировой войны, когда руководители партии эмигрировали во Францию и Англию, Сима Маркович остался на родине. После войны вместе с Филипом Филиповичем участвовал в подготовке съезда Сербской социал-демократической партии, на котором было принято решение о преобразовании в единую Компартию Югославии. На II съезде КПЮ Сима Маркович был избран одним из ее секретарей. В 1920 году он — лидер коммунистической фракции в парламенте. 22 декабря 1920 года на его учредительном заседании Сима Маркович выступил против того, чтобы каждый депутат принес присягу на верность королю. Председатель парламента, лидер сербских радикалов Никола Пашич, лишил его слова. В знак протеста депутаты-коммунисты покинули заседание.

Через год во главе делегации КПЮ Сима Маркович участвует в работе III конгресса Коминтерна, выступает с сообщением о положении в партии, которое возникло после запрета КПЮ. На конгрессе его избрали членом ИККИ. Из Москвы он едет в Вену. Там тогда располагался заграничный Исполком ЦК КПЮ, действовавший параллельно с резервным Исполкомом, находившимся в Югославии, в подполье. В июле 1922 года в Вене состоялась первая конференция КПЮ. Проходила она в жарких

спорах между представителями двух фракций в партии. «Левые» вопреки реальному положению вещей считали, что «мировой капитализм переживает кризис» и поэтому предлагали «создать единый фронт революционной борьбы против королевского режима». Сима Маркович предостерегал «левых» от поспешных выводов, говорил, что «революция в Югославии временно отложена», подчеркивал важность легальных методов работы. Это шло вразрез с тогдашними установками Коминтерна. После конференции, на которой верх одержали сторонники Марковича, присутствовавший на ней в качестве представителя Коминтерна Воислав Вуйович (другим представителем был немецкий коммунист Фриц Геккерт) направил в ИККИ письмо с просьбой скорейшего рассмотрения «югославского вопроса», ибо, как он считал, ситуация в партии сложилась угрожающая. Сима Маркович не смог присутствовать на IV конгрессе Коминтерна, где обсуждалась ситуация в КПЮ. 23 сентября 1922 года, когда по заданию партии он возвращался из Вены на родину, на вокзале в Мариборе (Словения) его арестовала полиция.

Между тем в КПЮ продолжалась ожесточенная полемика между «правыми» и «левыми». Спор шел в основном вокруг решения национального вопроса в Югославии. Из КПЮ дискуссия перекочевала в Коминтерн. На пленуме ИККИ в 1924 году Симе Марковичу (к тому времени он вышел из тюрьмы) пришлось отстаивать свою точку зрения на национальный вопрос в полемике со Сталиным. Затем она продолжилась в марте — апреле 1925 года на заседании специально сформированной комиссии по «югославскому вопросу». Ее возглавлял В. Коларов. Среди членов комиссии были М. В. Фрунзе, Н. А. Скрыпник, А. Грамши, Г. Димитров. Комиссия заседала почти две недели. Слово брали Сталин, Зиновьев, Мануильский, Скрыпник, Димитров и Коларов. Выступления сводились главным образом к критике позиции лидера «правых» в КПЮ. Особенно острым был обмен репликами между Марковичем и Мануильским. Маркович считал, что национальный вопрос можно решить и в рамках буржуазного государства, путем конституционных реформ, предоставив широкие национальные свободы вплоть до автономии, но в рамках существующих границ. Сталин смотрел на это по-другому...

На III съезде КПЮ, состоявшемся в Вене в мае 1926 года, две фракции в партии попытались «замириться». Было принято компромиссное решение: руководителями КПЮ от «правых» стал Сима Маркович, от «левых» — Джуро Цвиич. «Меня против воли избрали секретарем Центрального Комитета, где «левые» были в большинстве, но я не питал к ним доверия, — напишет позднее Сима Маркович. — Новый состав ЦК был не дееспосо-

бен...» В 1928 году лидеры партии отправились в Москву для участия в совещании руководящих кадров КПЮ. Ехали они разными путями. Часть делегации, в которой находился Сима Маркович, была задержана в Граце (Австрия) и передана югославской полиции. На IV съезде позиция Симы Марковича снова подверглась резкой критике. Против лидера «правых» выступили П. Тольятти и Д. З. Мануильский. После государственного переворота 1929 года, когда ЦК КПЮ выдвинул лозунг вооруженного восстания против «кровавого абсолютистского режима», за «установление власти рабочих и крестьян», Маркович директиву ЦК не поддержал, назвав ее «авантюрой». Его обвинили в «правом уклоне» и исключили из партии. ЦК принял решение, чтобы Маркович ехал в Москву для «разбора обстоятельств дела». Тот долго колебался и наконец решился: в начале 1935 года он вместе с женой Браной на автомобиле своего друга белградского промышленника Панича отправился в Вену, а оттуда в Москву. В Коминтерне, как отмечала газета «Борба», Маркович должен был выступить с самокритикой, признать ошибки. Он трижды писал объяснения, но всякий раз они отвергались. Четвертая «попытка» стала удачной. Во время VII конгресса Коминтерна (1935 г.) делегация КПЮ решила восстановить Симу Марковича в партии. Но к партийной работе его уже не допускали. Он был научным сотрудником Института философии Академии наук в Москве, какое-то время работал в Одессе. В июле 1938 года его по сфабрикованному обвинению приговорили к 10 годам тюрьмы. При каких обстоятельствах он умер, неизвестно. Существует версия, что Сима Маркович погиб, когда его этапировали из Владимирской тюрьмы в Сибирь, в лагерь. Трагична была и судьба супруги Марковича. После войны, когда возник конфликт между Информбюро и КПЮ, ее посадили в лагерь для «информбюровцев» на острове Святой Гргур...

Одним из первых среди югославских коммунистов был арестован генеральный секретарь ЦК КПЮ Милан Горкич. В июле 1937 года его вызвали из Парижа, где тогда находилось руководство партии, в Москву. Некоторые пытались уговорить Горкича не ездить, предчувствуя, чем это может кончиться.

О том, что происходило в Париже в руководстве КПЮ в ту пору, подробно рассказано в книге «Баланс советского термидора», которая недавно, спустя полвека, была издана в Югославии. Несколько слов о ее авторе — Живоине Павловиче. Летом 1937 года он был одним из ближайших соратников Горкича, руководил изданием газеты ЦК «Пролетер». После ареста генсека его освободили со всех постов, исключили из партии. В феврале 1940 года он вернулся в Белград и стал работать в пресс-бюро правительства. Тогда-то он и написал эту книгу, на которую, кстати,

спорах между представителями двух фракций в партии. «Левые» вопреки реальному положению вещей считали, что «мировой капитализм переживает кризис» и поэтому предлагали «создать единый фронт революционной борьбы против королевского режима». Сима Маркович предостерегал «левых» от поспешных выводов, говорил, что «революция в Югославии временно отложена», подчеркивал важность легальных методов работы. Это шло вразрез с тогдашними установками Коминтерна. После конференции, на которой верх одержали сторонники Марковича, присутствовавший на ней в качестве представителя Коминтерна Воислав Вуйович (другим представителем был немецкий коммунист Фриц Геккерт) направил в ИККИ письмо с просьбой скорейшего рассмотрения «югославского вопроса», ибо, как он считал, ситуация в партии сложилась угрожающая. Сима Маркович не смог присутствовать на IV конгрессе Коминтерна, где обсуждалась ситуация в КПЮ. 23 сентября 1922 года, когда по заданию партии он возвращался из Вены на родину, на вокзале в Мариборе (Словения) его арестовала полиция.

Между тем в КПЮ продолжалась ожесточенная полемика между «правыми» и «левыми». Спор шел в основном вокруг решения национального вопроса в Югославии. Из КПЮ дискуссия перекочевала в Коминтерн. На пленуме ИККИ в 1924 году Сима Марковичу (к тому времени он вышел из тюрьмы) пришлось отстаивать свою точку зрения на национальный вопрос в полемике со Сталиным. Затем она продолжилась в марте — апреле 1925 года на заседании специально сформированной комиссии по «югославскому вопросу». Ее возглавлял В. Коларов. Среди членов комиссии были М. В. Фрунзе, Н. А. Скрыпник, А. Грамши, Г. Димитров. Комиссия заседала почти две недели. Слово брали Сталин, Зиновьев, Мануильский, Скрыпник, Димитров и Коларов. Выступления сводились главным образом к критике позиции лидера «правых» в КПЮ. Особенно острым был обмен репликами между Марковичем и Мануильским. Маркович считал, что национальный вопрос можно решить и в рамках буржуазного государства, путем конституционных реформ, предоставив широкие национальные свободы вплоть до автономии, но в рамках существующих границ. Сталин смотрел на это по-другому...

На III съезде КПЮ, состоявшемся в Вене в мае 1926 года, две фракции в партии попытались «замириться». Было принято компромиссное решение: руководителями КПЮ от «правых» стал Сима Маркович, от «левых» — Джуро Цвиич. «Меня против воли избрали секретарем Центрального Комитета, где «левые» были в большинстве, но я не питал к ним доверия, — напишет позднее Сима Маркович. — Новый состав ЦК был не дееспосо-

бен...» В 1928 году лидеры партии отправились в Москву для участия в совещании руководящих кадров КПЮ. Ехали они разными путями. Часть делегации, в которой находился Сима Маркович, была задержана в Граце (Австрия) и передана югославской полиции. На IV съезде позиция Симы Марковича снова подверглась резкой критике. Против лидера «правых» выступили П. Тольятти и Д. З. Мануильский. После государственного переворота 1929 года, когда ЦК КПЮ выдвинул лозунг вооруженного восстания против «кровавого абсолютистского режима», за «установление власти рабочих и крестьян», Маркович директиву ЦК не поддержал, назвав ее «авантюрой». Его обвинили в «правом уклоне» и исключили из партии. ЦК принял решение, чтобы Маркович ехал в Москву для «разбора обстоятельств дела». Тот долго колебался и наконец решился: в начале 1935 года он вместе с женой Браной на автомобиле своего друга белградского промышленника Панича отправился в Вену, а оттуда в Москву. В Коминтерне, как отмечала газета «Борба», Маркович должен был выступить с самокритикой, признать ошибки. Он трижды писал объяснения, но всякий раз они отвергались. Четвертая «попытка» стала удачной. Во время VII конгресса Коминтерна (1935 г.) делегация КПЮ решила восстановить Симу Марковича в партии. Но к партийной работе его уже не допускали. Он был научным сотрудником Института философии Академии наук в Москве, какое-то время работал в Одессе. В июле 1938 года его по сфабрикованному обвинению приговорили к 10 годам тюрьмы. При каких обстоятельствах он умер, неизвестно. Существует версия, что Сима Маркович погиб, когда его этапировали из Владимирской тюрьмы в Сибирь, в лагерь. Трагична была и судьба супруги Марковича. После войны, когда возник конфликт между Информбюро и КПЮ, ее посадили в лагерь для «информбюровцев» на острове Святой Гругур...

Одним из первых среди югославских коммунистов был арестован генеральный секретарь ЦК КПЮ Милан Горкич. В июле 1937 года его вызвали из Парижа, где тогда находилось руководство партии, в Москву. Некоторые пытались уговорить Горкича не ездить, предчувствуя, чем это может кончиться.

О том, что происходило в Париже в руководстве КПЮ в ту пору, подробно рассказано в книге «Баланс советского термидора», которая недавно, спустя полвека, была издана в Югославии. Несколько слов о ее авторе — Живоине Павловиче. Летом 1937 года он был одним из ближайших соратников Горкича, руководил изданием газеты ЦК «Пролетер». После ареста генсека его освободили со всех постов, исключили из партии. В феврале 1940 года он вернулся в Белград и стал работать в пресс-бюро правительства. Тогда-то он и написал эту книгу, на которую, кстати,

власти королевской Югославии моментально наложили запрет. Павловичу все же удалось вынести из типографии несколько экземпляров. Один сохранился до наших дней. В 1941 году после оккупации Югославии Павлович оказался у себя на родине, в сербском городе Ужице. Тогда там была образована партизанская «Ужицкая республика». Павловича арестовали. Милован Джилас, видевший его после допросов, позднее вспоминал: «Тито мне сказал, что Павлович — полипейский доносчик. Тот категорически это отрицал, даже несмотря на то, что его страшно били». Незадолго до того как «партизанская республика» пала, Павлович был расстрелян... В небольшом селе на Златиборе, что неподалеку от Ужице, есть могила. В ней похоронены родители Павловича и их сын. На надгробном памятнике — портрет Живоина Павловича. Говорят, что один из тех, кто его расстреливал, жив до сих пор...

Перелистаем страницы книги. «В конце июля 1937 года в разгар кампании против «троцкистских и бухаринских гиев», — пишет Павлович, — Коминтерн вызвал Милана Горкича в Москву. Не сомневаясь, что его там ждет, а больше рассчитывая на свои большие связи в Коминтерне, он безотлагательно уехал и прямо на вокзале был арестован. Несколько дней спустя партия получила указание из Москвы отстранить меня от партийных и прочих дел как «горкичевца». Тогда нам стало ясно, что произошло с ним. По распоряжению из Москвы в руководстве партии началась охота на «горкичевцев», «бухаринцев», «троцкистов» и прочих «врагов народа». Была изъята из продажи и сожжена книга Горкича «По новому пути», содержавшая, как утверждали в Коминтерне, «провокационные выпады». Факт ареста Горкича скрывали не только от рядовых членов партии, но и от членов ЦК, находившихся в Париже».

Поводом для ареста Горкича, как считает Живоин Павлович, послужило следующее: по решению Коминтерна, КПЮ должна была набрать 3 тысячи добровольцев для войны в Испании. Под большим секретом в Марселе был зафрахтован французский пароход «Корсика», который 2 мая 1937 года отправился в югославский город Котор на Адриатическом побережье. Операция обошлась Коминтерну в полмиллиона франков. О ней знало только Политбюро и... полиция в Белграде. В Которе несколько сотен добровольцев, в их числе член руководства партии Адольф Мук, были арестованы. Кто был провокатором, установить так и не удалось. Вину за провал операции свалили на Горкича. По мнению Живоина Павловича, истинная причина ареста генсека заключалась в другом: в 1926 году Горкич был ближайшим другом и соратником Бухарина, когда тот возглавлял Коминтерн.

Белградский еженедельник «Интервью», сославшись на слова Франца Клопчича, словенского коммуниста, проведенного в сталинских застенках 2981 день, сообщил, что первым, кто допрашивал Горкича, был руководитель Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна Зигмас Ангаретис, отправивший многих коммунистов на смерть. Сам Ангаретис позднее покончил жизнь самоубийством.

Горкич погиб, находясь на посту генерального секретаря, когда ему исполнилось 34 года. Подробности его жизни и деятельности стали достоянием гласности в Югославии не так давно. В 1988 году в загребском издательстве «Глобус» вышла обширная монография Ивана Очака «Горкич — жизнь, труд и гибель». И все же споры вокруг отдельных страниц в биографии Горкича не затихают. Согрудник белградского Института международного рабочего движения Бранислав Глигориевич, с которым беседовал корреспондент журнала «Интервью», обратил внимание на то, что в 1932 году (тогда Горкич возглавлял руководство партии) «при его полной поддержке» в Москве среди югославских коммунистов начались первые репрессии. Ученый считает, что именно Горкич настоял на том, чтобы Воислав Вуйович был снят с поста председателя КИМа. Он призывал проявить солидарность с восстанием хорватских националистов в Лике, а потом назвал их террористами. Историк, академик Владимир Дедиер, готовивший к печати IV том своих «Новых приложений к биографии Иосипа Броз Тито», рассказал в интервью газете «Политика», что Коминтерн уполномочил Горкича во время гражданской войны в Испании заниматься «чистой» «непослушных» испанских анархистов.

...Милан Горкич много писал. Около двухсот его статей, десятки брошюр, к сожалению, еще недостаточно изучены.

Рассказывая о коммунистах, ставших жертвами беззакония, нельзя не упомянуть о братьях Цвиич. Старшему — Джуро — было 16 лет, когда за участие в покушении на губернатора Хорватии в 1912 году его отправили на каторгу. В 1920 году коммунист Джуро Цвиич был избран депутатом парламента. Он основал газету «Борба» и семь лет был ее редактором. После запрета компартии уехал в Вену. В период внутрипартийных дискуссий возглавлял фракцию «левых». Ему, как и Филипу Филиповичу, пришлось пройти в Коминтерне «особую проверку». Некоторое время работал в Международном аграрном институте. В 1937 году Джуро Цвиич был арестован и приговорен к смертной казни. Та же участь постигла его брата Штефека, которого схватили по возвращении в Москву из Испании, где он воевал в интернациональной бригаде.

В сталинских застенках погибли и братья Вуйович — Воис-

лав, Гргур и Радомир. Наиболее заметной фигурой был Воислав. Он занимал ответственные посты в КИМе, был членом ИККИ. По ряду вопросов открыто спорил со Сталиным. В 1927 году Воислава Вуйовича, считавшегося сторонником Зиновьева, вызвали в Интернациональную контрольную комиссию, а затем отравили в ссылку. Сохранился текст письма, которое он отправил из ссылки своему другу, французскому коммунисту, работавшему в Коминтерне. Прочитав его: «Если буржуазия хочет истребить коммунистов, ей надо установить такой же режим, который Сталин выдумал для большевиков-ленинцев». Спустя три года Воислава Вуйовича «временно» реабилитировали. Он преподавал в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада, работал все в том же Международном аграрном институте. Арестовали его в 1935 году...

Среди югославских интернационалистов, связавших свою судьбу с Октябрьской революцией, заметной фигурой был Владимир Чопич. Он создавал красноармейские отряды из военнопленных, руководил коммунистической секцией, которую в первые дни советской власти сформировали жившие в России югославы. На родину он вернулся в конце 1918 года и стал одним из лидеров КПЮ. В его биографии есть один примечательный факт. В 1924 году он сидел в одной тюрьме с лидером Хорватской крестьянской партии Степаном Радичем. Радича посадили за то, что он съездил в Москву, где его партия вступила в Крестьянский интернационал. В тюрьме Чопич и Радич часто встречались, беседовали. Но так продолжалось недолго. Вскоре Радича освободили, и он сел в министерское кресло нового правительства. 20 июня 1928 года депутат парламента черногорец Пуниша Рачич в здании Скупщины застрелил двух представителей Хорватской крестьянской партии. Степан Радич был тяжело ранен и вскоре скончался. Имя Степана Радича до сих пор является символом хорватских националистов...

Из Югославии Владимир Чопич переехал в Прагу, работал инструктором Коминтерна, затем был представителем КПЮ в Коминтерне. В 1937 году среди югославских коммунистов в Москве ходили слухи, что Чопич связан с «делом» Тухачевского. Ему удается отправиться добровольцем в Испанию. Там он был комиссаром бригады, отличившейся в боях под Харамои и на Арагонском фронте. В Испании, как сейчас выясняется, Чопич был под постоянным наблюдением. В 1938 году его отозвали в Москву. Говорили, что едет он за «высокой наградой». В марте 1939 года по «делу» Чопича был оглашен смертный приговор.

Об аресте Горкича Тито узнал в Париже, куда приехал в августе 1937 года. Фридрих Вальтер (этот партийный псевдоним,

данный Тито в Коминтерне в 1935 году, он носил до конца войны) был в ту пору организационным секретарем партии. 28 августа он шлет телеграмму в Коминтерн и просит сообщить о судьбе товарища. Ответ из Москвы: «Надо ждать». В конце сентября Тито в телеграмме на имя Вильгельма Пика, члена Секретариата ИККИ и руководителя Балканского секретариата, просит ответить на свой предыдущий запрос. Ответа не последовало.

В июле 1938 года Тито снова в Париже. Стало известно, что его должны вызвать в Москву. В Коминтерне обсуждался вопрос: кому возглавить партию? В Париже Тито встретил своего земляка Иосипа Копинича. С ним он познакомился, работая в Коминтерне в 1935 году. (Коммунист, активный участник революционного движения на австро-венгерском флоте в 1918 году Иосип Копинич жил в Париже под именем Рамона Вальдеса и был помощником военного атташе республиканской Испании. Деятели Коминтерна он был известен под псевдонимом Вокшин. В 1939—1944 годах возглавлял подпольный радиоцентр в Загребе, откуда направлялись шифровки в Москву. Если Копинич подписывал их «Александр», они шли Димитрову, если внизу стояло «Стефан», то шифровки вручали лично Сталину... Сейчас Копиничу 80 лет, живет в городе Пула. Несколько лет назад в Югославии впервые вышли в свет его воспоминания. Власти, кстати, долгое время не решались их опубликовать.)

...В те дни в Париже находился с визитом английский король Георг VI. Тито опасался ареста, ибо французская полиция повсюду искала «подозрительных лиц». Копинич обратился к своему шефу, военному атташе, с просьбой приютить друга. Атташе хотя и был маркиз, но взгляды у него были антифашистские. Тито поселился у него на вилле. Чтобы поторопить события, он решает написать в Москву, Георгию Димитрову. «Я уже целый месяц в Париже, жду твоего вызова, — сообщал Тито. — Положение в партии требует, чтобы наш вопрос был решен как можно скорее. Поэтому прошу тебя сделать все, чтобы я получил разрешение на въезд...» Передать письмо Димитрову он попросил Копинича, который уезжал в Москву.

О том, что происходило в Москве, Копинич рассказывает:

«...Димитров меня внимательно выслушал, но ничего не комментировал. Прочитав письмо, покачал головой и попросил обратиться к товарищу Белову (Дамянову), тоже болгарину, отвечавшему в Коминтерне за кадры. По длинному коридору я отправился к Белову. Тот слушать меня до конца не стал, прервал: «Ничем не могу помочь. Против Вальтера выдвинуты обвинения, и, пока все не выяснится, вмешиваться не могу». Я страшно удивился и сказал, что сообщу об этом Димитрову, который

ничего не говорил мне о каких-либо обвинениях. Белов пожал плечами, и я снова отправился к Димитрову. Ему изложил все, что слышал. Он меня спросил: «Что ты предлагаешь сделать?» «Предлагаю вызвать Вальтера в Москву и на месте во всем разобраться».

Димитров с Копиничем согласился и посоветовал обратиться сначала к представителю ВКП(б), но не к Д. З. Мануильскому (авторитет его в Коминтерне стал падать, ибо он в свое время поддерживал Горького), а к его заместителю А. А. Андрееву, осуществлявшему связь между Коминтерном и Сталиным. По словам Димитрова, Андреев был связан и с НКВД. «Только русские могут дать разрешение», — заметил Димитров.

«Я добрался до Андреева, — вспоминал Копинич. — Узнав о причине моего прихода, Андреев с доброжелательностью в голосе сказал: «Все будет в порядке, только сперва нужно выяснить некоторые вопросы» — и показал несколько телеграмм».

Кто прислал эти телеграммы, что в них было? Копинич рассказывал, что телеграммы поступили из Парижа от руководства так называемого «параллельного центра КПЮ» и от Ивана Сребрянки, югослава, работавшего на НКВД. (Владимир Дедиер на страницах газеты «Политика» рассказал, что НКВД в те годы часто прибегало к «услугам» югославов. Они, например, выкрали часть архива Троцкого в Париже и, по его словам, были причастны к смерти Льва Седова — сына Троцкого. Представителями НКВД при штабе интербригад в Испании тоже были югославы. Шефом был Роман Филипчев из Воеводины, а его заместителем — Влайко Бегович. Его имя связывают с гибелью Благое Паровича, который, как сказал Дедиер, считался одним из главных конкурентов Тито при выдвижении на пост генсека.) Тито обвиняли в том, что по его рекомендации руководителем Союза коммунистической молодежи стал Иво Лола Рибар (погиб во время войны при бомбардировке. Однако существует версия, что был застрелен кем-то из партизан, ибо Эдвард Кардель считал его своим соперником), который «далек от коммунистических идеалов, поскольку его отец Иван Рибар возглавлял парламент, когда была запрещена компартия», что из Парижа связь с партией осуществляется через Бориса Кидрича (после войны министр в правительстве Социалистической Югославии, один из вдохновителей югославской системы самоуправления), а он — «сын капиталиста, полицейский агент и провокатор». К тому же подозрение в Коминтерне вызывал факт, что отцы Рибара и Кидрича были членами масонской ложи. В телеграммах также говорилось, что курьер ЦК по связи между Загребом и Парижем Герта Хаас (мать второго сына Тито — Мишо Броза, родившегося в 1941 году) — «агент гестапо», что КПЮ существует на

деньги, получаемые от полиции. Утверждалось, что Тито — «подозрительная личность, хуже Горького». Авторы «донесений» предлагали КПЮ распустить, а Тито судить.

Вспоминает Иосип Копинич:

«Андреев молчал, потом спросил: «Что же вы предлагаете сделать, Вокшин?» Я решительно ответил, что мне помогут наши люди, например Деспотович. (Митар Деспотович был представителем КПЮ в Коминтерне. В период конфликта между Информбюро и Югославией пытался бежать из страны и был застрелен на венгерской границе. По другой версии, умер в лагере на Голом острове. Его жена, русская, до войны работала в Москве, в цензуре. После войны — секретарша у Карделя, в 1948 году была выслана из Югославии.) «Дайте мне полтора месяца и разрешение посмотреть архивы Коминтерна. Я найду достаточно материала, и вы увидите, кто действует в интересах партии, а кто против нее. А тем временем вызовите Вальтера в Москву и разберитесь...»

В архиве Коминтерна Копинич проработал две недели и составил подробный, на 40 страниц, отчет, в котором высказал мнение о положении в КПЮ, о Тито как о руководителе, пользующемся авторитетом в партии, у рабочих. Затронул он и деятельность в партии Петко Милетича, которого кадровая комиссия Коминтерна прочила в генсеки. В архиве Копинич обнаружил донесения ветеранов партии в Коминтерн, в которых говорилось, что в 20-е годы Милетич, будучи арестованным, дал согласие работать на полицию... Копинич благодаря своей деятельности в Испании заслужил высокую репутацию в Коминтерне, и поэтому его отчет сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе Тито.

24 августа 1938 года Тито приехал из Парижа через Стокгольм в Москву. Поселился в гостинице «Люкс» (ныне «Центральная»). Там же жили вернувшийся из Испании Владимир Чопич и Камило Хорватин, один из членов руководства КПЮ. В издательстве Коминтерна всем троим поручили заняться переводом на сербохорватский язык «Краткого курса истории ВКП(б)». «В Москве, — вспоминает Копинич, — Тито был под постоянным присмотром НКВД. В издательстве шефом у Тито был тогда болгарин Иван Караиванов. Люди из НКВД мне рассказывали, что он направлял им письменные донесения о своих беседах с Тито. В НКВД меня спрашивали, точные ли это донесения или Караиванов все выдумывает?» (В одной из бесед с корреспондентом газеты «Политика» Владимир Дедиер сообщил: Копинич мне однажды рассказал, что у него хранятся документы, подтверждающие, что в НКВД решили Тито арестовать. Разумеется, я спросил его, не может ли он дать мне эти

документы. Копинич поколебался, а потом ответил, что как-нибудь покажет. Когда он ездил в Белград на представление своей книги, в его дом в Пуле нагрянул спецотряд милиции с обыском. Даже стены сверлили специальными сверлами, искали документы. Копинич тогда заявил протест властям, даже сообщил номера милицейских автомобилей (их запомнили соседи), но ответа не получил. Один член Президиума СФРЮ сказал мне, что Иосип Врховец (бывший руководитель Хорватии) ему как-то признался, что милиция действовала по его приказу.)

В Коминтерне между тем решалась судьба КПЮ и ее нового генсека. Тито несколько раз вызывали на заседания контрольной комиссии. Дело в том, что в переводе «Краткого курса», который он редактировал, обнаружились «серьезные политические ошибки», и Тито обвинили в троцкизме. По этому же обвинению в октябре 1938 года арестовали Чоича, а вслед за ним Хорватина. Жизнь Тито висела в буквальном смысле на волоске. Спустя много лет, вспоминая о пребывании в Москве, Тито скажет, что это были самые тяжелые дни в его жизни. Особенно страшно было по ночам, когда из гостиничного коридора доносились крики, плач жен и детей арестованных коминтерновцев. Рассказывает Владимир Дедиер: «Впервые я встретился с Тито в Белграде. Ко мне домой его привели Милован Джилас и Иво Лола Рибар. Тито и я ночевали в одной комнате, разговаривали до рассвета. Утром я заметил, что у него крашенные волосы, а одна седая прядь осталась. Я ему сказал: «Слушай, друг, у тебя видны седые волосы. Покрась, а то попадешься полицейскому, сразу заподозрит, что ты нелегал». Позднее, когда я писал биографию Тито, он мне признался, что первая седина появилась у него в Москве, в гостинице «Люкс», где он всякий раз по ночам ожидал ареста».

«За то, что меня не арестовали, я должен благодарить Димитрова. Он мне доверял, считал, что возглавить руководство партии надо мне. Тогда сомневались в каждом югославе, обвиняли нас в троцкизме. И меня называли троцкистом, но за меня вступился немецкий коммунист Вильгельм Флорин, председатель контрольной комиссии». — делился Тито воспоминаниями со слушателями политической школы СКЮ в 1977 году.

5 января 1939 года на заседании Секретариата ИККИ Тито был вручен мандат на формирование нового ЦК. Перед отъездом из Москвы встретился с Димитровым. Об этой встрече Тито писал: «...Димитрову я высказал мнение, что руководство партии должно находиться в стране и нет смысла сидеть в Париже или Москве. «Какое руководство? — удивился Димитров. — Остался только ты, Вальтер. Хорошо, что хоть ты есть, а то пришлось бы КПЮ распускать».

Из Москвы в Югославию Тито отправился вместе с Копиничем и его женой. В Коминтерне им выдали паспорта на имя канадских граждан югославского происхождения. По «легенде», они должны были ехать в Стамбул, оттуда на «Восточном экспрессе» в Загреб, потом в Италию и на теплоходе в Канаду. В Стамбуле им пришлось задержаться на полтора месяца. «Тито и я, — рассказывает Копинич, — обнаружили, что за нами следят. По-моему, это были англичане. Визы же на въезд в Болгарию мы получить не смогли, ибо сначала надо было иметь транзитные визы через Югославию. В югославское консульство зайти не решались, боясь, что нас могут узнать. Тогда Тито решил ждать курьера ЦК из Загреба, от Эдварда Карделя, который тогда там находился, с новыми югославскими паспортами, разумеется фальшивыми. С ними можно было автоматически получить болгарскую визу. Трижды от Карделя приезжали курьеры с паспортами, и всякий раз Тито был зол: паспорта оказывались совершенно негодными, любой, даже пьяный полицейский или таможенник, мог обнаружить подделку. Я тогда сказал Тито: «Знаешь, Старый (так к Тито обращались товарищи по партии. — *Ред.*), Кардель чего-то замышляет, хочет, чтобы полиция тебя арестовала, и тогда он станет генсеком». Тито понимал, что я прекрасно знаю Карделя, и все-таки был обескуражен. «Не может быть, черт возьми!», — воскликнул он. В Стамбуле мы почти не выходили из гостиницы. Целыми днями только и знали, что проклинали и Карделя, и бога, и всех святых. В конце концов, не дожидаясь нового курьера, Тито решил отправиться дальше в одиночку. В Югославию он поехал через Грецию...»

15 марта 1939 года в Бохине (Словения) Тито провел совещание временного руководства КПЮ. Присутствовали Джилас, Кардель, Ранкович. Было принято решение исключить из партии коммунистов, арестованных в СССР, а также некоторых членов КПЮ, находившихся в Югославии и Франции. Им было предъявлено обвинение в «троцкизме». Это решение было опубликовано в первом номере газеты «Пролетер» весной 1939 года. Газету редактировали Тито, Кардель и Джилас, а ключевые материалы первого номера были утверждены на заседании Политбюро, которое нелегально проходило в доме родственницы Тито — Анны Колар в Словении. По распоряжению Тито расследованием «деяний троцкистов» занялись Джилас и Кардель...

Спустя почти 40 лет Иосип Броз Тито объяснит, что решение об исключении из партии принималось под «мощным воздействием Коминтерна как международного центра мирового коммунистического движения, имевшего огромный авторитет».

Леонид Митрохин

В тройной западне

Судьбы трех индийских интернационалистов-коминтерновцев в годы сталинских репрессий

Судьба политического эмигранта в любую историческую эпоху вряд ли была предметом зависти. Как правило, разведывательно-полицейские органы страны, принявшей попросившего убежища, не оставляли его без внимания. Однако не дает ему покоя и то государство, против которого мятежник решился поднять свой голос.

Те лица, о которых пойдет речь, могли бы смело претендовать на особую роль в мире международных сыскных служб, ибо досье на них хранились в 1920—1930 годах в десятках полиций и разведывательных управлений «цивилизованного» и «нецивилизованного мира»: Франции и Англии, Швеции и Германии, Японии и США, Китая и Британской Индии, Турции и Афганистана. И, разумеется, в Советском Союзе, где они оказались в поисках убежища и где страна их надежд и мечтаний раз и навсегда остановила их бесконечное бегство, раздавив в жерновах сталинской машины уничтожения.

Когда-нибудь скрупулезный историк проследит в деталях их мятежный путь (уж очень колоритны их образы и судьбы), сравнив документы в европейских и американских архивных хранилищах.

Автор же настоящего очерка решился написать о них, работая в индийских архивах, в частности в Национальном архиве Индии в Дели, где обнаружил в фондах английской колониальной разведки обширную документацию об индийских революционерах, в особенности о тех из них, кто после победы Октябрьской революции оказался в Советской России. По-разному складывались их судьбы, многие из них оставались загадкой, ибо при каких-то обстоятельствах их имена вдруг канули в небытие... Многие могли бы прояснить архивы Коминтерна в СССР, но по сей день они остаются за семью печатями. Оставались надежды на то, что когда-нибудь появится доступ и к материалам КГБ;

Леонид Васильевич Митрохин — кандидат исторических наук.

и вот, представьте, — такие времена наступили. От имени Политиздата в Архив КГБ СССР был направлен запрос:

«9 января 1990 г.

Комитет государственной безопасности СССР

Издательство политической литературы ЦК КПСС планирует опубликовать сборник очерков, посвященных зарубежным деятелям Коминтерна. Среди них — очерк публициста, лауреата премии им. Дж. Неру кандидата исторических наук Л. В. Митрохина «Судьба индийских революционеров», в котором рассказывается о жизни и деятельности видных представителей индийской революционной эмиграции в СССР Вирендранатха Чаттопадхья (он же «Чатто»), Абани Мукерджи (он же Обони Мукхарджи) и Амбия Гулам Ахмад Хана Лугани (он же «Лохани»). Все они в разные годы работали в Коминтерне, о чем сохранились сведения в индийских архивах, а также в воспоминаниях индийцев-современников.

В свое время Л. В. Митрохин встречался в Ленинграде с женой профессора Абани Мукерджи Розой Фитингоф, а также с женой Вирендранатха Чаттопадхья Лидией Коруновской, которые сообщили, что в конце 1930-х годов Мукерджи и Чаттопадхья были арестованы органами госбезопасности и их дальнейшая судьба никому не известна.

Что касается Гулама Ахмада Лугани, то, судя по зарубежным справочникам о членах Коминтерна, он также значится среди репрессированных в СССР в 30-е годы.

Просим вас, по возможности, оказать нам содействие в получении справочных или документальных материалов об упомянутых выше трех представителях индийской революционной эмиграции, что позволит автору очерка воссоздать подлинную историческую реальность».

Следует отдать должное оперативности нынешних сотрудников архивов КГБ. Ответа нам не пришлось ждать и месяца; на бланке Комитета государственной безопасности за подписью начальника Архива Н. К. Гриценко мы получили следующую информацию:

«Сообщаем, что в результате проведенной проверки было установлено следующее:

Чаттопадхья Вирендранатх, 1880 года рождения, уроженец г. Хайдарабада (Индия), индус, член Германской компартии с 1927 года, старший научный сотрудник Ленинградского института антропологии и этнографии Академии наук СССР, 15 июля 1937 года был арестован УНКВД по Ленинградской области по подозрению в шпионаже и 2 сентября 1937 года военной колле-

гией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

28 апреля 1956 года определением военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован.

Мухарджи Абони Трайлович, 1891 года рождения, уроженец г. Джаббалпур (Индия), индус, член Индийской революционной партии с 1905 года, член ВКП(б) с 1925 года, профессор Московского государственного университета, 2 июня 1937 года был арестован НКВД СССР по обвинению в подозрении в шпионаже и 25 октября 1937 года определением военной коллегии Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 28 октября 1937 года.

26 мая 1957 года определением военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован.

Лугани Гулям Абиб-хан, 1892 года рождения, уроженец Сирон-Ганж (Индия), индус, член ВКП(б) с 1928 года, редактор-переводчик Всесоюзного комитета радиовещания, 27 февраля 1938 года был арестован НКВД СССР по подозрению в шпионаже и 17 сентября 1938 года военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день.

9 июля 1957 года определением военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован.

Другими сведениями в отношении выше указанных лиц не располагаем».

Как следует из текста, на более подробную информацию рассчитывать не приходится: кроме сухой и предельно сжатой справки об аресте, приведении приговора «в исполнение в тот же день», а также о факте реабилитации, в письме ничего не говорится. А потому ради восстановления справедливости попытаемся воссоздать образы тех, кто в поисках путей спасения собственного народа от угнетения и тирании буквально сами сгорели в горниле противоречивых и непредсказуемых перипетий европейской истории, в которой им была уготована неминуемая фатальная участь...

Пламенный Чатто

Получилось так, что в нашем распоряжении оказалась самая обширная информация о жизни и деятельности Вирендранатха Чаттопадхья, что, по всей вероятности, далеко не случайно. Он происходил из выдающейся семьи представителей индийской национальной интеллигенции, сыгравшей большую роль в освобождении страны от колониального ига. Это —

великая семья, о которой, несомненно, напишут большое исследование. Достаточно сказать, что его сестра Сароджини Найду, ближайшая соратница М. К. Ганди, известная по всей стране как «соловей Индии», занимает особое место в индийской истории; его брат Хариндранатх Чаттопадхья, один из крупнейших поэтов Индии на языке хинди, автор первого перевода «Интернационала» на хинди; младшая сестра — Сухашины Джамбекар, видная деятельница коммунистического движения в Индии, выпускница Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в СССР. Непоколебимые друзья Советской страны, они сделали неизмеримо много для советско-индийского взаимопонимания: Сароджини Найду была президентом Всеиндийского Общества друзей Советского Союза, рожденного в годы Великой Отечественной войны, Хариндранатх — создатель движения «Народного театра Индии», автор одних из лучших произведений в Индии об СССР, Сухашины — организатор многочисленных благотворительных мероприятий в Индии в 1941—1945 годах в поддержку СССР в суровые годы гитлеровского нашествия.

Вирендранатх Чаттопадхья, более известный в истории индийской революционной борьбы как Чатто (так, кстати говоря, обращался к нему в своих письмах Дж. Неру), избрал свой собственный путь борьбы за свободу своего угнетенного отечества. Его увлек путь, увы! ошибочный и бесперспективный, основанный на убеждении — особенно в начале века и в годы первой мировой войны, — что собственными усилиями, без участия враждебных Англии европейских держав добиться индийской свободы невозможно. Отсюда и его решение эмигрировать из Индии, чтобы найти союзников в борьбе и повернуть их против ненавистного британского колониализма.

Начинаются годы его скитаний в различных европейских странах, причем под различными именами. Английской разведке он был известен как Винсент Чаттергон, А. Альфьери, Мохаммед Джафар...

Дни и годы советского этапа жизни Вирендранатха Чаттопадхья позволяют в определенной степени восстановить воспоминания супруги Чатто, видного этнографа, кандидата исторических наук Лидии Эдуардовны Коруновской. Индолог Т. Ф. Девяткина встречалась с Коруновской в Ленинграде незадолго до ее кончины. Т. Ф. Девяткина любезно предоставила в наше распоряжение машинописный текст «Воспоминаний» Л. Э. Коруновской, а также документальные свидетельства.

В свое время автору также довелось встретиться с Л. Э. Коруновской. Это произошло во время посещения Ленинграда моим старым другом из Калькутты, писателем и публицистом

Чинмоханом Сехавависом, автором исследования об индийских революционерах в Советском Союзе, изданного на бенгальском языке.

Когда я вчитывался в скупые строчки «Воспоминаний», передо мной встал облик этой мужественной женщины и я как бы снова слышал ее уверенный, твердый голос, не сломленный суровыми жизненными испытаниями: «Я счастлива, что встретила в жизни такого человека. Я полюбила его и пронесла эту любовь через всю жизнь, до сегодняшнего дня». Это произносила восьмидесятилетняя женщина, обрекая себя на одиночество, и было что-то сакраментальное в каждой ее фразе...

Чатто появился в Институте этнографии Академии наук СССР в начале марта 1933 года. Нового научного сотрудника, окончившего, как потом выяснилось, филологическое отделение Оксфордского университета, а затем получившего диплом доктора по специальности «антропология» в Германии, встретили с большим интересом. Вскоре стало известно и о политической деятельности ученого, в прошлом индийского революционера, которая встретила крайне негативную реакцию со стороны английского правительства, поскольку он возглавлял вместе с другими основанное в 1907—1908 годах Лондонское тайное общество, ставившее своей задачей активную борьбу за национальную независимость Индии. В Лондоне Чатто зарабатывал на жизнь преподаванием языка хинди окончившим Оксфордский и Кембриджский университеты. Основным же его занятием были политика и журналистика.

После террористического акта, совершенного одним молодым индийцем, связанным с Чаттопадхья, последний был вынужден бежать из Англии во Францию, где к этому времени сосредоточились самые активные силы индийской политической эмиграции. В 1910 году индийский демократ вступил в ряды Французской социалистической партии.

В годы европейской эмиграции он редактировал несколько изданий — «Ориент ревью» (Лондон), «Индия индастриал ревью» (Лондон), «Энтиимпериалист ревью» (Берлин), а также публиковал многочисленные статьи по политическим и историческим проблемам, вопросам национально-освободительного движения. В 1932 году в русском переводе вышла работа Чатто «Буддизм на службе империализма» («Революционный Восток», Москва). В том же году Чаттопадхья редактировал английское издание шеститомного собрания сочинений В. И. Ленина для Издательства иностранных рабочих, а в 1933 году — английское издание «Нищеты философии» К. Маркса (вышла в 1935 году). В 1936—1937 годах он готовил к изданию на английском языке «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса.

В начале мая 1917 года Чаттопадхья переехал в Стокгольм, откуда, благодаря связям с интернациональной эмиграцией, установил в сентябре того же года контакт с Петроградом.

Сведения Корунговской о пребывании Чатто в Швеции дополняют материалы индийских архивов разведки.

В документе за август 1920 года (Департамент внутренних дел правительства Индии, август 1920 г. № 110) находим сообщение о том, что Чаттопадхья все еще оставался в Стокгольме. Причем ходили слухи, что он жил на «большевистские деньги», хотя практически существовал на вспомоществования своих шведских друзей. При этом Чатто систематически получал от индийских организаций антибританскую литературу из США. Он также, читаем далее, «обладал планом коммунистического восстания и был уверен в его успехе». По сведениям, этот план он намеревался отправить с доверенным лицом в Индию.

Подобная информация (из Лондона в Дели) передавалась для того, чтобы предупредить власти: в результате победы революции в России «индийские революционеры за рубежом начинали демонстрировать новый раунд действия, что они нашли новых союзников, и, как представляется, новые планы». При этом, к сожалению, справедливо подчеркивалось, что они «совершенно лишены практической возможности, чтобы надеяться на успех коммунистической революции в Индии и, как и прежде, остаются готовыми к тому, чтобы оказаться в положении эксплуатируемых заинтересованными кругами помощников».

В другом сообщении (сентябрь 1920 г., № 71) агентура из Стокгольма доносила, что Чатто намеревался издавать газету «Индийский коммунист». Далее говорилось, что он встречался с Л. Б. Каменевым и через «большевистских курьеров» переписывался с Германией и Россией. И далее: «Его вера полностью сосредоточена на большевиках, которые, как сообщают, готовятся к индийской революции в марте будущего года, на что их деятельность через Бюро Восточной пропаганды направлена с еще большей силой, чем прежде... Чатто также надеется сделать всех индийцев большевиками и надеется приступить к этому вместе с Рабиндранатом Тагором, которого он ожидает в Стокгольме в сентябре или октябре и последние высказывания которого состоят в том, что укрепляют надежды Чатто».

Приехать в Советскую Россию Чатто сумел лишь в 1921 году, когда в Москве в составе индийской делегации он участвовал в работе III конгресса Коминтерна. Визит в Москву оказался неудачным. Утвердившийся в Коминтерне видный деятель индийской революционной эмиграции (в 30-е годы порвал с Коминтерном и с коммунистическим движением в целом) М. Н. Рой, человек эгоистичный и амбициозный, не желал иметь в Комин-

терне столь яркого и образованного человека, как Чаттопадхья.

Вот как об этом вспоминал сам Чатто в одном из своих выступлений: «В 1918 году Воровский прислал мне телеграмму из Петрограда (в Стокгольм.— Л. М.), приглашая меня туда приехать... Я смог только позднее приехать в Москву, Рой же был там уже в 1919 году. Я прибыл на III конгресс Коминтерна в 1921 году с некоторыми индийскими товарищами — Даттой, Лугани, Канкодже. Мы еще не были организованы в партию и надеялись это сделать в Москве. Но Рой окружил себя сетью авантюристов и империалистических агентов и, к сожалению, завоевал тогда доверие ведущих товарищей Коминтерна... Нам пришлось через 11 месяцев уехать, не убедив товарищей в истинном характере Роя и его людей... Выступая против точки зрения Роя, мы написали несколько тезисов по индийскому вопросу и направили их Ленину. В. И. Ленин прислал нам следующие строчки, написанные его рукой на английском языке:

«Товарищам Чаттопадхья, Лугани, Канкодже. Я читал ваши тезисы с большим интересом. Но почему новые тезисы? Я скоро буду говорить об этом с вами. Ваш братски Ленин»*.

Теперь ясно, что наши тезисы были политически в некоторых существенных пунктах неправильными. Мы с нетерпением ожидали интервью с Лениным. Но наши противники саботировали нашу встречу с ним, и мы, опечаленные, возвращались, не поговорив с вождем».

Это заявление подтверждают и все последующие английские источники.

По данным секретной агентуры, Рой сумел убедить советских руководителей в том, что Чаттопадхья «скорее националист, чем коммунист». Группа Роя, читаем далее, была безусловно признана в Москве как истинная коммунистическая группа, на которую Коминтерну следует делать ставку в распространении «большевизма» в Индии. Решение руководства Коминтерна, таким образом, отмечается в отчете разведки в Дели, было принято не в пользу Чаттопадхья и, как писала жена М. Н. Роя Эвелин Рой, «все националисты пусть ищут помощи в другом месте, Интернационал не может содействовать националистическим целям другими путями, кроме как через посредничество коммунистической партии». Под «коммунистической партией» значилась созданная М. Н. Роем в Ташкенте в 1920 году организация, состоявшая из небольшой группы эмигрантов.

* Позднее Чатто остоял, что хранившийся у него оригинал ленинского письма ему не удалось вывезти из Германии. Оно было конфисковано гестапо во время рейда против бюро Антиимпериалистической лиги в Берлине.

Чатто, сторонник непосредственных связей Коминтерна с национальными движениями в колониальных странах, таким образом, уехал из Москвы ни с чем.

Все эти коллизии и противоречия среди восточных представителей при Коминтерне создавали в самих азиатских странах подозрительное отношение как к самому Коминтерну, так и к его индийским и другим представителям.

Тем не менее в декабре 1921 года Чатто основал в Берлине новую организацию — «Индиан ньюс энд информейшн бюро», чтобы вести как открытую пропагандистскую, так и секретную революционную деятельность. Он ставил перед собой задачу создания подлинной коммунистической партии, которая должна была заменить «фиктивную» партию Роя. Главная цель заключалась в формировании центральной Индийской революционной организации в Берлине в противовес соперничающей партии Роя. На его сторону вскоре встали известный мусульманский деятель, дважды встречавшийся с В. И. Лениным, Моулви Баркатулла, а также порвавший с Роем индийский коммунист Абани Мукерджи.

Новь сформированная группа, если доверять английским агентам разведки, ставила перед собой далеко идущие цели и была весьма активной.

Прибыв к Чаттопадхья в Берлин в октябре 1922 года, Баркатулла от имени «революционной партии» направил письмо Г. В. Чичерину в Москву, в котором предлагал, чтобы Федор Раскольников, советский полпред в Кабуле, направил своего агента в Чамарканд, центр наиболее экстремистских, так называемых «хиндустанских фанатиков» в Афганистане, с указанием сформировать среди них действенную организацию. Ставился вопрос о создании в дальнейшем тесных союзнических отношений между Советской Россией, Афганистаном и националистической Индией, с одной стороны, и разнородными племенными районами индийской пограничной территории — с другой (ныне Северо-западная пограничная провинция, Пакистан). В результате при советской поддержке из Чамарканда вскоре стала распространяться созданная там газета на языке урду. В дальнейшем на этой основе возникла организация индийской независимости, в программу которой входило достижение полной индийской независимости и создание Федеративной Демократической республики. Г. В. Чичерин якобы одобрил эту программу, хотя просил, чтобы Чаттопадхья воздержался от открытого участия в руководстве партии (видимо, чтобы не вызывать раздражения все того же Роя).

Чтобы установить непосредственный контакт с сформировавшимися в это время разрозненными индийскими коммунистичес-

кими группами в стране, с секретной миссией в Индию был направлен другой соперник Роя — Абани Мукерджи. В его задачу также входили встречи с руководством Индийского национального конгресса, а также другими организациями, чтобы добиться от них признания Индийской партии независимости в Берлине. Мукерджи в то же время обладал «полномочиями от Коминтерна», стремившегося к консолидации всех эмигрантских сил в мире на единой платформе.

Однако вслед за его прибытием в Индию сторонники М. Н. Роя в Индии получили инструкцию от руководства Коминтерна, в которой Абани Мукерджи предлагалось рассматривать как ненадежного человека и «шпиона». Правда, это не нашло поддержки среди значительных групп индийских революционеров. Мукерджи сумел выработать с некоторыми из них специальный «Манифест», в котором во главу угла ставились ненасильственные способы антиколониальной борьбы и вопросы единства демократических сил Индии, а также содержался призыв к созданию в различных частях страны рабоче-крестьянских партий. Тем не менее о визите «московского эмиссара» из-за провокационных «заведомлений» М. Н. Роя стало известно тайной полиции в Индии и Мукерджи пришлось спешно ретироваться, чудом избежав ареста.

...Как сам визит индийских революционных демократов из Берлина в Москву, так и их контакты и связи в Европе находились в центре внимания английской разведки. В связи с этим большой интерес представляет перехваченное английской агентурой письмо Чагто В. В. Воровскому, с которым он был знаком еще по Стокгольму. Вот его текст:

«Берлин, через Виктора Копла,
3 мая 1921 г.

Дорогой товарищ Воровский,

Настоящее, чтобы представить Вам г-на... который в ближайшем будущем проследует в Москву вместе с индийской делегацией, чтобы принять участие в предстоящем конгрессе.

По всей вероятности, с ним будут два или три других индийских товарища, и я был бы весьма благодарен, если бы Вы предоставили им все возможное содействие в их поездке. Чрезвычайно важно, чтобы они попали в Москву к открытию конгресса. Инструкции относительно их поездки уже были направлены телеграфом из Москвы в местную легацию. Мы были бы чрезвычайно благодарны, если бы Вы разрешили им посылать их корреспонденцию и сообщения через Вашего курьера (со ссылкой на Карахана, комиссара по иностранным делам).

Прошло уже два года с тех пор, как я встречался с Вами в Вашем представительстве в Стокгольме, и я не застал Вас

в январе в Москве, когда там находился. Я надеюсь, что мы снова встретимся или в Москве, или в Риме.

С дружескими приветами,
искренне Ваш
Вирендра Натх Чаттопадхья.

Чтобы избежать ошибок, пожалуйста, проверьте паспорт предьявителя».

...В дальнейшем Чагто удается приехать в Москву на переговоры, но этому предшествовали многие события.

Отношение к зарубежным революционным деятелям, приехавшим в Москву в начале 20-х годов, так же как и в более поздние годы, было, судя по тем же документам английской разведки, далеким от ординарного. Существовали ли для этого реальные основания? К сожалению, отрицать их не приходится. Какими бы, например, ни были предосторожности, предпринимаемые профессиональными разведчиками и контрразведчиками «Интеллидженс сервис», в той же Индии, уже не говоря об английской метрополии, имеются секретные документы спецслужб, свидетельствующие о том, что в среде индийской революционной эмиграции в Советской России, в том числе и работавших в Коминтерне, оказывались завербованные в Дели и в других центрах Британской империи. К числу таковых относился, например, пришедший из Кабула в Ташкент и затем действовавший в Коммунистическом Интернационале молодежи индеец Масуд Али Шах.

Известно и другое: крайне враждебное отношение к индийской революционной эмиграции всей разведывательно-дипломатической службы в колониальной Британской империи, в поле деятельности которой находились США и Латинская Америка, вся Европа и азиатский регион; борьба с индийской антиимпериалистической эмиграцией велась в Китае, Японии, на острове Ява, в Афганистане и, разумеется, в СССР. Известный английский разведчик Ф. М. Бейли в числе других задач осуществлял в Ташкенте, Бухаре, Хиве и ряде районов Афганистана и Синьцзяна (Китай) слежку за главой Временного правительства Индии в Кабуле Раджой Махендрой Пратапом и его соратниками...

В 1922—1923 годах британские колониальные власти в Индии вынуждены были констатировать, что все усилия отгородить Индию «железным занавесом» от воздействия идей марксизма-ленинизма оказались тщетными. В Индии появились первые марксистские группы. Индийские коммунисты, работавшие в Коминтерне, установили контакты среди индийцев как в Индии, так и за границей. Созданный в Англии «Ласкар Уэлффар лиг» (ласкар — моряк. — Л. М.), в котором активную роль играли ин-

дийские и английские коммунисты, сыграл важную роль в доставке марксистской и антиимпериалистической литературы в Индию.

Империалистические власти решают в создавшейся обстановке применить репрессии против индийцев, связанных с коммунистическим движением как в Индии, так и за рубежом. 1 июля 1923 года Главный комиссар Северо-западной пограничной провинции Индии в секретном письме предложил правительству начать «дело о коммунистическом заговоре в Калькутте».

Однако процесс было решено начать в Канпуре, крупном промышленном центре Северной Индии.

Обострению ситуации способствовала также и существовавшая, к сожалению, атмосфера недоверия и подозрительности в Москве среди самих революционных демократов как из стран Европы, так и азиатских регионов. В документах Департамента внутренних дел правительства Индии за июнь 1921 года (№ 287), например, отмечалось, что индийский революционер Далип Сингх Гилл (летом 1919 г. встречался с В. И. Лениным) был арестован «Советским правительством в Москве как шпион», по просьбе того же Берлинского индийского комитета.

В этом же отчете говорилось о том, что Чатто, судя по аналитическим данным разведки, разрабатывал план объединения и координации всей революционной работы под единым руководством. В то же время раздраженный противодействием со стороны М. Н. Роя, он дал телеграмму в Москву о том, что не потерпит никакого внешнего диктата, и пригрозил прервать любые переговоры. «Результатом этого, — читаем в документах, — была телеграмма от самого Чичерина о том, что Берлинский индийский комитет может направить любого, кто готов выехать в Москву на переговоры».

Борьба с М. Н. Роем продолжалась и в 1924 году и позже. И велась она как в Европе, так и в самой Индии. Именно в это время Чатто, видимо отчаявшись убедить руководство Коминтерна в безнадежности сектантских установок на триумф марксистско-ленинских идей на Востоке, все более склоняется к идее вернуться на родину. Он обращается к британскому колониальному правительству с просьбой о выдаче ему паспорта на въезд в Индию или Англию. Об этом мы узнаем из его письма в Форин офис от 9 сентября 1924 года. В нем он сообщил о своем раннем обращении за паспортом к английскому консулу в Берлине, на что был получен негативный ответ и требование месяц за месяцем докладывать о всей своей деятельности, то есть фактически повиниться. Чатто категорически протестовал против этого и сообщал, что он после окончания Берлинского университета и получения в 1923 году диплома доктора философии в Гамбурге по

специальности «антропология» хотел бы по возвращении в Индию заняться научными антропологическими исследованиями и изучением социально-экономических проблем в стране.

Далее в письме-прошении говорилось:

«У меня марксистские взгляды на мир. В 1913 году я был членом «Бронко соушеллист клуб» в Нью-Йорке и часто посещал «Рэнд Скул оф Соушел Сайенсиз» и был учеником американского социолога профессора Лестера Уорда. Я готовился для того, чтобы посвятить себя общественному служению в Индии. По мере того как человек растет и учится, он сам становится объектом развития и перемены, и у меня сегодня сложилось новое мировоззрение по сравнению с тем, каким я обладал несколько лет назад. Я всегда выступал за свободу человечества, и вполне естественно, что я выступаю за политическую, социальную и экономическую свободу индийских масс. Мои статьи в «Хиндустан ревью», «Модерн ревью», «Сервент» и т. д. в Индии подтверждают мои новые взгляды. Но я не куплю свою свободу, жертвуя убеждениями, а поэтому ничего не сделаю ради того, чтобы удовлетворить бюрократию».

Просьба Чатто была отклонена колониальными властями как в Лондоне, так и в Дели.

В 1927 году Чатто — активный организатор Всемирного антиимпериалистического конгресса в Брюсселе, где встречается с Дж. Неру, с которым у него установились крепкие дружественные отношения, о чем свидетельствовала их доверительная переписка. В июле Вирендранатх стал секретарем Всемирного антиимпериалистического конгресса во Франкфурте-на-Майне, на котором был избран членом Генерального совета Антиимпериалистической лиги.

Чаттопадхья в это время, пишет Корунувская, переселяется из Франции в Германию, где вступает в Компартию Германии и работает под руководством Георгия Димитрова. В начале 1933 года в Германии пришли к власти фашисты. Учитывая постоянную возможность ареста, по совету Димитрова Чатто переезжает в Советский Союз. Сначала он работал в одной из секций Коминтерна в Москве, но затем по предложению С. М. Кирова его направили на работу в Академию наук, предложив затем возглавить отдел Индии в Институте антропологии и этнографии.

Великолепное знание европейских и восточных языков, глубокие познания в области изучения первобытного общества, личное обаяние и доброжелательность очень скоро привлекли к нему коллег и сотрудников. К тому же Чатто очень быстро освоил русский язык и говорил на нем практически безупречно.

Помимо непосредственной работы Чатто преподавал хиндустану студентам в Ленинградском Восточном институте, а в уни-

верситете вел курсы по урду, хинди и телугу; кроме того, взял на себя труд по подготовке статей, относящихся к Индии для Большой Советской Энциклопедии.

Работая в Ленинграде, Чатто сохранял связи с Москвой, в первую очередь с Коминтерном, где, судя по его письмам Коруновской за 1935 год, рассматривались какие-то сложные вопросы с его положением в Коминтерне, которые расследовались Интернациональной контрольной комиссией во главе с Ангаретисом. В бумагах Чатто сохранился документ упомянутой комиссии от 10. 11. 1932 г. с пометкой «секретно» «по делу Чаттопадхья о том, что нет данных для обвинения его в политической нечестности». Однако в чем обвинялся Вирендранатх Чаттопадхья, установить пока не удалось, об этом можно только догадываться. По крайней мере, он, обуреваемый какой-то тревогой, многократно выезжал в Москву, чтобы уладить какие-то дела в Коминтерне, пытаясь встретиться с Дмитриевым и Пиком.

О трагической смерти Чатто Коруновской, разумеется, не сообщили, в отделе справок НКВД ей отвечали, что после ареста Чаттопадхья был отправлен в Москву. Многие годы спустя Смольненский загс Ленинграда выдал ей свидетельство от 22 марта 1958 года о смерти Чаттопадхья — ни причин смерти, ни места смерти в нем не указывалось.

«Чатто, — заключает свои воспоминания Коруновская, — покинул свою родину Индию совсем молодым человеком для борьбы за ее освобождение, второй своей родиной он считал родину Ленина — Советский Союз, — которой он верил, которой был предан.

Горечь, неотступная скорбь затаились в сердце, в мыслях о трагическом уходе из жизни этого человека. Май 1970 г.».

Л. Коруновская писала 13 апреля 1965 года исследователю из ГДР д-ру Хорсту Крюгеру:

«Чатто постигла трагическая судьба, он стал жертвой культа личности Сталина. В ночь на 17 июля 1937 года он был арестован, последний привет из отъезжавшей машины, и больше я его не видела и ничего не могла узнать о нем...»

Трагедия профессора Мукерджи

Абанинатх Мукердж также действовал в Европе под разными псевдонимами; английской разведке он был известен как Чарлу и Р. Сахир. Мукерджи родился в Кхульна (Бенгалия) в 1891 году. В 1910 году он уехал в Японию, а затем в 1911 году в Германию, вероятно, на учебу. В 1912 году возвратился

в Индию и снова выехал в Японию в 1915-м. В 1923 году тайно возвратился в Индию как эмиссар революционеров-коммунистов в Берлине. В феврале 1924 года он снова в Европе. Был связан с активными членами Бенгальской революционной партии. Автор книг «Краткая биография Ленина», «Белый террор в Индии», «Сельская Индия», «Индия на переходном этапе» и др. Соавтор ряда обращений и манифестов к ведущим индийским революционным и националистическим организациям с призывом объединить усилия на позициях Коминтерна и революционным насильственным путем покончить с британским колониальным правлением в Индии.

Документы индийских архивов в Дели проливают свет на судьбу этой не менее трагической личности, постоянно находившейся, так же как и Чатто, в поле зрения английской разведки. Сам глава департамента разведки, подполковник Сесиль Кей, а затем сменивший его Дэвид Петри, лично следили за тем, как пополнялось его досье.

Из частного письма, оказавшегося, увы, в полицейском досье, самого Абани Мукерджи от 1 июня 1924 года из Берлина в Лондон на имя английского профсоюзного деятеля Брэмли узнаем, что он называл себя уроженцем Калькутты (Сукеас стрит, 1). Был арестован в Сингапуре в 1915 году в связи с попыткой организации антибританского вооруженного восстания. Срок заключения после ареста Абани отбывал в «Форте» (крепости), откуда спустя полтора года бежал в Голландскую Индию. Убежденный марксист, он вступил в социалистическое движение в 1912 году, находясь на нелегальном положении в Германии. Абани признается в письме Брэмли, что долго размышлял о причинах своих прежних провалов и неудач и, наконец, пришел к выводу, что «массы были не с нами, не могли быть с нами, потому что мы ничего не сделали, чтобы представлять их интересы».

Эта пора возмужания заняла у него три года, после чего он в 1920 году отправился в Россию, где прожил два года, участвовал в различных конгрессах и конференциях III Интернационала, был среди тех, кто организовал в Ташкенте Индийскую коммунистическую партию в России. Однако в первой половине 1922 года у него возникли принципиальные разногласия с руководством Интернационала, в первую очередь с М. Н. Роем, поскольку, по его убеждению, Интернационал все более и более стал служить интересам определенной группы или, точнее говоря, клики и изменил своим первоначальным принципам. Соответственно, отвечал Мукерджи, в связи с моим отказом принять так называемый новый принцип... я был изолирован, после чего уехал из России, чтобы направиться в Индию.

В Индии он оставался под чужим именем около года, где «организовал Рабочую партию, которая там нужна». Изучая условия жизни и психологию масс в этой стране, он нашел их весьма незрелыми, «хотя подспудно зрелыми». «Я пришел к выводу, — пишет он далее, — что говорить о коммунизме с этими людьми, которые еще не определили своих интересов, есть не что иное, как эксплуатировать их новым способом ради чьих-то определенных интересов, что определяется как революционная фразеология. Чтобы объединить эти вечно эксплуатируемые массы, я, несмотря на мои тяжелые условия, организовал Рабочую и крестьянскую партию с штаб-квартирой в Мадрасе. Главный принцип этой партии состоит в том, что она будет открытой организацией индийских трудящихся, будет следовать лозунгу ненасилия, проводить парламентские действия... чтобы защищать интересы трудящихся в Индии. Она будет вести борьбу легальными средствами... не будет принимать никакой иностранной помощи... Будет действовать внутри Конгресса, как действует партия свараджистов».

Однако вскоре Мукерджи узнал, что он исключен из Коминтерна, о чем из-за явно провокационных писем из Европы в Индию стало известно полиции, и Мукерджи пришлось срочно бежать из страны. В марте 1924 года он возвратился в Берлин.

Подчеркивая, что он не представляет никакое правительство или организацию в качестве их представителя, Мукерджи заключал:

«Я работаю ради того, что считаю лучшим для Индии с точки зрения социалистических принципов. Я марксист-социалист и верю в эволюцию общества и народа».

Оторванность от национально-освободительной борьбы в Индии, бесконечные скитания из страны в страну, перемены (не в лучшую сторону) в Коминтерне, по всей вероятности, приводили Мукерджи, так же как и Чатто, к мысли о возвращении на родину. Возможно, случайно, но практически одновременно они подают заявления о легальном возвращении в Индию.

Перед нами «Заявление об амнистии и разрешении возвратиться в Индию, полученное от Абани Мукерджи от 24 июля 1924 года». Этот документ стал предметом рассмотрения министерства по делам Индии в Лондоне. Разумеется, были подняты предыдущие досье. Из документов разведки явствовало, что Абани был активным участником в «Индо-германском заговоре» во время войны, то есть сотрудничал с кайзеровской Германией против Великобритании. Но главным образом отмечался факт его признания своей причастности «к большевистской пропаган-

де» и в особенности то, что он нелегально приезжал в Индию из России без паспорта — под видом моряка и т. п.

Вывод же колониальной администрации в Лондоне был неопределенным: «Наша принятая политика — не давать амнистий индийским мятежникам за границей; но можно, как представляется, разрешить им возвратиться в Индию при условии, если они готовы пойти на риск репрессий за их прошлые проступки, в случае, если это будет сочтено необходимым со стороны правительства. Что касается Бенгалии, то мы рекомендовали отказываться в предоставлении паспортов лицам, чье присутствие может вызвать возражение у местных властей, в особенности в настоящее время. В этой просьбе может быть отказано на тех же основаниях. б. 8. 24».

Итак, в Лондоне старались переложить ответственность на Дели и, в частности, на заключение органов разведки, то есть Сесиль Кея и Дэвида Петри.

Кстати, Сесиль Кей отмечал в своей докладной записке, что Абани Мукерджи прибыл в Индию как эмиссар «антироевской» партии индийских революционеров, что у него были (переснятый английской разведкой) мандат от 21 июня 1921 года на русском и немецком, объявлявший его проверенным делегатом III конгресса Коммунистического Интернационала с правом голоса, а также удостоверение от 31 октября 1922 года, свидетельствующее, что он был членом и одним из секретарей «Индийского комитета помощи России», подписанного в Берлине Баркатуллой и другим видным индийским революционером Бхупендранатом Даттой. Кроме того, отмечал Сесиль Кей, он был связан с «пресловутым революционером» — Чатто. Мандат, как уже отмечалось выше, под влиянием М. Н. Роя был дезавуирован, однако позднее было обнаружено, что Абани Мукерджи находился в переписке с Г. Е. Зиновьевым, и в английской разведке полагали, что, вполне вероятно, в руководстве Интернационала существовала тенденция негласно поддерживать Абани Мукерджи, как противовес М. Н. Рою, а также эмиссара антироевской партии — «Индийской партии независимости» Чатто, Баркатуллы и Б. Н. Датта.

О жене Мукерджи в Советском Союзе, как сообщалось в разведывательном донесении, было известно только ее имя — Роза*.

Заключение Сесиль Кея было следующим: «Мукерджи — определенный сторонник насилия и находится в контакте с Коммунистическим Интернационалом; если ему разрешить возвра-

* Роза Фитягоф работала в секретариате В. И. Ленина, встретила с Абани Мукерджи в Москве и вышла за него замуж.

таться в Индию, он будет следовать этому как пропагандист революционных и большевистских идей. Во имя интересов не только правительства Бенгалии, но и правительства Индии я считаю, что его просьба должна быть непременно отвергнута. Сесиль Кей. 20. 8. 1924».

Судя по всему, приведенные оценки Сесилии Кей совершенно не соответствовали действительности: Мукерджи за эти годы проделал значительную эволюцию в своих взглядах. Если в начале 1920 года мы находим его подпись рядом с фамилией М. Н. Роя и Шанти Деви (американской жены М. Н. Роя) под «Индийским коммунистическим манифестом», призывавшим к немедленному пролетарскому восстанию и недопущению создания в Индии буржуазного правительства, то в дальнейшем его программа приобретает гораздо более умеренные черты. Об этом, кстати говоря, свидетельствуют заключения ведомства Сесилии Кей. Интересно при этом заметить, как оценивался возможный эффект того же «Индийского коммунистического манифеста» на рабочее и крестьянское движение в стране. «Этот призыв,— читаем в отчете разведки,— с его ортодоксальным ленинизмом и его непониманием индийской политики, направленный на возбуждение к восстанию, напоминает письмо, адресованное Лениным Британской лейбористской партии буквально накануне конференции в Скарборо. Это письмо повернуло конференцию против большевизма и всей его деятельности и привело к решительному осуждению Третьего Интернационала. Настоящий призыв может оказать такое же влияние в Индии, если окажется в ее поле зрения. Тем не менее вера его авторов в самобытный большевизм в Индии представляет интерес...»

Как видим, экстремизм определенных представителей индийской революционной эмиграции не только не вызывал опасений в среде британской колониальной администрации, но совершенно конкретно оценивался как беспочвенный и направленный против логики сближения революционных и национально-освободительных сил.

Однако вернемся к делу Мукерджи. Он апеллировал к самым высшим представителям лейбористского правительства, пришедшего к власти после падения консерваторов. Вот текст его письма Рамзею Макдональду, направленного через английское посольство в Берлине:

«Сэр,

С соответствующим уважением я прошу обратить ваше доброжелательное внимание к следующему.

Я — индийский социалист из Калькутты. В течение последних нескольких лет — политический эмигрант в Европе. Прошу

об амнистии за мои прошлые деяния. Я готов подписать любую официальную форму, необходимую для того, чтобы получить свободу и паспорт для возвращения домой с моей женой и ребенком.

Остаюсь и т. д.

26 июня 1924 г.

(Подписано) Абани Мукерджи».

В своем другом заявлении в английское посольство (от 1 июля 1924 г.) в Берлине Мукерджи писал, что «обещает не участвовать ни в какой секретной анархической или террористической деятельности в Индии». Мукерджи писал: «Я социалист и посвящу себя делу экономической и социальной эмансипации индийских масс ненасильственными методами, формируя Трудовую партию внутри движения Индийского национального конгресса».

Но как уже отмечалось, в лейбористском правительстве решили переложить решения на плечи индийского колониального правительства. Там, разумеется, это отлично понимали и направляли в Лондон «нужный» ответ. Вот его текст:

«№ Д. 2695.

Политический отдел,

4 сентября 1924 г.

Секретарю,

Общественный и юридический департамент, Индия офис, Лондон

Предмет: амнистия Абани Мукерджи.

Сэр,

В ответ на ваше письмо № PLI(S) 961, датированное 17 июля 1924 года, мне поручено ответить, что правительство Индии не может согласиться на то, чтобы Абани Мукерджи была предоставлена амнистия, причем ни на каких условиях. Правительство Индии не может питать никакого доверия к любому обещанию Мукерджи, которое он даст о воздержании от дальнейшей революционной деятельности. Оно считает, что, если ему разрешить возвратиться в Индию, он неизменно останется пропагандистом революционных и большевистских идей. Настоящий этап был бы со всей очевидностью крайне неподходящим для того, чтобы разрешить ему возвратиться в Бенгалию... Правительство Индии надеется, что, принимая во внимание недавние сведения о Мукерджи, как показано выше, статс-секретарь (по делам Индии. — Л. М.) согласится, что представлять ему амнистию крайне нежелательно».

Мукерджи в конечном итоге остался в Москве, где спустя годы его противники припомнили ему «колебания» и «отклонения» от твердых марксистско-ленинских позиций и даже отход от пролетарских позиций в пользу «национализма».

Наиболее скухими сведениями мы обладаем о нашем третьем герое, расстрелянном в Ленинграде.

Гулам Ахмад Кибрия Лухани (Голам Амбия Хан Лухани) происходил из Сирираджганджа, бенгальского селения (ныне в Бангладеш). Он родился в 1892 году. Лухани был известен как очень активный и убежденный коммунист. Из Индии уехал в Лондон в 1914 году, чтобы изучать право. В 1920—1921 годах продолжил свое образование в Париже. Английская разведка подозревала его как «курьера» между Москвой и «большевистскими агентами» в Лондоне. В 1921 году Лухани посетил Берлин, где вступил в контакт с Чаттопадхьяя. Одно время возглавлял в Париже отделение информационного агентства М. Н. Роя, работавшего в Коминтерне. Был тесно связан с различными антибританскими эмигрантскими индийскими организациями, действовавшими в различных странах Европы, прежде всего такими, как «Лига благосостояния рабочих Индии» (Уоркерз Уэлфеар лиг фор Индия), Индийская коммунистическая партия, «Комитет в защиту Индии» («Комитэ прохинду») и Индийское бюро в Берлине. По британским разведывательным данным, Лухани предположительно получал «из русских источников» 2000 франков в месяц.

Лухани публиковался в различных коммунистических изданиях, в первую очередь в журнале «Массы Индии», выходившем в Европе.

По сообщениям английской агентуры, он уехал в Москву в ноябре 1925 года, и с этого времени работал как «страстный коммунистический пропагандист».

Недавно автору удалось познакомиться в Москве с секретарем ЦК Коммунистической партии Бангладеш Матиур Рахманом, который передал нам для публикации портрет Лухани. Он также сообщил адрес жены Лухани в Париже.

Матиур Рахман надеется написать о Лухани книгу, которая, будем надеяться, восстановит утраченные страницы из жизни бенгало-бангладешского революционера...

* * *

Нельзя скрывать правду истории, тем паче что приведенные выше сведения — часть нашей общей трагической истории, наших общих утрат, от которых не отмахнешься.

Викентий Матвеев. От противостояния к взаимодействию... 3

СОБЫТИЯ

<i>Владен Сироткин.</i> От «военного коммунизма» к нэпу. Международная обстановка	46
<i>Лев Безыменский.</i> Альтернативы 1939 года. Вокруг советско-германского пакта 1939 года	76
<i>Лев Безыменский.</i> После пакта	99
<i>Михаил Семиряга.</i> Ненужная война	112
<i>Валентина Парсаданова.</i> К истории катынского дела	134
<i>Жан Лякутиор, Ролан Мель.</i> «Кремлевский маршал». Переговоры Сталина и де Голля в Москве в декабре 1944 года	154
СССР — Югославия: год 1948-й...	166
<i>Николай Федоренко.</i> Визит Н. Хрущева в Пекин	180
<i>Александр Уминов.</i> Цена догмы	193

ЛЮДИ

<i>Владимир Соколов.</i> «Я не признаю себя виновным». Полпред СССР в Германии Николай Крестинский	202
<i>Георгий Драгунов.</i> Новые факты о гибели В. В. Воровского	244
<i>Владимир Соколов.</i> О жизни и дипломатической работе Я. А. Берзина (Берзиньш)	260
<i>Зиновий Шейнис.</i> Судьба дипломата. Штрихи к портрету Бориса Штейна.	286
<i>Борис Старков.</i> О тех, кто сражался против смерти. Из истории советской военной разведки	312
<i>Лоллий Замоиский, Юрий Нежников.</i> У роковой черты. Советская разведка накануне войны	325
<i>Эльмар Гусейнов, Владлен Сироткин.</i> Лицо и маски Карла Радека	343
<i>Григорий Полегаев.</i> Югославы и Коминтерн	349
<i>Леонид Митрохин.</i> В тройной западне. Судьбы трех индийских интернационалистов-коминтерновцев в годы сталинских репрессий	364

Архивы раскрывают тайны...

Составитель **Н. В. Попов**

Заведующий редакцией **А. В. Никольский**

Редактор **Г. С. Пружинин**

Художник **Ю. Н. Маркаров**

Художественный редактор **Е. А. Андрусенко**

Технический редактор **И. А. Золотарева**

ИБ № 8716

Сдано в набор 19.04.91. Подписано в печать 17.09.91. Формат 60x84 1/16.
Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,02. Уч.-изд. л. 25,07. Тираж 75 тыс. экз. Заказ № 1874. Цена 3 р. 70 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

**Рижский
мир**

**Ненужная
война**

**„Кремлевский
маршал“**

**Были ли
накануне
войны
альтернативы?**

3 р. 70 к.

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ВОПРОСЫ:
СОБЫТИЯ
И ЛЮДИ**

**Архивы
раскрывают
тайны...**